

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛИТЕРАТУРА САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Учебное пособие

Ответственный редактор
доктор филологических наук Е. А. Иконникова

Рекомендовано ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» в качестве учебного пособия по дисциплине «Литературное краеведение Сахалинской области» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям 45.03.01 «Филология», профиль «Отечественная филология (русский язык и литература)», 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Русский язык и литература».
Регистрационный номер рецензии № 2946 от 18 декабря 2014 г. МГУП.

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2014

УДК 821.0(571.64)(075)
ББК 83.3(2Рос-4Сах)я73
Л642

Печатается по решению учебно-методического совета
Сахалинского государственного университета, 2014 г.

Авторский коллектив:

Веднёва Светлана Александровна, кандидат филологических наук;
Дорофеева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук;
Иконникова Елена Александровна, доктор филологических наук;
Корнеева Инна Владимировна, кандидат филологических наук;
Никонова Александра Сергеевна, магистр филологии;
Потапова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук;
Сафонова Анна Алексеевна, член Союза писателей России;
Тарасова Марина Романовна, доктор филологических наук;
Чудинова Виктория Ивановна, кандидат филологических наук;
Шумилова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук.

Ответственный редактор:

Е. А. Иконникова, доктор филологических наук.

Рецензенты:

Высоков Михаил Станиславович, доктор исторических наук;
Костанов Александр Иванович, доктор исторических наук
Перепёлкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук.

Литература Сахалина и Курильских островов : учебное пособие /
Л642 отв. ред. Е. А. Иконникова. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2014. – 258 с.
ISBN 978-5-88811-480-3

В учебном пособии представлены основные материалы по литературному краеведению Сахалина и Курильских островов с середины XVIII до начала XXI века, описаны факты литературного внимания, посещения Сахалина и Курильских островов писателями, поэтами, публицистами, мореплавателями и путешественниками разных национальностей и творческих устремлений. Литература Сахалина и Курильских островов рассматривается как поликультурное, многоязыковое пространство. Основная часть параграфов четырёх глав сопровождается списком рекомендуемой для изучения литературы.

Книга иллюстрирована фотографическими снимками различных изданий из домашних коллекций и архивов авторов пособия, в отдельных случаях снабжена фотографическими изображениями русских писателей, находящихся в свободном интернет-доступе.

Учебное пособие адресовано широкому кругу читателей, но прежде всего краоведам, преподавателям филологических дисциплин, аспирантам и студентам.

УДК 821.0(571.64)(075)
ББК 83.3(2Рос-4Сах)я73

ISBN 978-5-88811-480-3

© Сахалинский государственный
университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Сахалин и Курильские острова в русской литературе имперского периода	10
1.1. Первые произведения русской литературы о Сахалине и Курильских островах	10
1.2. Тема Сахалина в книгах К. М. Станюковича	20
1.3. Сахалинская тема в творчестве В. Г. Короленко: рассказ «Соколинец»	32
1.4. А. П. Чехов и его книга «Остров Сахалин»	45
1.5. В. М. Дорошевич и его сахалинские очерки	56
1.6. Сахалин и Курильские острова в литературе православных священников и епархиальных деятелей	62
Глава 2. Сахалин и Курильские острова в литературе советского и постсоветского периодов	72
2.1. Советский Сахалин в литературе конца 1920–1930-х годов	72
2.2. Сахалин и Курильские острова в литературе XX – начала XXI века	83
2.3. «Сахалинские» книги Геннадия Машкина	92
2.4. Зоя Журавлёва о Курильских островах (повесть «Островитяне»)	100
2.5. Сахалин Анатолия Кима: в жизни и в творчестве	108
2.6. Сахалин в книгах писателей СССР	114
Глава 3. Сахалин и Курильские острова в зарубежной литературе ..	122
3.1. Сахалин и Курильские острова в европейской литературе	122
3.2. Курильские острова в японской литературе	130
3.3. Японские писатели XX века о Сахалине и на Сахалине	135
3.4. Сахалин в литературе на корейском языке	147
Глава 4. Литература на Сахалине и Курильских островах	156
4.1. Мифы и фольклор коренных народов Сахалина. Русский фольклор Сахалина	156
4.2. Тропа жизни – тропа творчества: о писателе Владимире Санги	162
4.3. Сахалинское отделение Союза писателей СССР (России) и его деятельность	170
4.4. Анатолий Тоболяк: жизнь и творчество	178
4.5. Просахалиненное сердце Михаила Финнова: страницы творчества	186
4.6. Линия жизни и творчества Николая Тарасова	196
4.7. Роман Хе – сахалинский Верлен	208
4.8. На волне: лирика Таи Немовой	215
4.9. Книги Ирины Левитес: от «Переходного возраста» к «Новому адресу»	220
4.10. От поэзии к прозе: о творчестве Владимира Семенчика	225
4.11. Поэзия и проза Анны Сафоновой	233
Заключение	240
Рекомендуемая литература	242
Указатель имён	244
Указатель географических названий	251
Summary	255
短評	256
개요	257

Предисловие

Проблемам литературного краеведения в научном и научно-методическом направлении уделяется серьёзное внимание в системе образования современной России. В разные годы конца XX – начала XXI века создавались не только комплексы необходимых материалов для изучения различных аспектов литературного краеведения, но и фундаментальные учебные и учебно-методические пособия, посвящённые этому вопросу. Как правило, такие исследования носили региональный характер, их разработка возлагалась на сообщество литературоведов и методистов, занимающихся краеведческой проблематикой. Со временем на Дальнем Востоке также наметилась положительная тенденция в создании методических и иных учебных комплексов по региональной литературе¹. Отдельное место в литературном краеведении Дальнего Востока принадлежит хрестоматиям «Лукошко», первое издание которых состоялось ещё в 1995 году. Опубликованные в Хабаровске учебные книги знакомят читателей (по преимуществу младшего школьного возраста) с широким многообразием созданной на Дальнем Востоке литературы, с включением в неё творчества авторов Сахалина². Формирование пространства литературного краеведения предпринималось и в Сахалинской области.

Предложение по преподаванию курса «Литературное краеведение» в учебных заведениях филологического профиля поступило от доцента кафедры литературы ЮСГПИ (Южно-Сахалинского государственного педагогического института; в настоящее время – Сахалинского государственного университета) Роберта Робертовича Маймана (1929–1994). Нововведение было реализовано

¹ В частности, см., например, следующие издания: Хрестоматия по дальневосточной литературе : 7 класс / авт.-сост. Г. В. Гузенко ; под общ. ред. С. И. Красноштанова. – Хабаровск, 1999. – 429 с. ; Хрестоматия по дальневосточной литературе : 5–6 классы / авт.-сост. Г. В. Гузенко ; отв. ред. С. И. Красноштанов. – 3-е изд. – Хабаровск, 2001. – 270 с. ; Дальневосточная литература : учебн. пособие-хрестоматия для 8–9 кл. общеобразоват. учреждений / авт.-сост. Л. С. Гудкова, Г. В. Гузенко, С. И. Красноштанов, В. Г. Мехтиев, О. Н. Хайрулина ; под общ. ред. В. Г. Мехтиева. – Хабаровск, 2005. – 400 с. ; Литература родного края : хрестоматия для учащихся 5–9 кл. школ Камчатской области / авт.-сост. А. Г. Гропянова, Е. В. Гропянов. – Петропавловск-Камчатский, 1999. – 496 с.

² См., например, книгу: Лукошко: Хрестоматия по дальневосточной литературе: 1 класс / сост. М. Н. Ходаковская ; худож. С. А. Чешкин. – 3-е изд., пересм. и доп. – Хабаровск, 2008. – 192 с. В это издание, наряду с другими авторами (всего – около тридцати имён), вошли произведения и писателей Сахалина – А. А. Дёшина, О. П. Кузнецова и В. М. Санги. Составитель хрестоматии – заслуженный учитель Российской Федерации Маргарита Николаевна Ходаковская – через специально подобранные литературные тексты побуждает детей расти добрыми и честными, учиться дружить, быть верными в дружбе и, конечно же, любить свой край. Уссурийская тайга, величавый Амур, бескрайние просторы Тихого океана, обжитые и малозаселённые уголки Дальнего Востока – всё это географические реалии одной книги с общим названием «Лукошко». Название книги дано по строчке одного стихотворения поэта Роальда Григорьевича Добровенского.

в островном вузе, в котором начали проводиться специальные занятия по этому предмету³.

В этот период подробно изучались не только историко-литературные факты посещения Сахалина А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем, но и появились первые критические работы о творчестве региональных поэтов и писателей, в число которых попали и представители коренных малочисленных народов Сахалина и Курильских островов. Однако ещё до предложения Р. Р. Маймана⁴ на Сахалине уже занимались литературным краеведением.

Рис. 1. Книга
М. В. Теплинского
«Сахалинские путеше-
ствия»

Так, в 1950–1960-е годы заведующий кафедрой литературы ЮСГПИ Марк Вениаминович Теплинский (1924–2012) не только активно публиковал материалы по литературному краеведению на страницах областной газеты «Советский Сахалин», но и издал две книги: «Чехов на Сахалине»⁵ (1957, в соавторстве с Б. Н. Бурятовым) и «Сахалинские путешествия»⁶ (1962). И если первая книга полностью была посвящена Чехову, то во второй были объединены поездки на остров Чехова и Дорошевича, а также был дан достаточно исчерпывающий для того времени общий обзор современной литературной жизни на Сахалине⁷. Завершил «Сахалинские путешествия» М. В. Теплинский следующим высказыванием: «В нашей стране не существует различия между литературой „столичной“ и „областной“»⁸. Тем самым творчество авторов Сахалина и Курильских островов оказалось вписанным в единое пространство литературного краеведения. В последующем были изданы и другие работы М. В. Теплинского по островной литературе, в частности исследование «Чехов на Сахалине»⁹ (1990).

В самом начале 1960-х годов на Сахалине была опубликована семнадцатистраничная книжка старшего преподавателя кафедры литературы

³ Колесников, Н. И. Наш вклад в науку / Н. И. Колесников // Южно-Сахалинский государственный педагогический институт: история и современность / под ред. Б. Р. Мисикова. – Южно-Сахалинск, 1994. – С. 46.

⁴ Наиболее полное представление об уроках «литературы родного края» Р. Р. Майман реализовал в следующей книге: Изучение русской литературы XX века по новой программе 5–8 классов общеобразовательных учебных заведений / Р. Р. Майман, И. И. Яценко, Т. Е. Шумилова и др. / сост. Р. Р. Майман. – Южно-Сахалинск, 1997. – 130 с.

⁵ Теплинский, М. В. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский, Б. Н. Бурятов. – Южно-Сахалинск, 1957. – 95 с.

⁶ Теплинский, М. В. Сахалинские путешествия / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1962. – 64 с.

⁷ Там же. – С. 46–64.

⁸ Там же. – С. 66.

⁹ Теплинский, М. В. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1990. – 142 с.

Южно-Сахалинского государственного педагогического института Дмитрия Александровича Рачкова (1934–2003) – «Писатели Сахалина»¹⁰ (1962). В работе, предназначенной для студентов-заочников, охватывалась только небольшая часть литературы Сахалинской области. Д. А. Рачков достаточно кратко сообщил о поездке Чехова на Сахалин, а также описал творчество нескольких авторов того времени – Л. С. Токарева (1912–1978), А. К. Мандрика (1919–1995), Н. П. Петровича (1922–1978), В. М. Санги (род. 1935) и др. Завершая экскурс в островную литературу, Д. А. Рачков обращал внимание на ошибочность деления литературы на «столичную» и «региональную». «Любая книга, – писал литературовед, – независимо от того, где она издана, на Сахалине или в Калуге, в Москве или Владивостоке, адресована всесоюзному читателю, ибо не существует какой-то особой „сахалинской“ или „калужской“ литературы. <...> И требования к московскому и сахалинскому писателю одинаковы...»¹¹.

Книга «Голоса островного края»¹² (1977) была написана сахалинским поэтом, ответственным секретарём Сахалинского отделения Союза писателей СССР Иваном Емельяновичем Белоусовым (1933–2000). Рассказ о создании сахалинского отделения писателей и его работе, короткие эссе и отдельные критические замечания по произведениям сахалинских авторов давали возможность читателям представить состояние сахалинской литературы к концу 1970-х годов. Краткие библиографические сведения о небольшой части литераторов Сахалинской области в советское время можно было почерпнуть в двух изданиях сборников «Писатели Дальнего Востока»¹³ (1973, 1989).

Отдельного внимания заслуживает и рукопись программы по комплектованию фондов Сахалинского областного краеведческого музея по разделу «Сахалинская область в художественной литературе» (1982) Валентины Григорьевны Крыжиной. Работа В. Г. Крыжиной включает в себя 181 страницу машинопечатного текста с большим перечнем имён – от первых русских путешественников по Сибири и Дальнему Востоку до обращавшихся к теме Сахалина и Курильских островов писателей и поэтов середины XX века.

Создание литературоведческой критики на Сахалине в 1970–1990-е годы осуществлялось в газетных, журнальных и собственно научных публикациях, авторами которых выступали преподаватели филологического факультета ЮСПИ: Лариса Владимировна Дорофеева, Наталия Ивановна Казакова, Роберт Робертович Майман, Виктор Арамович Мамонтов, Юрий Дмитриевич Проклов, Ольга Фёдоровна Силютин, Татьяна Евгеньевна Шумилова и др. Лингвистическими

¹⁰ Рачков, Д. А. Писатели Сахалина / Д. А. Рачков – Южно-Сахалинск, 1962. – 17 с.

¹¹ Там же. – С. 17.

¹² Белоусов, И. Е. Голоса островного края / И. Е. Белоусов. – Южно-Сахалинск, 1977. – 110 с.

¹³ Писатели Дальнего Востока. Библиографический справочник / сост. Е. М. Алёнкина. – Хабаровск, 1973. – 302 с. (В этом издании представлены имена таких сахалинских писателей, как А. С. Ткаченко, И. Е. Белоусов, В. М. Санги и других); Писатели Дальнего Востока : библиографический справочник / сост.: Т. В. Кириченко, Л. Н. Цинковская. – Вып. 2. – Хабаровск, 1989. – 384 с. (В это издание вошли библиографические справки о И. Е. Белоусове, О. П. Кузнецове, А. К. Мандрике, А. А. Пассаре, с 1967 до 1973 года проживавшего на Сахалине, и других авторах).

асpekтами литературы Сахалина занимались Надежда Александровна Лайгун, Татьяна Иннокентьевна Николаева, Наталья Николаевна Руденко, Татьяна Сергеевна Табаченко, Тамара Васильевна Чикова, Любовь Васильевна Шатунова, Лия Александровна (Лидия Абдурахмановна) Юмаева и др.

Одной из немногих коллективных работ, посвящённых литературе Сахалина, стало учебно-методическое пособие под редакцией Юрия Дмитриевича Проклова (1949–2000) «Место и роль Антона Павловича Чехова в истории литературы»¹⁴ (1990). В сборнике статей преподавателей-словесников ЮСГПИ наряду с исследованиями чеховской прозы и драматургии были представлены и материалы по литературному краеведению.

В самом конце 1990 – начале 2000-х годов появилось очередное поколение критиков и исследователей литературного краеведения – Вера Григорьевна Борисова, Анжелика Валерьевна Боронец, Светлана Александровна Веднёва, Алексей Александрович Дворкин, Анна Алексеевна Сафонова и др. Научная литература по краеведению пополнилась новыми публикациями. Одновременно с этим наметилась попытка осмысления творчества именитых сахалинских авторов. Так, в первом десятилетии 2000-х годов увидел свет первый том А. С. Тоболяка «Во все тяжкие... Избранное»¹⁵ (2006) с объёмными заметками о прозе писателя и примечаниями Т. Е. Шумиловой. Второй том книги А. С. Тоболяка «Невозможно остановиться. Избранное»¹⁶ (2011) появился спустя пять лет, в него были включены три повести писателя и один роман. Книга была сопровождена исследовательской статьей И. Д. Белоусовой и Де Ми Дя¹⁷, а также воспоминаниями журналистов В. В. Семенчика, С. Е. Чинарова и В. Д. Салтанова. Аналогичным образом было оформлено и издание избранного М. П. Финнова «Последний круг»¹⁸ (2012) с обстоятельной критико-библиографической статьей Т. Е. Шумиловой.

С. А. Веднёва по случаю 35-летия Сахалинского отделения Союза писателей России и по итогам посвящённой этому событию конференции составила коллективный сборник «О литературе Сахалина»¹⁹ (2004). В эту небольшую, но информативно насыщенную книгу были включены материалы по творчеству В. М. Санги, А. С. Тоболяка, А. А. Дёшина, Н. А. Тарасова, Ким Цын Сона и других авторов Сахалинской области. Отечественной и зарубежной проблематике литературы Сахалина была посвящена книга Е. А. Иконниковой

¹⁴ Место и роль Антона Павловича Чехова в истории литературы : сборник статей / под ред. Ю. Д. Проклова. – Южно-Сахалинск, 1990. – 71 с.

¹⁵ Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / А. С. Тоболяк / вступ. статья и примеч. Т. Е. Шумиловой. – Южно-Сахалинск, 2006. – 648 с.

¹⁶ Тоболяк, А. С. Невозможно остановиться. Избранное / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 2011. – 560 с.

¹⁷ Здесь и далее по всему тексту учебного пособия корейские и японские антропонимы даются по следующей схеме: сначала фамилия, а затем имя.

¹⁸ Финнов, М. П. Последний круг: Избранное / М. П. Финнов. – Южно-Сахалинск, 2012. – 512 с.

¹⁹ О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004. – 84 с.

«Литературное краеведение Сахалинской области: „восточный компонент“»²⁰ (2007). Н. А. Тарасов выступил составителем двух путеводителей: «Писатели Сахалина»²¹ (2007) и «Детская литература Сахалина»²² (2008). Под редакцией Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко был издан сборник научных статей «Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати»²³ (2013), объединивший более тридцати авторов из России, Белоруссии, Республики Кореи и Японии. Вместе с этими и другими работами окончательно утвердилась тенденция активного изучения литературы Сахалина и Курильских островов.

В настоящее время различными вопросами изучения чеховского наследия, в том числе и книги «Остров Сахалин», занимаются Виктория Ивановна Чудинова и Анастасия Александровна Степаненко²⁴. Более пятнадцати лет преподаватели кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета принимают участие в чеховских чтениях, организуемых литературно-художественным музеем книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». Материалы ежегодных изданий «Чеховских чтений»²⁵ на Сахалине пополняют багаж знаний по островной литературе и вместе с этим раздвигают границы понимания литературного краеведения как теоретического понятия. Благодаря таким работам в составе литературного краеведения рассматривается как литература о Сахалине и Курильских островах, так и литература, созданная на Сахалине и Курильских островах. Одновременно с этим расширяется и пространство изучаемых в литературном краеведении книг: книг, написанных не только на русском языке и языках сопредельных государств (Республики Кореи, Японии), но и на других языках народов мира.

Такое представление о литературном краеведении воплотилось и в структуре учебного пособия «Литература Сахалина и Курильских островов». Предлагаемая книга состоит из четырёх глав: в первой и второй главах освещается тема Сахалина и Курильских островов в русской литературе от имперского периода до настоящего времени, в третьей главе собран материал по произведениям, созданным на иностранных языках, финальная четвёртая глава полностью посвящена литературному процессу на Сахалине и Курильских островах.

²⁰ Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент / Е. А. Иконникова. – Южно-Сахалинск, 2007. – 176 с.

²¹ Писатели Сахалина : литературный путеводитель / сост. Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2007. – 138 с.

²² Детская литература Сахалина : путеводитель / сост. Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2008. – 79 с.

²³ Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей / под ред.: Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко ; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой и И. В. Расторгуевой ; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. – Южно-Сахалинск, 2013. – 158 с.

²⁴ См. следующее издание, в котором представлены публикации по творчеству А. П. Чехова студентов, аспирантов и преподавателей Сахалинской области: Библиография работ учёных Сахалинского государственного университета по творчеству А. П. Чехова : библиографический список / сост. А. А. Степаненко. – Южно-Сахалинск, 2011. – 28 с.

²⁵ См. все издания сборников «Чеховские чтения» с 1997 по 2013 год.

В учебном пособии даётся не только филологический разбор отдельных, наиболее значимых художественных и художественно-публицистических произведений литературного краеведения, но и приводится информация о документальных исследованиях первых путешественников, писателей, миссионеров, осваивавших Дальний Восток и тем самым положивших начало формированию литературы как таковой, как совокупности письменных произведений о Сахалине и Курильских островах. Одновременно с описанием литературы Сахалина и Курильских островов даётся краткая информация о дальнейших судьбах книг: в экранизациях, инсценировках и постановках. В представлении написанных на русском языке книг литературного краеведения учитывается известность таких произведений за рубежом – прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, странах Западной Европы и Соединённых Штатах Америки.

Завершается учебное пособие заключением, списком рекомендуемой литературы, указателями и аннотациями на английском, японском и корейском языках.

Е. А. Иконникова

Глава 1. Сахалин и Курильские острова в русской литературе имперского периода

1.1. Первые произведения русской литературы о Сахалине и Курильских островах

*Сахалин и Курильские острова в литературе
XVIII – первой четверти XIX века*

Одно из первых косвенных упоминаний в русской художественной литературе о Дальнем Востоке и, в частности, о Курильских островах, отнесено к середине XVIII века и принадлежит Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711–1765). В своих стихотворениях поэт неоднократно писал о продвижении русских путешественников и мореплавателей на восток и к берегам Северной Америки. Поэтому не случайно в «Оде на день восшествия на Всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» (1747) Ломоносов воссоздал величественную картину Тихого океана и «посеянных» на нём островов:

*Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одаян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.*

Причиной появления таких стихотворных строк считается просветительская деятельность первооткрывателей Дальнего Востока в XVII–XVIII веках. Возвращаясь в родные края, все они часто составляли особые отчёты обо всём, что им удалось увидеть во время путешествий. Эти отчёты назывались по-разному – «расспросные речи», «скаски», «донесения», «объявления» и даже «отписки». И именно эти тексты, написанные Нехорошко Ивановичем Колобовым, Иваном Петровичем Козыревским, Владимиром Васильевичем Атласовым, Данилой Яковлевичем Анцыфоровым (Анцифоровым), Иваном Борисовичем Евреиновым (Иоганном Родилгусом), Фёдором Фёдоровичем Лужиным и другими, способствовали созданию первых представлений о дальневосточных землях. Рассказы и иные живые свидетельства путешественников становились бесценным материалом для литературного творчества их современников. Нередко никогда не бывавшие на Дальнем Востоке писатели идеализировали неизвестный им мир, поэтому и в представлении Ломоносова Дальний Восток – это благодатный край, в котором не бывает устрашающей зимы, а пёстрое оперение птиц превышает великолепие весенней природы. Упоминание в поэзии Ломоносова Курильских островов было обусловлено, кроме прочего, ещё и личным знакомством со Степаном Петровичем Крашенинниковым (1711–1755), посетившим в 1737 году Дальний Восток. При жизни Крашенинников пользовался расположением со стороны Ломоносова, учёные вместе выступали в академических дискуссиях в Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, много

общались. Прожив четыре года на Камчатке, Крашенинников изложил собственные впечатления и научные исследования в книге «Описание земли Камчатки» (1755). Книга, опубликованная после смерти путешественника, имела высокую популярность в России и была переведена на несколько языков (английский, немецкий, французский и другие).

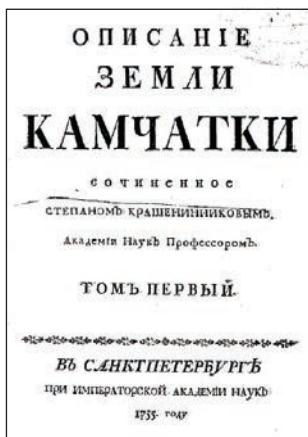

Рис. 2. Книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»

Девятую главу своей книги Крашенинников посвятил исключительно Курильским островам. В этой части работы раскрыты этимология слова «курилы» (как имени нарицательного и производного от него имени собственного), перечислены названия (нередко несовпадающие с современным фонетическим звучанием и графической записью) известных островов, воссоздан облик местных жителей (как аборигенов, так и представителей «камчатского поколения»²⁶). Крашенинников использовал специфические выражения, применяющиеся для обозначения тех или иных явлений в регионе, описал природу Курильских островов (частоту землетрясений, гористость местности, изобилие рыбных ресурсов и диких животных, наличие сланца и ельника и многое другое), уточнил бытовые особенности и различные формы занятий населения (коммерция, контакты с голландцами и другие). Наряду с этим в «описании» была приведена так называемая басня (как образец островного фольклора), а также комментарии к языку местных жителей.

Под пером Ломоносова как поэта документальные свидетельства Крашенинникова значительно изменились, дополнились рядом иных сведений и явили собой практически идеальную по климатическим особенностям и условиям жизни картину Дальнего Востока. В противовес восторженным описаниям просторов Тихого океана Ломоносовым полвека спустя Гавриил Романович Державин (1743–1816), вспоминая трагически погибших мореплавателей Гаврилу Ивановича Давыдова (1784–1809) и Николая Александровича Хвостова (1776–1809), называл природные силы Тихого океана «грозными», «свирепыми» и «бездонными». В стихотворении «В память Давыдова и Хвостова» (1809), обращаясь к музе, Державин писал:

*...и юных двух отважных
Сподвижников оплачь,
Что сквозь стихиев грозных
И океанских бездн
Свирепых и бездонных,
Колумбу подражая,
Два раз Титана вслед
Прошли к противуножным.
Меж гор лазурных, льдистых,
Носящихся в волнах...*

²⁶ Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. – М., 1949. – С. 166.

Первые косвенные упоминания о Дальнем Востоке в поэзии Ломоносова и Державина говорили о безусловном интересе русской общественности к далёким и малоизвестным землям. При этом введение в стихотворный текст подобных эпизодов свидетельствовало об определённом уровне знаний, не всегда соответствующем истинному положению вещей. Неудивительно, что эпизодический интерес к Дальнему Востоку обнаруживается и в наследии Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837). Работая над книгой Крашенинникова «Описание земли Камчатки», русский поэт оставил небольшие заметки на полях, а именно: тезисные упоминания о коренных народах, населяющих зону Камчатки и части Курильских островов, – камчадалах, коряках и курилах. И это не единичный случай, когда русские литераторы XIX века стремились к созданию художественного образа Дальнего Востока на основе личных впечатлений или знакомства с научной, эпистолярной и публицистической литературой.

От «курильского анекдота» к «скаске»

В 1810 году на страницах журнала «Аглая», издаваемого князем Петром Ивановичем Шаликовым (1767, по другим сведениям: 1768–1852), была опубликована повесть «Остров Шамуршир. Курильский анекдот», открывавшаяся следующими строками: «Когда корабль оставляет *Охотское*²⁷ море и намеревается плыть в море открытое, называемое *Восточным Океаном*, тогда ему не возможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселённых народами, которые едва ли имеют и малейшее понятие о первой *точке* просвещения: они *дики* и совершенно необразованны. Звериная и рыбная ловля составляют их главную промышленность...»²⁸.

Автор этой сентиментальной истории (а эпиграфом к ней взяты строки из Николая Михайловича Карамзина) скрылся за подписью М. М-в. В центре повести, рассказанной повествователю безымянным офицером из Российско-Американской компании, любовь русского мужчины Малинского и юной Варьми, происходившей из семьи «курильцев». Основные события развивались в 1784 году, когда «один Российский купеческий корабль, находясь долговременною жертвою постоянной стихии, был прибит к берегам *Шамуришира*, одного из главнейших островов Курильских...»²⁹.

Топоним, вынесенный в название произведения М. М-ва, являлся вымышленным, но по своему конечному звучанию очень похожим на название другого острова Курильской гряды – острова Парамушир. Природный колорит Шамуршира автором «курильского анекдота» (в значении новеллы, исключительного происшествия) подробно не описан, одновременно с этим и этнографические вкрапления об айнах (в тексте они именуются «курильцами») вы-

²⁷ Здесь и далее во всех цитатах из этой повести М. М-в выделяет значимые для него слова курсивом.

²⁸ М-в, М. Остров Шамуршир. Курильский анекдот / М. М-в // Аглая, издаваемая кн. П. Шаликовым. – М., 1810. – Ч. 10. – Кн. 3 : Сентябрь. – С. 3–4.

²⁹ Там же.

глядят довольно скупо. Но эти детали – нередко существенные в литературе русского и зарубежного сентиментализма – в «Острове Шамуршире» не воспринимаются как обязательные. М. М-в акцентирует внимание читателей прежде всего на том, что описываемая любовная история происходит в удалённом для России месте, где живут «незнакомые», «дикие» народы, способные к искренним и чистым чувствам. Финал повести выдержан в сентиментальном ключе: Малинский женится на Варьми, привозит свою супругу в Россию, делает Варьми «европейкою» и счастливо живёт с ней в «Т... Губернии».

Рис. 3. Журнал «Русская старина»

Интересным представляется и полный текст так называемой «скаска» Татэкавы Дэнбэя (род. около 1670 – ум. после 1714), лаконичное повествование которого на русском языке впервые было опубликовано Николаем Николаевичем Оглоблиным (1852/3 – после 1919) в журнале «Русская старина» (1891) с общим названием «Первый японец в России. 1701–1705 гг.». В «скаска» Татэкавы Дэнбэя несколько раз упоминалось о «Курильской земле», в том числе и в самом последнем эпизоде истории путешествия: «А серебра-де и золота в их земле много. А в Курильской-де земле тамочные народы взяли у них, Денбея с товарищи, меньших золотых два ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадалские народы, не знают – роздали играть детям своим»³⁰. Под «Курильской землёй» в речи японского купца подразумевается южная часть Камчатки, где были в своё время обнаружены Татэкава Дэнбэй и члены его экипажа. Примечательно, что эта «ска-

ска», собственноручно подписанная к тому времени уже владевшим русским языком японцем, в 1702 году была рассказана Петру I. «Скаска» Татэкавы Дэнбэя одновременно воспринималась как историческая хроника (в которой были упомянуты разные иноземные народы, были названы многие географические места) и как собственно история с минимальными художественными средствами, воспроизводившими жизнь Татэкавы Дэнбэя и его соотечественников, попавших в Россию в 1697 году.

После прочтения «Острова Шамуршир...» М. М-ва и «скаска» Татэкавы Дэнбэя русские читатели XIX века едва ли могли получить исчерпывающие сведения о Курильских островах. Но эти два произведения, опубликованные в популярных журналах, демонстрировали, каким мыслился Дальний Восток в пересказах путешественников, как постепенно складывалось представление русской общественности о дальневосточных рубежах России и соседствующих с ней территориях.

³⁰ Оглоблин, Н. Н. Первый японец в России. 1701–1705 гг. / Н. Н. Оглоблин // Русская старина. – 1891. – Т. 72. – С. 24.

«Записки...» мореплавателей

В начале XIX века самой полной и достоверной книгой о Дальнем Востоке России и его ближайшем соседе – Японии – стали изданные в трёх частях «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе» (1816). Автором «Записок...» был русский мореплаватель Василий Михайлович Головнин (1776–1831), воспитатель целой плеяды знаменитых подвижников России. Его книга, рекомендованная Львом Николаевичем Толстым (1828–1910) для обязательного чтения детям, была переведена почти на все европейские языки, став настоящей сенсацией и у себя на родине, и в Западной Европе. Головнин впервые дал обстоятельную характеристику Дальнего Востока, основанную на личных впечатлениях.

Топоним «Курильские острова» использовался Головниным достаточно часто: он связан или с географическими комментариями, или с рассказами о тех событиях, с которыми пришлось столкнуться героям «Записок...». Так, русский путешественник неоднократно вспоминал о более ранних экспедициях на Дальний Восток И. Ф. Крузенштерна в 1805 году, а также Г. И. Давыдова и Н. А. Хвостова в 1806 году. Курильские острова характеризовались Головниным как богатые рыбными ресурсами области, в которых обитают «...сельди, треска, макрель, кижуч, нерка, горбуша, кунжа, гольцы, камбала и много разных родов другой рыбы, коих названия неизвестны. Из морских животных водятся киты, касатки, морские свинки, сивучи, морские коты, бобры и тюлени»³¹. Морское изобилие дальневосточных островов дополнялось и лесным богатством. По словам Головнина, на Курильских островах «растёт множество строевого лесу разных родов», есть «дуб, ель, сосна, так называемое пахучее дерево (род кипариса), берёза, липа, тополя разных родов, клён, рябина, черёмуха и некоторые другие»³². При этом автор «Записок...» указывал, что Курильские острова «бедны сорочинским пшеном»³³ (то есть рисом), которое поставлялось из центральной Японии. Отсутствие собственного риса на островах объяснялось путешественником суровым климатом Дальнего Востока.

Объективное описание географических особенностей Курильских островов дополнялось в книге образами коренных народов, впервые представленных в художественно-публицистической литературе именно Головниным. Наиболее ярким персонажем стал переводчик русской экспедиции Алексей Максимович (или просто Алексей) – айн, владеющий русским и японским языками. Благодаря его знаниям Головнин и весь экипаж «Дианы» не только могли свободно объяснять свои намерения туземцам, но и получали необходимые этнографические сведения. В облике Алексея Максимовича Головнин выделял исключительно позитивные черты характера – честность, доброту, отзывчивость. Положительное отношение к айнам членов экипажа «Дианы» в дальнейшем определило основную направленность в описании коренных народов Дальнего Востока в литературном творчестве новых времен. На протяжении

³¹ Головнин, В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев / В. М. Головнин. – М., 2004. – С. 408.

³² Там же.

³³ Там же. – С. 370.

почти всего повествования Головнина слово «айны» как общее наименование народа, проживающего на Сахалине и Курильских островах, заменялось другими выражениями. «Курильцы» (или реже «мохнатые курильцы») – именно так называл автор «Записок...» своих героев. Впервые слово «айн» (и другие его производные) в книге Головнина появляется только в завершающей части «Записок...» при рассказе о народах, платящих «дань Японии»³⁴. Размышляя над этнографическими приметами коренного населения Курильских островов, Головнин пришёл к выводу, что «айны и курильцы один и тот же народ»³⁵.

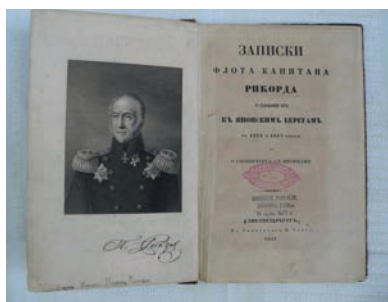

Рис. 4. Книга В. М. Головнина «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 гг. и о сношениях с японцами» (1816)

Общее тематическое начало с «Записками...» Головнина имела и книга Петра Ивановича Рикорда (1776–1855) «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 гг. и о сношениях с японцами» (1816). Рикорд был близким другом В. М. Головнина и участником экспедиции на «Диане». И именно Рикорд активно ходатайствовал об освобождении Головнина и его спутников из японского плена, трижды организовывая в этой связи морские экспедиции к берегам Японии. Рассказы об этих экспедициях публиковались Рикордом на страницах российской периодики: в 1815 году в «Записках государственного адмиралтейского департамента» и в «Сыне отечества». С первых публикаций у «Записок...» Рикорда нашлись свои почитатели не только в России, но и в Европе. Книга мореплавателя неоднократно переиздавалась и была переведена на несколько языков мира (английский, французский, немецкий, шведский и др.).

Полный текст «Записок...» П. И. Рикорда был опубликован вдовой мореплавателя Людмилой Ивановной Рикорд (1794–1883) только в 1875 году. Кроме того, Л. И. Рикорд стала автором биографии своего супруга и воспоминаний о нём.

Сахалин и Курильские острова в наследии русских мореплавателей

В самом начале XIX века отдельные сведения о Сахалине и Курильских островах можно было почерпнуть и в других работах: в частности, в переведённом на многие европейские языки «Путешествии вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях „Надежда“ и „Нева“» Ивана Фёдоровича Крузенштерна (1770–1846). Русское издание «Путешествия вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях „Надежда“ и „Нева“» (1809, 1810, 1812) публиковалось последовательно в трёх частях. В созданном по впе-

³⁴ Головнин, В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. – С. 400.

³⁵ Там же. – С. 404.

чатлениям от первой российской кругосветной экспедиции «Путешествии вокруг света...» приводятся подробные таблицы суточных наблюдений за природой Дальнего Востока. Однако Крузенштерн в сравнении с Головинным и Рикордом смотрел на мир исключительно как натуралист.

Отчасти подобный взгляд свойствен и другим исследователям Дальнего Востока, к описанию которого обращались: Николай Петрович Резанов (1764–1807) в «Инструкции начальствующему секретарю экспедиции флота г-ну лейтенанту Хвостову» (1806), Юрий Фёдорович Лисянский (1773–1837) в «Путешествии вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле „Нева“ под начальством Ю. Лисянского» (1812), Воин Андреевич Римский-Корсаков (1822–1871) в письмах к родным и в цикле очерков «Случаи и заметки на винтовой шхуне „Восток“» (1858), Николай Константинович Бошняк (1830–1899) в книге «Экспедиции в Приамурском крае» (1858–1859), Алексей Владимирович Вышеславцев (1831–1888) в «Очерках пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» (1862, 1867) и многие другие.

Рис. 6. Г. И. Невельской

Отдельного упоминания заслуживает Геннадий Иванович Невельской (1813–1876). В анналы истории России он вошёл не только своими географическими открытиями. Будучи членом Морского учёного комитета, Невельской разрабатывал инструкции для командиров кораблей, бороздящих просторы Тихого океана, редактировал статьи для «Морского сборника», писал оригинальные материалы («ответы», «замечания», «обзоры» и др.) в «Морской сборник» и «Вестник Европы», готовил научно-документальные воспоминания об Амурской экспедиции. После смерти адмирала его супруга – Екатерина Ивановна Невельская (1831–1979) – в 1878 году издала книгу «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край». Это и последующие переиздания книги имели успех и были востребованы российскими читателями.

Наследие русских путешественников и мореплавателей, а также другие путевые очерки, воспоминания и иные образцы документальной маринистики (например, изданные в «Записках Императорского Русского географического общества» «Курилы» (1871) Александра Семёновича Полонского) стали источником сведений о Дальнем Востоке для Чехова (1860–1904) в период подготовки писателя к поездке на Сахалин и во время работы над книгами «Из Сибири» (1890) и «Остров Сахалин» (1895).

Рис. 5. Карта-схема путешествия И. Ф. Крузенштерна

Сахалин во «Фрегате „Паллада“» и других книгах имперской России

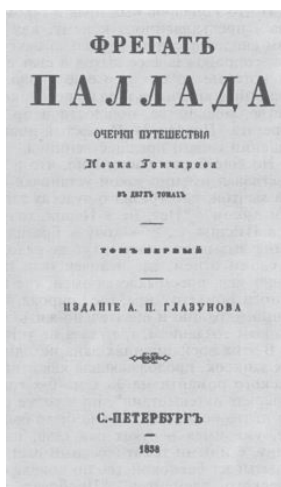

Рис. 7. Книга И. С. Гончарова «Фрегат „Паллада“»

В 1853 году в жизни Ивана Александровича Гончарова (1812–1891) произошло неординарное назначение: он стал секретарём дипломатической миссии на фрегате «Паллада», возглавляемом вице-адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным (1804–1883). Главная цель экспедиции состояла в инспекции русских владений в Северной Америке, а именно когда-то принадлежавшей России Аляски. Миссия фрегата должна была установить политические и торговые отношения с Японией. Экспедиция продолжалась почти два с половиной года. Основными пунктами назначения во время путешествия, которое условно называется кругосветным, стали Англия, мыс Доброй Надежды, Ява, Сингапур, Гонконг, Япония, Китай, Ликейские острова, Филиппины. Обратный путь писателя и экипажа «Паллады» пролегал через Сибирь.

С первых дней путешествия Гончаров вёл подробный путевой журнал, который лёг в основу его книги «Фрегат „Паллада“» (1853–1857, отдельное издание 1858), восторженно принятой русскими читателями в середине XIX века. Вскоре после возвращения Гончарова в Россию на страницах журналов («Отечественные записки», «Морской сборник», «Современник» и др.) появились фрагменты книги «Фрегат „Паллада“». Отдельным изданием это произведение вышло только в 1858 году. А позже, в 1870-е годы, в литературном сборнике «Складчина» появились новые главы к этому произведению с общим названием «Через двадцать лет».

По жанру «Фрегат „Паллада“» представляет собой цикл путевых очерков, в которых описаны впечатления Гончарова о природе, быте и нравах народов Азии и Европы. Особое место в книге занимают рассказы об азиатских странах: их географии и климатических особенностях, культуре и традициях разных этнических сообществ. Гончаров одним из первых русских писателей открыл перед читателями большой и почти неизвестный мир. Его очерки обладают не только познавательным характером. В них поднимаются политические, философские и нравственные вопросы, поэтому книга считается как образцом художественной литературы, так и публицистическим произведением (не случайно главы «Фрегата „Паллада“» вначале издавались в журнальном варианте).

В августе 1854 года плавание фрегата «Паллада» подходило к своему завершению. Корабль миновал узкий морской перешеек между Сахалином и материковой частью и вышел в Охотское море, устремившись к небольшому портовому местечку Аян. С Аяна члены экипажа «Паллады» должны были преодолеть большой путь на лошадях до центральной России. Воспоминания о последних днях на фрегате и его прохождении вблизи побережья Сахалина отмечены в путевых очерках Гончарова необходимыми записями. В частности, в них говорится о долго существовавшем представлении, что Сахалин — это полуостров, соединённый с материком небольшим участком суши. Есть

в книге и рассказы о коренных народах Дальнего Востока – о приамурских нивхах и тунгусах.

Небольшие фрагменты о Сахалине Гончаров включил в финальные части очерков. В главах о путешествии, изданных только в 1874 году, писатель отмечал, что в водах Татарского пролива он испытал «неприятную минуту», когда после снятия фрегата с якоря судно потащило на «несколько десятков сажен вперёд». Необузданные силы морской природы угрожали жизни всего экипажа «Паллады».

В 1870–1890-е годы тема Сахалина по-прежнему обнаруживается во многих произведениях русской литературы имперского периода. Примечательна в этом случае и почти забытая книга молдавского писателя Константина Константиновича Стамати-Чуря (1828–1898) – «Остров Сахалин, таинственный край ссыльных» (1894). Руководствуясь романтическими приёмами повествования, Стамати-Чуря переносит действие своего, как он уточняет в подзаголовке, «современного романа» в близкие к реалистическим условия сахалинской каторги.

Упоминаний о Сахалине как о каторге не избежал и Лев Николаевич Толстой (1828–1910). В романе «Воскресение» (1899) приговорённая к каторжным работам Катюша Маслова после суда размышляла над своим будущим. Молодая женщина думала, «что ни за что не пойдёт замуж за каторжного на Сахалине, а как-нибудь иначе устроится, – с каким-нибудь из начальников, с писарем, хоть с надзирателем, хоть с помощником»³⁶.

Подобные упоминания о Сахалине как о месте каторги прослеживались во многих произведениях русской классики конца XIX – начала XX века. Книга Чехова «Остров Сахалин» (равно как и другие книги русской и зарубежной литературы о каторге), безусловно, была знакома Л. Н. Толстому. Об этом свидетельствовала и супруга писателя. В своём дневнике от 15 ноября 1898 года Софья Андреевна Толстая (1844–1919) записала следующее: «Вечером читали вслух «Сахалин» Чехова. Ужасные подробности телесного наказания! Маша расплакалась, у меня всё сердце надорвалось»³⁷.

В контексте эпизодических упоминаний о Сахалине интересны и воспоминания графа Роберта Кейзерлинга «Сибирь: Из путевых записок» (1900, переиздание 2009). На судне своего двоюродного брата, создателя компании «Тихоокеанский китовый промысел Графа Г. Г. Кейзерлинга и Ко» Генриха Гуговича Кейзерлинга (1866–1944) путешественник посетил Сахалин, Камчатку, Владивосток и другие российские порты, а также познакомился с низовьями Амура, Забайкальем, окраинами Монголии и частью Западной Сибири. Путевые записки Кейзерлинга наряду с иными книгами путешественников, писателей и исследователей конца XIX века расширяли представление читателей о Сибири и Дальнем Востоке, создавали особый, увлекательный образ далёких земель.

³⁶ Толстой, Л. Н. Собр. соч. : в 12 т. / Л. Н. Толстой. – Т. 11 : Воскресение. – М., 1975. – С. 134.

³⁷ Толстая, С. А. Дневники : в 2 т. / С. А. Толстая. – Т. 1. – М., 1978. – С. 424.

А. Я. Максимов и его Дальний Восток

Писатель, публицист и журналист Александр Яковлевич Максимов (1851–1896) совершил несколько кругосветных путешествий. Читателям журналов («Кругозор», «Нива», «Всемирный путешественник», «Новое время» и других изданий) он запомнился увлекательными историями о морях, охотниках, топографах, покорителях северной природы, миссионерах и инородцах. Самые известные очерки «На Далёком Востоке» (1883) первоначально были опубликованы в Санкт-Петербурге, а позже многократно переиздавались. Благодаря стараниям вдовы писателя М. К. Максимовой вышло полное собрание сочинений в десяти томах с иллюстрациями. Только в первое десятилетие XX века были изданы такие книги А. Я. Максимова, как «Вокруг света: Путевые заметки и впечатления» (1901), «Далёкий Восток: Рассказы для детей» (1902), «Два миссионера; За драгоценным корнем и другие рассказы» (1909), «Роковой поцелуй и другие рассказы» (1909), «Китобои, корейка Маша и др. рассказы» (1910). Большую популярность в России имел прочитанный Чеховым рассказ «Поп Симеон. Быль об одном забытом подвиге» (1890). В рассказе Максимова главным героем стал известный своим подвижничеством сахалинский священник Симеон Казанский (Семён Никанорович, ? – начало 1880-х). В центре истории – одно из не оценённых современниками событий (то, что писатель называл «скромным подвигом») из жизни островного священника.

Перед началом основного сюжетного действия Максимов описывает Сахалин и его суровую природу: «Среди вскипевшего моря остров Сахалин тянется длинною, мрачною полосой, вздымаясь почти отвесной стеной над пенящимся прибоем. Хлопья снега лежат в виде причудливых шапок на вершинах отвесных скал и кекур, придавая общей картине необыкновенно суровый колорит. Таинственный, девственный лес раскинулся почти по всему острову, покрывая щетинистою одеждой все склоны и вершины малоизведанных холмов; безмолвный и мрачный, он угнетает своею безжизненностью: ни звука, ни шороха»³⁸. «Неприветливым», «мёртвым», «холодным», «пустынным» называет писатель остров, «безжизненным» рисует он пост Дуэ. Доставить с севера острова на юг деньги в Корсаковский пост для покупки продовольствия берёт на себя «поп Симеон» – человек «редкой скромности» и «выдающейся нравственной чистоты». С высоким риском для жизни вместе с добровольцами-каторжанами священник прибыл в назначенное место, где его ожидало только равнодушие чиновников.

В рассказе «Остров Тюлений» (1992), имеющем подзаголовок «Драма на море», события разворачиваются около юго-западных берегов Сахалина и мыса Терпения. В жестокую схватку с американцами-браконьерами вступают русские моряки с «Крейсерка» (реально существовавшей шхуны, погибшей в

Рис. 8. Книга
А. Я. Максимова
«На Далёком Востоке»

³⁸ Максимов, А. Я. На Далёком Востоке / А. Я. Максимов // Полн. собр. соч. – Кн. девятая. – Изд-е М. К. Максимовой. – СПб., 1901. – С. 25–26.

1889 году). В финале рассказа сторожевое судно попадает в шторм, отважный экипаж гибнет в водах безжалостной морской стихии. Так завершается ещё одна история Максимова, сочетавшая документальные события с художественным вымыслом и тем самым удовлетворявшая интересы русских читателей оригинальными, взятыми из жизни историями.

На протяжении всего XIX века в России издавались новые произведения, в которых давались различного рода описания Сахалина и Курильских островов очередным поколением путешественников, писателей и иных свидетелей, побывавших на Дальнем Востоке. Впервые В. М. Головнин, П. И. Рикорд и И. А. Гончаров оформили личные впечатления в доступную для «массовой» литературы форму и тем самым удовлетворили к середине XIX века повышенный интерес русских и зарубежных читателей к Дальнему Востоку и, в частности, к Сахалину и Курильским островам. Позже дальневосточные рубежи Российской империи чаще всего ассоциировались в представлении общественности с сахалинской каторгой и самой известной о ней книгой – «Островом Сахалин» Чехова. В последней четверти XIX столетия о Курильских островах не было написано ни одной книги, которая смогла бы конкурировать с чеховскими путевыми записками по количеству самой разнообразной информации – от общих сведений до частных деталей, в числе которых и судьбы отдельных людей, живущих на Дальнем Востоке.

Литература: Алексеев, А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX – начало XX в.) / А. И. Алексеев. – М., 1976 ; Иконникова, Е. А. Курильские острова в пространстве русской литературы XX века / Е. А. Иконникова // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 3. – С. 146–150 ; Фетисова, Л. Е. Дальневосточная тема в русской литературе XVII–XIX вв. / Л. Е. Фетисова // Россия и АТР. – 2006. – № 3. – С. 174–180 ; и др.

Е. А. Иконникова

1.2. Тема Сахалина в книгах К. М. Станюковича

Творческая биография Станюковича

Константин Михайлович Станюкович (1843–1903) родился в Севастополе, в семье потомственных моряков. Его отец – адмирал русского флота, командир севастопольского порта, военный губернатор Михаил Николаевич Станюкович. Мать, Любовь Федотовна Митькова, была дочерью военного моряка. К. М. Станюковичу довелось быть очевидцем начала героической севастопольской обороны и даже принять в ней участие – он помогал готовить перевязочные материалы для раненых.

К. М. Станюкович обучался сначала в петербургском Пажеском корпусе, а затем в Морском кадетском корпусе. Во время учёбы он ходил в море на борту учебного корабля «Орёл», а затем за полгода до выпускных экзаменов был отправлен в кругосветное трёхгодичное путешествие на корвете «Калевала». Впечатления от этого плавания легли в основу его первой книги очерков «Из кругосветного плаванья».

Рис. 9. К. М. Станюкович

Во время путешествия, в июле 1861 года, К. М. Станюкович заболел лихорадкой и оказался в лазарете города Владивостока и пробыл там до ноября 1861 года³⁹. После выздоровления он был приписан к винтовому транспорту «Японец», а в декабре 1861 года был произведён в гардемарины. До 1863 года К. М. Станюкович служил на военных кораблях, совершавших плавания в акватории Тихого океана. Впечатления от службы отразились в повестях и рассказах писателя из морского быта.

В начале августа 1863 года Станюкович был отправлен курьером с экстренными бумагами в Морское министерство в Петербург (через Китай и Сибирь). Нелёгкий путь занял почти два месяца. Позже об этом Станюкович написал в своих сибирских очерках.

В октябре 1863 года Станюковича произвели в мичманы и назначили в Петербургский 11-й флотский экипаж, а в ноябре 1864 года после долгой и упорной борьбы с отцом, мечтавшим о карьере военного моряка для сына, ушёл в отставку. Это решение повлекло за собой полный разрыв с отцом и потерю наследства.

В 1865 году писатель уехал из Петербурга и поступил на службу учителем начальной школы в село Чаадаево Муромского уезда Владимирской губернии (в настоящее время – Владимирская область), чтобы «лучше узнать жизнь народа». После года учительствования в глубинке он вернулся в Петербург.

Скудные литературные заработки, женитьба летом 1867 года и рождение через год первой дочери заставили Станюковича поступить на частную службу, которую он оставил только в 1870-х годах. Около полутора лет он служил в управлении Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, затем три года – в Петербургском обществе взаимного поземельного кредита, два с половиной года – в Ростове-на-Дону в Волжско-Донском обществе управляющим пароконством по реке Дону и Азовскому морю. Станюкович тяготился службой и мечтал получить место редактора беллетристического отдела в журнале «Будильник». Однако его журналистская и издательская деятельность впоследствии была связана с другими журналами.

Впервые в печати произведения Станюковича появились в 1859 году: в журнале «Северный цветок» напечатано его стихотворение «Отставной солдат». В 1860 году там же публикуются и другие его стихи.

В 1861–1864 годах статьи и очерки писателя были напечатаны в «Морском сборнике». Впоследствии некоторые очерки и рассказы были объединены в сборник «Из кругосветного плавания» (1867). Критика отметила их как реалистические произведения, раскрывающие быт моряков, особенности морской жизни. С 1864 года началось его сотрудничество с изданиями «Петербургский листок», «Голос», «Искра», «Русская сцена», «Будильник», «Эпоха», «Женский Вестник» и «Гласность».

³⁹ Именем Станюковича во Владивостоке названа одна из центральных улиц полуострова Шкота. Улица Станюковича есть также в Кронштадте.

Расцвет творчества Станюковича пришёлся на 1872–1899 годы. Писатель создал произведения различных жанров: фельетоны, очерки, сатирические стихотворения, романы, морские повести и рассказы.

В 1872 году Станюкович начал работать в журнале «Дело». В 1874–1884 годах печатал фельетоны в «Новостях», «Молве» и «Порядке» под псевдонимами «Откровенный писатель» и «Пимен». Литературную известность писатель приобрел в конце 1870-х годов после опубликования в журнале «Дело» нескольких рассказов и романов. В 1873–1874 годах выходит в свет его роман «Без исхода».

В 1877–1878 годах Станюкович целиком занялся литературной работой. Печатается в ряде изданий: «Новости», «Порядок», «Русская правда», «Московское обозрение» и др. С апреля 1877 года в каждом номере журнала «Дело» публиковались его произведения: «Червонный валет», серия фельетонов под общим названием «Картинки общественной жизни» (под псевдонимом «Откровенный писатель»), рассказ «Оригинальная пара», пьеса «Родственники», «Письма знатных иностранцев» (в виде переписки англичанина, попавшего в Россию, с женой). В 1879 году в «Деле» вышла повесть «Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим» (под псевдонимом «Откровенный писатель»), опубликован роман «В мутной воде» (под псевдонимом К. Телефонов).

В 1879–1880 годах писатель находился за границей. В 1881 году, после смерти редактора журнала «Дело» Григория Евлампиевича Благодетельского (1824–1880), Станюкович стал соредактором журнала, а в декабре 1883 года приобрел его в собственность.

С конца 1860-х годов Станюкович был внесён в список неблагонадёжных и фактически стал поднадзорным, а с весны 1883 года на него было заведено особое дело. Выезды писателя для лечения за границу обратили на себя внимание полиции, следившей в Женеве и Париже за его встречами с русскими эмигрантами-революционерами, которых он привлекал к участию в журнале «Дело». В 1884 году Станюкович был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. За год, проведенный в Петропавловской крепости, он написал большую повесть, рассказы и драматическую поэму с юмористическим уклоном «Певец в Вальядолиде».

Рис. 10. Русское издание книги Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка»

В 1885 году издание журнала «Дело» было прекращено, а Станюкович, просидевший несколько месяцев в доме предварительного заключения, в мае 1885 года административным порядком был выслан в Сибирь на три года. В Томске он сблизился с политическими ссыльными Феликсом Вадимовичем Волховским (1846–1914) и Соломоном Лазаревичем Чудновским (1849–1912), активными участниками «Сибирской газеты». Там же его посетил американский писатель, автор книги «Сибирь и ссылка» (1891, русский пер. 1906) Джордж Кеннан (1845–1924).

В сибирской ссылке, за тысячи километров от морей и океанов, Станюкович вновь обратился к морской теме и создал первые морские рассказы, которые впоследствии принесли ему мировую славу писателя-мариниста: повесть «Василий Иванович» и рассказ

«Беглец» (были напечатаны под псевдонимом М. Костин в журналах «Вестник Европы», «Северный вестник» и «Русская мысль»).

В 1886 году в «Русской мысли» публикуется серия очерков писателя «В дальние края» (под псевдонимом Л. Нельмин), в «Сибирской газете» – серия фельетонов под общим заголовком «Сибирские картинки» (под псевдонимом «Старый холостяк») и роман «Не столь отдалённые места» (под псевдонимом Н. Томский).

Вернувшись из ссылки в 1889 году, Станюкович возобновил свои «Письма знатных иностранцев» в «Русской мысли», писал фельетоны в «Сыне Отечества», напечатал ряд романов в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Русской жизни». С 1892 года он стал вторым редактором журнала «Русское богатство», в который перешли многие сотрудники закрытого правительством журнала «Отечественные записки». Когда в декабре 1896 года отмечался тридцатипятилетний юбилей литературной деятельности Станюковича, Санкт-Петербургский комитет грамотности присудил ему золотую медаль имени А. Ф. Погоского (за «Морские рассказы»). В 1897 году вышло в свет полное собрание сочинений писателя.

В 1900 году писатель тяжело заболел и уехал на лечение в Крым. Возвратившись, он продолжал много работать, но осенью 1902 года был вынужден уехать на лечение в Италию. Борясь с прогрессирующей слепотой, Станюкович продолжал писать. Умер писатель 7 (20) мая 1903 года в Неаполе, где и похоронен на греческом кладбище. На похороны пришли все русские из города и окрестностей. Самый большой венок был с надписью: «Станюковичу от русских».

Рассказ «Из-за пустяков»

Судьба писателя Станюковича связана с Дальним Востоком. Он побывал во Владивостоке и, вероятно, мог кратковременно бывать на Сахалине. В отличие от А. П. Чехова и В. М. Дорошевича писатель не приезжал на Сахалин с целью увидеть изнутри жизнь сахалинской каторги. Его знакомство с островом могло быть случайным и недолгим. Существует версия, что корабль, на котором служил Станюкович, сел на камни вблизи поста Дуэ, о чём и повествуется в рассказе «Ужасный день» и повести «Вокруг света на „Коршуне“».

Однако образ каторжного острова возникает как зловеющий символ эпохи ранее в рассказе «Из-за пустяков», напечатанном в августе 1881 года в журнале «Дело». Главный персонаж рассказа, петербуржец, молодой человек Дмитрий Алексеевич Кропотов, в очередной раз был уволен со службы «из-за пустяков». «Пустяками» оказались его «предосудительные взгляды» и неосторожные высказывания «на счёт разных несправедливостей», получившие огласку. Мать Мити, полковница Марья Ивановна Кропотова, «бодрая, деятельная, подвижная дама»⁴⁰, предпринимает энергичные действия, чтобы помочь сыну добиться восстановления его в должности. Желая найти поддержку, она отправляется к своему брату-адмиралу Андрею Ивановичу и рассказывает о неприятном происшествии с сыном.

⁴⁰ Станюкович, К. М. Из-за пустяков / К. М. Станюкович // Станюкович, К. М. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 1. – М., 1977. – С. 184.

Адмирал, соглашаясь с сестрой в том, что сослуживцы «сделали подлость с Митей», а директор правления, вместо того чтобы наказать подлеца-доносчика, уволил оговорённого, всё же замечает, что племяннику не следовало вести разговоров на службе. «Положим, в словах его ничего такого нет. Ну, молодость, сердце доброе, поневоле жалость вырвется... всё это ничего, а как вдруг да твой Митя...»⁴¹. После этого Андрей Иванович, на склоне жизни получивший вкус к политике, с опасением и негодованием начинает говорить о свободе современных нравов, о всеобщем разрушении и вседозволенности, когда «всякая мысль придёт в голову».

Начитавшись охранительных статей в консервативных газетах, старик подытоживает свои политические рассуждения категоричным выводом: «Каждый поступай по совести, а у кого совести нет, того на Сахалин!»⁴². Следуя его логике, в числе опасных «разрушителей» может быть и племянник Митя.

Однако Марья Ивановна не поняла, кого готов сослать на Сахалин её брат, и решила, что сослать на каторгу непременно нужно начальника Мити, поступившего так жестоко с её сыном. «Она, конечно, не задумалась бы в эту минуту не только сослать на Сахалин, но даже и куда-нибудь подальше директора правления, выгнавшего со службы её сына, — о том мерзавце и говорить нечего, — но, как практическая женщина, очень хорошо понимала, что это невозможно»⁴³.

Сахалин в этом диалоге возникает как место, куда можно было попасть по политическим мотивам просто «из-за пустяков», если они покажутся кому-нибудь вовсе не пустяками, а опасными, недозволенными разговорами. Интеллигентный порядочный человек, подобный Мите Кропотову, не желающий молчать о существующих несправедливостях, легко мог оказаться в числе политических ссыльнокаторжных на далёком острове, среди тех людей, которых, по выражению А. П. Чехова, «сгноили в тюрьмах зря, без рассуждения, варварски»⁴⁴. Именно это имел в виду К. М. Станюкович, включая слово «Сахалин» в контекст происшествия с героем рассказа. Ведь несчастного молодого человека «из-за пустяков» уже выставили преступником в «подлой» газетной статье, от него отреклись родной брат и сестра, легко поверив этой клевете. «„История“ с Дмитрием Алексеевичем стала известна среди родных и знакомых. Они приходили, под видом участия, узнать, в чём дело, и Марья Ивановна несколько раз повторяла, какую подлость сделали с Митей. Однако многие родственники были убеждены, что Дмитрий Алексеевич, в самом деле, подозрительный человек, и Дмитрий Алексеевич очутился в глазах некоторых в положении зачумлённого»⁴⁵. Поразительно, но в какой-то мере Станюкович предвидел и свою судьбу: предстоящий арест и ссылку в Сибирь.

Несмотря на то что рассказ написан задолго до путешествия Чехова на Сахалин и создания книги «Остров Сахалин», он невольно вызывает ассоциации и с творчеством Чехова, и с его книгой. Как известно, основной герой

⁴¹ Станюкович, К. М. Из-за пустяков. — С. 197.

⁴² Там же. — С. 198.

⁴³ Там же. — С. 199.

⁴⁴ Чехов, А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Т. 4 : Январь 1890 — февраль 1892 / А. П. Чехов. — М., 1978. — С. 32.

⁴⁵ Станюкович, К. М. Из-за пустяков. — С. 208.

Чехова – это интеллигент, который «свиною жизнью» жить не может, но бороться также не в состоянии, и потому сам мало чем отличается от обывателя. Именно таким представляется и герой рассказа «Из-за пустяков», чей идеализм и «неумение обойти подводные камни практической жизни» привели к драматическим последствиям. «Это был самый скромный и непритязательный господин, меланхолик по натуре, скорее робкий, чем смелый, не предъявлявший к жизни никаких особенных претензий. Никогда и ни в каких „предосудительных“ поступках он не был замешан, с „подозрительными“ людьми знакомств не водил, в своих мечтах летал невысоко, словом – этот Дмитрий Алексеевич Кропотков, выброшенный в один день на улицу, был один из тех многих, самых обыкновенных смертных, простых, слабых, ничем особенно не выдающихся, у которых только ещё не заглохли инстинкты правды, совесть не подвела итогов, и сердце не потеряло способности биться и трепетать при виде бесчеловечия и несправедливости и наконец, переполненное, порой давало о себе знать робким словом негодования, участия, сожаления... Вот вся вина этих людей»⁴⁶.

Герой Станюковича близок герою чеховского рассказа «Палата №6» Ивану Дмитриевичу Громову, который также остался с матерью без средств к существованию, с утра до вечера давал грошовые уроки, занимался перепиской, вынужден был бросить университет и за странный образ мыслей подвергся изоляции в сумасшедшем доме. Чертами характера Дмитрий Кропотков напоминает и упомянутого Чеховым в книге «Остров Сахалин» мало-тымковского смотрителя г. К., интеллигентнейшего и добрейшего молодого человека, тоже петербуржца, тоскующего по России, который бесконечно одинок и чувствует себя в огромной казённой квартире как в плену. «Встал, напился чаю, сходил в тюрьму... а потом что делать? Потом ходит по своему лабиринту, поглядывая на деревянные с паклею стены, ходит, ходит, потом опять чаю напьётся и займётся ботаникой, а потом ходит опять и ничего ему не слышно, кроме собственных шагов и завывания ветра»⁴⁷. Вполне вероятно, что честный и совестливый, чуждый карьеризма герой Станюковича мог оказаться вместо Петербурга на далёком острове: в лучшем случае в качестве служащего, а в худшем – в качестве ссыльнокаторжного. Так одно только упоминание Сахалина вызывает волну ассоциаций и позволяет увидеть и почувствовать характер эпохи, понять суть человеческих взаимоотношений.

Рассказ «Ужасный день»

Станюкович вошёл в историю русской литературы прежде всего как писатель-маринист, автор морских рассказов и повестей. В основу многих произведений писателя положены непосредственные наблюдения офицера флота. К ним относятся рассказ «Ужасный день» и повесть «Вокруг света на „Коршуне“», написанные в 1890-е годы.

Действие рассказа «Ужасный день» (1893) сосредоточено вокруг одного «памятного дня», одного ужасного события, произошедшего у берегов Сахалина

⁴⁶ Станюкович, К. М. Из-за пустяков. – С. 209.

⁴⁷ Чехов, А. П. Остров Сахалин // Чехов, А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Т. 14–15 : Из Сибири. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – М., 1978. – С. 164.

в 1860-е годы с российским клипером, названном в рассказе «Ястребом». Название судна изменено писателем: на самом деле у берегов острова, вблизи поста Дуэ, сел на камни в конце августа 1961 года клипер «Гайдамак» (Станюкович получил назначение на это судно только в начале 1863 года). Видимо, рассказ был написан на основе происшествия, описанного очевидцами – членами

*Рис. 11. О. Сахалин. Порт Дуэ.
Фотография. 1890-е годы*

команды «Гайдамака». По другой версии, Станюкович мог сам участвовать в снятии с мели клипера в мае 1862 года. Писатель точно передал события, изменив название корабля, фамилии членов экипажа и время года.

В экспозиции рассказа говорится о том, что корабль «„Ястреб“ <...> после посещения портов Приморской области зашёл на Сахалин, чтобы запастись даровым углём, добытым ссыльно-каторжными, недавно переведёнными в Дуйский пост из острогов Сибири, и идти затем в Нагасаки, а оттуда – в Сан-Франциско, на соединение с эскадрой Тихого океана»⁴⁸.

Уже само начало рассказа, как и его название, не предвещает ничего хорошего, вызывает тревожное чувство. «Весь чёрный, с блестящей золотой полоской вокруг, необыкновенно стройный, изящный и красивый со своими чуть-чуть наклоненными назад тремя высокими мачтами военный четырёхпушечный клипер «Ястреб» в это хмурое, тоскливое и холодное утро пятнадцатого ноября 186* года одиноко стоял на двух якорях в пустынной Дуйской бухте неприветного острова Сахалина»⁴⁹. Сравним с описанием утра на сахалинском берегу в книге Чехова «Остров Сахалин»: «Утро было сырое, пасмурное, холодное. Беспokoйно шумело море»⁵⁰.

Негативное восприятие острова передаётся в рассказе «Ужасный день» нагнетанием пейзажных деталей: «погода сырая», «пронизывающий холод», «мелкий, частый дождик», «серая мгла», «седые гребни волн», «дождь хлестал прямо в лицо», «мрачные, нависшие над краем моря тучи», «почерневшая даль», «свинцовая даль рокотавшего моря».

Сахалинская погода мешает быстрой выгрузке угля, поэтому корабль не может сняться с якоря и покинуть мрачный порт Дуэ, который капитан «Ястреба» в сердцах называет «дырой». Далее в тексте этот образ повторяется многократно, его негативная окраска усиливается определением «собачья». Возникает противопоставление: «собачья дыра» Дуэ и «настоящий порт», о котором мечтают моряки.

Описание Дуэ у Станюковича соотносится с чеховской характеристикой Дуйского порта как места, которое является «колыбелью каторги» и «поль-

⁴⁸ Станюкович, К. М. Ужасный день / К. М. Станюкович // Станюкович, К. М. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 4. – М., 1977. – С. 301.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Чехов, А. П. Остров Сахалин. – С. 142.

зуется преувеличенно дурною репутацией». Чехов в книге «Остров Сахалин» называет дуйский берег «мрачным мирком», а в шуме бьющихся волн ему слышится «бессильная, злобная тоска». «С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо-жестоких, безнадёжных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поёт именно то, что нужно»⁵¹.

Описание ужасной погоды, встретившей моряков с «Ястреба» у каменистого побережья Сахалина, невольно отсылает читателей к словам Чехова: «...когда природа создавала Сахалин, то при этом она меньше всего имела в виду человека и его пользу»⁵². Поэтому эпитеты «подлый», «собачий», «каторжный», которые многократно использует Станюкович, характеризуя особенности дуйского ландшафта, наиболее точно соответствуют действительности. Капитан клипера предупреждает вахтенного начальника: «За якорным канатом хорошенько следите. Здесь подлый грунт, каменистый»⁵³. Моряки вторят капитану: «Скорей бы уйти. Как есть подлое место»⁵⁴. И далее: «Собачье место... Недаром здесь несчастные люди живут!..»⁵⁵; «каторжное место». В кают-компании моряки «пили чай и болтали, поругивая главным образом проклятый Сахалин, куда судьба занесла клипер». «Всем, начиная со старшего офицера и кончая самым юным членом кают-компании... эта стоянка в Дуэ была очень неприятна. Подобный берег не манил к себе моряков. Да и что могло манить?.. Неприветен был этот несчастный посёлок на оголённом юру бухты, с унылым лесом сзади без конца, с несколькими казармами мрачного вида, в которых жили пятьдесят человек ссыльнокаторжных, выходивших с утра на добычу угля в устроенную вблизи шахту, да полурота солдат линейного сибирского батальона»⁵⁶. Слова старшего штурмана «Какая здесь мерзость!» обобщают нелегкопереносимую картину сахалинского берега.

«Ужасный день» чуть не закончился для «Ястреба» гибелью: разыгравшийся шторм не хотел выпускать судно из бухты, ломая его и разбивая о камни. «Этот свирепый норд-вест коли заревёт вовсю, то надолго, и уж тогда не выпустит нас отсюда... А я предпочёл бы штормовать в открытом море, чем здесь, на этом подлеще-рейде»⁵⁷ – эти слова капитана оказались пророческими: корабль не успел выйти до шторма в море.

Остров-каторга цепко держал корабль, словно хотел лишить свободы всех, кто попал в его пространство. «Цепи» – ключевое слово, создающее образ острова-тюрьмы. «– Цепи лопнули!

Точно обрадовавшись, что избавился от цепей, „Ястреб“ метнулся в сторону, по ветру, и его понесло назад. Брошенный немедленно запасный якорь на минуту задержал клипер. Он помотался и снова почувствовал свободу. Словно срезанная

⁵¹ Чехов, А. П. Остров Сахалин. – С. 132–133.

⁵² Там же. – С. 143.

⁵³ Станюкович, К. М. Ужасный день. – С. 302.

⁵⁴ Там же. – С. 305.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. – С. 306–307.

⁵⁷ Там же. – С. 311.

ножом, лопнула и эта цепь⁵⁸. Цепи – символ несвободы: цепями приковывали к тачкам каторжан, цепи-кандалы надевали им на ноги. Клипер, разорвав оковы, не освободился от власти стихии, привязавшей его к острову: ветер понёс корабль на камни в открытой бухте Дуэ.

Драматические события с «Ястребом» нарастают вместе с накалом шторма: «Картина озверевшей стихии была действительно страшная <...> Море, что называется, кипело. Громадные волны шумно и яростно нагоняли одна другую, сталкивались и рассыпались в своих верхушках алмазной пылью, которую подхватывал вихрь и нёс дальше. Страшный рёв бушующего моря сливался с рёвом дьявольского ветра. Встречая в клипере препятствие, он то сердито выл, то проносился каким-то жалобным стоном <...> Словно обезумевший, освирепевший зверь, бросался он на маленький клипер, как будто грозя его уничтожить со всеми его обитателями»⁵⁹.

Предотвратить гибель, которая уже казалась морякам неизбежной, удалось только благодаря смелости и умению капитана, направившего клипер в свободный от камней маленький заливчик, где можно было переждать шторм. После того как клипер оказался на мели и опасность миновала, настроение капитана меняется, как и отношение к «подлому» сахалинскому берегу. Облегчение и вместе с тем безысходность слышатся в словах капитана команде: «Отлично прозимуем в этой дыре»; «Вместо Сан-Франциско будем зимовать здесь, в этой трущобе...»⁶⁰.

Известно, что ремонт клипера «Гайдамак» продлился до мая 1862 года, после чего корабль на буксире был отправлен на ремонт в Шанхай. Финал рассказа Станюковича почти точно повторяет реальный исход «ужасного происшествия»: «Весной за клипером пришёл сам „беспокойный адмирал“ на корвете „Резвый“ и отдал в приказе благодарность капитану за его находчивость и мужество, „с какими он спас в критические минуты экипаж и вверенное ему судно“. Через несколько дней „Ястреб“ был приведён на буксире в Гонконг и, починившись в доке, через месяц, по-прежнему стройный, красивый и изящный, плыл к берегам Австралии»⁶¹.

Повесть «Вокруг света на „Коршуне“»

Повесть «Вокруг света на „Коршуне“» явилась своеобразным художественным итогом кругосветного плавания будущего писателя на корвете «Калевала» под командованием капитана Василия Фёдоровича Давыдова (1831–1897), человека передовых взглядов, впоследствии запечатлённого в образе командира «Коршуна». Во время плавания Станюкович писал заметки о виденном и услышанном и использовал их впоследствии как фактическую основу не только для повести «Вокруг света на „Коршуне“», но и для других морских рассказов и повестей. Редактор журнала для детей «Родник» Алексей Николаевич

⁵⁸ Станюкович, К. М. Ужасный день. – С. 319.

⁵⁹ Там же. – С. 316.

⁶⁰ Там же. – С. 326.

⁶¹ Там же.

Альмединген (1855–1908) предложил Станюковичу в беллетристической форме (очерков или сцен из морской жизни) изложить свои воспоминания о кругосветном плавании. Так возник замысел будущей повести «Вокруг света на „Коршуне“», опубликованной в 1895 и 1896 годах.

Повесть, как и многие другие произведения морского цикла, имеет автобиографические черты. История юного кадета Володи Ашанина напоминает ранний период жизни самого Станюковича. Жажда путешествий, расширяющих кругозор и заставляющих чуткий ум задумываться и сравнивать, которой он наделил своего героя, была присуща самому будущему писателю.

В процессе работы повесть разрослась до большого произведения, состоящего из двух частей (первая часть включает 13 глав, вторая – 9). В произведении встречается немало эпизодов, развитых писателем в ряде других его морских рассказов и повестей («Василий Иванович», «Человек за бортом», «Беспокойный адмирал»). Писатель не романтизирует морскую жизнь, правдиво изображает будни, быт, духовный мир и психологию моряков. По характеру повесть близка путевым очеркам Ивана Александровича Гончарова («Фрегат „Паллада“») и Дмитрия Васильевича Григоровича («Корабль „Ретвизан“»).

Сахалину посвящено несколько страниц шестой главы второй части под названием «Выручка „Забияки“». События, описанные в ней, напрямую перекликаются и даже отчасти повторяют происшествие из рассказа «Ужасный день». Капитан «Коршуна» направил корабль на помощь терпящему бедствие у берегов Сахалина судну «Забияка». Несмотря на «дьявольский туман», в котором приходится идти, он берёт на себя ответственность за жизнь своего экипажа и за спасение другого корабля. Клипер «Забияка» сел на камни всё в том же злополучном месте – возле поста Дуэ. Понимая, что промедление подобно смерти, капитан говорит старшему офицеру: «Эти гряды в Дуйском порте на Сахалине, в которых застрял „Забияка“, очень опасны. Я бывал в Дуэ. Тоже чуть нас не выбросило на каменья... Отвратительная дыра!»⁶². Эти слова почти дословно воспроизводят оценку сахалинского берега в рассказе «Ужасный день». День, когда корабль чуть не погиб из-за «подлюги-тумана», здесь назван «жутким днём», а сам туман – «ужасным».

Описание шторма в Северном море напоминает изображение шторма в рассказе «Ужасный день»: «Море ещё бушевало. По-прежнему оно катило свои седые волны, которые нападали на корвет, но сила их как будто уменьшилась. Море издали не казалось одной сплошной пеной, и водяная пыль не стояла над ним. Оно рокотало, всё ещё грозное, но не гудело с рёвом беснующегося стихийного зверя»⁶³. Ветер, который бросает судно из стороны в сторону, моряки называют «каторжным».

Рис. 12. Книга К. М. Станюковича «Вокруг света на „Коршуне“»

⁶² Станюкович, К. М. Вокруг света на «Коршуне» / К. М. Станюкович // Станюкович, К. М. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 6. – М., 1977. – С. 376.

⁶³ Там же. – С. 104.

Описание самого Дуйского поста также перекликается с соответствующим описанием из рассказа «Ужасный день»: «В третьем часу следующего дня „Коршун“ входил на неприветливый Дуйский рейд, мрачный и пустынный, окаймлённый обрывистыми лесистыми берегами, с несколькими видневшимися на склоне казарменными постройками, в которых жили единственные и невольные обитатели этого печального места – ссыльнокаторжные, присланные на Сахалин для ломки каменного угля, и полурота линейных солдат для надзора за ними»⁶⁴.

Одна из центральных тем повести – телесные наказания на флоте. В морском корпусе, где обучался Станюкович, царили жестокие нравы: грубость, взяточничество, порка. Во время учебного плавания летом 1860 года на корабле «Орёл» Станюкович не раз видел зверскую расправу над матросами. В повести «Вокруг света на „Коршуне“» он сравнивает военную службу в царском флоте с «каторгой», подразумевая длительность службы и полную зависимость простых моряков от произвола боцманов и офицеров. Писатель с негодованием отмечает, что официально отменённые жестокие наказания матросов ещё не ушли в безвозвратное прошлое, и некоторые офицеры и боцманы по-прежнему убеждены, что матросов можно «выучить» только при помощи телесных наказаний. Герой Станюковича, гардемарин Ашанин (как и капитан «Коршуна») является убеждённым сторонником гуманного отношения к матросам, тем самым выражая авторскую позицию.

В книге «Остров Сахалин» теме телесных наказаний посвящено немало страниц. Чехов с отвращением описывает чиновников, которые «в обращении с низшими не признают ничего, кроме кулаков, розог и извозничьей брани»⁶⁵. В главе XXI, посвящённой теме наказаний, он показывает страшные картины истязания людей розгами и плетью, после которых многие из наказанных умирали. Станюкович тоже с возмущением описывает необузданный произвол офицеров, которым непременно нужно «искровянить матроса». Рассуждения Станюковича о бессмысленности телесных наказаний на флоте перекликаются с выводами Чехова о нецелесообразности применения физических наказаний к каторжанам: «Наказания, унижающие преступника, ожесточающие его и способствующие огрублению нравов и давно уже признанные вредными для свободного населения, оставлены для поселенцев и каторжных, как будто ссыльное население подвержено меньшей опасности огрубеть, ожесточиться и окончательно потерять человеческое достоинство»⁶⁶.

Станюкович, которого современники называли «Айвазовским слова», любит живописать все оттенки морской погоды, начиная с полного штиля и кончая ураганом. В повести «Вокруг света на „Коршуне“» преобладают картины спокойного моря. Например, глава первая второй части «В Тихом океане» открывается таким пейзажем: «...океан был необыкновенно милостив и лобезен и рокотал, переливаясь своими могучими тёмно-синими волнами тихо и ласково, словно бы добрый дедушка, напевающий однообразно ласкающий

⁶⁴ Станюкович, К. М. Вокруг света на «Коршуне». – С. 380.

⁶⁵ Чехов, А. П. Остров Сахалин. – С. 320.

⁶⁶ Там же. – С. 326.

мотив»⁶⁷. Но по мере приближения к Сахалину море становится всё более неприветливым и страшным, вызывая невольное ожидание неведомой опасности: «Туман, довольно частый в Японском море и в Японии, казалось, надолго заключил „Коршуна“ в свои влажные, нерасторжимые объятия. День близился к концу, а туман был так же страшен своей непроницаемостью, как и утром. Стоял мёртвый штиль, и не было надежды на ветер, который разогнал бы эти клубы тумана, словно злые чары, скрывшие всё от глаз моряков»⁶⁸. В книге Чехова приближение к туманной полоске каторжного острова так же окрашено тревожными предчувствиями, вызывая воспоминания о мифологическом скитальце Одиссее: «Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами»⁶⁹.

Чехов не раз обращается к описанию моря, при этом морской пейзаж в «Острове Сахалин» чаще всего неприветлив: море «холодное, мутное» или «угрюмое, злое»; поверхность его «свинцовая»; волны «высокие и седые» или «суровые»; берег «пустынный» или «неприветливый»; небо «однообразное серое» или «хмурое».

Природные стихии – как у Чехова, так и у Станюковича – соотнесены со стихией человеческого бытия. Оба писателя связывают с морем тему отчуждённости, отверженности человека. Море отгораживает от дома, от России. Эта мысль пронизывает картину начала плавания, когда «Коршун» выходит на большой рейд: «Кронштадт исчез в осенней мгле пасмурного дня. Впереди и сзади было серое, свинцовое, неприветное море.

– Прощай, матушка Рассея! Прощай, родимая! – говорили матросы.

И снова крестились, кланяясь по направлению к Кронштадту»⁷⁰. Корабль, подобно острову, отдалён и изолирован от России морем. Именно поэтому море вызывает отвращение и страх у людей, оказавшихся в его власти. Так, в главе четвёртой первой части, в которой рассказывается о первом шторме Ашанина, даётся следующее описание моря: «Эта бездонная пропасть бушующего, засевшего моря, бьющегося о бока корвета, отделялась только стеклом иллюминатора да несколькими досками корабельной обшивки. Оно было близко, страшно близко, это море, и здесь, сквозь стекло иллюминатора, казалось каким-то жутким и страшным водяным гробом. И чувство беспомощности и сиротливости невольно охватывало юношу в этой маленькой полутёмной каюте...»⁷¹.

В повести «Вокруг света на „Коршуне“» Станюкович использует приём контрастного противопоставления: безмятежный остров Мадейра в первой её части явно противопоставлен дикому и мрачному острову Сахалин во второй части. Мадейра ассоциируется с раем, напоминает «что-то сказочное, волшебное»: «роскошный, весь словно повитый зеленью, с высокими, голыми

⁶⁷ Станюкович, К. М. Вокруг света на «Коршуне». – С. 260.

⁶⁸ Там же. – С. 375–376.

⁶⁹ Чехов, А. П. Остров Сахалин. – С. 45.

⁷⁰ Станюкович, К. М. Вокруг света на «Коршуне». – С. 60.

⁷¹ Там же. – С. 92.

маковками блиставших на солнце гор, точно прелестный сад, поднявшийся из океана». Сахалин, «мрачный и пустынный, окаймлённый обрывистыми лесистыми берегами», совсем не похож на райское место. Возникает антитеза: «остров-сад» – «остров-ад». Подобное противопоставление есть и у Чехова. Вернувшись в Москву после Сахалина, он писал (10 декабря 1890 года): «Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне!»⁷².

Таким образом, сахалинская тема в творчестве Станюковича возникла отнюдь не случайно, она органически вошла в художественную ткань нескольких произведений писателя, проявила его социально-философские взгляды, демократическую и гуманистическую позицию.

Литература: Вильчинский, В. П. Константин Михайлович Станюкович / В. П. Вильчинский. – М. ; Л. 1963 ; Вильчинский, В. П. Русские писатели – маринисты / В. П. Вильчинский. – М. ; Л., 1966 ; Волков, В. П. Романы Станюковича 1870-х годов / В. П. Волков. – Л., 1963 ; Крившенко, С. Ф. Берег отечества / С. Ф. Крившенко. – М., 1988 ; Крившенко, С. Ф. Дорогами землепроходцев / С. Ф. Крившенко. – Хабаровск, 1984 ; Лозовик, Г. Ф. К. М. Станюкович / Г. Ф. Лозовик. – Симферополь, 1953 ; Максимов, С. В. Литературные путешествия / С. В. Максимов. – М., 1986 ; Свиридова, З. И. К. М. Станюкович / З. И. Свиридова. – М., 1955 ; Станюкович, К. М. Избранные произведения / К. М. Станюкович ; вступ. ст. и примеч. В. Вильчинского. – Л., 1954 ; Степанов, А. И. Русский берег / А. И. Степанов. – Владивосток, 1976.

В. И. Чудинова

1.3. Сахалинская тема в творчестве В. Г. Короленко: рассказ «Соколинец»

Жизнь и творчество Короленко

Владимир Галактионович Короленко родился 15 (27) июля 1853 года в Житомире в семье уездного судьи (см. рассказ «В дурном обществе»). Его отец был человеком честным, порядочным и «глубоко религиозным»⁷³: «Бог, царь и закон стояли для него на высоте, недоступной критике»⁷⁴. По матери Короленко польских кровей («И когда я теперь вспоминаю мою молодую красавицу-мать... она рисуется мне каким-то светлым ангелом»)⁷⁵. Польский и украинский языки будущий писатель знал с детства (позже к ним добавятся французский,

⁷² Чехов, А. П. Письма / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Т. 4 : Январь 1890 – февраль 1892. – М., 1978. – С. 143.

⁷³ Короленко, В. Г. История моего современника : в 4 кн. / В. Г. Короленко // Собр. соч. : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1954. – Кн. 1. – С. 55. Далее мемуары цитируются по этому изданию с указанием порядкового номера книги и страниц, на которых находится цитата.

⁷⁴ Там же. – С. 43.

⁷⁵ Там же. – С. 39.

немецкий, отчасти английский, румынский); с детства же, как и отец, Владимир Короленко неплохо рисовал. Дочь Короленко, Софья Владимировна, рассказывает: «Отец имел большие способности рисовальщика. <...> Во время своих путешествий он зарисовывал многое, а потом эти рисунки помогали ему в работе». (Из стенограммы заседания сектора русской литературы конца XIX–XX веков Государственного литературного музея, 09.04.1946 г.). Навыки рисовальщика – внимание к деталям, точность в передаче перспективы, цветосветового решения пространства – сказываются в художественных текстах Короленко.

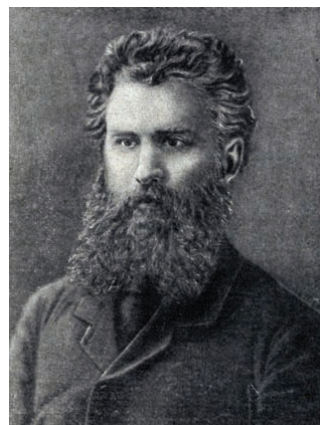

Рис. 13. В. Г. Короленко

Учился Короленко сначала в Житомирской гимназии, после переезда в Ровно – в Ровенском реальном училище (окончил в 1871 году с серебряной медалью). Чтобы получить высшее образование, совершил (не без приключений) своё первое самостоятельное путешествие из провинции в Петербург и поступил в Санкт-Петербургский технологический институт. К этому времени отец Короленко уже умер. Мать выбивалась из сил (в семье кроме Владимира было ещё четверо детей), но свести концы с концами не удавалось, и он был вынужден перейти на стипендию в Петровскую земледельческую академию (Москва, 1874), из которой его через год исключили за участие в студенческих народнических кружках. Позже Короленко станет студентом Горного института (СПб., 1877), но проучится там тоже недолго и вновь будет исключён за неблагонадёжность. А потом последуют аресты, ссылки (в общей сложности восемь лет неволи и ограничения в правах). Но Короленко не унывал: «...я был молод, – пишет он в „Истории моего современника“, – на диво здоров, и всё, что я видел, вызывало во мне живейший интерес. <...> То, что я ещё только собирался сделать, будучи в Петербурге, для чего мне приходилось бы менять оболочку интеллигента, то теперь, милостью начальства, было мне предоставлено на казённый счёт. Здесь (в ссылке. – М. Т.) я был просто мужик, правда, с дальней стороны, но всё-таки только мужик, равный этим мужикам, а пожалуй, и ниже их положением, как ссыльный...»⁷⁶. На сибирских впечатлениях основаны многие рассказы Короленко, в том числе и рассказ «Соколинец» (1885).

Кем только ни работал Короленко за свою жизнь! Репетитором, корректором, чертёжником, сапожником (готовясь к «хождению в народ», специально изучал сапожное ремесло), табельщиком в железнодорожных мастерских, письмоводителем. Крестьянствовал, переводил. Занимался художественным творчеством, публицистикой. В 1896–1900 годах совместно с Н. К. Михайловским издавал журнал «Русское богатство»: как редактору отдела беллетристики Короленко приходилось ежегодно прочитывать и обрабатывать от 100 до 500 рукописей!

В 1890-е годы Короленко много путешествовал: Крым, Кавказ... В 1893 году побывал на Всемирной выставке в Чикаго (по дороге познакомился с Данией,

⁷⁶ Короленко, В. Г. История моего современника. – Кн. 3. – С. 24.

Швецией, Великобританией, Францией). Результатом этой поездки стала, в частности, философско-аллегорическая повесть «Без языка» (1895). Короленко получает признание не только в России, но и за рубежом. Его произведения выходят на иностранных языках.

В 1900 году писатель поселился в Полтаве (Украина) и прожил там до самой смерти. В последние годы (1906–1921) Короленко писал большой автобиографический роман «История моего современника», который должен был обобщить всё, что он пережил, систематизировать его философские, эстетические, политические взгляды. Роман остался незавершённым⁷⁷. Писатель умер, работая над четвёртым томом произведения. Случилось это 25 декабря 1921 года. «Историю моего современника» по просьбе В. Г. Короленко продолжила его дочь, Софья Владимировна Короленко⁷⁸.

Свою «Книгу об отце» (1968) С. В. Короленко начинает с 1885 года, на котором остановился Короленко, с момента приезда отца из сибирской ссылки в Нижний Новгород, где ему было разрешено поселиться. Опубликованная в 1966 году часть хроники – «Десять лет в провинции» – доводит изложение событий до переезда Короленко в Петербург весной 1896 года. Следующая часть содержит рассказ о деятельности писателя на посту редактора журнала «Русское богатство», о переселении в Полтаву и литературно-общественной работе в 1900–1914 годах, о последнем периоде его жизни (1915–1921). Публикация на страницах книги отрывков из неизданных произведений и писем Короленко придаёт ей в ряде случаев значение первоисточника.

Короленко в оценке Чехова

Как известно, Короленко высоко ценил Чехов (они познакомились в 1887 году). Сохранилось 17 писем Чехова и 12 писем Короленко, адресованных друг другу. Выдержки из этих писем хорошо иллюстрируют отношение Чехова к Короленко: «...я глубоко ценю и люблю Ваш талант»⁷⁹ (17.10.1887); «...Из всех ныне благополучно пишущих россиян я самый легкомысленный и несерьёзный; <...> Вы же серьёзны, крепки и верны»⁸⁰ (17.10.1887); «...около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на неё, а с Вами я,

⁷⁷ Первая книга «Истории моего современника» была начата В. Г. Короленко в 1905 году, закончена в октябре 1908 года, в 1909 году переработана для отдельного издания. Вторая книга, начатая в 1909 году, была дописана лишь в 1918 году и подготовлена для отдельного издания в 1919 году. Таким образом, Короленко работал над ней – с большими перерывами – десять лет. Первые восемь глав второй книги «Истории моего современника» были напечатаны в первой и второй книжках «Русского богатства» за 1910 год. Короленко ввёл их в Полное собрание сочинений (изд. А. Ф. Маркса, 1914). Отдельным изданием книга вышла при жизни писателя сначала в 1919 году в Одессе (изд. «Русского богатства»), затем в 1920 году в Москве.

⁷⁸ Короленко, С. В. Десять лет в провинции / С. В. Короленко. – Ижевск, 1966. – 220 с. ; Короленко, С. В. Книга об отце / С. В. Короленко. – Ижевск, 1968. – 363 с.

⁷⁹ Переписка А. П. Чехова : в 2 т. – Т. 1. – М., 1996. – С. 415.

⁸⁰ Там же.

не спрашивая Вас, заключил в душе своей союз»⁸¹ (9.01.1888). На пятидесятилетие Короленко (15.07.1903) Чехов прислал телеграмму: «Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек, сегодня с особенным чувством вспоминаю Вас. Я обязан Вам многим. Большое спасибо. *Чехов*»⁸².

Чехов читал Короленко с карандашом (на свой лад переделал рассказ «Лес шумит», в «Слепом музыканте» отчеркнул те места, где проявилась чуждая его собственному стилю субъективность повествования, открытость авторских оценок). Непосредственно о рассказе «Соколинец» А. П. Чехов высказался так: «Ваш „Соколинец“ мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая, музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом. Вообще в Вашей книге Вы такой здоровенный художник, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарезали бы другого художника, у Вас проходят незамеченными. Например, во всей Вашей книге упрямо отсутствует женщина, и это я только недавно разнюхал»⁸³ (письмо датировано 9 января 1888 года).

Рассказ «Соколинец»: общие особенности формы и содержания

Рассказ Короленко «Соколинец» (1885) – один из лучших в русской литературе: и по форме, и по содержанию. По композиции – это рассказ в рассказе, состоящий из девяти частей. Тип повествования определяют автор-рассказчик и герой-рассказчик. Однако не всё так просто. Автор-рассказчик (интеллигент-поселенец) говорит о себе от первого лица (части I–II), он же выступает в роли повествователя с использованием третьего лица («арестанты почувствовали» и т. д.), когда пересказывает историю бродяги Василия (части III–IV). Порой голоса переплетаются (диалог рассказчиков в начале V части), порой к диалогу подключаются новые голоса (старого бродяги Бурана, зрителя Самарова и других). Всё это создаёт сложную, хорошо организованную повествовательную среду. При этом композиционные составляющие рассказов также накладываются друг на друга (то, что является развитием одной истории, становится началом другой и т. д.) – и такое наложение не обременяет восприятия, не нарушает единства художественного целого.

Хронотоп рассказа в аспекте времени включает в себя настоящее (время встречи рассказчиков)⁸⁴ и прошедшее (время сахалинской каторги Василия).

Место действия обеих историй – Якутия, Сахалин – маркировано в контексте повествования статусом ссылки / каторги, «чужой страны» / стороны. Сахалин, «Соколиный остров», помимо прочего характеризуется как «дикий»,

⁸¹ Переписка А. П. Чехова. – С. 416.

⁸² Там же. – С. 434.

⁸³ Там же. – С. 417. Цитата приведена полностью, чтобы сохранить общую шутливо-дружескую интонацию конкретного письма, во многом характерную для данной переписки в целом. – М. Т.

⁸⁴ Сибирская ссылка Короленко, соотносимая с этим хронотопом, приходится на 1879–1885 годы.

«проклятый» (или проклятый) край. При этом пространство автора-рассказчика, политического ссыльного, структурируется следующим образом: юрта, наклонные стены которой «казалось, всё плотнее сдвигаются над головой»⁸⁵, поодаль на небольшой равнине, окружённой горами, – слобода, в которой жили «давно объякутившиеся потомки русских поселенцев и, частью, ссыльные татары»⁸⁶, за горами – тайга, «неодолимая даль», которая залегла «между тобой и всем дорогим, далёким, потерянным»⁸⁷... Якутия – Россия. Пространственные координаты рассказа Василия – пароход «Нижний Новгород» с арестантами на борту, Японское море, пролив Лаперуза; Сахалин, порт Дуэ; после побега – Якутия («Мочи моей нету, вот что! Не глядели бы глаза на здешнюю сторону»⁸⁸ и в памяти – Россия, отчий дом, родная сторона. Сахалин – Якутия – Россия... Хронотопы пересекаются в точке «ночь, зима, Якутия (юрта)». На эмоциональном уровне рассказчиков, объединённых пространственным мотивом чужой стороны, объединяют также мотивы тоски, одиночества: одинокий автор слышит приближение одинокого всадника⁸⁹ – их встреча и становится завязкой основного повествования.

Заметим, что «музыкальность» рассказа, о которой говорил Чехов, во многом обеспечивается именно системой мотивов и лейтмотивов. Мотивы и лейтмотивы активно работают на содержание. Их концентрация, «сгущение» в различных сочетаниях в пределах композиционной части, абзаца, фразы позволяет с большей убедительностью передать атмосферу происходящего и одновременно насыщает текст образностью. В экспозиции, например, с высокой плотностью фиксируются мотивы *ночи / тьмы / мрака, холода / мороза, снега / льда, молчания / безмолвия*, сливающиеся с мотивом *чужой стороны*, а позже – с мотивом *враждебной судьбы* (обездоленности). Мертвенность, ирреальность окружающего (мотив тумана, сглаживающего, размывающего очертания предметов) рождает ощущение одиночества, безысходной тоски и даже обречённости – у читателя в неменьшей степени, чем у героев произведения в определённые моменты их существования. (Мотив тоски становится в рассказе сквозным:

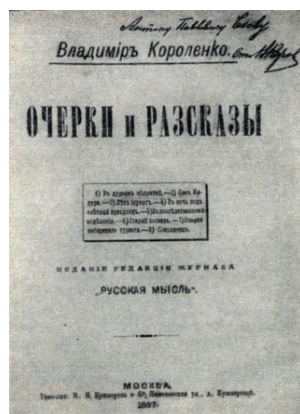

Рис. 13. Первая публикация рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» в книге «Очерки и рассказы»

⁸⁵ Короленко, В. Г. Соколинец: Из рассказов о бродягах / В. Г. Короленко // Река играет : рассказы и очерки. – Владивосток, 1986. – С. 117.

⁸⁶ Там же. – С. 118.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. – С. 138.

⁸⁹ «Усталость, морозная ночь, а быть может, и тоска, которую испытывал одинокий путник, пробиравшийся среди непроницаемого тумана, – всё это несколько смягчило резкие очертания лица, залегло над бровями и в чёрных глазах выражением страдания, гармонизировавшего с моим настроением в этот вечер, и внушило мне сразу невольную симпатию к незнакомому гостю». Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 121–122. Здесь и далее по тексту (в том числе и в сносках) выделения принадлежат автору параграфа.

он объединяет все повествовательные планы – план автора, план Василия-Багылая, план отдельных образов, например, старого бродяги Бурана и др.).

По ходу повествования мотивы переплетаются («среди **мёртвого затишья во мраке**», «...**чужая сторона**» враждебно веет на него всем своим **мраком** и **холодом**», «**туман** стоял неподвижно, выжатый из воздуха сорокаградусным **морозом**, и всё тяжелее налегал на **примолкшую** землю», «Кругом – **ни звука**... **Холодно** и жутко... **Ночь** притаилась, охваченная ужасом – чутким и напряжённым», «Я находил особого рода отраду в мысли, что во **мгле холодной ночи** моя **одинокая** юрта сверкает светлыми **льдинками** и сыплет, точно маленький вулкан, целым снопом огненных искр, судорожно трепещущих в воздухе, среди клубов белого дыма» и т. д.). Рассредоточенные по тексту, где надо – стянутые в узлы, облегчающие переход от темы к теме, мотивы сублимируются в лейтмотивы *тоски, одиночества, чужой далёкой стороны, вольной волюшки* и подтягиваются к финалу практически без потерь, например: «Поддавшись какому-то **грустному** обаянию, я стоял на крыше, задумчиво следя за слабыми переливами сполоха. **Ночь** развернулась во всей своей **холодной** и **унылой** красе. На небе мигали звёзды, внизу **снега** уходили **вдаль** ровною пеленою, **чернела** гребнем тайга, синели **дальние** горы. И ото всей этой **молчаливой**, объята **холодом** картины веяло в душу снисходительной **грустью**, – казалось, какая-то **печальная** нота трепещет в воздухе: „**Далеко, далеко!**“»⁹⁰.

Подобная разработка эмоционально-тематической партитуры рассказа делает честь автору. Стиль Короленко, понимаемый как способ самовыражения, реализованный в конкретном произведении, как арсенал изобразительно-выразительных средств, включает в себя, помимо мотивов и лейтмотивов, порой метафорических по сути⁹¹, яркие портретные характеристики, ещё более яркие речевые характеристики, имеющие фольклорно-сказовую окраску⁹², всевозможные тропы, разнообразную лексику – от местных якутских диалектов до арестантского жаргона («шпанка» – серая масса арестантов, толпа; «сделать крышку» – убить в камере, в самой тюрьме), звуковую аранжировку языка (перед встревоженным воображением автора встают «неодолимою **далью** все эти горы, леса, бесконечные степи, которые залегли между тобой и всем **дорогим, далёким, потерянным**, что так неотступно манит к себе и что, в этот час, как будто совсем исчезает из виду, рея в сумрачной **дали** слабым угасающим огоньком умирающей надежды... А **подавленное**, но всё же неотвязное горе, спрятанное **далеко-далеко**, в глубине сердца, смело подымет теперь зловещую

⁹⁰ Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 153.

⁹¹ **Холод, лёд, мороз** – метафора **мертвенности, обречённости, безысходности**: «Навсегда... в этом **гробу**, навсегда!» (Короленко, В. Г. – С. 118).

⁹² Например, из речи Василия: «Ох, и люта же тоска на бродягу живёт! Ночка-то тёмная, тайга-то глухая... дождём тебя моет, ветром тебя сушит, и на всем-то, на всём белом свете нет тебе родного угла, ни приюту... всё вот на родину тянешься, а приди на родину, там тебя всякая собака за бродягу знает. А начальства-то много, да начальство-то строго... Долго ли на родине погуляешь, – опять тюрьма!» (Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 147).

голову и, среди мёртвого затишья во мраке, так явственно шепчет ужасные роковые слова: „Навсегда... в этом гробу, навсегда!..“»⁹³ и т. д.

Что касается общей характеристики повествовательной манеры Короленко, то надо отметить его правдивость (ещё гимназистом он думал, как «...желал бы изобразить и эту природу, и этих людей так, чтобы всё было правда»)⁹⁴; хорошую память на детали, лица, чужое слово; наблюдательность (отчасти сказывается привычка рисовальщика, хотя писатель «в настоящем значении этого слова», по Короленко, в принципе, человек с преобладающим интересом наблюдения)⁹⁵; неторопливую манеру речи с подробным описанием людей, обстоятельств, места и времени действия, сочетание документального и беллетристического начала, а также гуманизм, определяющий авторское отношение к персонажам, о чем в рассказе «Соколинец» сказано предельно ясно: «Сибирь приучает видеть и в убийце человека»⁹⁶. И дальше: «Убийца не всё же только убивает, он ещё и живёт, и чувствует то же, что чувствуют все остальные люди, в том числе и благодарность к тому, кто его приютил в мороз и непогоду»⁹⁷.

Последнее замечание позволяет перейти от формы к содержанию и рассмотреть такие «параметры» произведения, как тема, проблема, идея, пафос. Тема рассказа («бежал бродяга с Сахалина», шире – бегство от «серой» жизни с её повседневными обязанностями) в каждом конкретном случае уточняется в зависимости от уровня прочтения текста (вообще наличие смысловых уровней в том или ином произведении уже само по себе показатель глубины и определённого качества художественного высказывания). Применительно к рассказу «Соколинец» это могут быть биографический (один из эпизодов сибирской ссылки автора), социально-исторический (феномен бродяжничества в России XIX века, другие аспекты общественного статуса героев, общая характеристика социальной действительности), психологический (столкновение вольнолюбивой личности и среды), метафорический (жизнь-каторга и производные метафоры чужой страны / стороны), духовный (духовная трагедия «хорошего» бродяги) уровни осмысления художественного материала.

Духовная проблематика в самосознании Короленко

Духовная проблематика рассказа «Соколинец», опосредованная целым рядом более привычных уровней прочтения (биографическим, психологическим, социально-историческим, метафорическим), отнюдь не противоречит базовым установкам Короленко: «...у меня всегда оставалось уважение ко всякой искренней вере...», – признается он в «Истории моего современника»⁹⁸.

⁹³ Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 118.

⁹⁴ Короленко, В. Г. История моего современника. – Кн. 1. – С. 261.

⁹⁵ Короленко, В. Г. Великий пилигрим (Три встречи с Л. Н. Толстым) / В. Г. Короленко // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1953. – Т. 5 : Литературно-критические статьи и воспоминания. – С. 112.

⁹⁶ Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 120.

⁹⁷ Там же. – С. 121.

⁹⁸ Короленко, В. Г. История моего современника. – Кн. 3. – С. 192.

Короленко рос в религиозной семье, в гимназические годы и сам охотно посещал церковь: «...Только попросил позволения посещать не собор, где ученики стоят рядами под надзором начальства, а ближнюю церковь св. Пантелеймона. Тут, стоя недалеко от отца, я старался уловить настоящее молитвенное настроение, и это удавалось чаще, чем где бы то ни было впоследствии. Я следил за литургией по маленькому требнику. Молитвенный шелест толпы подхватывал и меня, какое-то широкое общее настроение уносило, баюкая, как плавная река. И я не замечал времени...»⁹⁹. Юный Короленко не раз переживал подлинный религиозный экстаз: мог встать на колени перед статуей мадонны и молиться прямо на базарной площади (мать была католичкой, и он иногда посещал с нею костел. – М. Т.). Природа всегда казалась Короленко «проникнутой какой-то особенной, мягкой и печальной сознательностью»¹⁰⁰, а из-за облаков, по его собственному выражению, «выглядывала бесконечность, загадочно ровная, заманчивая и дразнящая старыми загадками сфинкса в новых формах...». Эта бесконечность и годы спустя свидетельствовала, что вопросы веры «...были только отодвинуты, а не решены в том или другом смысле»¹⁰¹.

В творчестве Короленко немало рассказов, так или иначе связанных с вопросами веры: «В ночь под светлый праздник» (1885), «За иконой» (1887), «На затмении» (1887), «Птицы небесные» (1889), «В пустынных местах» (1890). Вне зависимости от трактовки подобных сюжетов – скорее, будничной, прозаической, чем метафизической, – они объективно утверждают православие как этнокультурную доминанту великороссов, отражают стихийную религиозность народа. Уже в конце жизни Короленко напишет: «Россия должна была пережить свою революцию, и для этого нужно было и базаровское бесстрашие в пересмотре традиций, и бесстрашие перед многими выводами. Но мне часто приходило в голову, что очень многое было бы у нас иначе, если бы было больше той бессознательной, нелогичной, но глубоко вкоренённой нравственной культуры, которая не позволяет некоторым чувствам слишком легко, почти без сопротивления, следовать за „раскольниковскими“ формулами. Это „рука не поднимается“ сыграло впоследствии важную роль в некоторых случаях моих колебаний... Да, русские руки часто слишком уж легко подымались и теперь подымаются на многое, на что бы не следовало»¹⁰².

Как видим, Короленко (при всей своей вере в науку) дорожит «бессознательной, нелогичной, но глубоко вкоренённой нравственной культурой». Её следы фиксируются и в образе Василия-Багылая. Личность Василия являет нам, во-первых, конфликт духовного начала (совесть) и природы (вольнлюбивая, страстная натура; субпассионарность), во-вторых, конфликт воспитания, социальной «закваски», нормы, социальных ожиданий и обусловленных той же средой, обстоятельствами фактических поступков, поведения.

⁹⁹ Короленко, В. Г. История моего современника. – Кн. 1. – С. 192.

¹⁰⁰ Там же. – С. 245.

¹⁰¹ Там же. – С. 310.

¹⁰² Там же. – Кн. 2. – С. 219.

Образ главного героя рассказа: духовная трагедия «хорошего» бродяги

Созданный в рассказе образ бродяги Василия (Багылая – на местный якутский манер) достаточно интересен во всех отношениях (и как объект филологической рефлексии, и как инструмент воспитательного воздействия, средство познания и самопознания личности). Василий по описанию Короленко – мужчина лет тридцати, «высокого роста, широкоплечий и статный»¹⁰³, тёмные глаза которого «глядели по временам задумчиво и умно, все черты выражали энергию»¹⁰⁴. Он силен физически, вынослив; по темпераменту – пылок и страстен; по характеру – вольнолюбив. Когда-то, когда ему было восемнадцать лет, Василий ушёл из дома, о чём сожалеет: «– Эх, господин, ежели рассказать вам!.. Не видал я в жизни своей ничего хорошего и теперь не вижу. Только и видел хорошего до восемнадцати лет. Ладненько тогда жил, пока родителей слушал. Перестал слушаться – и жизнь моя кончилась. С самых тех пор, я так считаю, что и на свете не живу вовсе. Так... бьюсь только понапрасну»¹⁰⁵. Обратим внимание на почти житийный зачин истории Василия. Если учесть, что отец его был начётчиком, возможно, старообрядцем, и родом они были с Урала, куда, в частности, бежали от своих преследователей старообрядцы и где они впоследствии пустили корни, то возникающий в подтексте образ протопопы Аввакума вполне оправдывает подобный зачин. (Г. В. Флоровский в книге «Пути русского богословия» характеризует старообрядчество как «тяжёлую духовную болезнь»¹⁰⁶, так что протопоп Аввакум олицетворяет здесь некий положительный, относительно Василия, пассионарный тип «внесистемной» личности, на который подспудно проецируется образ Василия.)

Короленко не уточняет, почему, как, с кем и куда ушёл Василий из родительского дома, чем занимался впоследствии, за что попал на каторгу. Мы знаем только, что к обычному, «обывательскому» существованию он не способен, крестьянствовать, жить «хозяйством» не хочет. В обществе со строгим делением на сословия это значит оказаться за скобками социума и практически наверняка – в «преступивших», преступниках. В. И. Даль так определяет значение слова «бродяга» и феномен бродяжничества в целом: «Бродяга – беглый шатун, скиталец, кто произвольно, без права и письменного вида, покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь по чужбине. Бродяжить – шататься по белу свету, покинув родину; укрываться в бегах, на чужбине, без вида и скрывая своё лицо»¹⁰⁷. В XIX веке считалось, что бродяги составляют наиболее профессиональную часть преступного мира; вольные, независимые, рискованные люди, они чаще других решались на побег из тюрьмы, с поселения, каторги.

Автор пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилёв относит бродяг к субпассионариям – людям, чьими «поступками управляют импульсы,

¹⁰³ Короленко, В. Г. Соколинцев. – С. 121.

¹⁰⁴ Там же. – С. 124.

¹⁰⁵ Там же. – С. 126.

¹⁰⁶ Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Париж, 1982. – С. 73.

¹⁰⁷ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1 : А – З / В. И. Даль. – М., 1978. – С. 129.

вектор которых противоположен пассивному напряжению¹⁰⁸, иначе говоря, к тем, у кого инстинкт самосохранения превышает все остальные импульсы. Субпассивности, по Гумилёву, «живут, чтобы не работать»; они «не изменяют мир (как пассивности. – М. Т.) и не сохраняют его (как гармоничные люди. – М. Т.), а существуют за его счёт. Образ Василия-Багылая не вполне соответствует описанию типичного бродяги-субпассивности: поступками Василия часто действительно управляют инстинкты, инстинкт самосохранения прежде всего, и к обывательскому, «серому» существованию он не способен (такая жизнь «не про него»)¹⁰⁹, но... Недаром Короленко проводит некую параллель между своим героем и Одиссеем: «...и в воображении одна за другой вставали картины его одиссеи»¹¹⁰. Романтический мотив «вольной-волюшки», не прямое сопоставление с «гордым орлом» / соколом («соколинец» созвучно и «сахалинцу», и «соколу»), почти фольклорные порой речевые характеристики – всё это переводит восприятие Василия на более высокий и сложный уровень.

Автор-рассказчик ставит себя на место своего визави и, как ни странно, испытывает совсем не те чувства, которые, казалось бы, должен был испытывать: «Всю кровь взбудоражил во мне своими рассказами молодой бродяга»¹¹¹. Автор находит в себе отклик его, Василия, переживаниям: «По временам, когда я начинал забываться, мне казалось, что надо мной шумят лиственницы и кедровые, что я гляжу вниз с высокого утёса и вижу белые домики кордона в овраге, а между моим глазом и белою стеною реет горный орёл, тихо взмахивая свободным крылом. И мечта уносила меня всё дальше и дальше от безнадёжного мрака тесной юрты. Казалось, меня обдавал свободный ветер, в ушах гудел рокот океана, садилось солнце, залегали синие морозы, и моя лодка тихо качалась на волнах пролива. ... И почему, спрашивал я себя, этот рассказ запечатлевается даже в моём уме – не трудностью пути, не страданиями, даже не „лютою бродяжьей тоской“, а только поэзией вольной волюшки? Почему на меня пахло от него только призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи? И если меня так зовёт она, так манит к себе эта безвестная даль, то как

¹⁰⁸ Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М., 1993. – С. 284.

¹⁰⁹ К моменту встречи с автором-рассказчиком Василий уже два года жил в Якутии в своём домике среди тайги: «...Имею у себя корову, бычка по третьему году, лошадей... Землю пашу, огород». «– Да, – продолжал он тем же тоном, – работаю! То есть вполне даже как следует, по божьему приказанию». (Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 123). Было в его лице «что-то горькое, подавляемое только напряжением воли», когда он это говорил (Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 124). И комментарий автора: «...привычный бродяга обманывал себя, уверяя, что он доволен своим спокойным существованием, своим домком, и коровкой, и бычком по третьему году, и оказываемым ему уважением. В глубине души он сознавал, – хотя и подавлял пока это сознание, – что эта серая жизнь, жизнь на чужбине, постылой и неприветливой, не про него. Из глубины души уже подымались в нём призывы тайги, его манила уже от серых будней безвестная, заманчивая и обманчивая даль». (Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 125).

¹¹⁰ Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 153.

¹¹¹ Там же. – С. 154.

неодолимо должна она призывать к себе бродягу, уже испившего из этой отравленной неутолимим желанием чаши?»¹¹².

Очевидно, что автор-рассказчик фиксирует некое противоречие между тем, каков Василий по существу, и его социальным статусом. Василий не ничтожен в читательском восприятии, что было бы естественно для субпассионария, он человек смелый, авторитетный в своём кругу (на пароходе – помощник старосты, в побеге – вожатый: «хороший», правильный бродяга). Василий – преступник, но он не гордится своими «подвигами», напротив, рассказывая о себе, готов, как ребёнок, «расплакаться над собственной разбитой жизнью»¹¹³. Он вполне самокритичен: вспоминая о схватке с «солдатыками» на кордоне во время побега с Сахалина, себя и своих товарищей сравнивает с «лютыми волками», о бродягах вообще говорит, как о «нечисти болотной», которая должна «с петухами от крещёных людей хорониться». Василий помнит добро, ценит доброе слово, в принципе – человек благодарный (благодарен политическому ссыльному, автору рассказа, за гостеприимство; благодарен старосте вольной команды у города Николаевска за помощь: «Снял я шапку, поклонился доброму человеку...»; благодарен бывшему тюремному смотрителю Самарову за то, что предупредил об опасности, а когда тот умер, «...то я нарочно к попу ездил, полтину за помин души ему отдал, право! Добрейшей души старичок был, царство ему небесное...»). В отличие от типичного субпассионария Василий не равнодушен: он испытывает волнение, горечь, жалость, раскаяние, любит животных (как заботливо-ласково относится, например, к своему коню Серко). Василий поставил себя вне закона, но не вне закона Божьего: он ещё способен различать добро и зло (с христианской точки зрения это высшая ценность), у него ещё есть совесть (сознание греха мучает его, не даёт покоя). Василий видит себя грешным, но не может смириться (в его тоне автору слышится порой «удовлетворённое самолюбие гордой натуры»)¹¹⁴.

Когда размышляешь над образом Василия, возникает вопрос: правомерно ли говорить о духовности, о духовной трагедии применительно к такому человеку, как он, – разбойнику и возможному убийце?¹¹⁵ Современник действующих лиц рассказа святитель Феофан Затворник (1815–1894) определял духовность как высшую сторону человеческой жизни, силу, влекущую человека от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, то есть, собственно, как жажду Бога. (Кстати, тоску, которая владеет всеми героями рассказа, Феофан Затворник называет безблагодатным состоянием: получается, что эта безблагодатность объединяет в контексте повествования и преступника Василия, и с точки зрения формальной нравственности безгрешного полити-

¹¹² Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 153.

¹¹³ Там же. – С. 126.

¹¹⁴ Там же. – С. 124.

¹¹⁵ В рассказе момент убийства представлен так: «Пхнул один солдат штыком меня в ногу, оцарапал только, да я споткнулся, упал... Он на меня. Сверху еще Макаров навалился... Слышу бежит по мне кровь... Мы-то с Макаровым встали, а солдатик остался» (Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 142). В ситуации, кто кого, Василий готов был убить, но он ли убил, или Макаров, из текста неясно. Хотя, конечно, Василию виднее: тот факт, что он испытывает угрызения совести, может свидетельствовать и о его вине.

ческого ссыльного. У Ф. Затворника есть и такая метафора: человек-грешник «ходит как в тумане (!), кружится как в вихре»: художественный инстинкт не подводит Короленко, разрабатывающего в рассказе целую систему мотивов и лейтмотивов, в том числе мотив тумана.)

Василия, конечно, нельзя назвать по-настоящему верующим человеком: жажды Бога он не испытывает. Но признаки духа прописаны в нём достаточно чётко и, несмотря ни на что, Бог для него – непреложная данность. Имя Божье употребляется им и в привычных речевых конструкциях («даст Бог», «слава те господи», «бог миловал», «приведёт ли бог» и т. п.), и по внутреннему убеждению. Вот арестанты перед побегом встают на молитву: «...отслужили нечто вроде молебна на этот случай по арестантскому уставу»¹¹⁶; вот они угадывают некий промысел в появлении гиляка, доставившего им необходимые лодки: «Бог нам его, Оркуна этого, послал»¹¹⁷, «честных правил, отличный гиляк был, дай ему, господи! И по сю пору о нём вспоминаю»¹¹⁸; вот беглецы хоронят старого Бурана: «...вырыли могилу ножами, помолились богу...»¹¹⁹; вот, узнав о смерти бывшего тюремного смотрителя Самарова, Василий нарочно, как он выражается, к попу едет (даже по якутским меркам – не ближний свет!), чтобы отдать тому полтину за помин души хорошего человека¹²⁰...

По типу личности «соколинец» Короленко наиболее близок, пожалуй, горьковский Коновалов из одноименного рассказа, написанного в 1898 году. Коновалову, как и Василию, тридцать лет; он такой же видный – высокий, плечистый, такой же совестливый («Я, видишь ты, поступками смущаюсь своими...»¹²¹). Судьбу в своих грехах Коновалов не винит – всю ответственность за собственную жизнь и проступки берёт на себя: «...во мне самом что-то неладно...»¹²². Умеет работать и работает от случая к случаю, до очередного запоя (Василий говорит о себе: «Кутить могу, а ум не пропью никогда»). Коновалов по-своему талантлив (хорошо поёт); любит природу. Он также остро, как Василий, ощущает свою тягу к свободе и подсознательно – свою субпассионарность (более выраженную, чем у Василия): «Особливые мы будем люди... ни в какой порядок не включаемся»¹²³, «...у нас охоты к жизни нет и к себе самим мы чувств не имеем...»¹²⁴. Болит у него душа – может, поэтому и пьёт страшно, может, поэтому и повторяет постоянно: «...тоска! Тянет меня куда-то...»¹²⁵. Но Бога Коновалов даже не упоминает: ни он, ни автор – ни разу на сорока пяти страницах рассказа. Духовность, которая только и освобождает тело и душу от природной предопределённости, от бесконечного повторения одних и тех же ошибок, – отступает в тень. Аналогичные образы современной литерату-

¹¹⁶ Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 136.

¹¹⁷ Там же. – С. 139.

¹¹⁸ Там же. – С. 141.

¹¹⁹ Там же. – С. 144.

¹²⁰ Там же. – С. 149.

¹²¹ Горький, А. М. Коновалов / А. М. Горький // Сказки и рассказы. – М., 1985. – С. 325.

¹²² Там же. – С. 310.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. – С. 303.

Рис. 14. Книга В. Г. Галактионовой
«На острове Буяне»

ры, например, Кешка Город из романа Веры Григорьевны Галактионовой (род. 1948) «На острове Буяне» (2003) – «чужой случайный прохожий», «пустоброд (а точнее, пустобрех) непутный», – мельчают окончательно и по своему духовному номиналу не идут с бродягой Короленко ни в какое сравнение. Трагедию Василия в конечном счёте определяет совесть в отсутствии смысла жизни; современный субпассионарий в отсутствии духовности не ощущает никакой трагедии.

Основная проблема Соколинца Короленко видится как проблема нереализованной личности, проблема необретения смысла жизни (вольный человек, не сумевший найти своего места в жизни). Автор-рассказчик формулирует её следующим образом: «Я забыл о том, что привело его в тюрьму и ссылку, что пережил он, что сделал в то время, когда „перестал слушаться родителей“. Я видел в нём только молодую жизнь, полную

энергии и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?

Да, куда?..»¹²⁶.

Вопрос остаётся без ответа. В конце рассказа Василий, бросив хозяйство, уходит в тайгу, чтобы стать спиртоносом (противозаконный опасный промысел), и больше не возвращается. Он снова бежит – с поселения, так же как раньше из дома и с каторги. Он снова делает выбор не в пользу внутреннего устройства личности, не в пользу борьбы со страстями, но в пользу некой природной заданности («Бродяга я, бродяга!»): сильному волевому человеку не хватает силы воли для спасения собственной души – настоящая трагедия. Но финал у Короленко открытый: «больше не возвращался» – не значит «погиб» (тем более духовно: в сфере духа надежда есть всегда – вспомним евангельского разбойника). Поэтому идею рассказа можно выразить так: смысл жизни обретается трудом, тяжёлой работой над собой, над своими ошибками – сколько бы раз человек ни оступился. Никакое формальное бегство «от судьбы» ничего в нашей жизни не исправит: от себя не убежишь. Урок тут один: упал – встань, опять упал – опять встань. И всё начни сначала. Благодаря такому посылу драматический, трагический даже пафос рассказа (история пропавшей, «пропавшей» души), разреженный некой фольклорно-романтической интонацией, оборачивается своей потенциально-жизнеутверждающей стороной (всё в руках Божьих: только пожелай, попроси о помощи).

Литература: Азадовский, М. К. Якутия в творчестве Короленко / М. К. Азадовский // В. Г. Короленко в Амгинской ссылке (Материалы для биографии). – Якутск, 1947. – С. 5–25 ; В. Г. Короленко : монография / Г. А. Бялый. – М., 1983 ; В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962.

М. Р. Тарасова

¹²⁶ Короленко, В. Г. Соколинец. – С. 153–154.

1.4. А. П. Чехов и его книга «Остров Сахалин»

Творческая биография Чехова

*Рис. 15. А. П. Чехов.
Фотография 1890 г.*

Антон Павлович Чехов родился 17 (29) января 1860 года в Таганроге в небогатой купеческой семье. Отец и дед его были крепостными села Ольховатка Воронежской губернии. Дед Чехова, Егор Михайлович, ценой напряжённого труда скопил денег и к 1841 году выкупил семью из крепостного состояния. Получив свободу, отец Чехова, Павел Егорович, выбился в люди и завёл собственное торговое дело. Из крепостных мужиков происходило и семейство матери писателя Евгении Яковлевны. Дед Евгении Яковлевны и прадед Чехова Герасим Никитич Морозов выкупил всю семью на волю ещё в 1817 году.

По словам брата Чехова, Михаила Павловича, их семья была «обычной патриархальной семьёй, каких много было... в провинции, но семьёй, стремившейся к просвещению и сознававшей значение духовной культуры». Отец Чехова увлекался пением, рисовал, играл на скрипке. С детства учился играть на скрипке и пел в церковном хоре и Антон Чехов. В то же время в семье царила суровая домостроевская система воспитания: детей заставляли строго соблюдать церковные обряды, много часов стоять за прилавком торгового заведения отца, за провинности физически наказывали. Вспоминая своё детство, Чехов писал, что чувствовал себя «маленьким каторжником». Однако и участие в церковных службах, и утомительное сидение в бакалейной лавке дало будущему писателю тот богатый жизненный материал, который воплотился впоследствии в его произведениях. С 1868 по 1879 год Чехов учился в таганрогской гимназии. За юмористический талант Чехова-гимназиста Фёдор Платонович Покровский (1833–1898), преподаватель Священной истории, дал ему шутовское прозвище – Чехонте, которое впоследствии стало одним из псевдонимов начинающего писателя.

По воле судьбы Антон Павлович рано почувствовал себя самостоятельным и был вынужден бороться не только за собственное существование, но и за жизнь семьи. В 1876 году из-за банкротства отца семья Чеховых переехала в Москву. Оставшись в Таганроге в одиночестве, Антон Павлович добывал средства на жизнь репетиторством, продажей оставшихся вещей, старался материально поддержать семью. Всю жизнь, начиная с гимназических лет, Чехов занимался неустанным трудом самовоспитания, постоянной работой над собой.

В 1879 году Чехов переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. Окончив в 1884 году университет и получив звание уездного врача, Чехов занимался врачебной практикой и писал работу «Врачебное дело в России».

Литературная деятельность Чехова началась с конца 1870-х годов: ранние литературные опыты относятся к 1878–1879 годам. В студенческие годы он сотрудничал в журналах «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», «Осколки», «Сверчок», «Москва», «Мирской толк», «Свет и тень» и др. В марте 1880 года в «Стрекозе» были напечатаны рассказы «Письмо донского помещика

Степана Владимировича Н. к учёному соседу д-ру Фридриху» и «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?». Подписывался псевдонимами Антоша Чехонте, Антонсон, Человек без селезёнки, Брат моего брата, Балдастов и др. С 1883 по 1885 год вёл обозрение «Осколки московской жизни» в журнале «Осколки». С 1885 год сотрудничал в «Петербургской газете», в 1886 году – в газете «Новое время», издававшейся Алексеем Сергеевичем Сувориным (1834–1912), с 1888 года – в «Северном вестнике», с 1892 года – в журнале «Русская мысль».

В 1880-е годы Чехов издал несколько сборников: «Сказки Мельпомены» (1884), «Пёстрые рассказы» (1886), «В сумерках» (1887), «Невинные речи» (1887), «Рассказы» (1888), «Хмурые люди» (1890). В 1888 году получил Пушкинскую премию за сборник «В сумерках». Переход от юмористической литературы к серьёзной происходит в творчестве Чехова в 1885–1887 годах. Появляются рассказы и повести «Тоска» (1886), «Степь» (1888), «Огни» (1888), «Скучная история» (1889) и др.

Во второй половине 1880-х годов Чехов много работал для театра: пьеса «Иванов» (1887–1889), одноактная пьеса «Свадьба» (1889, опубл. в 1890), пьеса «Леший» (1889, опубл. в 1890; переделана затем в пьесу «Дядя Ваня»), ряд водевилей («Медведь», «Предложение», «Юбилей» и др.).

Середина 1890-х годов – время подлинной славы Чехова. Повести и рассказы этого периода: «Рассказ неизвестного человека» (1893), «Чёрный монах» (1894), «Бабье царство» (1894), «Скрипка Ротшильда» (1894), «Студент» (1894), «Три года» (1895), «Дом с мезонином» (1896), «Мужики» (1897) – вызывают восторженные отзывы читателей. В 1890–1900 годы Чехов совершил несколько поездок за границу. В 1892 году купил имение Мелихово в Серпуховском уезде, в 13 верстах от станции Лопасня (в настоящее время – город Чехов Московской области). Он помогал местным крестьянам как врач, строил школы для крестьянских детей, выезжал в губернии, охваченные голодом (1892), работал участковым врачом во время эпидемии холеры (1892–1893), участвовал во всеобщей переписи населения (1897). В этот период драматургическое мастерство Чехова достигает высшего расцвета: в 1896 году появились пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня», в 1900–1901 годах – «Три сестры», в 1903–1904 годах – «Вишнёвый сад».

В 1898 году в связи с ухудшением здоровья (туберкулёз) Чехов перебрался из Мелихова в Ялту, где построил дом. Однако туберкулёзный процесс усиливается настолько, что в мае 1904 года он покидает Ялту и едет в Баденвейлер, знаменитый курорт на юге Германии. Чехов скончался 2 (15) июля 1904 года.

Художественная манера Чехова в совокупности с гуманистической направленностью его творчества, стремлением пробудить живую душу в человеке сделали его одним из признанных во всём мире классиков русской литературы и драматургии.

Сахалинское путешествие Чехова

В апреле 1890 года Чехов отправился в поездку на остров Сахалин. Выбор был не случайным. Неудовлетворённый недавним путешествием по Кавказу и Крыму, Чехов хотел заглянуть в такие уголки России, где несправедливость,

деспотизм, насилие были особенно обнажены, и сделать это достоянием общест-венности. С другой стороны, Чехов как бы отвечал на установившееся в либеральной, народнической критике мнение о нём как о беспринципном, безразличном к социальным проблемам писателе. Поездка на далёкий остров была целиком его собственной инициативой. При себе Чехов имел только корреспондентский билет, подписанный А. С. Сувориным, издателем газеты «Новое время». Этот неофициальный документ содержал следующую запись: «Предъявитель сего, Антон Павлович Чехов, отправляется корреспондентом „Нового времени“ в разные места России и за границу»¹²⁷.

По словам писателя, на далёкий каторжный остров он отправился, чтобы узнать то, чего «имел невежество не знать раньше». Чувство недовольства собой, стремление запастись новыми впечатлениями – эти мотивы, подтолкнувшие Чехова к нелёгкому путешествию на окраину России, появляются в его письмах накануне поездки. «Сахалин, – писал он А. С. Суворину 9 марта 1890 года, – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек, вольный и подневольный», место, где «мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски...»¹²⁸. Под словом «мы» Чехов подразумевал не «красноносых сахалинских зрителей», а русское общество, прежде всего интеллигенцию, равнодушную к проблемам каторги.

В русском обществе в то время активно обсуждались вопросы ссылки, методы наказания преступников, необходимость пожизненной каторги и смертной казни. Чехов поставил перед собой цель на месте изучить жизнь каторжных и ссыльных.

В целом поездка на Сахалин оказалась долгой и заняла восемь месяцев (с 18 апреля по 8 декабря 1890 года). Путь лежал через Казань, Пермь, Тюмень и Томск. Чехов проехал на лошадях четыре с половиной тысячи верст и в конце июля прибыл на остров. Здесь в течение трёх месяцев и двух дней (с июля по октябрь) он объездил остров, провёл поголовную перепись и составил около 10 тысяч статистических карточек, охватывающих всё население острова. В Россию Чехов вернулся морским путём, обогнув Индию и проплыв Суэцким каналом, пересёк Индийский океан и Красное море, побывав в Гонконге, Сингапуре и на Цейлоне.

Чехов говорил, что на Сахалине он «видел всё». Итогом поездки стала очерково-публицистическая книга «Остров Сахалин».

После возвращения с Сахалина Чехов признавался, что всё в его творчестве «просахалинено» и что он привез оттуда «целый сундук всякой каторжной всячины». Сахалинское путешествие открыло новый период его творчества, содействовало, по словам самого Чехова, его «возмужалости» и породило «чёртову пропасть планов». Впечатления от путешествия отразились в таких чеховских произведениях послесахалинского периода, как «Гусев» (1890), «Бабы» (1891), «Дуэль» (1891), «В ссылке» (1892), «Палата № 6» (1892), «Убийство» (1895), «В овраге» (1900). В «Палате № 6» писатель обличает мрачную, «тюремную» российскую действительность, общественную пассивность и равнодушие рус-

¹²⁷ Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 14–15 : Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М., 1978. – С. 67.

¹²⁸ Чехов, А. П. Т. 4. – С. 32.

ской интеллигенции. Символический смысл чеховского рассказа отметил русский писатель Николай Семёнович Лесков: «Всюду палата № 6. Это – Россия... Чехов сам не думал того, что написал (он мне говорил это), а между тем это так. Палата – это Русь!»¹²⁹.

Книга Чехова «Остров Сахалин»

Книга очерков «Остров Сахалин» (Из путевых записок) явилась результатом не только путешествия А. П. Чехова на Сахалин, но и огромной подготовительной работы, проделанной писателем накануне поездки. Решительно осуждая тех современных писателей, которые не знали ни истории родной страны, ни географии, ни естественных наук, ни религии, ни администрации, ни судопроизводства (письмо А. С. Суворину от 15 мая 1889 года), Чехов перед началом поездки тщательно изучил все, что связано с Сахалином и каторгой: уголовное право, историю тюремного заключения и ссылки в России, историю колонизации Сахалина. Он познакомился с работами исследователей острова, с газетными и журнальными корреспонденциями, с официальными правительственными отчётами. Чехов составил список книг и статей, посвящённых ссылке и каторге, Сахалину и Сибири. В этот список он включил книгу очерков Ивана Александровича Гончарова «Фрегат „Паллада“» (отдельное издание 1858 года), очерк Николая Михайловича Ядринцева «Положение ссыльных в Сибири» (1874), очерк Глеба Ивановича Успенского «Один на один» (1885) и рассказ Владимира Галактионовича Короленко «Соколинец» (1885). «Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Упомомешательство. *Mania Sachalinosa*»¹³⁰.

Ещё до поездки по имевшимся в его распоряжении источникам Чехов пишет некоторые части будущей книги, которые не требовали личных наблюдений и выводов. Он предварительно написал научную, статистическую и документальную части, как бы заранее предполагая, что книга станет своеобразным синтезом художественности и публицистики.

Работа над книгой отнимала много сил и времени и продолжалась более пяти лет, хотя изначально Чехов рассчитывал написать её за более короткий срок. Ещё в апреле 1895 года писатель вносит в корректуру отдельного издания поправки (книга выйдет в мае). Вся первая половина 1890-х годов проходит под знаком работы над сахалинской книгой. И всё это время в иерархии чеховских замыслов работа над книгой – на одном из первых мест. «...Сахалин продвигается. Временами бывает, что мне хочется сидеть над ним три-пять лет и работать над ним неистово, временами же в часы мнительности взял бы и плюнул на него. А хорошо бы, ей-богу, отдать ему годика три! Много я напишу чепухи, ибо я не специалист, но, право, напишу кое-что и дельное. А Сахалин тем хорош, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным

¹²⁹ А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1947. – С. 316.

¹³⁰ Чехов, А. П. Т. 4. – С. 19.

источником и пособием для всех занимающихся и интересующихся тюрьмоведением»¹³¹, — так он характеризует процесс работы над книгой в одном из писем А. С. Суворину 1891 года.

Впервые «Остров Сахалин» был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1893 году (№№ 10, 11, 12), 1894 году (№№ 2, 3, 5, 6, 7) за подписью А. Чехов. В 1895 году с добавлением XX–XXIII глав и с небольшими исправлениями первых девятнадцати глав книга вышла отдельным изданием.

В книге «Остров Сахалин» соединены научное исследование, очерк и художественные зарисовки. Сотни рассказов, автобиографий и анекдотических историй, услышанных Чеховым во время пребывания на Сахалине, легли в основу книги. Далёкий остров привлёк внимание писателя не с географической или медицинской точки зрения, а прежде всего с человеческой. Чехова интересовала особая разновидность людей — каторжане, отбывшие каторгу поселенцы, вольные. Его книга — честное и беспощадное исследование жизни на каторжном острове.

Подготавливая «Остров Сахалин» для печати, писатель искал наиболее удовлетворяющую его форму изложения, объединяющую научные, публицистические и художественные элементы. Строго научное освещение фактического материала должно было, по замыслу Чехова, сочетаться с художественными зарисовками картин быта каторжных и ссыльных, при этом манера повествования должна быть объективной. В письме А. С. Суворину от 28 июля 1893 года он писал о поисках нужного повествовательного тона будущей книги: «То, что Вы когда-то читали у меня, забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока, наконец, не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим Сахалином научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудакom я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко...»¹³².

В чеховских очерках наряду с точными фактами и цифрами присутствуют живые зарисовки наблюдательного талантливого художника, тонко и точно очерченные характеры и пейзажи. Игорь Николаевич Сухих справедливо полагает, что книга «Остров Сахалин» — «жанр, который сегодня называют документальной прозой, документальной литературой с её особыми познавательными и эстетическими возможностями, не сводимыми ни к чистой „научности“ ни к основанной на вымысле „художественности“»¹³³.

Мария Леонтьевна Семанова довольно чётко разграничила «Остров Сахалин» на две части: «Первые тринадцать глав строятся как очерки путе-

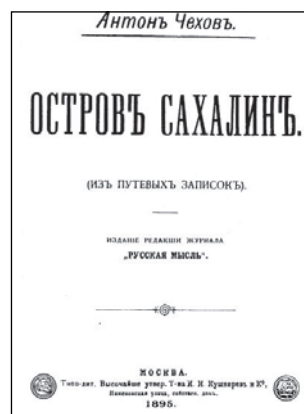

Рис. 16. Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин»

¹³¹ Чехов, А. П. Т. 4. — С. 305.

¹³² Там же. — С. 234.

¹³³ Сухих, И. Н. Проблемы поэтики Чехова / И. Н. Сухих. — СПб., 2007. — С. 151.

вые (передвижение повествователя по Северному, а затем Южному Сахалину); главы XIV–XXIII – как очерки проблемные»¹³⁴. Объединены обе части книги двумя тематическими линиями¹³⁵, представляющими внутреннее структурное единство книги: история чеховского путешествия и жизнь человека на каторге. Линии эти постоянно переплетаются, сменяют друг друга. История путешественника выходит на первый план, оказывается ведущим сюжетом книги в первой части. Он включает в себя движение автора в пространстве и во времени, осмысление им увиденного, авторские лирические и философские обобщения. Во второй части книги присутствие авторского «Я» ощущается уже не столь явно, лирико-философских фрагментов уже почти нет, они словно вытесняются страшными картинками и фактами. Возрастает количество прямых публицистических суждений о проблемах каторги и сахалинской действительности.

Книга включает двадцать три главы. Переезд Чехова с Северного на Южный Сахалин (XII глава) композиционно делит произведение на две части. Внешнее строение глав похоже: автор-путешественник переезжает из одной тюрьмы или населённого пункта в другой. Но темы, которые он поднимает в этих главах, меняются или усложняются жизнеописанием людей и событий. Главными изобразительными элементами в книге являются сценка, рассказ, анекдот, пейзажная зарисовка, иллюстрирующие ту или иную тему, затрагиваемую автором. Они типологически близки чеховским записям в записных книжках. Таких микросюжетов, обладающих самыми разными эмоциональными оттенками, в «Острове Сахалине» более шестидесяти. При внешней сухости, протокольности цифр и примечаний эти образные элементы придают особый характер сахалинской книге.

В целом автор далёк от субъективизма. Он посещает тюрьмы, идёт из селения в селение, из дома в дом, с севера на юг Сахалина, подробно перечисляет состав населения, его занятия, ссылается на многочисленные научные труды. При этом Чехов не нагнетает жалость к описываемым им ссыльным и каторжанам, не прибегает к разоблачительному тону, характерному для «каторжной» литературы. Он сознательно лишил произведение внешней занимательности, отказавшись от зарисовки сенсационных случаев: исключил из окончательной редакции нашумевшую историю бывшей баронессы, каторжанки Ольги Геймбрук, истории таинственного каторжника Филиппа Колосовского (Подгорецкого) и ссыльного офицера Карла Ландсберга. Чехов делает объектом художественного изображения обыденное, типичное. Он мало внимания уделяет закоренелым преступникам вроде известнейшей авантюристки Соньки Золотой Ручки (Софьи Блювштейн). Писатель ограничивается лишь кратким метафорическим описанием известной преступницы: «Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым, старушечьим лицом... Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, что она всё время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, и выражение лица у неё мышинное»¹³⁶.

¹³⁴ Семанова, М. Л. Примечания / М. Л. Семанова // Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. – Т. 14–15 : Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М., 1978. – С. 783.

¹³⁵ На это указывает И. Н. Сухих. См.: Сухих, И. Н. Проблемы поэтики Чехова / И. Н. Сухих. – СПб., 2007. – С. 138.

¹³⁶ Чехов, А. П. Т. 14–15. – С. 89.

Интересуют Чехова главным образом простые, средние люди из народа, попавшие на каторгу большей частью по судебной ошибке, такие заключённые, как скромный, работающий мужик Егор, попавший на каторгу случайно, из-за безразличия суда, или бродяга Никита Трофимов, прозванный Красивым, вся вина которого состояла в том, что он не вынес тяжести военной службы. В рассказе Егора (своеобразная вставка-новелла в шестой главе книги) создан обобщённый образ сахалинского ссыльнокаторжного. Материалом для этого вставного эпизода послужил рассказ одного ссыльного, прослушанный Чеховым на Сахалине и записанный по просьбе писателя сахалинским чиновником. Чехов подверг рассказ ссыльного переработке: сократил, дополнил его авторским вступлением, репликами слушателя, придал речи Егора своеобразный колорит.

Не злоупотребляет писатель и подробностями всевозможных зверств по отношению к заключённым, хотя и рассказывает о наиболее показательных эпизодах. Несравненно больше волнует его общая атмосфера, обстановка, в которой находятся заключённые и надзирающие за ними чиновники. «„Остров Сахалин“ – жестокая, страшная книга, хотя автор нигде не акцентирует это»¹³⁷.

Тон детального научного отчёта, казалось бы, преобладает в «Острове Сахалине». Многие характеристики Сахалина и сахалинской жизни в книге вполне укладываются в стиль научной литературы. Например, краткое географическое положение острова, данное в начале II главы: «Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура. Он имеет форму, удлинённую с севера на юг, и фигурию, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь. Географическое положение его определяется так: от 45° 54' до 54° 53' с. ш. и от 141° 40' до 144° 53' в. д. Северная часть Сахалина, через которую проходит линия вечно промёрзлой почвы, по своему положению соответствует Рязанской губернии, а южная – Крыму. Длина острова 900 верст; наибольшая его ширина равняется 125 и наименьшая 25 верстам. Он вдвое больше Греции и в полтора раза больше Дании»¹³⁸.

Чехов даёт точную статистику численности каторжных, состава их преступлений и системы наказаний, указывает количество жителей (мужчин и женщин) в сахалинских селениях, число школ и обучающихся в них детей, детально описывает состояние больниц, перечисляет типичные заболевания. Однако рамки документальной публицистики оказываются тесными для писателя. Чехов, назвавший свою книгу «жёстким арестантским халатом», и здесь не изменяет своим творческим принципам, оставаясь художником. «Вчера целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но всё-таки в конце концов поймал чёрта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно. И как противно писать цифрами!..»¹³⁹.

Характерные картины из жизни каторги, описания людей и природы перемежаются в книге с авторскими размышлениями, которые прерывают или завершают повествование о различных сторонах сахалинской действительности.

¹³⁷ Суших, И. Н. Проблемы поэтики Чехова. – С. 151.

¹³⁸ Чехов, А. П. Т. 14–15. – С. 53.

¹³⁹ Чехов, А. П. Т. 4. – С. 257.

Многие из этих раздумий имеют обобщающий характер, выражают отношение автора к человеку, обществу, закону, нравственности. Именно такими являются размышления автора об интеллигенции: «Где многочисленная интеллигенция, там неизбежно существует общественное мнение, которое создаёт нравственный контроль и предъявляет всякому этические требования, уклониться от которых уже нельзя безнаказанно никому...»¹⁴⁰. Подобное размышление включено и в рассказ о судопроизводстве на Сахалине: «...где чиновник имеет право по закону без суда и расследования наказать розгами и посадить в тюрьму, и даже послать в рудник, там существование суда имеет лишь формальное значение»¹⁴¹. Практически на каждой странице есть авторские суждения откровенно публицистической направленности, философские обобщения.

В серьёзной книге Чехова есть страницы, окрашенные юмором и иронией. Через комическое, абсурдное автор раскрывает отклонение человеческой жизни на каторге от нормы. Например, в описание ужасающей бедности Александровского лазарета вкраплена такая ироническая деталь: «В аптеке всё ново, всё лоснится, есть даже бюст Боткина, слепленный одним каторжником по фотографии. Немного непохож, – говорил фельдшер, глядя на этот бюст»¹⁴². Подобные юмористические и даже анекдотические микросюжеты разряжают трагическую атмосферу.

Но юмористические вставки в описании страшной, унылой и безысходной жизни каторжного острова сравнительно немногочисленны и чаще окрашены в трагикомические тона. Например, рассказывая о быте ссыльнопоселенцев, автор замечает, что не только все не злые, смиренные, безобидные собаки на привязи, но и свинья тоже с колодкой на шее, а петух привязан за ногу. «– Зачем это у тебя собака и петух привязаны? – спрашиваю хозяина. – У нас на Сахалине всё на цепи, – острит он в ответ. – Земля уж такая»¹⁴³. Такой микросюжет уже не разряжает, а сгущает гнетущую атмосферу картины сахалинской жизни.

В книге сконцентрировано большое количество разнообразных тем и мотивов. Темы свободы и несвободы, преступления и наказания, одиночества, страдания, страха являются сквозными.

Тема одиночества в книге реализуется через мотивы отторженности, отчуждённости, отверженности, изгнанничества, бродяжничества, тоски, равнодушия, скуки, уныния. Уже с первых страниц в сознании автора возникает оппозиция «здесь – там», «Сахалин – Россия», «они – мы», которая определяет точку зрения на всё увиденное в дальнейшем.

Противопоставление «материк – остров», то есть «родина – чужбина», присутствует не только в мыслях и рассуждениях автора, оно возникает далее в разговорах с людьми, волей судьбы оказавшихся на Сахалине, в описаниях различных сцен, наблюдаемых во время переписи. В Александровской слободке хозяин квартиры, в которой сначала остановился автор, со вздохом говорит ему:

¹⁴⁰ Чехов, А. П. Т. 14–15. – С. 322.

¹⁴¹ Там же. – С. 333.

¹⁴² Там же. – С. 369.

¹⁴³ Там же. – С. 73.

«Заехали в эту пропасть!»¹⁴⁴ На Сахалине женщина живёт уже давно, «девушкой пришла сюда с матерью за отцом-каторжным»¹⁴⁵, но для неё по-прежнему Сахалин – «пропасть», то есть чужая земля, неродная и нелюбимая. «Теперь у нас в Тамбовской губернии, чай, жнут... а тут глаза бы мои не глядели»¹⁴⁶, – с тоской и горечью заключает она. Отчуждённость, оторванность человека от родных мест делает его глубоко несчастным, несмотря на видимость внешней укоренённости, то есть семьи, хозяйства.

Картины природы в «Острове Сахалине» даны не только для обозначения времени и места действия, но и составляют психологический фон изображаемого, служат для выражения определённого чувства автора, то есть они лиричны. Подавляющее большинство пейзажных зарисовок пронизано настроением одиночества и тоски. Безднадёжность слышится и в умозаключениях автора о природе и климате Сахалина: «...когда природа создавала Сахалин, то при этом она меньше всего имела в виду человека и его пользу»¹⁴⁷; «погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству»¹⁴⁸. Море в книге играет роль своеобразного символа одиночества, так как человек на Сахалине изолирован от мира не только каторгой, но и безбрежной морской стихией. Поэтому море в восприятии автора предстаёт чаще всего тёмным, недобрым: «...беспрдельно, на тысячи верст раскинулось угрюмое, злое море <...> Это – кошмар. Поверхность свинцовая, над нею тяготеет однообразное серое небо. Суровые волны бьются о пустынный берег...»¹⁴⁹.

Весь каторжный Северный Сахалин автору кажется средоточием тьмы: «Я стоял один на корме и, глядя назад, прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначились в воздухе и были похожи впотьмах на трёх чёрных монахов»¹⁵⁰. И хотя дальше автор видит заблестевшие огни, они не могут скрасить мрачную картину, так как это огни страшной Воеводской тюрьмы и огни Дуэ. «Но скоро и это всё исчезло, и остались лишь потёмки да жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна»¹⁵¹. А свет маяка во время ночной прогулки ассоциируется у автора с красным глазом каторги.

Трагический тон определяет настроение и последней развернутой пейзажной зарисовки книги (конец XIII главы): «Налево видны в тумане сахалинские мысы... а кругом ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятным, для кого здесь режут волны, кто их слушает здесь по ночам, что им нужно и, наконец, для кого они будут реветь, когда я уйду. Тут, на берегу, овладевают не мысли, а именно думы; жутко, и в то же время хочется без конца стоять, смотреть на однообразное движение волн и слушать их грозный рёв»¹⁵².

¹⁴⁴ Чехов, А. П. Т. 14–15. – С. 57.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. – С. 147.

¹⁴⁸ Там же. – С. 113.

¹⁴⁹ Там же. – С. 146.

¹⁵⁰ Там же. – С. 180.

¹⁵¹ Там же. – С. 181.

¹⁵² Там же. – С. 211.

Три последних главы книги посвящены наказаниям каторжных, беглым и причинам бегства, а также болезням и смертности на острове. Главный вывод автора – к нормальной жизни эти люди уже не вернутся не только из-за внешних причин (сурового болезненного климата, невыносимых физических условий жизни), но и причин внутренних: даже свободный человек вблизи каторги развращается, теряет нравственные устои и разрушается как личность. «Обвинения Чехова против Сахалина прежде всего конкретны: главное зло – в пожизненности заключения, в общих камерах, в законах, допускающих это, и в общем равнодушном приятии зла»¹⁵³.

«Я был <...> в аду»¹⁵⁴, – напишет Чехов, вернувшись с острова. Через всю книгу «Остров Сахалин» проходит главная тема – тема сахалинского «ада». Упомянутое автором слово «ад» получает реальное подтверждение многочисленными жестокими фактами и картинами: арестант, истязавший нагайкой шесть часов подряд и забивший до смерти свою жену, беременную на девятом месяце; бродяги, убивающие и грабящие после совместного побега своих же товарищей; два палача, по очереди беспощадно секущие друг друга. Однако, изображая ад сахалинской жизни, Чехов не расставляет акценты прямолинейно: на одном полюсе страдающие каторжники, а на другом – угнетатели-чиновники. Писатель далёк от мыслей о врождённой испорченности человеческой природы и фатальной неискоренимости зла. Он увидел и показал сахалинскую действительность без предвзятости, в её реальных очертаниях, в переплетении добра и зла, трагического и комического, сиюминутного и вечного. Он с радостью замечает, что и на каторге хорошие люди и поступки не редкость. Ярким подтверждением этому является история каторжного из Дуэ, который усердно и заботливо, «по человечности» ухаживает за своей сумасшедшей, страдающей эпилепсией сожительницей.

Созданию картины «Сахалин – ад» способствуют многочисленные антитезы, цветовые символы (серый, красный, чёрный) и символические образы (ревущее свинцовое море, серое низкое небо, огонь, дым). Проблематика произведения Чехова, переплетение сюжетных линий, наличие объединяющих образов создают в итоге целостную картину, где основная идея реализуется антитезой «ад – рай» и противопоставлением «Сахалин, чужая земля» – «Родина, земля обетованная».

Чеховская символика органично вырастает из жизненной конкретности происходящего, поэтому преобладание в «Острове Сахалине» мрачных, тёмных образов закономерно. Однако вера в разумные начала жизни, убеждённость, что свет рассеет тьму, выражается в книге открыто, в известном авторском размышлении о будущем: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»¹⁵⁵. Показателен в этом сочетании глагол «осветит». Не «начнётся», не «наступит» и не «придёт», а именно – «осветит»! Слово «будущее», как правило, в нашем сознании связано с устойчивым определением «светлое».

¹⁵³ Катаев, В. Б. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники / В. Б. Катаев. – М., 2004. – С. 67–68.

¹⁵⁴ Чехов, А. П. Т. 4. – С. 143.

¹⁵⁵ Чехов, А. П. Т. 14–15. – С. 135.

Книга «Остров Сахалин» выполнила ту задачу, которую ставил перед собой автор, – она привлекла внимание общественности к Сахалину. Писатель вскрыл такие злоупотребления тюремной и каторжной администрации, которые обеспокоили само правительство, назначившее специальную комиссию для расследования положения ссыльнокаторжных на Сахалине.

Путешествие Чехова, его исследование острова изгнания и «невыносимых страданий», вылившееся в уникальную книгу, поистине можно считать подвигом гражданина и писателя. В «Острове Сахалине» писатель выступил не только как художник и публицист, но и как исследователь народной жизни в условиях каторги и ссылки. «Книга „Остров Сахалин“ носит на себе печать чрезвычайной подготовки и беспощадной траты автором времени и сил. В ней за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя»¹⁵⁶, – писал Анатолий Фёдорович Кони. Чехов не без основания гордился книгой, метафорически называя её «жёстким арестантским халатом», появившимся в его «литературном гардеробе»¹⁵⁷.

Литература: Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток – Южно-Сахалинск, 2010 ; Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М., 1989 ; Катаев, В. Б. Смелость Чехова / В. Б. Катаев // А. П. Чехов и Сахалин на пороге третьего тысячелетия : материалы международной научной конференции 29–30 сент. 2000 г. – Южно-Сахалинск, 2001. – С. 12–16 ; Катаев, В. Б. Чехов плюс... / В. Б. Катаев // Предшественники, современники, преемники. – М., 2004. – С. 62–69 ; Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Сост. Л. Д. Громова-Опульская, Н. И. Гитович. – Т. 1. – М., 2000 ; Латышев, В. М. А. П. Чехов и Сахалин / В. М. Латышев // «Быть может, пригодятся и мои цифры». Материалы сахалинской переписи А. П. Чехова. 1890 год / сост.: А. И. Костанов, В. М. Латышев, И. А. Цупенкова и др. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 13–23 ; Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Сост. И. Ю. Твердохлебов; отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская. – Т. 2. – М., 2004 ; Паперный, З. С. А. П. Чехов. Очерк творчества / З. С. Паперный. – М., 1960 ; Семанова, М. Л. Чехов-художник / М. Л. Семанова. – М., 1976 ; Сухих, И. Н. Остров Сахалин в творчестве Чехова / И. Н. Сухих // Русская литература. – 1985. – № 3. – С. 72–84 ; Сухих, И. Н. Проблемы поэтики Чехова / И. Н. Сухих. – СПб., 2007. – С. 135–157 ; Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1990 ; Теплинский, М. В. «Главное – надо быть справедливым...». Культурологическое значение поездки А. П. Чехова на Сахалин / М. В. Теплинский // А. П. Чехов и Сахалин на пороге третьего тысячелетия : материалы международной научной конференции 29–30 сент. 2000 г. – Южно-Сахалинск, 2001. – С. 17–21 ; Четыре жизни Чехова / под ред. В. Б. Катаева. – М., 2007 ; Чехов, М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления / Чехов, М. П. – 4-е изд. – М., 1964 ; и др.

В. И. Чудинова

¹⁵⁶ Кони, А. Ф. Воспоминания о Чехове / А. Ф. Кони. – Л., 1925. – С. 10.

¹⁵⁷ Чехов, А. П. Т. 5. – С. 112.

1.5. В. М. Дорошевич и его сахалинские очерки

Опровержение «обывателя»

В своей работе о Сахалинской каторге врач Николай Степанович Лобас писал, что «с лёгкой руки Чехова Сахалин стали посещать как русские, так и иностранные исследователи»¹⁵⁸. И это действительно так. Вслед за Чеховым поездку на Сахалин предпринял Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922).

Примечательно, что именно перу Дорошевича, скрывшего своё имя за псевдонимом, принадлежит «сенсационная» заметка в московской газете «Новости дня» (январь 1890). В одной из рубрик газеты того времени за подписью «Петербургский обыватель»¹⁵⁹ сообщалось о предстоящем путешествии по Сибири и посещении Сахалина Чеховым:

«Талантливый А. П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Приём совершенно новый у нас и очень обыкновенный за границей. Заграничные писатели – французские в особенности – народ живой и подвижный... Русский пишущий человек, наоборот, отличается полнейшей неподвижностью. В сравнении с живым французом он талантливый истукан. Круг его наблюдений очень ограничен... А. П. Чехов является, следовательно, во всех отношениях исключением. Во всяком случае, это первый из русских писателей, который едет в Сибирь и обратно»¹⁶⁰. Дорошевич и Чехов сотрудничали в сатирическом журнале «Будильник» и, конечно же, хорошо знали друг друга. Через семь лет после этой публикации Дорошевич посетил Сахалин, тем самым опровергнув собственное мнение о «полнейшей неподвижности» русских писателей, ищущих новые сюжеты для своих произведений.

Рис. 16. В. М. Дорошевич

«Король», путешественник, ответчик

Пожалуй, ещё ни один из отечественных журналистов не был удостоен той высокой популярности, которую имел при жизни Дорошевич. Прозванный «Королем фельетона», он во многом определял мировоззрение своих современников (от обывателей до высоких политиков). Газетными публикациями Дорошевича зачитывались (чаще всего с искренней симпатией, чем с негодованием) многие русские писатели и общественные деятели: В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Максим Горький, К. И. Чуковский, М. Е. Кольцов, В. Д. Набоков (отец В. В. Набокова) и др. За прозой Дорошевича с повышенным

¹⁵⁸ Лобас, Н. С. Каторга и поселение на острове Сахалине / Н. С. Лобас. – Екатеринбург, 1903. – С. 7.

¹⁵⁹ Один из известных псевдонимов В. М. Дорошевича.

¹⁶⁰ Петербург (от нашего корреспондента). 24 января // Новости дня. – 1890. – № 2359. – 26 января. – С. 3.

вниманием следили такие политические знаменитости, как Роза Люксембург и Л. Д. Троцкий.

За свою жизнь Дорошевич много путешествовал. Отдельную страницу его биографии занимают поездки на Ближний и Дальний Восток. Дорошевич побывал в Иране и Турции, на Цейлоне и в Индии, в Японии и Китае. Впечатления от новых и увлекательных мест отразились в разных публикациях автора. Восток привлекал Дорошевича своей культурой: от фольклорных сокровищ и национальной истории до бытовых деталей и устоявшихся нравов. Удивительное восприятие Востока, хранящего в себе очарование древности, запечатлелось в арабских, индийских, персидских, турецких, китайских и других сказочных историях писателя. Было у фельетониста и много поездок по России. При этом российская действительность сильно отличалась от экзотики и колорита восточных стран, открывшихся взору Дорошевича.

Самое известное путешествие по России связано с Сахалином, на который Дорошевич попал не через Сибирь (как в своё время Чехов), но морским путём. Дорошевич как сотрудник газеты «Одесский листок» (редактор-издатель В. В. Навроцкий) 20 февраля 1897 года отплыл из Одессы на пароходе Добровольного флота «Ярославль». Впереди был далёкий путь на каторжный остров. 16 апреля 1897 года корабль, на котором плыли Дорошевич и приговорённые к каторге заключённые, прибыл в пост Корсаковский:

«Это было 16 апреля.

Дул порывистый, холодный, пронизывающий норд-вест, пароход валяло с боку на бок.

Я стоял на верхней палубе и всматривался в открывающиеся суровые, негостеприимные, скалистые, покрытые ещё снегом берега.

Первое впечатление было безотрадное, тяжёлое, гнетущее»¹⁶¹.

Почти два месяца писатель находился в дороге, прежде чем он столкнулся с существовавшими на каторге нравами чиновников, каторжан, местной интеллигенции и торговцев. В дальнейшем «безотрадное, тяжёлое и гнетущее» будет присутствовать в каждом новом очерке Дорошевича о сахалинской действительности.

Из поездки 1897 года Дорошевич отсылал в Одессу свои истории. Со временем сахалинские очерки стали публиковаться не только в «Одесском листке», но и в других изданиях: в «России» (Санкт-Петербург, с 1899 года) и в «Русском слове» (Москва, с 1902 года). Интерес к увлекательно написанным корреспонденциям Дорошевича был высок, многие его очерки из российской периодики попадали на страницы польских, немецких, американских и других изданий.

В 1902 году Дорошевич вновь отправился в путешествие на Дальний Восток (Китай, Япония) и в Индию. И в этот раз маршрут путешествия опять проходил через Сахалин, а очерки отправлялись в московскую газету «Русское слово», фактическим редактором которой к тому моменту стал Дорошевич. «Судя

¹⁶¹ Дорошевич, В. М. Сахалин / В. М. Дорошевич ; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С. В. Букчина. — Т. 1. — Южно-Сахалинск, 2005. — С. 166.

по всему, – писал С. В. Букчин, – это был краткий по времени заезд на остров, о нём не сохранилось никаких прямых свидетельств»¹⁶².

Обладая проницательным взглядом, Дорошевич стремился обозреть современный ему остров со всех тех сторон, которые могли интересовать рядовых читателей конца XIX века. «Сахалинские» публикации приносили автору не только признание среди читателей, но и доставляли разные неприятности.

Так, более семи лет длился судебный процесс между фельетонистом и бывшим смотрителем Дуйской тюрьмы на Сахалине Алексеем Степановичем Фельдманом (1839 – ?), посчитавшим очерки Дорошевича неправдоподобными, изобличительными и возмутительными. А. С. Фельдман, уже живя в Херсоне, на страницах газет «Одесский листок» (1893) и «Юг» (1904) рассказывал о своей службе на Сахалине, избегая описания неприглядных сторон каторги. Со стороны Фельдмана Дорошевичу (см. фельетон «Zits-Redacteur'ы», 1901) было предъявлено обвинение в клевете на страницах печатных изданий. Однако по итогам долгих разбирательств автору популярных «сахалинских» очерков был выдвинут всё же оправдательный приговор. Примечательно, что в процессе долгого судебного разбирательства обвинение и защита неоднократно обращались к разным произведениям о Сахалине. В частности, привлекались такие материалы, как «Восемь лет на Сахалине» (1901) Ивана Павловича Миролубова (настоящая фамилия – Ювачёв, 1860–1940), «Каторга и поселение» (1903) Николая Степановича Лобаса (1858–?, не ранее 1916), «Ссылка и каторга в России: Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. Остров Сахалин»¹⁶³ (1898) Дмитрия Андреевича Дриля (1846–1910). Безусловно, и имя Чехова, свидетеля Сахалинской каторги, на суде не было обойдено стороной.

«Сахалинские» книги

Сахалинские впечатления Дорошевича позже вошли в самостоятельные издания. Книга Дорошевича «Сахалин (Каторга)» (дважды в 1903-м, затем в 1905 и 1907 годах), написанная по итогам знакомства с островом, выдержала несколько изданий. «Сахалин» Дорошевича был создан на основе газетных очерков, публиковавшихся в разных российских изданиях с 1887 до 1902 года. Издание «Сахалина» осуществилось в товариществе Ивана Дмитриевича Сытина¹⁶⁴ (1851–1934).

¹⁶² Букчин, С. В. Сахалинская эпопея Власа Дорошевича / С. В. Букчин // Дорошевич, В. М. Сахалин / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С. В. Букчина. – Т. 1. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 33.

¹⁶³ Эти материалы публиковались в «Журнале министерства юстиции», но позже Д. А. Дриль написал отдельную книгу: Ссылка во Франции и России (Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь) (1899).

¹⁶⁴ В издательстве И. Д. Сытина выходили не только сахалинские книги В. М. Дорошевича, но и другие работы, связанные с Сахалином, например, книга Александра Алексеевича Панова «Сахалин, как колония: очерки колонизации и современного положения Сахалина» (1905).

Параллельно с этой книгой появилось ещё одно произведение – «Как я попал на Сахалин» (1903, 1905). Вторая «сахалинская» книга – это своего рода предисловие к первой книге об острове. Прежде чем Дорошевич оказался на Сахалине, потребовалось разрешение приамурского генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского (1838–1901). Противодействие, оказываемое администрацией каторги, явилось для Дорошевича необходимой силой, толкающей на правдивость в изображении сахалинских нравов.

После первого издания «Сахалина» многочисленные читатели стали благодарить Дорошевича за увлекательную книгу. Одновременно с письмами Дорошевич получал по почте и множество фотографий, тематически связанных с Сахалином. Именно поэтому в 1907 году в свет вышел новый «Сахалин» с исправленными, дополненными и проиллюстрированными очерками. Известно, что Дорошевич и сам перед поездкой на Сахалин научился делать фотоснимки на ручном фотографическом аппарате. Однако в настоящее время учёные не располагают «сахалинским» архивом писателя. С. В. Букчин считает, что архив Дорошевича после путешествия на Сахалин не сохранился¹⁶⁵.

Книга «Сахалин» продолжает быть интересной и в наши дни. Но современные издатели чаще ориентируются на первую версию книги «Сахалин», не учитывая последнего прижизненного издания очерков в 1907 году. В 2005 году на Сахалине был опубликован двухтомник, ставший первым полным и выверенным изданием сахалинских очерков Дорошевича. В него вошли заметки «На Сахалин», две части книги «Сахалин», а также третья часть «Сахалина» – очерки «В рудниках» (1903), «Политические на Сахалине» (1906) и другие, посвящённые Сахалинской каторге статьи Дорошевича. Кроме того, в двухтомнике представлены фотографии, «которые сделаны и приобретены В. М. Дорошевичем на Сахалине» из изданий книги «Сахалин» 1903 и 1907 годов. На фотографиях можно увидеть Карла Христофоровича Ландсберга и его жену, «дедушку русской каторги» Матвея Васильевича Соколова и др.

Композиция «Сахалина» и герои книги

Главная «сахалинская» книга Дорошевича состоит из двух частей. Она включает в себя очерки о первых впечатлениях, о кандалной тюрьме, о зрителях тюрем, о телесных наказаниях, о законах каторги, о её языке, песнях. Очерки сахалинской жизни открыли перед читателями неизвестный им ранее мир. Жизнь каторжан и свободных поселенцев острова была описана Дорошевичем ёмко и красочно. Сахалинские зарисовки отличались точностью наблюдений, правдивым характером и увлекательными комментариями со стороны автора.

В своей сахалинской книге Дорошевич представил галерею психологических типов разных людей, по тем или иным причинам оказавшихся на острове. Описал он и чиновничий состав каторги, назвав конкретные имена. Некоторыми из героев это было воспринято как вызов (достаточно вспомнить судебный процесс между Фельдманом и Дорошевичем).

¹⁶⁵ Букчин, С. Пропавший архив / С. Букчин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 63. – С. 404–413.

В книге Дорошевича собраны воедино путевые заметки и записки, зарисовки и репортажи. Однако преобладающим жанром становится именно очерк. В жанровом отношении книга «Сахалин» похожа на мозаику, при этом истории книги рассматриваются не только как единое целое, но и в качестве самостоятельных газетных публикаций, в том числе и фельетонов. При работе над очерками Дорошевича увлекала занимательность биографий отдельных каторжников, сенсационность некоторых преступлений. Для этого Дорошевич изучал дела, беседовал с каторжанами и поселенцами, делал заметки на память. И таким образом на свет появились исчерпывающие истории знаменитых каторжников, например Софьи Ивановны Блювштейн (1846–1902), прославившейся под именем Соньки Золотой Ручки, или когда-то блистательного гвардейского офицера Карла Христофоровича Ландсберга (1853–1909), накануне собственной свадьбы совершившего двойное убийство.

В тематическом отношении «Сахалин» состоит из очерков о надзирателях, чиновниках, заключённых, о знаменитых преступниках, о фольклоре, о сахалинском быте, о природе и климате Сахалина; в книгу включены портретные и дорожные очерки. Сюжетное действие обеспечивается следованием за всесторонним жизнеописанием каторги: за анализом причин высокой смертности на острове, за освещением вопросов нравственности. Вместе с этим раскрываются многоликие образы каторжан и воспитавшей их каторги, описываются женщины и дети, интеллигенция и поселенцы, старики и молодое поколение Сахалина.

Финал книги остался открытым. Свой «Сахалин» Дорошевич закончил вопросом: «И я не знаю, почему бы нам, имеющим горький опыт Сахалина, не взять на себя почина такого решения вопроса о каторге?»¹⁶⁶

Рис. 17. Книга В. М. Дорошевича «Сахалин»

«Сахалин» Дорошевича в России и за рубежом

«Сахалин» Дорошевича – это очередное, но ещё более сильное с документальной и эмоциональной стороны подтверждение фактического мира, открывшегося Чехову и иным путешественникам по острогам Российской империи.

«Сахалин» Дорошевича исследователи часто сопоставляют с «Островом Сахалином» Чехова. Обычно положительные заключения делаются в пользу Чехова. Марк Вениаминович Теплинский отмечал: «...книга Дорошевича написана более живо, в ней нет статистических таблиц и обилия документального материала, но в познавательном отношении она далёко уступает «Острову Сахалину» Чехова»¹⁶⁷. Мария Леонтьевна Семанова полагала, что Дорошевич «смаковал» ради фельетонного эффекта сенсационные случаи, интересовался

¹⁶⁶ Дорошевич, В. М. Сахалин. – С. 412.

¹⁶⁷ Теплинский, М. В. Влас Дорошевич – автор книги «Сахалин» / М. В. Теплинский // Сахалин : литературно-художественный сборник. – Южно-Сахалинск, 1962. – С. 133.

прежде всего «громкими» именами преступников¹⁶⁸. Последнее высказывание оспорено Семёном Владимировичем Букчиным, показавшим, что Дорошевич сочувствовал бедственному положению людей вообще, прямо высказывался в «Сахалине» против сенсационности и совсем не стремился «щекотать читательские нервы рассказами о встречах со знаменитыми преступниками»¹⁶⁹, а много места уделил повествованию о самых «обыкновенных» каторжниках¹⁷⁰. С. В. Букчин в своей книге заявил, что «совершенно напрасно стремится М. В. Теплинский установить, кто победил и кто оказался побеждённым. Проблемы творческой полемики не существуют. Есть чувство долга русского писателя, который по-своему выполнили Чехов и Дорошевич»¹⁷¹.

Отдельные издания книги «Сахалин» выходили в переводах на иностранные языки ещё при жизни журналиста. В частности, известны варшавские издания (1897, 1898, 1901 и др.), два берлинских перевода (1903, 1904), французские публикации (1906, 1913, 1926, 1928 и др.) и др. Небольшие фрагменты «Сахалина» были представлены в американской периодике в 1905 году.

«Русская колония на Дальнем Востоке: Перевод «Сахалина» Дорошевича» (2009) – такое название имеет вольный перевод американского историка Эндрю А. Гентеса. Книга Гентеса основана на «Сахалине» Дорошевича. Вместе с этим изданием известна и ещё одна похожая публикация переводчика на английском языке: «Каторга: Репортаж визита в сахалинскую колонию Власа Дорошевича» (2009). Переводы Гентеса были отмечены за рубежом. В частности, о последнем издании написана развернутая рецензия специалиста по русской литературе Сары Дж. Юнг «Дорошевич на Сахалине» (август 2011). При этом в англоязычных изданиях указана ошибочная дата рождения Дорошевича – 1864 год (эта дата часто фигурирует и в разных русских публикациях, посвящённых Дорошевичу).

Интерес Гентеса к наследию Дорошевича объясняется научными поисками переводчика, тема исследования которого связана с изучением российской пенитенциарной системы. Разрешение этой проблемы легло в основу докторской диссертации Гентеса «Дороги к забвению: сибирское изгнание и борьба между государством и обществом в России, 1593–1917» (2002).

Современные японские историки и литературоведы (Курата Юка, Косино Го и др.) обращаются к наследию Дорошевича. При этом наибольший интерес японских исследователей вызывают, с одной стороны, описание Сахалинской каторги и живущей на ней людей, с другой – создаваемые отечественным репортером в начале XX века образы Китая и Японии, восприятие Дорошевичем стран Ближнего и Дальнего Востока. Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что книги Дорошевича и переводы его произведений не потеряли своей актуальности и в XXI столетии.

¹⁶⁸ Теплинский, М. В. – С. 132–133.

¹⁶⁹ Букчин, С. В. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста. Жизнь и творчество Власа Дорошевича / С. В. Букчин. – Минск, 1975. – С. 87.

¹⁷⁰ Там же. – С. 88.

¹⁷¹ Там же. – С. 99.

Литература: Букчин, С. В. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста / С. В. Букчин. – М., 2010 ; Дорошевич, В. М. Сахалин / В. М. Дорошевич / вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. С. В. Букчина. – Т. 1. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 488–526 ; Иконникова, Е. А. Влас Дорошевич: «Восток своеобразен» / Е. А. Иконникова // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 4. – С. 45–46 ; и др.

Е. А. Иконникова

1.6. Сахалин и Курильские острова в литературе православных священников и епархиальных деятелей

Русские священники на Дальнем Востоке

Сахалин и Курильские острова привлекали к себе внимание не только отечественных путешественников и мореплавателей, но и представителей Русской православной церкви. Наиболее остро этот интерес обозначился в конце XIX – начале XX века. К тому времени в Российской империи уже существовало большое количество миссионерских отделов – как внутренних (рассчитанных на духовное просвещение народов Сибири и Дальнего Востока), так и внешних (распространявших свою деятельность за рубежом, например в Китае, Корее или Японии). В традиционную программу жизни миссионеров входило детальное изучение культуры и этнографии того народа, в среде которого осуществлялось духовное просвещение. Именно поэтому православные миссионеры внесли свой вклад в описание Сахалина и Курильских островов в литературе (чаще всего в дневниковой прозе, мемуарных записях или письмах). В ряду священнослужителей Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX века, авторов разных литературных работ о Сахалине и Курильских островах, можно назвать, прежде всего, Николая Японского, архимандрита Сергия, епископа Сергия, а также многих сахалинских священников и епархиальных деятелей.

Святитель Николай Японский о Сахалине и Курильских островах

Выдающийся миссионер конца XIX – начала XX века, почитаемый не только в России, но и за рубежом, святитель Николай Японский (Дмитрий Иванович Касаткин, 1836–1912) в своих работах («И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате» (1868), «Дневники» (1870–1911) (издавались в 1994, 1996, 2004 годах) и др.) неоднократно упоминал Сахалин и Курильские острова, описывал многие события частной жизни местных жителей.

В июне 1861 года иеромонах Николай посетил Сахалин в составе экипажа парохода «Америка». На острове иеромонахом был освящён пост Кусюнной (Ильинский пост), а в августе–октябре 1898 года святитель Николай совместно с архимандритом Сергием (Страгородским) совершил миссионерскую поездку по Курильским островам.

Рис. 18. Святитель Николай Японский

В статье «И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате»¹⁷² (15 июля 1868 года, Хакодате) святитель Николай информировал русское религиозное сообщество о миссионерском движении в Японии и вызванном этим фактом недовольстве правительства. В довершение своего рассказа автор обращал внимание читателей на то, что тысяча христиан взята на особый учёт полицией: «пятьдесят из них, в острастку другим, правительство грозит сослать на Сахалин в каменноугольные копи, существующие, впрочем, пока только в соображениях здешних администраторов»¹⁷³. В самом финале своего письма святитель Николай вновь вставил реплику о негласном запрещении в Японии распространения христианской веры. «...Конечно, — писал он, — милосердное

правительство не будет отнимать за это преступление (принятие христианской веры) жизни у граждан, но...на Сахалин, копать уголь» и проч. Сказано в официальных предостережениях, сделанных некоторым лицам письменно, некоторым словесно»¹⁷⁴.

Небезынтересно, что это эпизодическое употребление топонима «Сахалин» в контексте слов «сослать», «каменноугольные копи» и «преступление» было использовано в письме священника многим ранее, чем торговый остров стал широко известен по книге Чехова «Остров Сахалин». И разумеется, реплики святителя Николая о Сахалине как особом месте наказания, месте искупления за преступление максимально точно могли быть поняты только ограниченной читательской аудиторией (а таковой в первую очередь была именно социальная группа русских православных священников, которым и было адресовано письмо «И в Японии жатва многа...»). Определение того, что Сахалин может стать местом ссылки нарушителей религиозных правил в «соображениях» японских «администраторов» могло также вызвать череду вопросов у русских патриотов.

Одной из широко известных работ представителей русской православной церкви о Дальнем Востоке считаются «Дневники» (1870–1905), изданные в России и Японии. В дневниковом повествовании святителя, в отличие от книг путешественников и мореплавателей, делается акцент прежде всего на уровне духовной и материальной культуры православной паствы, проживавшей на Курильских островах в начале XX века. Появление в тек-

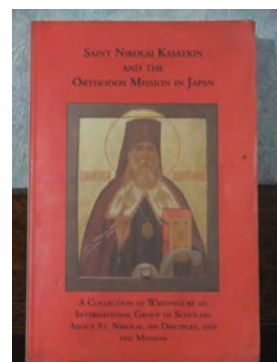

Рис. 19. Англоязычное издание трудов святителя Николая Японского

¹⁷² Здесь и далее по всему тексту параграфа орфография и пунктуация произведений священников сохраняется в оригинальном виде.

¹⁷³ Николай Японский. И в Японии жатва многа... Письмо русского из Хакодате / Николай Японский // Дневники святого Николая Японского / сост.: К. Накамару, Ё. Накура, Р. Ясуи, М. Наганава. — Саппоро, 1994. — С. 707.

¹⁷⁴ Там же. — С. 714.

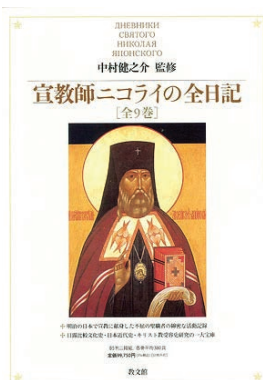

Рис. 20. Японское издание «Дневников» святителя Николая Японского

сте «Дневников» топонимов, связанных с Сахалином и Курильскими островами, остро обозначается во второй половине 1903 года, накануне ключевых событий Русско-японской войны. Так, например, частые упоминания Курильских островов возникают в контексте описания деятельности японского священника Романа Фукуи (Фукуи Хисаси, 1858–1938): «Отец Роман Фукуи пишет, что не мог отправиться на военном судне для посещения христиан-курильцев (с Сикотана) – судно замешкалось, он не мог бы поспеть сюда на Собор. Пишет ещё, что начальником Сикотана назначен чиновник, у которого жена наша христианка и двое детей крещены; это для христиан Сикотана очень хорошо» (10 (23) июня 1903 года, вторник)¹⁷⁵. Каждое замечание о духовном подвижничестве отца Романа Фукуи предстаёт в виде лаконичных историй, магистральной мыслью которых становится необходимость дальнейшего просвещения и укрепления в христианской вере жителей Курильских островов.

В дневниковом повествовании святителя Николая Японского практически отсутствовали описания пейзажей, непременно открывающихся перед глазами путешественников (следует заметить, что факт собственной поездки на Курильские острова русским священником в силу неизвестных обстоятельств не описывается). Однако важным становятся подробные рассказы о том, что, с одной стороны, связано с собственно миссионерской деятельностью (исполнением православных таинств, утверждением православных людей в вере), с другой – с материальным состоянием как самой православной церкви в Японии, так и её прихожан.

Период просвещения святителем Николаем Японским жителей Курильских островов в православной вере частично был передан в книге Дмитрия Матвеевича Позднеева (1865–1937) «Архиепископ Николай Японский» (1912). Вместе с этим учёный уточнял, что японские православные священники оставили большое количество писем о бедственном положении церкви на Курильских островах и прежде всего на Шикотане. «Из северных церквей, – писал Д. М. Позднеев, – <...> русским особенно интересно представляется маленькая община православных на острове Сикотан»¹⁷⁶. В книге Д. М. Позднеева, близко знавшего святителя Николая Японского, приводится почти анекдотический случай, когда несколь-

Рис. 21. Избранные учёные труды святителя Николая Японского

¹⁷⁵ Дневники святого Николая Японского / сост.: К. Накамару, Ё. Накамура, Р. Ясуи, М. Наганава. – Саппоро, 1994. – С. 256.

¹⁷⁶ Позднеев, Дмитрий. Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) / Дмитрий Позднеев. – СПб., 1912. – С. 12.

ко курильских айнов были привезены на Хонсю для знакомства с буддизмом. Учёный писал: «...Молодые люди, прибыв в Токио, заявили <...> православным христианам, что отказаться от даровой поездки по Японии им не хотелось, но что никто из сикотанских айну никогда не отступит от православия»¹⁷⁷.

Курильские острова и берега Сахалина в восприятии архимандрита Сергия

Интересные воспоминания о посещениях Курильских островов были написаны архимандритом Сергием (Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944), первый раз оказавшимся на Дальнем Востоке в 1890 году. Вторично архимандрит Сергей попал в Японию в 1897 году, написав по итогам путешествия книгу «По Японии (записки миссионера)». Архимандрит Сергей посетил Курильские острова, сопровождая в миссионерской поездке настоятеля Японской православной церкви святителя Николая Японского, документальный портрет которого воссоздаётся на страницах записок миссионера.

*Рис. 22. Архимандрит
Сергий*

Первое издание книги архимандрита Сергия состоялось в г. Арзамасе в 1897 году под общим названием «На Дальнем Востоке. Письма Японского миссионера». В 1899 году она была вторично опубликована в «Богословском вестнике», на титульном листе которого значилось следующее – «По Японии (письма миссионерского путешественника»¹⁷⁸). Книга «По Японии (записки миссионера)» состоит из датированных рассказов (с 5 августа по 12 октября 1898 года) о путешествии архимандрита Сергия по Японии конца XIX столетия. В общем содержании этих записок были представлены две части: «У православных Курильцев» и «Итуруп».

В поле внимания архимандрита Сергия одновременно оказываются и собственно природные реалии островов, и люди, жившие на них. Но если на жителей Курильских островов автор смотрел глазами священника (фиксируя духовные трагедии каждого из людей, с которыми он встречался), то природное богатство оценивалось мерками среднестатистического россиянина, одновременно ищущего сходство и различие новых мест с его родным краем. По убеждению архимандрита Сергия, «большой и богатый остров» Хоккайдо многим напоминает Сибирь. Совпадения обозначены не только в природных условиях: в общей «невозделанности», суровости климата, обилии «девственных лесов», но и в изобретениях цивилизации. «...К довершению сходства с Сибирью, – пишет автор книги «По Японии (записки миссионера)», – здесь на-

¹⁷⁷ Позднеев, Дмитрий. Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) / Дмитрий Позднеев. – СПб., 1912. – С. 12.

¹⁷⁸ Иногда название этой работы звучит следующим образом: «По Японии (письма о миссионерском путешествии)».

ходятся главные японские тюрьмы, сюда с давних пор идёт избыток населения старой Японии»¹⁷⁹.

При изображении Курильских островов архимандрит Сергей обращал внимание на то, что, несмотря на природную оторванность островов от «большой» земли, местное население имело возможность совершения тех или иных православных таинств. Принятие жителями Курильских островов православного вероисповедания состоялось несколько ранее того времени, чем началась проповедь христианства Русской православной миссией в Японии. Основы христианского вероисповедания в Сибири и на Дальнем Востоке были заложены ещё святителем Иннокентием¹⁸⁰ (Иван Евсеевич Попов-Вениаминов, 1797–1879), и об этом писал сам архимандрит Сергей, предваряя определение уровня духовной культуры современных ему жителей Курильских островов.

Кроме вопросов вероисповедания, архимандрит Сергей касался и изображения жизни местного населения, внутренних отношений между людьми. Немаловажным для архимандрита Сергия стало описание природных условий на островах. «Часа через 4 ходу, – отмечалось в записках, – на горизонте ясно стала означаться остроконечная вершина, это и есть Сикотан... Берега очень круты, обрывисты, на горах трава, мелкие деревья. Снаружи не особенно приветливо, но вот откроется долинка, зеленая, весёлая под лучами солнца, так и думается, что всегда и тепло, и уютно за серыми горами. Совсем нельзя подумать, что ясный денек здесь редкость, что здесь постоянно почти туманы, зимой стужа, летом сырость»¹⁸¹.

Несмотря на то что архимандрит Сергей и его спутники – святитель Николай и отец Игнатий (Като Кадзуэ) не могли планировать путешествие на Сахалин, тем не менее в путевых записках священника есть глава с общим названием – «В виду Сахалина». При возвращении в Японию судно, на котором плыли священники, проходило у сахалинских берегов. «По ту сторону пролива, – писал архиепископ Сергей, – ясно виднелись горы Сахалина, до него всего тридцать верст»¹⁸². По рассказам сведущих людей, как говорили автору записок, ежегодно с Сахалина перебирались на лодках арестанты, которые, пробыв у русского консула в Японии до удобного случая, через Владивосток уже под конвоем отправлялись на Сахалин.

Сахалин в заметках епископа Сергия

Епископ Сергей (Сергей Алексеевич Тихомиров [1863, по другим сведениям, 1871–1945]) неоднократно публиковал свои работы о Японии и развитии православия в ней. Но из его работ особым образом выделяется небольшая книга – «На Южном Сахалине (из путевых заметок)» (1914). Епископ Сергей трижды

¹⁷⁹ Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (записки миссионера). – М., 1998. – С. 7.

¹⁸⁰ Иннокентий Московский и Коломенский – митрополит, просветитель Сибири и Аляски.

¹⁸¹ Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (записки миссионера). – С. 34.

¹⁸² Там же. – С. 149.

побывал в южной части Сахалина, являющейся в то время японской колонией. Священнику удалось почти целиком обозреть южную часть Сахалина, о котором упоминали в своём литературном наследии святитель Николай Японский и архиепископ Сергей. Ценность путевых заметок епископа Сергия крайне высока. В своей работе миссионер приводил перечень сведений (исторических, социологических, лингвистических, религиозных, бытовых и других) разного объёма, создающий целостную картину периода Карафуты (1905–1945) в его первом десятилетии.

В самом начале заметок, датируемых августом 1909 года, епископ Сергей определял необходимость своей поездки на юг Сахалина следующим образом: «...разыскать русских <...>, удовлетворить их духовные нужды»¹⁸³. Повторный приезд на Карафуту епископа Сергия пришёлся на май 1910 года, а затем на август 1911 года. Примечательной особенностью этих поездок становится то, что автор путевых заметок, встречаясь с представителями местной администрации, запечатлевал подробные портреты разных людей. Так, например, он описывал губернатора Хираоку Садатаро (1862–1942) – деда именитого японского писателя Мисимы Юкио¹⁸⁴ (1925–1970).

Большая часть наблюдений епископа Сергия стала документальным свидетельством того времени. За редким исключением в книге были названы подлинные имена и описаны истории, имевшие место в действительности. Священник, взявшись за перо, с точностью фиксировал название населённых пунктов, приводил расписание движения морских судов и поездов на Сахалине, определял существующие тарифы на перевозки, обследовал территории кладбищенских захоронений и многое др.

В свой первый приезд на Сахалин в 1909 году на станции деревни Третья Падь епископ был окружён детьми, которые «приехали <...> с родителями с о-ва Сикотан (из группы Курильских)»¹⁸⁵. Косвенное подтверждение того, что встреченные епископом дети были айнами, можно найти в том, что они имели весьма скудный запас русских слов. Само же слово «айны» в этом фрагменте не было использовано, но встречалось несколько позже, когда епископ рассказывал о посещении в городе Маока русского кладбища и расположенного рядом с ним места захоронений айнов¹⁸⁶.

О сахалинских айнах епископ Сергей упоминал и в свой третий приезд на Южный Сахалин в 1911 году, когда посетил школу, организованную дзэн-буддистским священником: «Мы в своё время и русских-то детей не обучили русской грамоте... Где уж нам было браться за айну!... И оставались они «нетронутыми» со своей безграмотностью, со своими суевериями... А вот бонзы уже обучают деток айну японской грамоте... И скоро-скоро все айну заговорят по-японски... А раз учатся при кумирнях, да ещё – у бонзы, безусловно, и за-

¹⁸³ Епископ Сергей (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок) / Епископ Сергей (Тихомиров) // Краеведческий бюллетень. – № 1. – 1991. – С. 33.

¹⁸⁴ Упоминания о знаменитом деде писателя, несколько лет проведшем на Южном Сахалине, обнаруживаются и в книге самого Мисимы Юкио «Исповедь маски» (1949).

¹⁸⁵ Епископ Сергей (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок). – С. 39.

¹⁸⁶ Там же. – С. 49.

молятся по-японски, по-буддийски. Горький вывод... Но безошибочный!»¹⁸⁷. Одновременно с этим епископ Сергей допускал и некоторые лаконичные вставки и о сахалинских уйльта (которых епископ именовал орочонами). Таким образом, наследие православных миссионеров начала XX века (святителя Николая Японского, архимандрита Сергия и епископа Сергия) давало возможность читателям того времени представить не только внешнюю красоту и богатство природы Сахалина и Курильских островов, но и духовный облик их коренных жителей. Одновременно с этим в имперский период развития русской литературы уже был сформирован художественный и художественно-публицистический образ коренного народа, проживавшего на Сахалине и Курильских островах. При этом единой терминологии в названии этого этноса авторы разных книг не придерживались (мохнатые курильцы, курильцы, курилы, айну, айно, айны и более частные, например сикотанцы и др.). Одновременно с этим утвердилась устойчивая ассоциация южной части Сахалина и всех Курильских островов именно с айнами. Начиная со второй половины XIX века в разной литературе обязательно отмечалась принадлежность жителей Курильских островов к православному вероисповеданию.

Нередко на страницах произведений русских миссионеров описывались одни и те же люди – реальные исторические персонажи рубежа XIX–XX веков: православные японские священники и прихожане православных церквей в Японии, соотечественники русских миссионеров и многие другие.

Православные священники Сахалина в религиозной периодике

Православные священники Сахалина оставили комплекс дневников, записок, воспоминаний, в которых повествуется не только о православии на Сахалине, но и о жизни коренного населения острова – айнов (в работах того времени – айну), нивхов (гиляков), уйльта (ороков, орочонов). Писали священники о природе, особенностях климата, бытовых аспектах жизни каторжного и вольного населения Сахалина и т. п. Литература священников конца XIX – начала XX века систематически размещалась в печатных изданиях епархий Русской православной церкви.

Особую группу составили публикации сахалинских священников, посвящённые миссионерской работе среди коренного населения острова. Первой такой работой, появившейся в епархиальной прессе («Камчатские епархиальные ведомости» – печатный орган Камчатско-Курильско-Благовещенской епархии; издавались с 1894 по 1899 год в Благовещенске), стала статья священника Николая Семёновича Попова-Какоулина. В работе рассказывалось об одной из миссионерских поездок к «инородцам» в январе 1893 года. Уделяя пристальное внимание этнографическим зарисовкам, автор оставил за пределами своего рассказа миссионерские «дорожные приключения и невзгоды»¹⁸⁸, сосредоточив

¹⁸⁷ Епископ Сергей (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок). – С. 132.

¹⁸⁸ Свящ. Н. Попов-Какоулин. Инородцы на о-ве Сахалине в отношении к Православной Церкви и Русскому государству. (Этнографическая заметка) / Свящ. Н. Попов-Какоулин // Камчатские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1896. – № 5. – С. 99.

внимание на рассуждениях о государственном значении православной миссии среди населения дальневосточной окраины.

Публикацию миссионерских записей продолжили сахалинские священники начала XX века. Во «Владивостокских епархиальных ведомостях» (издавались с 1903 по 1917 год) были напечатаны дневниковые записи о миссионерских поездках Алексея Троицкого (1904), Александра Городнова (1908), Андрея Шастина (1916). В этих публикациях, кроме описания собственно миссионерской работы, имелась интересная информация о бытовых моментах жизни священников, о суровых условиях их деятельности.

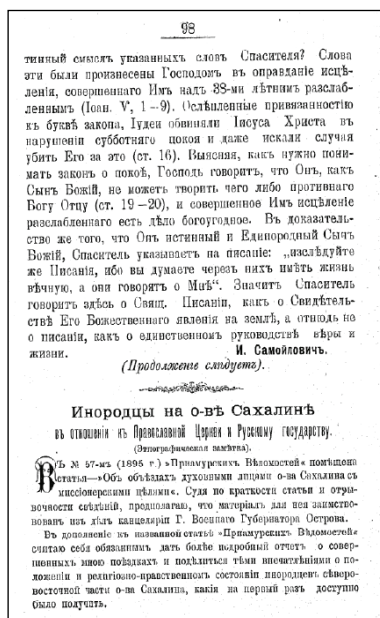

Рис. 23. Работа священника Н. Попова-Какоулина «Инородцы на о-ве Сахалине в отношении к Православной Церкви и Русскому государству»

Александра Городнова, сахалинские тунгусы оказались менее сознательны и более порочны, чем их неостровные сородичи. Священник объяснял это тем, что близость ссыльных и общение с беглыми каторжниками повлияли на северный народ растлевающим образом, познакомили с пьянством и другими пороками. Айны, проживавшие на юге Сахалина, не стали объектом миссионерской работы сахалинских православных священников, упоминания об этом отсутствовали в миссионерской литературе. В своих записях сахалинские священники отмечали, что сложившиеся под воздействием конкретных исторических условий верования коренных народов Сахалина в условиях каторжного острова и после с большим трудом поддавались христианизации.

Все авторы были единомышленны в том, что миссионерская деятельность на Сахалине была организована очень слабо, а существование каторги не создавало благоприятных условий для распространения христианства. Несмотря на подвижничество священников, успехи православной миссии на Сахалине были незначительными. Особенно не поддавались крещению сахалинские нивхи. О неудачной попытке превратить их в христиан в разные годы писали многие сахалинские священники. Так, Андрей Шастин замечал, что крещение нивхов было большой редкостью и такие люди воспринимались «отрезанным ломтем от своей гилякской среды»¹⁸⁹. Иная религиозная ситуация, судя по записям священников, складывалась в начале XX века среди уйльта, которые охотно восприняли внешнюю сторону православия, но не оставили и своих языческих верований. Высоко оценивал готовность к восприятию христианского вероучения эвенков (тунгусов) и якутов, проживавших на Сахалине, священник Н. С. Попов-Какоулин. При этом в начале XX века, по представлению священника

¹⁸⁹ Священник А. Шастин. Описание поездки к инородцам восточного побережья Русского Сахалина / Священник А. Шастин // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1916. – № 22. – С. 749.

Особый интерес представляли работы сахалинских священников о Русско-японской войне. Уникально свидетельство Алексея Павловича Куколыщикова «Из записей Сахалинского священника за 1905 г.» (1907). В опубликованных на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» записях освещались события на севере Сахалина с 10 июля по 30 октября 1905 года. Автору удалось не только описать военные факты, свидетелем которых он стал, но и детально изобразить повседневную жизнь оставшегося русского населения в условиях японской оккупации. Дневниковое повествование Алексея Михайловича Троицкого «Из воспоминаний о Русско-японской войне на Ю. Сахалине» (1908) построено на информации о произошедших на южной части острова с января 1904 по 19 августа 1905 года событиях. Священнику удалось передать динамику происходивших на его глазах и при его участии военных действий, подойти к этому описанию объективно и непредвзято, уделив изрядное внимание критике российских властей, которые не подготовили остров к обороне. Автор рассказал о поведении оккупировавших юг острова японских войск, о состоянии населённых пунктов после окончания военных действий и репатриации российского населения.

Епархиальные деятели о Сахалине

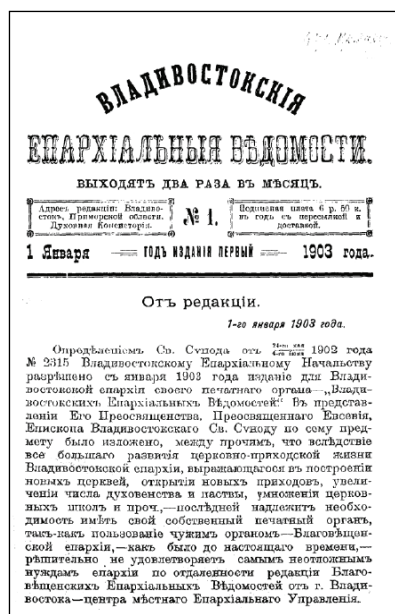

Рис. 24. Первый номер «Владивостокских епархиальных ведомостей»

Сахалинская тематика освещалась и в работах деятелей дальневосточных епархий Российской православной церкви. Немало внимания уделено описаниям острова в пространственных записках о путешествиях епископов по епархии. Первая работа такого жанра («Путешествие Преосвященного Макария, Епископа Камчатского по епархии в мае, июне и июле месяцах 1893 г.») была напечатана в «Камчатских епархиальных ведомостях» в 1894 году. Вслед за этой публикацией издавались и другие тексты, оформленные как путевые заметки, дневники или выдержки из них. Обычно такие записи велись людьми, сопровождавшими епископов в поездках. Акцентируя внимание на событиях православной жизни, связанных с пребыванием епископов на острове, авторы оставили описания сахалинской природы, населённых пунктов, отдельных архитектурных сооружений, рассказы о местном населении, о сахалинских священниках и их деятельности.

Наиболее выдающимся литературно-историческим сочинением конфессионального происхождения в начале XX века являлся исторический очерк Алексея Григорьевича Разумовского «Владивостокская епархия за первые 5 лет её существования» (1905–1906). В этой работе в общепархиальном контексте представлена всесторонняя характеристика православной жизни Сахалина,

уделено внимание выявлению особенностей духовно-нравственного состояния сахалинского общества, содержится описание миссионерского дела, имеются характеристики церквей, их положения, церковно-школьного строительства на острове и многого другого.

Публикации священников, служивших на Сахалине, и епархиальных деятелей конца XIX – начала XX века открывали страницы религиозной, бытовой и культурной жизни всего населения острова. Авторы разных публикаций описывали природные ландшафты и погодные условия Сахалина, затрагивали некоторые аспекты экономической и политической истории, повествовали о нелёгких судьбах местного населения. Одновременно с этим все такие работы отражали восприятие Сахалина в конфессиональной среде, воссоздавали историко-документальный и художественно-мемуарный образ острова.

Литература: Костанов, А. И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах. Исторический очерк. – Южно-Сахалинск, 1992 ; Потапова, Н. В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX в. (на примере Сахалина) : монография / Н. В. Потапова. – Южно-Сахалинск, 2009 ; и др.

Е. А. Иконникова, Н. В. Потапова

Глава 2. Сахалин и Курильские острова в литературе советского и постсоветского периодов

2.1. Советский Сахалин в литературе конца 1920–1930-х годов

От прошлого к будущему

Издание книг о Сахалине и Курильских островах после 1917 года в сравнении с имперским периодом не уменьшилось, но принципиально изменился характер повествования. Тема Курильских островов была растиражирована меньше, чем собственно тема Сахалина. В большинстве своём литературные произведения 1910–1920-х годов носили автобиографический характер, основывались на документальных свидетельствах и были адресованы широкой читательской аудитории: публиковались не только отдельными книгами, но печатались в журналах, газетах и иных изданиях. Основные акценты такой литературы были связаны с описанием климатических условий Сахалина, с рассказами о природных богатствах, о неоднородной и по-своему привлекательной этнической ситуации на острове, об удивительных людях, с которыми судьба сводила авторов книг, о знаменательных событиях.

В это же время некоторые авторы, резюмируя выводы знаменитых на всю Россию путешествий А. П. Чехова и В. М. Дорошевича, делали попытки обозреть Сахалин в новое время. Среди таких книг можно назвать «Сахалин после Чехова и Дорошевича» (1929) Макса Леонидовича Поляновского (1901–1977), побывавшего на Северном Сахалине в 1928 году. Примечательно, что этот писатель, позже создавший совместно с Л. А. Кассилем (1905–1970) «Улицу младшего сына» (1949), прославился очерками для детей и юношества. Именно поэтому легко и непринуждённо читались книги М. Л. Поляновского «На далёкой окраине (ДВК)» (1930) или «С букварём у гиляков. Сахалинские дневники ликвидатора неграмотности» (1931).

Рис. 25. М. Л. Поляновский

В 1920-х годах в печать вышли и другие книги. Например, в Ленинграде была издана книга Людмилы Александровны Волкенштейн «Из тюремных воспоминаний» (1924), а во Владивостоке увидела свет брошюра журналиста Матвея Корна «О советских далях. Сахалин, Камчатка, Чукотка, Колыма» (1926).

Во многих книгах 1920-х годов изображалось каторжное прошлое Сахалина, иногда писалось о событиях Русско-японской войны. При этом авторы обязательно воспевали первые социалистические преобразования и будущий образ Сахалина – острова, который непременно должен был осваиваться и развиваться.

В 1928 году на Сахалине в составе этнографической экспедиции побывал Лев Алпатов (настоящее имя – Лев Михайлович Пришвин, 1906–1957), итогом поездки которого стало издание «Сахалина (путевых записок этнографа)» (1930). Общий тираж книги составил четыре тысячи экземпляров.

Лев Алпатов, старший сын знаменитого русского писателя Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954), был популярным в своё время беллетристом, поэтому и книга «Сахалин» с восторгом воспринималась не только специалистами-этнографами, но и рядовыми читателями. Написанное как путевой дневник повествование Алпатова начиналось июлем 1928 года и заканчивалось сентябрьскими днями, когда учёный возвратился в Москву из экспедиции. С первых же страниц своей книги Алпатов восклицал: «Остров, проклятый тысячами людей, принявших в нём мучения и смерть. Кандалами прозвенел Сахалин на весь мир. Кто не читал Чехова и Дорощевича!»¹⁹⁰.

Рис. 26. Книга Б. И. Еллинского «Сахалин. Чёрная жемчужина Дальнего Востока»

Книга Бориса Ивановича Еллинского (1872–1942) «Сахалин. Чёрная жемчужина Дальнего Востока» (1928), являясь документальной и частично автобиографической, как будто бы смыкает в себе два времени: имперскую Россию, когда революционер отбывал наказание на Сахалине (с 1894 года), и советскую Россию. Вместе с этим «Сахалин...» Еллинского подводит итог всей предшествующей литературе о Дальнем Востоке накануне 1930-х годов. В конце 1920-х годов уже намечается попытка создания принципиально новой литературы – агитационной, пропагандистской по своему характеру, мифически оптимистической, убеждающей и склоняющей читателей средствами словесности для переезда из обжитых центральных районов на Дальний Восток, в том числе на Сахалин и Курильские острова.

О создании советской литературы на Сахалине

В начале 1930-х годов на Сахалине активно шли подготовительные мероприятия, связанные с первой юбилейной для нового государства датой – десятилетием с момента советизации бывшего некогда места каторжной ссылки острова. Значительная роль в этой подготовке была отведена и культурному образованию, одну из весомых частей которого составляло просвещение средствами публицистической и художественной литературы о Дальнем Востоке.

Так, 3 октября 1933 года состоялась встреча первого секретаря Дальневосточного ВКП(б) И. Лаврентьева (настоящее имя – Лаврентий Иосифович Картвелишвили, 1890–1938) с дальневосточными писателями. В речи И. Лаврентьева, частично опубликованной на страницах газеты «Советский Сахалин», говорилось о первостепенных задачах советской литературы как проводника идеологических ценностей нового государства: «Мы собрались сюда, чтобы обсудить вопрос о том, как лучше работать нашему писателю, как самоорганизоваться, чтобы голос дальневосточного писателя раздавался

¹⁹⁰ Алпатов, Лев. Сахалин (путевые записки этнографа) / Лев Алпатов. – М., 1930. – С. 6.

по всему Союзу. <...> Край наш <...> очень интересный край. Особенно для писателя. <...> Здесь большое количество людей, здесь сталкивается масса народа различного по национальным признакам. Здесь происходит большая переделка края людей. Здесь происходит большое строительство. <...> Отобразить в художественных произведениях создание этого нового края, его социалистическое освоение – большая, сложная, ответственная и почётная работа»¹⁹¹.

Особое внимание советского правительства к Дальнему Востоку объяснялось ещё и тем, что край «граничит с Японией и Китаем»¹⁹². Укрепление политических рубежей СССР средствами литературы, по мнению И. Лаврентьева, должно было состояться через оживление «исторической мысли в крае»¹⁹³, отражаемой в идеологии зарождающегося социалистического реализма, в условной его объективности и партийности.

Дальневосточные писатели стояли перед необходимостью формирования собственной региональной литературы, которая отвечала бы стандартным требованиям литературного процесса нового времени и естественным образом объясняла политическую ситуацию в пограничных областях. Однако говорить о создании советской сахалинской литературы в 1930-е годы было бы преждевременно. В 1933–1935-х годах в тематических разделах газеты «Советский Сахалин» (общий тираж которой в то время увеличился почти в два раза: от 3500 до 6000 экземпляров) крайне редко появлялись «литературные страницы», общее содержание которых едва ли могло конкурировать со столичной или иной, более развитой, периферийной литературой.

Тем не менее в самом начале 1930-х годов стали публиковаться первые советские книги о Сахалине, которые и составили пласт советской сахалинской литературы, созданной извне приезжими авторами. При всей известной «нормативности» (соблюдении определённых строгих правил) зарождающегося социалистического реализма произведения о Сахалине должны были отвечать и эстетическим, и практическим требованиям. Соблюдение последнего требования способствовало бы увеличению количества переселенцев, желающих освоить островные земли Советской России.

После «Перевала»

Одним из таких авторов, откликнувшихся на государственные призывы, стал Пётр Владимирович Слётов (настоящее имя – Пётр Владимирович Кудрявцев, 1897–1981). До издания книги «На Сахалине» (1933) этому писателю уже принадлежало несколько произведений – повести «Прорыв» (1928) и «Мастерство» (1930), а также роман «Заштатная республика» (1931). Появление книги «На Сахалине» в творческой биографии Слётова было неслучайным. До 1931 года Слётов был участником Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» (1923–1932). «Переваловцы» (в число которых входили

¹⁹¹ «Дальневосточные писатели и поэты должны показать всему Советскому Союзу, как создается новый край» // Советский Сахалин. – 11 окт. – 1933. – № 231 (1510). – С. 1.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

М. М. Пришвин, А. П. Платонов, Э. Г. Багрицкий и многие другие) отстаивали принципы искусства, не связанного с пролетарским движением. Концепция сторонников и последователей «Перевала» основывалась не на политическом единомыслии (что требовалось от искусства нового времени), а на принципах интуитивного, философского осмысления жизни.

Выйдя из состава членов «Перевала», П. В. Слётов пытался реабилитировать себя и своё творчество, не отвечающее целиком идеологическим требованиям пролетарской литературы и литературы социалистического движения. Авантюрно-анекдотический вымысел об интеллигентах и большевиках в «Заштатной республике» едва ли мог претендовать на безупречность изображения современного писателю мира. Но жанр очерков, избранный как ведущий, в книге «На Сахалине» должен был позволить писателю изобразить новый уклад жизни советских людей, новую, порвавшую с буржуазным прошлым среду советских переселенцев.

Динамичное развитие уже не каторги, но нового, преображённого Сахалина вполне отвечало идеологии СССР. А приближенное к документальному описание острова в предназначенной для советских читателей литературе могло освободить Слётова от «ошибок» прошлого (каковым считалась его прежняя принадлежность к «Перевалу»). Но ранее допущенная идеологическая ошибочность писателя во взглядах на искусство стоила ему общественной репутации и скоротечной литературной карьеры. Книга «На Сахалине», общий тираж которой составил пять тысяч экземпляров, столичной критикой не была оценена. Факт попытки осветить жизнь современного писателю острова (когда-то привлёкшего внимание А. П. Чехова, В. М. Дорошевича и других писателей) не имел должного резонанса ни в европейской части России, ни на её дальневосточных рубежах. Творческие старания писателя рассказать своим соотечественникам о сахалинских «туземцах», в своём развитии продвинувшихся «от юколы к картофелю» (одноименное название одной из частей книги), и о «японских концессиях на Сахалине» (также название одной из частей работы Слётова) не имели желаемого успеха.

Негативный отзыв о серии литературно-публицистических очерков Слётова появился и на страницах самой читаемой на острове газеты – «Советский Сахалин». В небольшой заметке «Сахалин через призму гастролера» И. Лившиц обвинил писателя в том, что тот сделал акцент только на «экзотику»¹⁹⁴, а не на «действительных героев труда». «Очерки Слётова о Сахалине, – продолжал журналист газеты, – никаких сторон сахалинской жизни и борьбы большевиков не раскрыли, ничего не показали». <...> «Очерки Слётова – образец, как не следует писать о Сахалине»¹⁹⁵.

Как видно из газетного отзыва на книгу, лучшим произведением о Сахалине в 1930-е годы считался исключительно политический манифест, в котором ве-

¹⁹⁴ Очевидно, предвидя такие обвинения, в авторском предисловии П. В. Слётов всё же писал: «В моих очерках я далёк от мысли преподнести экзотику. Я руководствовался желанием – увидеть, как живёт на острове и что делает советский человек». Слётов, П. На Сахалине / П. Слётов. – М., 1933. – С. 4.

¹⁹⁵ Лившиц, И. Сахалин через призму гастролера / И. Лившиц // Советский Сахалин. – 14 нояб. – 1933. – № 254 (1533). – С. 2.

душая роль отводилась большевикам и героям труда. Подробно не анализируя писательскую манеру Слётова, отметим, что даже весьма скромные, с точки зрения художественного мастерства, попытки автора книги дать портретные зарисовки островных женщин инициировали ещё большее негодование И. Лившица: «Красивая жена заведующего рыбообразным заводом вызывает у писателя восхищение и удивление, – как живёт эта Диана в сахалинской тайге. <...> С каким барским презрением он отзывается об Адо-Тымовских девушках-счетоводах...»¹⁹⁶. Пролетарский писатель, по мнению Лившица, должен был видеть не красоту женского лица и тела, но значимость женского труда в социалистическом производстве.

От «На Сахалине» к «Равноденствию»

Невзирая на отрицательную оценку своей работы, в 1934 году на страницах «Нового мира» (№ 1–2) Слётов представил ещё одно из своих произведений, посвящённых Сахалину, – первую часть романа «Равноденствие». Писатель теперь уже в сугубо художественной форме изобразил и представителей технической интеллигенции, и ответственных партийцев-хозяйственников, которые уезжали в 1920-е годы со своих обжитых мест на строительство сахалинских нефтяных промыслов в районе Охи.

Однако и эта книга не была доброжелательно встречена ни читательской аудиторией, ни отечественной критикой. Литературная деятельность писателя подошла к финалу. Отсутствие высокой художественности и следование шаблонам идеологической литературы не позволяли создать произведения, одновременно интересные и с эстетической, и с познавательной стороны. В послевоенные годы (в 1948 году) Слётов был арестован, а спустя восемь лет (в 1956 году) реабилитирован. Позже Слётов написал и вторую часть венчающего всё его творчество романа «Равноденствие» (1935–1975)¹⁹⁷, которая, как и книга очерков «На Сахалине», составила формальную, фактологическую принадлежность к произведениям «сахалинской» литературы.

Агитационное начало в литературе для детей

В 1930-е годы тиражом в десять тысяч экземпляров была издана книга А. Кузнецова «Сахалин» (1933). Она была одобрена комиссией по учебной книге ДалькрайОНО для школ 1-й ступени ДВК и адресована читателям школьного возраста. Сахалин описывается А. Кузнецовым глазами пионеров Кости, Феди и Андрея, приехавших на остров со своими родителями, советскими переселенцами.

Имеющая безусловный назидательно-воспитательный характер книга «Сахалин» открывалась рассказом о том, что для неискушенных дальними

¹⁹⁶ Лившиц, И. Сахалин через призму гастролера. – С. 2.

¹⁹⁷ Эта книга была опубликована отдельным изданием в 1977 году.

поездками читателей следовало бы назвать «экзотикой» – описание бескрайних горизонтов морских долин и мира удивительной сахалинской природы. Но скудные «лирические» картины Сахалина быстро сменились у А. Кузнецова перечнем сведений по истории, географии, экономике и этнографии острова. Общий стиль этого повествования, претендующего на художественное, был сродни информативному характеру школьного учебника. А. Кузнецов писал: «...На Сахалине живёт около двух тысяч гиляков, человек 200 тунгусов, 50 якутов и около двухсот ороchon»¹⁹⁸.

Настоящее и будущее островной земли описывалось с высоким пафосом: «Старикам трудно поверить в новый Сахалин. Очень много жуткого они знают про старый. Только при советской власти возможно превращение места каторги и ссылки, места горя и слёз в цветущий уголок, где гиляки, тунгусы и другие забытые раньше народности, как родные братья, вместе с русскими разрабатывают многочисленные природные богатства и строят новую жизнь, укрепляют мощь Советского союза»¹⁹⁹²⁰⁰.

В заслуги Советской власти на Сахалине вменялось дальневосточным писателем и культурное образование островных жителей – как коренного населения, так и его «переселенцев»: «Изменилась и культурная жизнь населения. <...> Почти в каждом селе открыты избы-читальни, красные уголки. <...> Теперь уже не чувствуют себя сахалинцы оторванными от культурной жизни»²⁰¹.

Свойственная 1930-м годам идеологическая пропаганда в литературном творчестве фиксировалась и через шрифтовое оформление книги «Сахалин». Так, в истории о смерти Мироненко, погибшего в борьбе с кулаками (мстя, семья кулаков Роговых жестоко убивает бывшего батрака, желающего социальной справедливости (из главы «Как погиб тов. Мироненко»), жирным курсивом выделяются следующие слова: «Пролетарский суд всем классовым врагам воздал по заслугам»²⁰².

История острова также трактовалась с идеологических позиций нового времени. Долгий застой в развитии богатого природными ресурсами Сахалина связывался с произволом «царских чиновников» до 1917 года и возникшим на Дальнем Востоке после революции кулачеством²⁰³.

Объяснение присутствия японцев на острове развивалось в двух направлениях: неблагоприятном во времена царской каторги и позитивном в годы советизации. А. Кузнецов называл Сахалин «золотым дном», которым пользовалась Япония до освоения Сахалина властью рабочих и крестьян²⁰⁴. Современное писателю состояние острова было окрашено взаимной дружбой народов Советской России и Востока. «Здесь работают японские, русские, корейские и китайские рабочие. <...> дружат крепко. <...> Сначала то косо смотрели друг на

¹⁹⁸ Кузнецов, А. Сахалин / А. Кузнецов. – Хабаровск, 1933. – С. 20.

¹⁹⁹ Здесь и далее в цитатах сохраняется печатная орфография книги «Сахалин».

²⁰⁰ Кузнецов, А. Сахалин. – С. 26.

²⁰¹ Там же. – С. 40–41.

²⁰² Там же. – С. 34.

²⁰³ Там же. – С. 65.

²⁰⁴ Там же. – С. 40.

друга. Японцы на китайцев, китайцы на корейцев, все вместе на русских»²⁰⁵, – писал А. Кузнецов.

Приводились в книге «Сахалин» и рассказы частных лиц о том, как происходит на острове налаживание взаимоотношений между представителями разных этнических групп. Так, однажды во время общей постановки спектакля русские и иностранные рабочие «поняли, что их общий враг капиталист, а национальная вражда только помогает капиталистам эксплуатировать рабочих»²⁰⁶.

В финальной части «Сахалина» было размещено сочинение Кости Зверева с притягательным названием «Остров сокровищ». Школьный рассказ мальчика выдержан в границах правильного ответа на вопрос, что представлял собой бывший каторжный остров в советское время. «Остров Сахалин, – констатировал Костя, – расположен на краю Азиатского материка, на границе Советского союза и Тихого океана <...> Из места ссылки и каторги Сахалин превращается в промышленный район. Таких темпов не знает ни одна капиталистическая страна. Это возможно только в стране, где власть в руках рабочих и крестьян»²⁰⁷.

Костя на страницах книги А. Кузнецова «Сахалин» выписан как идеальный персонаж, которому, вероятно, следовало подражать всем советским детям. Мальчик пытлив, умен, деятелен. За организованную совместно с взрослыми работу юннатов и за подбор ценных для учёных материалов сахалинской природы он был премирован фотоаппаратом от «краевого кабинета народного хозяйства в Хабаровске»²⁰⁸.

Не только идеология

В 1930-е годы были написаны и другие книги о Сахалине. Тираж таких книг был довольно высоким и иногда доходил до нескольких десятков тысяч экземпляров. Среди большого многообразия появившихся в первые десятилетия Советской власти изданий довольно сложно выделить оригинальные произведения, не изобилующие политическими прокламациями и социалистическими призывами.

Ещё одной книгой этого времени стал изданный 10 тысячами экземпляров «Остров сокровищ. На советском Сахалине» (1930) Николая Ивановича Долотина. Вместе с этим в «десятидневном журнале путешествий и приключений» «Вокруг света» (1930, № 7, март) был опубликован четырёхстраничный документальный рассказ Н. И. Долотина «В сахалинской тайге». Советская периодика 1930-х годов изобиловала произведениями о Сахалине.

В издательстве «Советская Азия» в свет вышла сорокасемистраничная книга «Советский Сахалин» (1933) партийного деятеля Евгения Владимировича Лебедева (1897–1938), в 1929–1930 годах занимавшего пост ответственного секретаря Сахалинского окружного комитета ВКП(б). Работа Е. В. Лебедева, без-

²⁰⁵ Кузнецов, А. Сахалин. – С. 60.

²⁰⁶ Там же. – С. 61.

²⁰⁷ Там же. – С. 67.

²⁰⁸ Там же. – С. 61.

Рис. 27. Журнал «Вокруг света» с публикацией Н. И. Долотина «В сахалинской тайге»

условно, носила агитационный характер, но научно-популярное изложение материалов «Советского Сахалина» привлекало внимание многих потенциальных читателей. В книге «Советский Сахалин» Лебедев писал о возможности превращения Сахалина в полуостров, поэтому и завершение книги звучало максимально оптимистически: «И если самая постановка подобного грандиозного вопроса в анархических условиях капиталистического режима была с самого начала обречена на неуспех, то для строя и эпохи великого социалистического строительства, воодушевляемого смелым и научным большевистским руководством, не остаётся препятствий для того, чтобы в ближайшее же время поставить эту большую сахалинскую проблему на практическую почву углублённого научного исследования»²⁰⁹.

Дальнейшая судьба Лебедева сложилась трагически: в июне 1937 года он был арестован и расстрелян. В 1957 году Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговор был отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Подробный обзор этнической картины Сахалина даёт фольклорист и этнограф Виктор Моисеевич Важдаев (настоящая фамилия – Рубинштейн, 1908–1978) «По стойбищам народа нивха» (1934). Эта почти двухсотстраничная иллюстрированная книга вышла в свет тиражом в десять тысяч экземпляров. Примечательно, что работа «По стойбищам народа нивха» стала единственным научно-популярным этнографическим исследованием, в котором уже наметилось стремление автора к художественному постижению мира. В историю русской литературы В. М. Важдаев вошёл прежде всего как составитель детских книг и сказочник.

Писателю и критику Виктору Яковлевичу Канторовичу (1901–1977) принадлежит несколько книг, тематически связанных с Сахалином: «Сахалинские очерки» (1932; многократно переиздавались), повесть «Детство нивха Ковгэна» (1937) и др. В 1937 году писатель участвовал в переписи нивхских стойбищ на Северном Сахалине, в это же время был незаконно репрессирован. Вернувшись в 1956 году к литературной деятельности, Канторович несколько раз приезжал на Сахалин и Курильские острова (в 1958, 1961, 1963 годах и в другие годы), оставил документально-художественные материалы по истории Сахалинской области. Новым творческим результатом изучения Сахалина стали «Сахалинские тетради» (1965), которые Канторович писал более 30 лет. Фрагменты из сахалинских наблюдений разных лет печатались в российской и дальневосточной периодике: в журнале «Дружба народов», газете «Советский Сахалин» и др.

Рис. 28. Книга В. Я. Канторовича «Сахалинская повесть»

²⁰⁹ Лебедев, Е. В. Советский Сахалин / Е. В. Лебедев. – М., 1933. – С. 45–46.

Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке журналист и прозаик Николай Константинович Костырёв (1893–1941) создал «Сахалинские записи» (1936), вышедшие в свет тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. «Сахалинские записи» были неоднородны по своему композиционному составу. Книга состояла из десяти частей и открывалась историей с «рыболовом-медведем», своеобразной сахалинской сказкой, взятой, как писал автор, «из подлинного быта Дальневосточного Севера»²¹⁰. Народное предание лежало и в основе второй истории книги, где говорилось о вымерших «нивухских» селениях – стойбищах «Туки» и «Туми». Причина вымирания селений состояла в том, что «один из нивухов по имени Зотов женился на эвенкийке» – с этого момента в жизни стойбищ началась череда несчастий: «рыбу ... не поймали», «собаки от голода передохли», «вынесло рыбаков в море на льдине», пришли «неизвестные болезни». Упоминались в книге и реальные лица: «Новый Дерсу» – Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930), «молодой нани Мулинка», «улетавший с советской путёвкой в руках в далёкий Ленинград учиться на Северном факультете Института народов Востока», «любитель-натуралист товарищ Сторчак» и многие другие. «Сахалинские записи» стали последним изданным произведением в творческой биографии Костырёва, автора книг: «Идея-фикс» (1919), «Белый флаг» (1920), «Аэропоэма» (1924), приключенческого романа-трилогии «Желтый дьявол» (1924–1926), воспоминаний «Мои китайские дневники» (1928). В 1939 году писатель был арестован и через два года погиб в сталинских застенках.

Максим Горький и Сахалин

Одна из сторон большой общественной работы, которую неизменно вёл Максим Горький (1868–1936), состояла в написании ответных писем, в обилии приходивших на имя писателя. Часто обращались к Горькому и дети, на письма которых он обязательно старался отвечать.

Летом 1933 года в газете «Пионерская правда» (а позже в хабаровской газете «Знамя пионера») было напечатано обращение Горького к детям. Писателя интересовало, чем живут современные ему дети, что читают, о чём мечтают. Вслед за этим призывом Горькому стали поступать письма со всех регионов СССР. Галина Дмитриевна Стрельцова отмечает, что писателем было получено «более 2000 писем»²¹¹. Одно из таких писем было от школьников Сахалина.

17 марта 1933 года писателю пришло обращение, отправленное нивхскими детьми 10 января 1933 года из сахалинского посёлка Ноглики²¹². «В 1931 году в

²¹⁰ Костырёв, Николай. Сахалинские записи / Николай Костырёв. – М., 1936. – С. 4.

²¹¹ Стрельцова, Г. Д. М. Горький и писатели-дальневосточники / Г. А. Стрельцова // Дальний Восток. – 1977. – № 11. – С. 149.

²¹² В «Примечаниях» к письму «Детям Сахалина» допущена ошибка: написано, что «письмо адресовано школьникам посёлка Ноглинки» (Примечания // Горький, М. Собр. соч. : в 30 т. – Т. 27 : Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933 – 1936. – М., 1953. – С. 540). Одновременно с этим в «Примечаниях» отсутствуют пометы, указывающие, где находится этот населённый пункт, правильное название которого – Ноглики.

Ногликах, на Сахалине, – писал Владимир Григорьевич Пузырёв, – открылась школа, где обучались гиляки, тунгусы, ульчи, якуты, ороконы. Они-то <...> и отправили Горькому большое послание, в котором рассказали о своей жизни, обо всём том, что принесла им Великая Октябрьская революция»²¹³. В ответ Горький написал письмо, известное под названием «Детям Сахалина» (1933). Это послание было сделано Горьким 31 марта 1933 года из Сорренто (Италия). Однако впервые письмо было опубликовано только после смерти автора, в 1937 году, на страницах хабаровской газеты «Знамя пионеров» (№ 55, 17 июня). Будущее Дальнего Востока Горький связывал с культурной революцией, поэтому писатель был так внимателен к любым упоминаниям о восточных рубежах Советской России.

В своём письме Горький отмечал: «Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо – подарок, которым я горжусь, как орденом.

Я получал письма от детей европейцев, конечно, их письма тоже радовали меня, но – не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, ороchon. Ведь неудивительно, что дети европейцев грамотны, – удивительно и печально, что среди них есть безграмотные. А вы – дети племен, у которых не было грамоты, ваших отцов избивали, грабили русские и японские купцы, двуногие звери, ваших отцов обманывали и держали в темноте шаманы, такие же обманщики, как европейские попы. И вот вы – учитесь, а через несколько лет вы сами будете учителями и вождями ваших племён, откроете пред ними широкую, светлую дорогу ко всеобщему братству рабочего народа всей земли. Вот в этом – великая радость для меня и для вас.

<...> Для рабочего класса не должно быть ни ороchon, ни тунгусов, ни гиляков, ни чукчей и якутов, ни японцев или американцев и русских, – рабочие люди всего мира – товарищи, огромная, единая семья хозяев земли и строителей нового мира, в котором не будет богатых и бедных, обманщиков и обманутых, грабителей и ограбленных, убийц и убиваемых.

<...> Вы, ребята, видите, что русские рабочие, хозяйствуя на своей земле, дают возможность свободно учиться людям всех племён, живущих на русской земле, и учат их не поддаваться обману попов и внушениям стариков, чей разум слепо затемнён веками безграмотности.

<...> И вы, молодёжь племён Сахалина, тоже должны принять в плоть и кровь вашу это учение, освобождающее весь трудовой народ земли.

Вам – как всем – надобно понять, что вы учитесь не только для себя, не только для того, чтобы освободить сородичей и единоплеменников ваших из плена тёмной старины, – вы учитесь для того, чтоб включить вашу свободную энергию в работу всего трудового народа земли, – в работу завоевания власти трудящихся над миром, в работу уничтожения угнетателей, хищников, паразитов...»²¹⁴.

Письмо Горького свидетельствует о существовавшей в то время в стране идеологии (и в художественной литературе, и в эпистолярных обращениях), ориентированной на продолжение классовой борьбы, освобождение угнетённых

²¹³ Пузырёв, В. Г. Максим Горький и Дальний Восток / В. Г. Пузырёв // Дальний Восток. – 1960. – № 4. – С. 174.

²¹⁴ Горький, М. Детям Сахалина // Горький, М. Собр. соч. : в 30 т. – Т. 27 : Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933–1936. – М., 1953. – С. 18–19.

и прославление труда во имя созидания нового общества. Таким настроением охвачены не только эмоциональные призывы письма к «Детям Сахалина», но и другие послания Горького к детской аудитории, например «Письмо школьникам Иркутской 15 средней школы имени М. Горького» (1935).

В 1960-е годы В. М. Санги познакомился с Николаем Михайловичем Соловьёвым, родившимся в 1915 году и жившим в посёлке Вал Ногликского района. Будучи свидетелем тех дней, когда сахалинские дети получили письмо от Максима Горького, Н. М. Соловьёв так рассказывал о восприятии ответа коренными народами острова: «Сколько радости принёс он (Горький. – Е. И.) нам! Те, кто умел читать, читали его своим родителям, переводили на родной язык. А родители, как легенду, передавали о письме из уст в уста, из стойбища в стойбище»²¹⁵.

Сахалинский герой Сергея Михалкова

Одно из доказательств того, что Дальний Восток, и Сахалин в том числе, находился в центре общественного внимания, обнаруживается в адресованной детям поэме Сергея Владимировича Михалкова (1913–2009) «Миша Корольков» (1938, многократно переиздавалась). Стихотворная история основывается на рассказе о путешествии пионера Миши Королькова на советском корабле с Сахалина во Владивосток. Во время шторма судно неожиданно оказывается в чужих водах, мальчик и все члены экипажа допрашиваются «полковником Мурасивой». Главный герой свято бережёт свой красный галстук и, шутя, отвечает на вопросы японского офицера:

*Начинается допрос.
Миша слушает вопрос:
– Ты живешь на Сахалине,
На советской половине.
Сколько вас, учеников, –
Следопытов и стрелков?
– Шестью восемь – сорок восемь,
Пятью девять – сорок пять...
Умножаем, переносим –
Невозможно сосчитать!*

Топонимика стихотворных строк поэмы «Миша Корольков» укладывается в название нескольких географических мест: Тихий океан («там, где носит пароход»), «чужая земля» («японская вода», «не наши люди, горы, города»), Сахалин («на советской половине», где мальчика ждет мама), Владивосток («славный порт Владивосток», там на границе служит отец Миши) и Москва (город, в котором высокие чины думают о спасении мальчика и всего экипажа корабля):

*Крысы возятся в соломе,
Дверь какая-то скрипит.
Далеко в знакомом доме*

²¹⁵ Санги, В. Адресаты Горького / В. Санги // Просвещение на Крайнем Севере. – Л., 1967. – Вып. 1. – С. 188.

*Мама бедная не спит.
На далёком Сахалине
Мама думает о сыне...*

Рис. 29. Книга С. В. Михалкова «Миша Корольков»

Заканчивается поэма торжеством справедливости – мальчик возвращается на Родину и встречается со своими родителями.

Содержание этой остросюжетной и легко читающейся истории – отклик на фактические события, дипломатические конфликты с Японией накануне Второй мировой войны. Одновременно с этим стихотворение Михалкова давало детям представление о предвоенном Сахалине, о восточных границах Советского государства.

Адресованные читателям разного возрастного уровня и социального опыта, «сахалинские» произведения 1930-х годов в своём большинстве демонстрировали возникшее в советской литературе подчинение творческой воли писателей политико-идеологическим задачам советского времени. Научно-популярная, автобиографическая, художественная и публицистическая литература о Сахалине была призвана сформировать окрашенное исключительным оптимизмом представление советских людей о динамичном развитии Дальнего Востока. Эта утверждённая на уровне правительства концепция приводила советскую «сахалинскую» литературу к тупику в возможности полноценного развития литературного процесса. Вместе с этим в 1930-х годах создавались и иные произведения о Сахалине; выдержав испытание временем, эти книги и сейчас продолжают оставаться важными источниками исторической информации, документами, свидетельствующими об общественной и частной жизни советских людей на острове.

Литература: Иконникова, Е. А. Идеологические ценности «сахалинской» литературы в 30-е годы XX столетия / Е. А. Иконникова // Россия и островной мир Тихого океана. – Вып. 1 / отв. ред. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 166–173 ; Пузырёв, В. Г. Максим Горький и Дальний Восток / В. Г. Пузырёв // Дальний Восток. – 1960. – № 4. – С. 173–176 ; и др.

Е. А. Иконникова

2.2. Сахалин и Курильские острова в литературе XX – начала XXI века

Эпизодическое упоминание в фантастическом романе

Тема Сахалина и Курильских островов, заявленная в русской литературе имперского периода, продолжала использоваться и советскими писателями – как в публицистических, так и в художественных произведениях. Одно из таких интересных, но эпизодических упоминаний о Дальнем Востоке обнаруживает-

ся в фантастическом романе «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) Алексея Николаевича Толстого (1882–1945). Главный герой этой книги учёный-иммигрант Пётр Гарин изобретает новый вид оружия и с его помощью захватывает богатый золотом необитаемый остров в Тихом океане. В контексте масштабных поисков героя А. Н. Толстого учитывается и обращение к Сахалину и Курильским островам. В книге писателя обнаруживается следующая цитата: «Телеграф принёс ещё одно ошеломляющее известие: таинственный дирижабль, новейшего типа, пролетел над Гавайскими островами, опустился в порте Гило, взял бензин и воду, проплыл над Курильскими островами, снизился над Сахалином, в порте Александровском взял бензин и воду, после чего исчез в северо-западном направлении»²¹⁶.

Имея неограниченный доступ к запасам золота, Гарин скупает промышленные ресурсы в Америке и устанавливает диктатуру. Упоминания о Сахалине и Курильских островах в книге А. Н. Толстого становятся небольшой, но тем не менее немаловажной для общего содержания романа художественной деталью. Топонимы «Сахалин» и «Курильские острова», а также «порт Александровский» в контексте с другими названиями чётко очерчивают пространство географических поисков главного героя, свободно устремляющегося с Гавайских островов в сторону островов Охотского моря. Благодаря появлению новейшей техники (и дирижабля, и способного к быстрой фиксации событий телеграфа) Сахалин и Курильские острова (равно как Гавайские острова, Америка или необитаемый остров в Тихом океане) не кажутся уже такими далёкими и недоступными.

Новиков-Прибой о Сахалине и Курильских островах

Одна из главных причин по-прежнему высокого обращения русских писателей к Сахалину и Курильским островам в первой половине XX столетия состояла в том, что Дальний Восток России стал ареной Русско-японской войны. Исторические события 1904–1905 годов были притягательными для художественного освоения русскими писателями на протяжении всего XX века. Наиболее полно период русско-японских военных лет описан в книгах Алексея Силыча Новикова-Прибоя (1877–1944).

Во время Русско-японской войны А. С. Новиков-Прибой при разгроме Второй Тихоокеанской эскадры недалеко от острова Цусима попал в плен. В течение восьми месяцев плена он фиксировал в тетради личные впечатления и услышанные рассказы матросов с других кораблей. В дальнейшем все эти записи легли в основу нескольких романов писателя. В частности, воспоминания тех лет обнаруживаются в книге «Цусима» (1932–1935). Эпический роман «Цусима» написан как военно-историческая хроника, материалы которой собирались, по словам автора, около 30 лет. Последняя редакция книги была сделана А. С. Новиковым-Прибоем в 1940 году, незадолго до получения Государственной премии. Основу книги составили не только собственные воспоминания автора о цусимском сражении (в мае 1905 года), но и архивные ис-

²¹⁶ Толстой, А. Н. Гиперболоид инженера Гарина / А. Н. Толстой. – М., 1988. – С. 199.

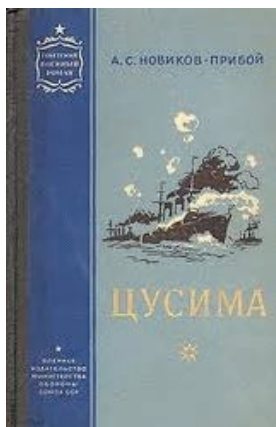

Рис. 30. Книга А. С. Новикова-Прибоя «Цусима»

точные, исторические документы и свидетельства очевидцев. Систематизированная в художественной форме история о Цусимских событиях изложена в двух частях о походе и гибели русской эскадры в годы Русско-японской войны: первая – «Поход» и вторая – «Бой». Роман «Цусима» вскоре после публикации попал в ряд наиболее востребованной читателями литературы. Яркие сцены героического сражения русских моряков, описанные доступным языком, простота повествования и неожиданные повороты в сюжетном развитии произведения способствовали популярности книги.

Одна из наиболее значимых частей в романе – это фрагмент, в котором изображаются события июня 1905 года, когда один небольшой русский корабль, отбившийся от своей эскадры, устремился из пограничных вод в сторону острова Уруп, а затем к берегам Сахалина.

В описании Курильских островов автор стремился к необходимой точности, вводя в повествование указания на рыбное богатство дальневосточного края, на сохранившиеся летом в ложбинах остатки снега, на горные уступы и скалистые почвы. Охотское море описано как грозная стихия с «мглистыми далями», в которых экипаж небольшого бота подстерегают различные опасности – от бороздящего холодные воды кита и непредсказуемых течений до японских рыбаков, готовых в любой момент пленить русских моряков. Примечательны и упоминаемые в романе «Цусима» топонимы. Наименования некоторых Курильских островов (Уруп, Итуруп, Кунашир), пролив Фриза, Кунаширский пролив, Анива, Корсаковский пост – всё это названия конкретных географических мест на картах периода Русско-японской войны. Природно-климатические и историко-топонимические факты Сахалина и Курильских островов свидетельствовали о стремлении А. С. Новикова-Прибоя к реалистическому изображению разных событий.

Есть в романе и рассуждения героев о сахалинской каторге, вызванные следующим происшествием. На Урупе командир корабля арестовал боцмана Гоцку за непослушание во время укрепления судна и поместил строптивого героя в землянку, похожую на карцер. Это угнетающе действовало на экипаж небольшого судна. В действиях командира экипаж увидел желание командира устроить «тюрьму». И в этом контексте герои вспомнили каторжный Сахалин. Матросы убеждены, что жизнь на корабле уже является своеобразной тюрьмой, обрекающей их на отсутствие свободы передвижений. Героям книги Новикова-Прибоя кажется неразумным делать каторгу в том месте, которое географически ещё дальше, чем Сахалин, находится от большой земли. Благодаря роману «Цусима» в русской литературе сложилось представление о Курильских островах как об удалённых местах, поражающих обилием рыбы и иными природными богатствами. В книге Новикова-Прибоя подробно описаны скалистые возвышенности, безудержные морские силы, густые туманы, непрекращающиеся дожди и мучительные для людей ветры.

Ажаев и Чаковский о Сахалине и Курильских островах

Рис. 31. Книга В. Н. Ажаева «Далеко от Москвы»

Новый этап в развитии темы Сахалина и Курильских островов в советской литературе был обусловлен, с одной стороны, событиями 1930-х годов, с другой – итогами Второй мировой войны. Василий Николаевич Ажаев (1915–1968), начавший печататься в 1930 годах, был репрессирован и отправлен на Дальний Восток, где работал на строительстве нефтепровода Сахалин – Комсомольск-на-Амуре. Воспоминания об этих годах позже воплотились в романе «Далеко от Москвы» (1948), за который писатель в 1949 году был удостоен Сталинской премии²¹⁷. Первоначально книга В. Н. Ажаева была опубликована в журнале «Дальний Восток», позже вышла на страницах «Нового мира».

В центре повествования – трудовые подвиги советских людей, построивших во время Великой Отечественной войны нефтепровод в тайге. При чтении романа читатели сталкиваются с отсутствием топонимов, указывающих на то, что действие происходит на Дальнем Востоке. Многие названия географических мест писатель, очевидно, намеренно зашифровал: Адун или Адун-батюшка – это река Амур; богатый нефтью остров Тайсин – это Сахалин; город Новинск, до которого тянется нефтепровод, – это Комсомольск-на-Амуре, а под Рубежанском, скорее всего, подразумевается Хабаровск. По роману Ажаева в 1950 году был создан одноимённый фильм. Режиссёром фильма стал автор популярных в СССР кинокартин Александр Борисович Столпер (1907–1979). Фильм о строительстве нефтепровода в таёжном крае не прошёл незамеченным и был удостоен Сталинской премии в 1951 году. На материале романа Ажаева в 1954 году в Ленинградском малом театре оперы и балета была поставлена опера композитора Ивана Ивановича Дзержинского (1909–1978).

Послевоенные Сахалин и Курильские острова были представлены в романе Александра Борисовича Чаковского (1913–1994) «У нас уже утро» (1949). Этот роман был переведён в Германии и Японии. В книге остро ощущались и события послевоенного времени, и идеологические мотивы поступков главных героев. Вот, например, какие строки адресует в письме Астахов своей молодой подруге, рассказывая ей о новом месте работы: «Если бы вы знали, Ольга, что мы здесь застали! Полуразрушенные рыбозаводы и пирсы, брошенный на произвол судьбы и приведённый японцами в негодность рыболовецкий флот... Хвалёная японская «культура» с её бумажными ширмами и грязными циновокками, которые мы, советские люди, с отвращением выбрасываем вон... Временами мне кажется, что над

Рис. 32. Книга А. Б. Чаковского «У нас уже утро»

²¹⁷ С 1966 года Сталинская премия была приравнена к созданной Государственной премии СССР.

Курилами до сих пор висит горький чад всяческих трав и корней – этот верный спутник нищеты и убожества.

Недавно я совершил интересное путешествие вдоль всей гряды Курильских островов. Оказалось, что их очень много. Поэтому японцы и назвали их Цисима, что значит тысяча, множество.

На свой остров я вернулся с совершенно новым представлением о Курилах. Честное слово, Ольга, это вовсе не дикие, заброшенные среди океана пустынные острова: это замечательный, богатейший край. Я горжусь тем, что работаю на Курилах. Поверьте, что это не пустая фраза...»²¹⁸. Однако наряду с восторженными идейными соображениями героев из книги «У нас уже утро» можно почерпнуть и необходимые сведения о послевоенном быте русских людей на Сахалине и Курильских островах. В книгах, подобных произведению А. Б. Чаковского, главный акцент делается на людях, покоряющих своей энергией и высокими целями природу Дальнего Востока.

От исторической и военной литературы к мирной

Прозаик, очеркист, драматург и переводчик Николай Павлович Задорнов (1909–1992) вырос в Чите. В годы войны работал на радио, сотрудничал с газетами Башкирии и Хабаровска, участвовал в разгроме Квантунской армии как корреспондент Хабаровского краевого отделения ТАСС. В период с 1941 по 1945 год Н. П. Задорнов писал очерки о героях фронта для краевого радиокомитета. В мирное время прославился как автор многих исторических книг: циклов о покорении Дальнего Востока («Амур-батюшка» (1944, перераб. ред. 1948), «Далёкий край» (1949), «К океану» (1949–1950, известно и под другим названием – «К Тихому океану!», или «Первое открытие»)) и об адмирале Е. В. Путятине – «Цунами» (1972), «Симода» (1975), «Хеда» (1979), «Гонконг» (1982), а также романов «Капитан Невельской» (1956–1958), «Война за океан» (1963) и др. Задорнов много путешествовал по Дальнему Востоку. Так, например, в поисках материала для цикла о Е. В. Путятине дважды побывал в Японии, жил в деревне Хэда – в месте, где русские моряки строили верфь. Произведения писателя переведены на французский, японский, чешский, румынский, болгарский, латышский и другие языки. В романах Задорнова отражена история покорения и освоения Дальнего Востока, основная часть описываемых событий связана с серединой XIX – началом XX века.

Исторические факты Второй мировой войны на Дальнем Востоке получили развитие в повести хабаровского писателя и журналиста Александра Матвеевича Грачёва (1912–1973) «Падение Тисима-ретто» (1956). В 1945 году писатель участвовал в высадке десанта на Курильские острова. Эта военная операция легла в основу его книги «Падение Тисима-ретто» («Тисима-ретто» – дословно «Архипелаг тысячи островов»). Известно, что до публикации повесть имела пятнадцать вариантов названия, один из них – «На острове Минами». Со слов дочери писателя, Грачёв во время десанта вёл «Курильский дневник».

²¹⁸ Чаковский, А. Б. У нас уже утро / А. Б. Чаковский. – М., 1964. – С. 126.

Однако в настоящее время дневник считается утерянным, к тому же ни одна из его частей ранее не публиковалась.

Волна нового интереса к Сахалину и Курильским островам в советской литературе приходится на 1970-е годы. В 1973 году Сахалинскую область посетила творческая бригада Союза писателей СССР, в составе которой находилась Юлия Владимировна Друнина (1924–1991). Стихи поэтессы о Сахалине и Курильских островах публиковались в газете «Красный маяк» (1978), в журнале «Юность» (1978), а позже вошли в состав авторских сборников. Сахалину и Курильским островам посвящены и отдельные стихотворения Риммы Фёдоровны Казаковой (1932–2008), Роберта Ивановича Рождественского (1932–1994), Глеба Яковлевича Горбовского (род. 1931) и других поэтов.

В 1970-е годы в Москве трижды издавалась повесть Зои Евгеньевны Журавлёвой (1951–2011) «Островитяне» (1974; повторные издания повести – 1981, 1986). Эта книга отличается мелодраматическим характером с реалистическим описанием природного колорита Курильских островов. Примечательно, что именно на страницах этой повести впервые в русской литературе XX века заявлен эпизодический образ одного из представителей корейской диаспоры в России корейца Кима, ранее других жителей острова почувствовавшего приближение цунами. Несколькоми годами позже русская литература пополнится самой известной книгой о сахалинских корейцах – «Голубым островом» (1976) Анатолия Андреевича Кима (род. 1939), в прозе которого несколько историй посвящено не только Сахалину, но и Курильским островам. Так, в рассказе «Мечь» (1976) главный герой, преследуя убийцу своей малолетней сестры, приезжает из Кореи на один из островов Курильской гряды. А в центре рассказа А. А. Кима «Цунами» (1978), как и в повести З. Е. Журавлёвой, было помещено трагическое событие, вызванное природной стихией на островах Парамушир, Шумшу и юге Камчатки в ноябре 1952 года.

В 1970-е годы появилась ещё одна книга о Дальнем Востоке – роман Олега Сергеевича Щербановского (1918–1988) «Ловцы трепангов» (1974). Сюжетная линия произведения развивалась в семье капитана Курлыкина, не мыслящего себя без морских просторов Тихого океана. «Я веду сквозь шторм. И если будет ясно, скоро мы увидим остроконечные сопки. Они появятся из океанских вод розово-голубыми конусами со снежными вершинами. Их скалистые берега будто впаяны в морскую синь белой кромки прибоя»²¹⁹ – таким описанием Курильских островов открываются первые страницы романа писателя. Широкую известность приобрели и публицистические книги журналиста Арнольда Игнатьевича Пушкаря о Дальнем Востоке «Острова Курильские» (1960), «На дальних берегах» (1975), «Здесь начинается Россия» (1977), «Остров сокровищ» (1987) и др. С 1958 до 1965 года А. И. Пушкарь работал в областной газете «Советский Сахалин». В дальнейшем журналист был переведён в редакцию газеты «Известия».

Особое место в литературе 1970-х годов заняла поэма Андрея Андреевича Вознесенского (1933–2010) «Авось» (1974). В ней рассказано о визите в 1806 году в Калифорнию графа Николая Петровича Резанова (1764–1807). Два героя этого

²¹⁹ Щербановский, О. Ловцы трепангов / О. Щербановский. – Владивосток, 1984. – С. 5.

произведения А. А. Вознесенского имеют безусловное отношение к Сахалину и Курильским островам: это лейтенант Н. А. Хвостов – командир брига «Юнона» и мичман Г. И. Давыдов – командир тендера «Авось».

Литература для детей

Отдельную часть советской литературы о Сахалине и Курильских островах составили книги, адресованные детям. Так, например, в число таких произведений вошла ориентированная на читателей младшего школьного возраста повесть Тамары Васильевны Лихоталь (род. 1923) «Одно лето на краю» (1987). В центре истории писательницы – жизнь мальчика Жеки, живущего на пограничной заставе одного из Курильских островов. Для детей написана и историческая повесть о Г. И. Невельском Михаилом Васильевичем Мироновым «На восточной границе» (1953).

Поэт, прозаик, критик, член Союза писателей СССР Анатолий Сергеевич Ткаченко (1926–2009) жил в эвенкийском посёлке Тугур на побережье Охотского моря. С 1958 по 1962 год Ткаченко работал на Сахалине редактором художественной и детской литературы областного книжного издательства. Несмотря на то что основную часть своей жизни Ткаченко провёл за пределами Сахалина, остров он называл своей «литературной родиной». Именно на Сахалине были изданы первые книги Ткаченко, именно сахалинская природа вдохновляла писателя. На Дальнем Востоке были написаны такие произведения, как «Пионерское лето» (1955), «Отгадай» (1959), «Жизнь тревожит» (1960), «Хорошие люди» (1961), «Солёный берег» (1962) и др. Однако широкую известность писатель получил, будучи автором книг, изданных в Москве: «Стланник, туман...» (1964), «Берег долгой зимы» (1966), «Наше короткое лето» (1971), «Новоселы дальних мест» (1980), «Люди у океана» (1983), «Собачий санитар» (1999), «Ценители душ» (2008) и др.

Рассказы и повести Ткаченко с удовольствием читаются и детьми, и взрослыми. Герой рассказа «Мыс Раманон» (1961) Петька Трушин учится в поселковой школе и живёт вместе с семиклассником Глебом Самохиным у бабки Сидорченки. Семья мальчика далеко: его отец служит на маяке начальником. Только летом Петька может жить на маяке, где он очарован всем, что его окружает. В представлении Петьки Татарский пролив и каменистый утёс – Старики, враждующие друг с другом при молчаливом свидетеле – Маяке. Мальчик рад описать в школьном сочинении все, что видел и испытал летом. Но рассказ о летних каникулах учительница оценила двойкой. Место, где живёт семья литературного героя, действительно существует на карте Сахалина и Курильских островов. Мыс Ламанон (а не Раманон, как в рассказе) находится на западной стороне Сахалина и омывается водами Татарского пролива. Своё название это географическая точка получила от мореплавателя Ж.-Ф. де Гало де Лаперуза (1741–1788) в 1787 году в честь французского натуралиста Ж. О. Р. де Поля де Ламанона (1752–1787).

Мыс Ламанон образует выступ, на котором и расположен маяк. Маяк на мысе Ламанон был построен ещё японцами, которые из-за особенностей своего языка называли это место «Раманон», как и в рассказе Ткаченко.

История по Пикулю

«Оборона» – так звучит один из наиболее известных циклов Валентина Саввича Пикуля (1928–1990) о Русско-японской войне 1904–1905 годов. В состав этого цикла вошло четыре книги, значительные фрагменты которых посвящены Дальнему Востоку и его истории: «Богатство» (1977), «Три возраста Окини-сан» (1981), «Крейсера» (1985) и «Каторга» (1987). На страницах завершающего цикл романа «Каторга» представлен объёмный материал о Сахалине начала XX столетия.

При работе над «Каторгой» писатель обращался к различным авторитетным книгам о Сахалине и прежде всего к серии сахалинских впечатлений В. М. Дорошевича. Именно поэтому в романе внимательные читатели находят строки из известных песен, а также пословицы, специальные, возникшие в условиях каторги слова, которые использовал в своих очерках Дорошевич, описывая уклад жизни ссыльных и поселенцев на острове. Отдельные страницы «Каторги» заставляют вспомнить и «Соколинца» В. Г. Короленко, и «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Обращался В. С. Пикуль и к другим источникам, компетентность которых иногда оспаривается историками: к книге Марии Дикс «Разгром Сахалина (Из воспоминаний)» (1906) и работе Соломона Кукуниана «Последние дни на Сахалине» (1910).

При чтении произведений Пикуля следует помнить, что исторические романы писателя не воспроизводят фактический ход истории, а являются авторской интерпретацией тех или иных значимых для России событий. Пикуль воссоздаёт в художественной форме картины прошлого, действующими лицами которых становятся вымышленные герои. Но поступки и чувства многих из таких героев могут восприниматься как типичные, свойственные людям определённого поколения. Эта тенденция проявляет себя и в романе «Каторга».

Главные действующие лица «Каторги» – юная выпускница Бестужевских курсов Клавдия Челищева, одержимая желанием облегчить участь заключённых на Сахалине, и инженер-геолог Жорж Оболмасов, намеревающийся открыть собственное дело по добыче нефти на острове. Герои с абсолютно противоположными жизненными устремлениями отправляются в долгое путешествие из Одессы на Сахалин. Но ещё на пароходе «Ярославль» Клавдия Челищевой суждено увидеть своими глазами не только людей, презревших человеческую мораль, но и влюбиться в одного из таких изгоев общества. Идеализирующий мир Клавдия попадает под обаяние содержащегося на особых условиях заключения Полынова. Положение этого героя вызывает в девушке естественное стремление помочь и оказать сочувствие. Но ничего не знающая об истинных на-

Рис. 33. Романы В. С. Пикуля «Каторга» и «Богатство»

Рис. 34. Японское издание книги «Три возраста Окини-сан»

мерениях арестанта Клавдия становится тайной пособницей несостоявшегося бегства Пологинова с корабля.

Рассказывая в романе «Каторга» о «русском великом треке», писатель отмечал, что «за исторически краткий срок русские прошли всю Сибирь, освоили Колыму, Курилы и Камчатку, перемахнули океан под парусом и на веслах, стали соседями краснокожих на Аляске, граничили с испанскими владениями в Калифорнии...»²²⁰. При этом В. С. Пикуль патетически писал, что Курильские острова наряду с Аляской, Камчаткой и Калифорнией были освоены русскими первооткрывателями раньше, чем Сахалин.

Книги Пикуля переведены на многие языки мира. В частности, роман «Три возраста Окини-сан» (1981), посвящённый Русско-японской войне, в 1989 году был издан в Японии в переводе Судзукавы Масахисы (1915–2004) и Тахары Юко (род. 1943).

На рубеже XX–XXI веков

Сахалин и Курильские острова упоминаются и в других произведениях русской литературы второй половины XX века. Один из таких писателей – Анатолий Борисович Баюканский (род. 1925). В период жизни на Сахалине им были собраны материалы и написаны такие художественные книги об истории Сахалина, как «Падение Кито-Карафута» (1966) и «Соколиные ратники» (1986). Валерий Степанович Андреев (1938–2009) посвятил Дальнему Востоку две автобиографические книги: «Курильский дневник» (1981) и «На самых дальних...» (1987), а также некоторые рассказы («Прошлой осенью», «Притча о добром вулкане» и др.). События 1980–1990 годов составляют основу романа Александра Владимировича Кузнецова-Тулянина (род. 1963) «Язычник» (2006), действие которого происходит на Курильских островах.

В последующие этапы развития русской национальной литературы (с 1991 года и до настоящего времени) образы Сахалина и Курильских островов возникали в художественном творчестве в связи с новыми историческими событиями. Как правило, в книгах этого времени подчеркивался пограничный статус Сахалинской области и вместе с этим продолжал создаваться обобщённую картину природных достопримечательностей региона (см., например, «Курильские повести» (1981) и стихотворения разных лет Геннадия Мартовича Прашкевича (род. 1941), рассказ «Южно-Курильские острова» из книги Анатолия Тихоновича Гладилина (род. 1935) «Беспокойник» (1992) и др.).

Интересным образом представлена литературная топонимика с упоминанием Сахалина в романе проживающей в Израиле, но пишущей на русском языке Дины Ильиничны Рубиной (1953) «Синдром Петрушки» (2010). Главная героиня однажды отправляет своего малолетнего сына с Сахалина на каникулы во Львов (Украина). Билет на самолёт для мальчика стоит немислимых денег, но это не становится препятствием. Наряду с Сахалином в книге Рубиной объ-

²²⁰ Пикуль, В. Каторга. Романы / В. Пикуль. – М., 1989. – С. 415–416.

ёмно описаны или просто упомянуты разные географические места (Прага, Иерусалим, Самара и другие города).

В русской литературе 1917–1991 годов были найдены иные формы создания художественной образности Сахалина и Курильских островов: акцент с описания коренного народа был перемещён на собственно природные реалии региона и образы советских людей, активно осваивающих дальневосточные рубежи страны. В произведениях писателей середины XX века, как и прежде, неизменными оставались литературно-этнографические описания: с одной стороны, коренных народов региона – айнов и нивхов, с другой – корейских переселенцев, по разным причинам оказавшихся не только на Сахалине, но и на Курильских островах. Актуальными и важными для осмысления стали два эпохальных события истории первой половины XX века: Русско-японская война и окончание Второй мировой войны. Однако эта проблематика в художественной и публицистической литературе почти исчезла в произведениях авторов конца XX – начала XXI столетия. Писатели обратились к проблемам современности. Многие из книг этого времени с описанием Сахалина или Курильских островов отличаются авантюрно-приключенческим или детективным характером.

Литература: Высоков, М. С. Ценный источник по истории Русско-японской войны, или Банальная фальсификация: о книге С. Кукуниана «Последние дни на Сахалине: Воспоминания» / М. С. Высоков // Россия и островной мир Тихого океана. – Вып. 1. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 34–44; Гузенко, Г. В. Н. П. Задорнов и его роман «Амур-батюшка» / Г. В. Гузенко. – Хабаровск, 1999; Ремизовский, В. И. Василий Ажаев и его роман «Далеко от Москвы» / В. И. Ремизовский // Комсомольская литературная энциклопедия. – Комсомольск-на-Амуре, 2008. – Т. 1. – С. 188–193; Пикуль, А. «Уважаемый Валентин Саввич!»: Письма к писателю / А. Пикуль. – М., 2006; и др.

Е. А. Иконникова

2.3. «Сахалинские» книги Геннадия Машкина

Писатель и его «сахалинские книги»

Писатель Геннадий Николаевич Машкин (1936–2005) родился 13 марта 1936 года в городе Хабаровске в рабочей семье. Десятилетним мальчиком Машкин был привезён родителями на Сахалин. Прожил два года в Невельске (1946–1947), учился в школе вместе с японскими и корейскими детьми. В последующем семья Машкиных оказалась в Сибири. Там в 1959 году Геннадий Машкин окончил геологоразведочный факультет Иркутского горно-металлургического института. Писать прозу Машкин начал ещё в студенчестве. Первый рассказ был опубликован в 1956 году, но прошёл незамеченным для широкой аудитории. А вот воспоминания школьных лет Машкина из повести «Синее море, белый пароход» (1965) принесли писателю признание и в СССР, и за его пределами.

Сахалин занимает значимое положение в творческой биографии писателя. Сорок лет литературной работы Геннадия Машкина обрамляются двумя

«сахалинскими» книгами. События повести «Синее море, белый пароход», с которой писатель дебютировал в литературе, развиваются на Сахалине в 1940-х годах. И последнее, опубликованное за несколько месяцев до смерти произведение Машкина – книга «Бродяги с Сахалина» (2004) – тематически связано с Дальним Востоком и русской художественной литературой о каторжном острове.

Повесть «Синее море, белый пароход», одобренная именитыми российскими писателями (среди которых Е. А. Евтушенко, В. Ф. Тендряков), долгое время была рекомендована для внеклассного изучения в школах – на общероссийском²²¹ и региональном уровнях²²². Благодаря этой повести, переиздававшейся более 15 раз, Машкин приобрел известность за рубежом. Книга «Синее море, белый пароход» переведена в Англии, Германии, Франции, Японии и других странах. В 1967 году Машкину было присвоено звание лауреата Всероссийского конкурса за лучшее художественное произведение для детей. Эта же «сахалинская» книга была главной рекомендацией Машкина для вступления в 1969 году в Союз писателей СССР.

В небольшой сопроводительной статье к первой публикации повести «Синее море, белый пароход» в журнале «Юность» Евгений Александрович Евтушенко писал, что «...давно в нашей литературе не было произведения, поднимающего тему интернационализма с такой страстной поэтичностью. Повесть значительно шире темы дружбы русских и японских детей. Она утверждает истину известную, но, к сожалению, порой забываемую, что при всех национальных различиях все честные люди на земле могут понять друг друга»²²³. О повести «Синее море, белый пароход» упоминал в своих письмах Александр Валентинович Вампилов, друживший с писателем.

Спектакли по мотивам повести были представлены на сценах многих российских городов. В Московском театре юного зрителя инсценировка повести была осуществлена режиссёром Павлом Осиповичем Хомским (род. 1925). Главные роли в спектакле «Синее море, белый пароход» в разные годы исполняли народные и заслуженные артисты России: Инна Михайловна Чурикова, Владимир Константинович Горелов, Лидия Николаевна Князева и др.

²²¹ См., например, программу по литературе. 5–11 классы / под ред. Г. И. Беленького // Программы общеобразовательных учреждений. Литература 5–11 классы. – М.: Просвещение, 1995. – С. 81. В программе Г. И. Беленького книга Г. Н. Машкина «Синее море, белый пароход» рекомендована для самостоятельного чтения в 5-м классе.

²²² См.: Майман, Р. Р. Об уроке внеклассного чтения по повести Г. Машкина «Синее море, белый пароход» // Изучение русской литературы XX века по новой программе 5–8 классов общеобразовательных учебн. заведений / Р. Р. Майман, И. И. Яценко, Т. Е. Шумилова и др. / сост. Р. Р. Майман. – Южно-Сахалинск, 1997. – С. 124–125; Писатели Восточной Сибири: учебн. хрестоматия для 5–6-х классов общеобразовательных школ / автор-сост. О. Н. Шахерова. – Иркутск, 2001. – С. 149–158.

²²³ Евтушенко, Евг. Предисловие к повести Г. Машкина «Синее море, белый пароход» // Юность. – 1965. – № 12. – С. 3.

Рис. 35. Книга Г. Н. Машкина «Синее море, белый пароход»

Началом развития событий в повести «Синее море, белый пароход» становится ненависть юных героев – Лесика и Герки – к японцам: отец одного из них «погиб в битве с японцами на озере Хасан»²²⁴, дед другого был заживо сожжен «в раскалённых глубинах паровозной топки»²²⁵. По ночам Лесику снится его покойный отец, а Герка не может «спокойно глядеть на дверцу горячей печи»²²⁶. В течение двух лет в кружке одной из дальневосточных школ ребята старательно занимаются японским языком, уверенные в том, что партизаны, каковыми они намерены стать в самом ближайшем будущем, «должны знать язык врага»²²⁷.

Мать Герки убеждена в том, что детская игра в войну отвлекает сына от дома. И набожная бабушка Герки против того, чтобы внук мстил японцам. Но вернувшийся с войны отец героя разделяет пристрастие своего сына. Прошедшему фронтовые дороги Василию трудно приспособиться к новой, лишённой военных тягот жизни. Именно поэтому он мечтает о переезде на Сахалин. Желание как можно скорее оказаться всей семьёй на острове сопряжено с общей для отца и сына затаённой мыслью – «японцам дать по шее»²²⁸. Отец и сын только радуются тому, что страшит других людей. «Опасно сейчас ехать на Сахалин, – сказал Чума и втянул дым так, что щёки стали двумя глубокими чашками. – В море мины... Японец злоющий... Самураи не сдавались. Расстреляет патроны и носовой платок – на штык. Подбежишь к нему, а он гранату под ноги... Санька Чириков под Хайларом и попался так»²²⁹.

Отношение к Сахалину в представлении взрослого поколения героев книги индивидуально: для бабушки – это земля, где, наверное, «картошка не родит»²³⁰, для отца Герки – край морских далей и возможность ещё раз испытать былую отвагу, для его друзей-фронтовиков – невиданный мир, в котором «селёдка идёт – черпай ведром»²³¹, для пережившего разрыв с женой Семёна – это место, где он может устроить свою судьбу и, быть может, даже жениться на японке.

Первое впечатление от Сахалина скорее интригует героев повести, чем страшит: «На двухэтажных домах были развешаны вертикальные вывески. Пахло соевым маслом, жареной соей, бочками из-под селёдки и плесенью <...> По улице, по асфальту, цокали деревянными гэта японки в кимоно. Они важно несли на своих головках горки чёрных блестящих волос, проткнутых

²²⁴ Машкин, Г. Синее море, белый пароход : повесть / Г. Машкин. – М., 1982. – С. 6.

²²⁵ Там же. – С. 7.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. – С. 16.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. – С. 11.

²³¹ Там же. – С. 14.

перламутровыми гребнями»²³². Японская культура пронизывает многие сферы сахалинской действительности послевоенного времени. На страницах повести «Синее море, белый пароход» можно найти упоминания о поклонении Будде, о почитании императора, о воротах тори, о коротких стихотворениях танка, о священном отношении к журавлям и многом другом.

Почтительность и благородство, с которыми японцы встречают русских переселенцев на послевоенном Сахалине, настораживают некоторых героев повести: несмотря на внешнее спокойствие, которое царит на острове, мать Герки всё же считает, что японцы «ненадёжны»²³³, в бесконечной вражде с японцами живёт Рыбин, обвиняющий Кимуру в поджоге дома.

Самую благодушную позицию к японцам занимает уже познавший на своём веку многие утраты Семён. Оставшийся когда-то по вине японского солдата без пальцев на левой руке, он был спасён от неминуемой смерти японской семьёй, вовремя предупредившей русского солдата о неминуемой смерти. В новой, послевоенной жизни Семён пытается утвердить принцип того, что земля для людей разных национальностей – это общий дом, в котором отныне должны царить только мир и порядок. Семён знает обычаи японского народа, немного говорит по-японски. Внутренняя дипломатичность обычного русского человека позволяет ему улаживать проблемные ситуации, возникающие между людьми, оказавшимися по вине больших политиков на одном острове.

В день похорон Семёна, трагически погибшего во время морской бури при спасении японца, скорбят не только русские люди: проститься с покойным приходит кореец Ким; юный Ивао, начинающий постигать азы русский речи, несёт траурный венок; «над холмиком глинистой комковатой земли»²³⁴ плачет любившая героя японка. И новую школу «имени Семёна Ивановича Щавелёва»²³⁵ строят плотники трёх разных национальностей – японцы, корейцы и русские.

Духовные и материальные ценности героев

Практически всё взрослые герои повести живут ощущениями счастливого будущего своих детей, в то время как их собственные взгляды на жизнь не столь просты и однозначны. Бабушка Герки находит жизненные силы в духовном источнике: невзирая на окружающих, в сложные минуты жизни она осеняет себя крестным знаменем. Воспоминания о погибшем от рук японцев муже не озлобляют, а, напротив, заставляют её быть более терпимой и милосердной к людям, не знающим христианской веры: в первые часы пребывания на Сахалине она отдаёт жменю табака для больного брата незнакомого ей японца, позже пытается лечить молитвами теряющего рассудок японского старика Ге.

Отец Герки доверяет только силе и крепости мужского характера. Лишённый веры в Бога своё возвращение с войны он объясняет простой случайностью:

²³² Машкин, Г. Синее море, белый пароход. – С. 40–42.

²³³ Там же. – С. 86.

²³⁴ Там же. – С. 125.

²³⁵ Там же. – С. 135.

ведь на войне ему приходилось видеть на погибших солдатах простреленные нательные кресты. Пытаясь сломить сопротивление жены, не желающей перебираться с насиженного места на Сахалин, отец Герки срывает со стены образ Николая-чудотворца и другие иконы для того, чтобы предать их огню. Но на Сахалине вместе с иным отношением к японцам меняется и характер отца Герки: с печалью в сердце провожает герой полюбившуюся всем его родным семью соседей-японцев, отплывающих навсегда на Хоккайдо.

Для другого персонажа повести, переселенца Рыбина, жизненные ценности сосредоточены только на материальном обогащении. В своих несчастиях – сгоревшем доме с его приобретенной «японской» роскошью, погубленными зарослями табака – он винит и японцев, и русских. И именно на Сахалине отчётливо обнажаются худшие стороны характера Рыбина – душевная чёрствость, трусость, себялюбие и желание скорейшего обогащения за чужой счёт. Островной уклад как бы изживает этого героя и поэтому Рыбин принимает поспешное решение уехать с Сахалина, вернуться с женой Диной на Амур.

В противовес ищущим и меняющимся взрослым героям книги дети живут своими надеждами.

*Синее море,
Белый пароход,
Сядем – уедем
На Дальний Восток...*²³⁶ –

такая песня с незамысловатыми стихами звучит из детских уст в самом начале книги. Белый пароход в синем море – это искренняя и чистая мечта всех детей повести. Болеющий туберкулёзом маленький брат Герки Юрик мечтает оказаться на белом пароходе, на котором живут «загорелые ребяташки», «цветут сады и плещутся озёра с золотыми рыбками»²³⁷. В ожидании белого парохода томятся покинутые своими соотечественниками японские дети Ивао и Сумико.

Под влиянием мечты о «белом пароходе» постепенно меняется и отношение главного героя повести к японцам. Послевоенный Сахалин, показанный глазами взрослеющего Герки, – это проекция на особое устройство острова, на котором в результате исторических событий умещаются культурно-бытовые пространства русского и японского народов. Чувство ненависти ко всему японскому народу, которое испытывал Герка до приезда на Сахалин, сменяется чувством первой любви к скромной и красивой Сумико. И вопреки своим прежним желаниям Герка строит «другие планы»: становясь взрослым, он будет «стараться делать так, чтобы чувствовать, будто мы все плывём на одном белом пароходе...»²³⁸.

²³⁶ Машкин, Г. Синее море, белый пароход. – С. 23.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. – С. 143.

«Бродяги с Сахалина» как продолжение дебютной книги

Последняя литературная работа Геннадия Машкина «Бродяги с Сахалина», созданная в Иркутске, была напечатана ещё при жизни писателя. Публикация повести состоялась в осеннем номере красноярского журнала «День и ночь»²³⁹.

В этом произведении продолжается развитие сюжета из дебютного произведения «Синее море, белый пароход», впервые появившегося также в журнальном варианте²⁴⁰. Присутствие общих героев и продолжение единой сюжетной линии «Синего моря, белого парохода», внутрихудожественная связь второй книги с первой позволяют воспринимать эти произведения как циклические, составляющие диалогию.

В повести «Бродяги с Сахалина» уже повзрослевший Герка и его младший брат Юрик, родители мальчиков, бабушка Федора через всю страну на поезде «Владивосток – Москва» возвращаются на родину отца, в Курскую область, в городок Дмитриев (реально существующий в Курской области населённый пункт). Мотив путешествия заявлен автором и в жанровом подзаголовке этого произведения (транзитная повесть), и в эпиграфе из Н. В. Гоголя (главные слова цитаты, предшествующей содержанию книги, сконцентрированы на двух глаголах – «любить» и «проездиться»). В реалистичной форме писатель рассказывает, какие новые испытания выпали на долю прожившей несколько лет на Сахалине семьи Василия Гнездова.

Преодолев всю страну, герои не находят желаемого счастья (смысл которого сводится к достойному распоряжению заработанными на Сахалине деньгами). Семье Василия Гнездова, мечтающей купить собственный дом, не удаётся осесть в маленьком городке. Расточительность главы семьи, ложный кураж главного героя повести рушат прежние планы. А послевоенное обесценивание денег по всей стране заставляет семью Василия Гнездова отправляться в очередной «транзит», искать иное место для жизни. Герой, шутя называвший себя и своих близких «бродягами», обрекает семью на новые поиски.

«Бродяги» в литературной традиции

Название повести «Бродяги с Сахалина» значимо как для внутреннего содержания книги, так и для её восприятия в контексте литературной традиции. С одной стороны, заглавие книги отсылает вдумчивых читателей к песне каторжан, известной по строчке «Бежал бродяга с Сахалина», с другой – воспринимается как аллюзия к творчеству В. Г. Короленко («Соколинец») и А. А. Кима («Бродяги Сахалина»).

Отсылка названия книги к песне о «сахалинском бродяге» сложна и многопланова. В ней подразумевается мотив путешествия, связанный с бегством, попыткой «сахалинцев» (семьи Василия Гнездова и других «сахалинских» попутчиков героев) найти место жизни в послевоенном мире. Бегство (или так

²³⁹ Машкин, Геннадий. Бродяги с Сахалина. Транзитная повесть / Геннадий Машкин // День и ночь. – 2004. – № 9–10. – С. 64–101.

²⁴⁰ Машкин, Геннадий. Синее море, белый пароход / Геннадий Машкин // Юность. – 1965. – № 12. – С. 3–47.

называемый транзит) рассматривается в двух плоскостях: в фактической – в преднамеренном переезде героев с Сахалина «на родину, в тихий Дмитриев» и в переносной – в гнетущей нестабильности душевного состояния героев, в продолжающейся смене настроений.

На протяжении всей книги неоднократно звучат разные песни. За песней герои Геннадия Машкина коротают дальний путь в поезде, пересекающем с востока на запад всю Россию. Песня отражает внутренние терзания героев. Первые стихи «Бродяги с Сахалина» (такое название предписывается писателем этой песне) звучат в самом начале книги, когда пассажиры поезда размещаются по своим местам, а в тринадцатом вагоне появляются слепец и сопровождающий его мальчишка. Живущие подавляем герои поют жалобными голосами. И на фоне такого пения затихают разговоры пассажиров вагона – нищие люди напоминают «о недавних годах войны, разлук, лишений, голодовок, потерь, перемещений, увечий...»²⁴¹

*Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.*

Образы нищих и их песня, звучащая под гармонь, становятся «знаком беды»²⁴², этот же символ возникает и многим позже.

Вновь «Песня о бродяге» звучит почти в самом финале повести. Василий Гнездов, соглашаясь на новую вербовку, теперь уже в Сибирь, затягивает второй куплет песни о бродяге с другими посетителями ресторана:

*Шумит, бушует непогода,
Далёк, далёк бродяги путь.
Укрой, тайга его глухая,
Бродяга хочет отдохнуть.*

Эта песня в общем содержании всей книги выполняет функцию подтекста, через который устанавливается идейно-тематический замысел писателя: предопределённость судьбы главного героя, для которого «бегство» с Сахалина должно завершиться не в «тихом» Дмитриеве, а в страшашей своей природой Сибири.

Впрочем, окончание известной песни едва ли связано с дальнейшими перипетиями жизни Василия Гнездова. В отличие от песенного «бродяги» он увозит за собой в Сибирь и беременную жену Антонину, и её престарелую мать Федору Матвеевну, и двух своих сыновей.

Общий мотив книги – «бегство» с Сахалина – позволяет соотнести повесть Машкина ещё и с «Соколиным» В. Г. Короленко, главный герой которого Василий (интересное сходство имён главных героев двух разных «сахалинских» книг) бежал когда-то с каторжного острова в Сибирь. Василий у Короленко и Василий у Машкина воплощают единый тип бродяги, прошедшего «испытание» Сахалином. Затаённые думы о Сахалине неотступно преследуют и Василия-«сокольника», и Василий Гнездов в своих воспоминаниях уносится на далёкий остров. Но Василий у Короленко скрывается в Сибири, а Василий у Машкина связывает с Сибирью свою новую, оседлую жизнь.

²⁴¹ Машкин, Геннадий. Бродяги с Сахалина. – С. 68.

²⁴² Там же.

Аллюзия названия повести Машкина «Бродяги с Сахалина» с рассказом Анатолия Кима «Бродяги Сахалина» внешне весьма условна. Герои Машкина навсегда покидают Сахалин, чтобы никогда уже не вернуться на него. А «бродяги» у Анатолия Кима (а это, по сути, все люди, оказавшиеся против своего желания на острове) уже никогда не смогут покинуть Сахалин. Жизненные устремления героев Машкина обретут своё продолжение в Сибири, там же появится на свет третий ребёнок семьи Гнездовых. И «бродяги» Кима находятся в постоянном движении, но они постигают мир в его ирреальном течении времени. Сахалинскому «бродяге» Василию Гнездову удаётся покинуть остров, а безымённому «бродяге» из отчёта японского чиновника рассказа Анатолия Кима судьба уготовила «вечный покой» на островной земле.

В повести Машкина «Бродяги с Сахалина» представлена целая галерея героев, по тем или иным причинам покидающих как Сахалин, так и Дальний Восток: это и сам Василий Гнездов, стремящийся к родовому гнезду (и не случайно фамилия главного героя относится к «говорящим»), и иные попутчики по поезду – молоденькая Арина, расточительный рыбак Иван Кунц, родители болеющей девочки Саши и многие др.

Повесть Машкина «Бродяги с Сахалина» – серьёзная и глубокая книга. Если в «Синем море, белом пароходе» главная идея состоит в воспевании интернациональной дружбы, то последняя книга Машкина посвящена исключительно России, осмыслению жизни отдельного человека в большой стране и как итог – духовное обновление героев через перенесённые страдания. Об этом говорит и эпиграф Машкина к книге о «бродягах»: цитаты из эпистолярного наследия Николая Васильевича Гоголя: «Надо любить Россию. Надо проездиться по России» (из «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

История семьи Гнездовых выглядит как типичная. В небольшой повести (а это около сорока страниц журнального текста) писатель поднимает крайне острые вопросы. Это и предвоенный голод в советских деревнях, и послевоенная разруха, на которой обогащались предприимчивые люди (а таких героев Машкин изображает без излишней гиперболизации). При этом военные тяготы семьи, очевидно, преднамеренно «выпадают» из общего описания.

Духовная константа, которая оказалась позволительной для советской цензуры книги «Синее море, белый пароход» (а носителем веры в книге стала бабушка Герки и Юрика), в последней повести Машкина становится безусловной. Под молитвенное чтение Федоры Матвеевны семья Василия Гнездова, сохранив заработанные на Сахалине деньги, благополучно добирается до Дмитриева. Молитвенные заговоры Федоры звучат и над болеющей девочкой Сашей, родители которой возвращаются на материк с Курильских островов. Молитвенным обращением пожилой женщины завершается и вся повесть. «...А нам Господь, – говорит героиня Машкина, – указал нужную тропку к новине. Не требуй больше подсказом, собирайся духом да благодари Бога за милость!

– Вот именно, благодари, – внятно проговорил Василий, засыпая вдругорядь. – Какое слово, если разъять – благо дари...»²⁴³

²⁴³ Машкин, Геннадий. Синее море, белый пароход. – С. 101.

Повесть Геннадия Машкина «Бродяги с Сахалина» – произведение сложное и разноплановое. Эта книга с видимым «сахалинским» названием и скрытыми деталями в подтексте совпала с финальным аккордом фактической жизни Машкина, умершего 23 января 2005 года.

Литература: Геннадий Машкин : (Биографическая справка. Список литературы) // Иркутские писатели – детям : рекомендуемый библиографический указатель литературы / сост. В. А. Копылова. Иркутская областная детская библиотека. – М., 1995. – С. 36–40 ; Иконникова, Е. А. Геннадий Машкин и его книга «Бродяги с Сахалина» / Е. А. Иконникова // IV Рыжковские чтения : материалы научно-практической конференции. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 72–77 ; Туаева, К. Д. Творчество Г. Н. Машкина в практике средней школы / К. Д. Туаева // Сахалинское образование – XXI век. Научно-методический и культурно-просветительский журнал. – 2012. – № 1. – С. 30–33 ; и др.

Е. А. Иконникова

2.4. Зоя Журавлёва о Курильских островах (повесть «Островитяне»)

Из журналистики в литературу

Рис. 36. Книга З. Е. Журавлёвой «Островитяне»

Писательница Зоя Евгеньевна Журавлёва (1935–2011) родилась в Ленинграде 20 августа 1935 года и ушла из жизни 26 марта 2011 года в Москве. По образованию Журавлёва – журналист, окончила отделение журналистики Ленинградского университета. Работала в газетах на севере – в Никеле и Мурманске, ездила по стране с биологами, искусствоведами, археологами. В 1966 году журнал «Звезда» опубликовал её повесть «У меня есть голова». В 1967 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник повестей «Ключ от Вселенной». Молодого автора заметили. Книга отмечена премией на конкурсе имени Николая Островского. В 1968 году Зоя Журавлёва стала членом Союза писателей СССР. В её творческом багаже более 20 повестей для взрослых и детей, среди которых особенно полюбившиеся читателям «Путька» (1966), «Премьера состоится» (1969), «Требуется героиня» (1969), «Ожидание» (1976), «Выход из случая» (1981), «Кувырок через голову» (1983), «Роман с героем» (1988), «Сними панцирь» (1987). В своих произведениях Зоя Журавлёва стремилась раскрыть душевную глубину, теплоту, радость обретения и боль утраты простых людей, живущих в советской стране, школьников, рабочих, простых женщин и учёных, смотрителей маяка и телеграфисток. Она любила своих героев, потому что они были просто людьми.

В 1988 году в журнале «Нева» был опубликован роман с замечательным названием «Роман с героем – конгруэнтно – роман с собой», одна из самых

ярких «взрослых» книг, в которой проявился зрелый талант Зои Журавлёвой, её трепетное отношение к Слову и Душе человека.

Во второй половине 1990-х годов Зоя Журавлёва стала организатором ряда международных конференций «Языки науки – языки искусства», которые проходили в Суздале в 1996, 1998, 2002 годах. Любовью к Слову была пронизана вся жизнь Зои Журавлёвой. Она обладала исключительным языковым слухом. Язык стал предметом её научных интересов. С 1993 года Зоя Журавлёва являлась одним из организаторов и активным участником ассоциации «Женщины в науке и образовании», возглавляла редакцию газеты ассоциации «Госпожа удача».

Но широкая читательская аудитория всё же больше знает Зою Журавлёву как автора доброй прозы. Бродячая жизнь журналиста, многочисленные экспедиции в российские глубинки позволили писательнице хорошо узнать быт провинции, людей, живущих «далеко от Москвы», постигнуть их простую обыденную жизнь, в которой заключается весь смысл человеческого существования.

Художественный вымысел и географическая реальность

Однажды волею судьбы Зоя Журавлёва оказалась на Курильских островах. Результатом этой «экзотической» поездки стала повесть «Островитяне», которая была опубликована в двенадцатом номере журнала «Звезда» в 1973 году.

Действие в произведении происходит на одном из Курильских островов. Герои повести – работники цунами-станции, рыбообразного завода, маяка, почты. Простые люди, простые отношения. В центре внимания автора – дела житейские, уклад жизни людей, которые живут в согласии с условиями, продиктованными их островной жизнью. Повесть пронизана любовью к этим людям и к Курильским островам, к их фантастической природе. Но как неожиданно отозвались в то время сахалинцы на выход в свет этой замечательной повести! В газете «Советский Сахалин» появилось коллективное письмо-протест, в котором подписавшие его лица утверждали, что в «Островитянах» Журавлёвой оклеветаны, окарикатурены их родные Курилы. Время всё расставляет на свои места. И само письмо и авторы его забыты, а повесть продолжает радовать читателей. Сегодня она вошла в золотой фонд отечественной литературы о Сахалине и Курильских островах.

Повесть соединила в себе художественный вымысел и географический очерк, глубокий лиризм и точность реалистической детали, поэтичность и социальную заострённость.

В центре повествования – история любви Клары Михайловны, начальника узла связи районного центра: как она встретила своего избранника, как любила, как пережила измену, как с разбитым сердцем и в смятении чувств продолжала жить и работать. Журавлёва по-женски передала судьбу Клары Михайловны: душевно, трогательно. Как, впрочем, и судьбы других персонажей повести. Писательнице, главным образом, хотелось, чтобы читатели почувствовали феномен островной жизни. Жизнь на небольшом острове отличается от жизни не только на материковой части, но и от жизни на Сахалине, тоже острове, только «побольше»: «...две недели серых дождей, ветер, меняющий направление каждые полтора часа; крутоверть, пустое и гулкое море, в котором не во

что упереться глазом, длинная зима впереди и знакомые, приевшиеся вдруг лица кругом, ни одного нового человека – остров. Вроде не чувствуешь, а всё-таки сказывается: у каждого – по-своему»²⁴⁴. Вот это «у каждого по-своему» и стремилась передать Зоя Журавлёва.

Герои её повести – директор рыбопроизводного завода Иргушин, почтальон Мария Царапкина, Вера Шеремет, баба Катя Царапкина, Зинаида Шмитько, рыбнадзор Юлий Матвеевич Сидоров, Костык Шеремет, Клара Михайловна и другие – на остров попали из разных уголков страны, прижились здесь, притерлись, срослись и друг с другом, и с островом. Здесь на острове «каждый с какого-то боку свой»²⁴⁵. И рисунок островной жизни сплетается из судеб этих простых людей. Сюжет повести лишён линейности, он скорее собран по принципу калейдоскопа: пестрят, складываются в занимательную и завораживающую картину имена, истории жизни, события. Кстати, рассказывая об островитянах, Журавлёва как-то очень деликатно касается довольно непростой проблемы островной жизни – «временного жилья»²⁴⁶. «А это на острове часто, – сокрушается баба Катя. – Сколько лет живут, а в квартире всё временный дух, словно это гостиница»²⁴⁷. И одни действительно уезжают, как, например, герой повести «старый островитянин»²⁴⁸ Агеев, а других не отпускают Курилы, хотя в душе у них и теплится мысль, что остров – это временный эпизод в их жизни. Мысль теплится, а жизнь идёт своим чередом на курильской земле, которая незаметно становится родной, становится малой родиной.

Разрушительная стихия в жизни островитян

Курильская земля поразила воображение писательницы своей неукротимой силой, первозданной мощью, неприрученной красотой. Жить на этой земле человеку трудно, порой смертельно опасно, а вот люди живут, работают, любят, создают семьи, рожают детей, ведут хозяйство, не отдавая отчёта тому, что вся их жизнь пронизана «житейским героизмом». Очень выразительно звучит реплика одного из персонажей повести – бабы Кати Царапкиной, которая при землетрясении, случившемся 1 мая, когда народ собрался на митинг, оберегая внука, ворчит: «Прямо облучённый какой-то народ! Будто землетрясений не видали! Вон как напугали ребёнка!»²⁴⁹. Баба Катя – старожил острова, и на её памяти и землетрясения, и цунами, унесшие тысячи жизней и закалившие характеры людей.

Природные катаклизмы Журавлёва описала настолько убедительно, что не остаётся сомнения, что она была свидетелем тех ужасающих картин «возмущения природы», о которых рассказала читателям. По крайней мере, это

²⁴⁴ Журавлёва, Зоя. Островитяне / Зоя Журавлёва // Островитяне : повести. – Л. : Советский писатель. – 1981. – С. 75.

²⁴⁵ Там же. – С. 182.

²⁴⁶ Там же. – С. 45.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же. – С. 193.

²⁴⁹ Там же. – С. 28.

ощущается при рассказе о землетрясении: «Директор Иргушин взошёл на трибуну, резко взмахнул рукой, звонко сказал: «Товарищи!» И тут же, в глазах Клары Михайловны, сломался, встал косо, поехал куда-то вбок, потерялся из виду. Она ощутила вдруг, как мотнулось под ней крыльцо узла связи, потеряла его ногами, нашла – не там, где ждала, больно стукнувшись подошвами об половицы, боком слетела с крыльца и чудом встала. В расширенных её зрачках проплыли дрожащие сопки, дрожь шла через них волнами. Потом со всех сторон и снизу, из глубины, настиг её глухой, нарастающий гул. Солнце разом исчезло, как сморгнулось, хотя туч перед тем не было, и пепельный полумрак, надвигаясь с моря, низко завис над посёлком. Спиной она вдруг услышала дощатый треск, не такой, как шёл отовсюду гул. А именно – треск. И подумала, что это рушится узел связи, где на дежурстве весь коллектив. Она рванулась к крыльцу, но попала грудью об дерево лиственницу... На секунду Клара Михайловна закрыла глаза. И оглохла. Тишина вдруг стала кругом. Тишина длилась. Давила уши, будто вода, когда глубоко ныряешь, набивалась в рот, как вода. Тишина перехватила дыхание. Клара Михайловна шевельнула губами, как рыба. Силилась крикнуть, но звука не было, тишина будто застряла в горле. «Кончилось, граждане!» – сказал кто-то рядом. И только тут Клара Михайловна поняла – не оглохла, а кончилось. Перестало. Ушло. Отпустило. Земля покорно и твёрдо снова легла под ноги. Прямо встали сопки. Пепельный полумрак вяло сползал с посёлка к морю, и уже выглянуло солнце, бледное, как омлет. Из окна узла связи, лениво звеня, сыпались на улицу стёкла, какие остались»²⁵⁰.

Мощь природного явления вызывает у автора очень сильные и неоднозначные ощущения. Землетрясение – это не только страх, не только смятение, не только разрушение, это ещё и потрясение от «своеволия природы», которая граничит с «первозданной, дочеловеческой красотой»²⁵¹ земли. У автора рождается восхитительная метафора, которая передаёт образ природного события, каким его представляет и сама писательница, и на короткий миг её героиня. Сказочный сильный своенравный необузданный строптивый конь в непокорном страстном движении – вот что видится автору в стихии природы. «Тут поперёк ей, наперерез и к горам, всхрапывая, пронёсся конь из детской сказки, давно забытой. Но она узнала его: сказочный конь. Ноги его были высоки, пружинно напряжены, грива стояла вверх резко, морда была трагически вытянута, и ярко летел сзади хвост, будто отлитый из горячего металла. Первозданную, дочеловеческую какую-то красоту зверя вдруг ощутила в тот миг Клара Михайловна вместо страха. И даже – вместо ответственности за свой коллектив. Но это было один только миг, меньше мига. Она успела ещё удивиться – откуда же дикий конь посреди посёлка?»²⁵². Возвышенность образа Зоя Журавлёва сдобрила юмором, который вообще характерен автору и в повести встречается довольно часто. Сказочным конём оказалась директорская кобыла Пакля, но это несколько не «убило потрясённости» в Кларе Михайловне: «С тех пор она

²⁵⁰ Журавлёва, Зоя. – С. 27–28.

²⁵¹ Там же. – С. 27.

²⁵² Там же.

дважды видела коня во сне, как увидела его тогда. Яростно яркий, летел он по ветру мимо неё во сне, высоко неся гордое, оскаленное лицо и распластав по ветру твёрдый, как из металла, хвост»²⁵³.

Страх перед мощью природы люди лечат смехом, «у взрослого населения приключалась вроде разрядка с истерическим весельем»²⁵⁴. «Тут с подоконника райбольницы подавала голос древняя старуха Царапкина, бабыкатина мать, глухая, как печка, но пронзительная до жизни старуха. Над ней тоже выкрошилось из рамы стекло, и стена дала трещину сзади палаты. Но не это беспокоило старуху Царапкину, это всё она пропустила мимо. А тут подавала такой голос: «Чего прекратили праздник, а, бабы? Затмение, что ли?!» Медперсонал, который уже очнулся, покатился со смеху. Другим повторили, кто не расслышал. И такой хохот поднялся перед узлом связи, себя не слышно»²⁵⁵. Если смешно, значит, жизнь идёт своим чередом, всё в порядке, обычный ход жизни не нарушен. «Ещё пару раз встряхнуло в тот день. Но это уж так, чтоб было не скучно. Последний толчок даже придвинул, сколько мог, обратно инютинский сарай, откинутый первым, настоящим, почти на полметра от дома. Сарай, сбитый на совесть, сбежал туда-обратно и весь остался цел, только потерял одну стенку, которая была раньше – дом. Из сарая рванули во все стороны куры и свиньи. Хряк Борька, страстный производитель, пробежал посёлок насквозь и залёг в прошлогодней ботве на школьном участке, будто дикий кабан, врылся в землю, едва подняли. С того дня как производитель потерял свою силу, сваял духом при полном физическом здравии. Только старый рыжий петух сидел в сарае сиднем, на несущином месте, и ворочал налитыми глазами, даже клёнул в палец Варвару Инютину, Симкину мать и свою хозяйку. Всё же согнав петуха, Варвара Инютина нашла вдруг под ним яйцо, очень крупное и в большой грязи, – значит, старый петух от потрясения снесся. Как женщина и без того мистического склада ума, Варвара сразу в это поверила. А была, конечно, проделка Костыки Шеремета – без него уж не обошлось, успел подложить»²⁵⁶.

Люди смеются, потому что всё минуло, всё обошлось, дело привычное, житейское. Ну накрыл страх с головой да и отступил, поугадала природа да и успокоилась. Но есть такие моменты в жизни курильчан, когда не до смеха, когда жизнь измеряется мгновениями, когда смерть настигает безжалостно и необратимо, когда сердце цепенеет, если приходится вспоминать о случившемся. Это цунами, которое произошло на Курилах 24 октября 1952 года. Картину цунами Зоя Журавлёва рисует в свойственной ей манере: точность, практически документальность событий, подробная детализация, при сдержанной цветовой гамме яркость и выразительность изображения, психологическая напряжённость. И как результат художественных подходов к изображению стихии автор добивается исключительной достоверности тех картин, которые изображает в повести. Память о цунами живёт в сознании тех, кто пережил его и остался в живых. Люди хранят воспоминания, порой на уровне подсознания. Пережитое

²⁵³ Журавлёва, Зоя. – С. 27.

²⁵⁴ Там же. – С. 29.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

стало частью их, изменило отношение к жизни, изменило порой саму жизнь. Вот глухая прабабка, бабакапина мама: «К глухоте прабабка привыкла, сжилась с нею и, кроме того, гордится ею, как боевым ранением. Эта глухота выделяет её среди других старух острова, не переживавших варчуганского цунами пятьдесят второго года. Их не выбрасывало из собственной постели на случайную крышу, они не носились в волнах и гремящей тьме, вцепившись в крышу леденеющими руками, их не швыряло на каменистую сопку и не искали потом вертолётами. Другие старухи седили постепенно, не враз. Другие старухи на острове, как и везде, боятся смерти, жалуются на внуков, глотают таблетки, нервничают по мелочам. Прабабка *конец света уже видела* (выделено автором параграфа. – Т. Ш.), через это прошла. Она не боится, не жалуется и не нервничает, поэтому живёт своё с удовольствием»²⁵⁷. Прабабка часто ночами в поминальной молитве перебирает имена тех, кого она знала и кто погиб при цунами, вспоминает «оборванные морем судьбы»²⁵⁸. Для островитян и море, и чайки, и морские водоросли – всё, что любят курильчане, всё, к чему прикипело сердце, в одно мгновение может стать враждебным: «враждебна чёрная скала за спиной, из которой, как кровь, сочатся ржавые капли, отвесно виснут, срываются вниз»; «пряди морской капусты – как чьи-то погибшие волосы»; «море отступает нарочно, с кошачьей плавностью, чтобы вернуться грозно, обрушиться рёвом на несговорчивую землю»²⁵⁹. Волна, которая стёрла с лица земли посёлок Усть-Галей, унесла жизни многих курильчан и навсегда оставила зарубки на памяти тех, кто пережил цунами. Прабабка время от времени среди ночи пытается спасти правнука, «молча и быстро вскакивает из-под одеяла, босая шлёпает прямо к Ивану, тащит его из кровати слабыми руками», «белая голова прабабки трясётся, глаза смотрят не видя и широко, вся она – худая, маленькая, в широкой сорочке с вышивкой – кажется незнакомо чужой, страшной», «говорит быстро, как в забытьи: «Море ушло, слышу – ушло море»²⁶⁰. Море уходит далеко за горизонт перед тем, как обрушиться на берег сокрушительной волной. Страшные слова: «Море ушло». И хотя море сейчас «лежит в своих берегах»²⁶¹, но всё же не по себе героям повести от бреда старухи, «в такие минуты становится тревожно и зыбко», и дом, в котором живут герои, «словно и не дом вовсе, а лодка-плоскодонка в морской толчее, на стыке ветров и течений»²⁶².

Гармония островной природы

Но природа Курил обладает не только разрушительной силой, она полна красоты, жизненной энергии, гармонии. Зоя Журавлёва постаралась максимально

²⁵⁷ Журавлёва, Зоя. – С. 38.

²⁵⁸ Там же. – С. 41.

²⁵⁹ Там же. – С. 41–42.

²⁶⁰ Там же. – С. 38–39.

²⁶¹ Там же. – С. 40.

²⁶² Там же.

передать все грани, все оттенки курильской природы, очарование Курильских островов. В прямом смысле с первых слов она погружает читателей в поэзию естественной островной жизни. «Деревянный тротуар, проседающий в лужи, впадает, кажется, в море. А море – это весь горизонт, и шуршание его в берег – местная тишина. Низенькие заборы надставлены рыболовной сетью, зелёной, в мелкую ячею, такой же моются в бане – вместо мочалки. Вокруг цветочных газонов, где они есть, воткнуты в песок для красоты гофрированные блюда морского гребешка, раковины. На тусклых крышах оранжево блестят крабы. На стенах домов, в деревянных распялках, краснеют брюшки горбуши, спинки её. Но горбуша уже прошла, теперь идёт кета»²⁶³. Море и все, что с ним связано, определяет жизненный уклад островитян. И прежде всего – это лосось, который в изобилии приходит к курильским берегам в период нереста.

Завораживает картина хода лосося, написанная очень живописно, сочно и не без юмора: «Вода в реке Змейке... уже по-осеннему тяжела. И в середине она кажется выше, будто речка вспухла и выпучилась. Кетовые хвосты колышутся в ней, как листья, серо-жёлто-зелёные. Страхолюдные – в лохмотьях и пятнах, с оторванной губой, горбоносые – кетины высоко выскакивают из реки, ловят страшным ртом воздух и плюхаются назад, звонко ударяясь об воду. Но обратно не попадают, там всё забито – в воде. И кетины боком, по спинам других, счастливых, взбивая плавниками брызги, как крыльями, прыгают сверху реки, поперёк её, сколько хватит сил, выжимают друг друга на берег.

Аспидно-чёрные вороны, гортанно крича, будто лая, выклёвывают живой рыбе глаза. Чайки, откормленные, громадные, как индюки, каким-то чудом держатся в воздухе. И орут под собственной тяжестью. Бурая кобыла Пакля, брезгливо расталкивая носом кету и отмахиваясь ушами от чаячьих воплей, пьёт из Змейки возле спуска к висячему мосту»²⁶⁴. Не раз в повести Журавлёва обращается к этому яркому необычному явлению – нересту лососёвых. Она находит выразительнейшие оттенки для передачи невероятной картины хода рыбы: «...хорошо было видно, как подходят косяки к берегу. Море начинает искриться, всё – до горизонта – во всплесках хвостов, колыхаться живой волной, будто прогибаться под тяжестью»²⁶⁵. А вот изображение нерестилища: «Вода вокруг пенится рыбой, горбыли, оскалив зубастые рты, выскакивают вверх, мучительно взбивают песок хвостом, зарывая икру в бугры. Боком, бессильно, влачатся в воде плоские – уже без икры – самки. Тут же шныряет хищная форель – мальма, охотится за икрой. Горбыли защищают икру, как львы, – специально для этого дела отрастают в них страшные, не рыбы зубы... А дышать нечем на нерестилище. Тяжёлый сероводородный дух стоит над живой водой, и птицы орут, как сумасшедшие, – вороны, чайки»²⁶⁶. Автор с максимальной точностью и художественным азартом рисует захватывающую своей зрелищностью картину нереста. Но, увлечённо рассказывая об этом чуде природы, не обошла Журавлёва и такого, тесно связанного с ходом рыбы, факта, как браконьер-

²⁶³ Журавлёва, Зоя. – С. 3.

²⁶⁴ Там же. – С. 4.

²⁶⁵ Там же. – С. 69.

²⁶⁶ Там же. – С. 62.

ство. И в этом вопросе она предельно деликатна. С пониманием и в какой-то мере с сочувствием к жителям острова и рыбнадзору Юлию Сидорову изображает она сцены браконьерства. «Юлию оставалось, конечно, ловить граждан, которые нарушают правила лова. Но и тут Иргушин был прав: на острове... браконьерство было незлостное, для себя. Если говорить честно, вред от этого браконьерства был невелик, хоть инструкция – естественно – нарушалась. А рыбы порой шло столько, что она буквально давила сама себя в Змейке. После дождя и очередного разлива берега речки выглядели, как после великой рыбьей битвы, усеянные телами павших ратников. И вороны исполняли роль коршунов, крики их были над берегами как уродливый смех. Рыбу брали тогда открыто, если кто хотел, хоть всё равно такой инструкции не было – чтобы брать. Юлий в такое время не мог решить для себя, что же он должен делать – по совести и по должности. Запрещать людям? Накладывать на них штраф по всем правилам? Либо будто не замечать, вовсе не появляться на Змейке? Но тогда – какая же от него работа: прямое небрежение обязанностями, а зарплата идёт...»²⁶⁷. Не каждый год наблюдается на острове изобилие рыбы, раз в три-четыре года. Но если случается, то рыбу таскают из воды «сачками, корзинами, ведрами, просто – руками»²⁶⁸. Зоя Журавлёва стала свидетелем «урожайного года», когда «рыбу кидали в вездеходы, везли в сопки, чтобы медведи потом не подходили близко к посёлку, сваливали там в ямы. Огороды удобряли в то лето кетой да горбушей»²⁶⁹. Это тогда происходило, когда рыба уже никуда не годилась, потому что «вся рыбья масса, какая сбивалась в Змейке в хорошее лето, всё равно не могла подняться до нерестилиц, сама себе создавала замор... Река начинала гнить заживо... Но рыба в устье ещё свежа, серебриста, так и называется – серебрянка. Самое время бы тут её, лишнюю для реки, брать – солить, коптить, вялить, нарезать ломтиками и запекать целиком. Но никто не берёт, поскольку мощность приёмного пункта в посёлке – всего триста центнеров, один ставной невод. Но кто же это, умный, решил – такую мощность на такой остров...»²⁷⁰. Вот так, как бы между прочим, невзначай, писательница касается очень актуальной для советской страны «периода застоя» проблемы: тотальный дефицит, в том числе и рыбных продуктов, в смычке с тотальным расточительством природных ресурсов. «Такую ценность, кету, горбушу, днём с огнём ведь в других местах хвоста не найдёшь, а тут – в огороды, вместо дерьма, в лесные ямы – на медвежью радость»²⁷¹ – звучит для 1980-х годов почти крамольно.

Между сопками и морем

Курильчане живут во власти двух стихий. Первая, конечно, море, а вторая – сопки. «Всюду кругом, где не море, топорщатся сопки. Над ними упёрся в небо

²⁶⁷ Журавлёва, Зоя. – С. 68.

²⁶⁸ Там же. – С. 69.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. – С. 68–69.

²⁷¹ Там же. – С. 69.

вулкан, но аккуратный конус его далеко, километров за сорок, и вроде бездействующий. Никто от него не видел ничего плохого, но никто на него и не лазил, доверху. Сопки вокруг непроходимо заросли лиственницей, берёзой, бамбуком, горькой местной вишней, ядовитой лианой сумахом, всякой – поухлой уже – травой»²⁷². «Чёткие сопки», красные от рябины, видны из окон домов; в сопки бегут люди, спасаясь от цунами; на сопке расположилась цунами-станция; в сопках охотятся. Сопки, «первобытно-заросшие, дикие»²⁷³, провожают тех, кто уезжает с острова навсегда, не прижившись среди их природной «дикости».

Журавлёва рассказала и о лечебных Горячих ключах на Курильских островах; и о Лебяжем озере, на которое летом налетают чёрные лебеди; и о ловле крабов; и об островных воронах, сильно отличающихся от материковых и размерами, и умом; и об островной дичи, которую «хоть с крыльца стреляй», и о мощных снежных зимних циклонах. Обо всём сказала Журавлёва, не упустив ни одной мелочи, ни одной чёрточки в жизнеописании Курильских островов и курильчан. Небольшая повесть неожиданно превращается в своеобразную энциклопедию, в которой можно найти практически всё о жизни на одном из островов Курильской гряды, а значит, и на островах Сахалинской области вообще.

Т. Е. Шумилова

2.5. Сахалин Анатолия Кима: в жизни и в творчестве

Русский писатель с восточными корнями

Писатель и драматург Анатолий Андреевич Ким (род. 1939) родился в семье потомков корейских переселенцев в одном из сел Казахстана. В детские годы вместе с семьёй Анатолий Ким совершил несколько больших переездов: вначале на Камчатку, позже – в Уссурийский край. Период с августа 1947 по июнь 1956 года Анатолий Ким провёл на Сахалине (в Ильинском и Горнозаводске). Были в жизни писателя Владивосток и Хабаровск, а позже – учёба в Москве, где и состоялась первая проба пера. После окончания в 1956 году горнозаводской средней школы на Сахалине Анатолий Ким поступил на учёбу в Московское художественное училище «Памяти 1905 года» на отделение театральных художников, позже до 1970 года заочно обучался в Литературном институте им. А. М. Горького.

Имя Анатолия Кима хорошо известно в России и за рубежом. Его дебютные прозаические книги «Голубой остров» (1976) и «Четыре исповеди» (1978) были опубликованы в Москве, в издательстве «Советский писатель». Проза Анатолия Кима представлена почти на тридцати языках мира. Произведения писателя неоднократно переводились на иностранные языки, в том числе в Англии,

²⁷² Журавлёва, Зоя. – С. 4.

²⁷³ Там же. – С. 193.

Испании, Италии, Германии, Дании, Финляндии и Америке. Но наибольшее внимание наследию этого автора уделяется в дальневосточных странах.

Принадлежность Анатолия Кима к корейской диаспоре способствует тому, что критики и исследователи пытаются найти в его творчестве классические традиции зарубежной дальневосточной прозы. Немаловажным видится взгляд писателя на различные аспекты истории корейских переселенцев в России. Анатолий Ким впервые в русской литературе обстоятельно изобразил многоликие и часто обусловленные трагическим началом судьбы этнических корейцев, разбросанных по бескрайним просторам Советской Азии и Дальнего Востока. Он один из немногих писателей, который вводил в свои произведения упоминания о японском периоде развития Сахалина. Именно поэтому произведения Анатолия Кима во многом востребованы корейскими и японскими читателями как XX, так и XXI столетия.

В августе 2010 года Анатолий Ким по приглашению корейской газеты «Сё корё Синмун» (редактор В. И. Бя) и РОО «Сахалинский корейский клуб» (президент Ли Ен Гир) посетил Сахалин. Во время пребывания на острове писатель провёл несколько творческих вечеров – встречался с читателями в Южно-Сахалинске, Корсакове и Горнозаводске.

Остров мечты Анатолия Кима

*Рис. 37. Книга А. А. Кима
«Голубой остров»*

В своей первой книге «Голубой остров» Анатолий Ким зарекомендовал себя как виртуозный стилист, писатель, безупречно владеющий литературным языком, чувствующий природу художественного слова. В «Голубой остров» вошло около двадцати рассказов и одна повесть – «Собиратели трав». Основная часть всех этих произведений тематически связана с Сахалином. «Голубым островом», отчётливо описанным автором в «Собирателях трав» (1976), называется остров Камарон, до которого стремится доплыть один из персонажей повести, молодой кореец Эйги. Голубой остров – это кажущаяся близкой и видимой мечта, исполнение которой тем не менее требует искреннего желания и больших физических затрат. Одновременно с этим «голубой остров», окутанный морскими водами, – это некая утопия, место беззаботных иллюзий, при которых забываются все проблемы реальной жизни. Вместе с этим Анатолий Ким и всему Сахалину предписывает чаще всего позитивные эпитеты. Когда-то считавшийся каторгой и «островом отчаяния» Сахалин XX столетия поражает «прозрачной» осенью, «мощной» тайгой, «толкающими океан» волнами, «густым и влажным воздухом», «жемчужным небом».

В автобиографической книге «Моё прошлое» (1998) дано детальное описание тех сахалинских мест, где жил Анатолий Ким. Постигание острова для писателя началось с посёлка Ильинского, состоявшего «из серых дощатых бараков и старых японских домов весьма невзрачного вида». Улицы в Ильинском

«были непокрытые, пыльные, по их краям тянулись сточные канавы с вонючей грязной водой. Громадные крысы преспокойно посиживали на берегах этих канавок. Повсюду видны были следы убогой, беспорядочной и безрадостной жизни на заброшенной окраине мира. И только воинский городок с аккуратными рядами крашенных свежей краской казарм, стоявших на окраине посёлка, придавал ему некую цивилизованность и, можно сказать, даже нарядность»²⁷⁴. Семья Кимов «жила в длинном двухэтажном японском здании, где размещалась корейская школа-семилетка». В этом доме отцу писателя выделили «директорскую квартиру».

Горнозаводск, где после Ильинского оказался Анатолий Ким, ничем не выделялся из череды других островных посёлков и городков. Там были «всё такие же длинные унылые бараки пыльного цвета, всё те же немощёные грязные улочки, покрытые чёрным прахом угольного шлака, выбрасываемого жителями прямо на дорогу. Городок этот располагался не вдоль морского берега, как прежний, а как бы впритык к морю – протянувшись на несколько километров по речной долине в глубину острова, между высокими крутобокими сопками, часть которых была покрыта тёмной зеленью лесов, а часть – яркой травой безлесья, среди которого торчали, словно причудливые скульптурные изделия, серебристые останки давно сгоревших деревьев»²⁷⁵. В Горнозаводске Анатолий Ким прожил до 1956 года, там же окончил среднюю школу.

Летом 1967 года Анатолий Ким, будучи студентом заочного отделения Литературного института им. А. М. Горького, вновь приехал на Сахалин, чтобы повидаться с родными. В это время в газете Невельского района «Ленинец» (руководил которой в тот момент зам. редактора В. И. Беспалов) в разделе «Литературная страница» трижды публиковалась небольшая подборка детских стихов Анатолия Кима: «Летала бабочка у берегов...», «Гроза», «Вечер» «Вставало утро», «Чудо лета» и др.

В стихотворениях поэта слышны темы Сахалина, его морской стихии:

Плещет времени навстречу

И – вдогонку

Окаймления морского

Белый контур.

(из стихотворения «Извечный спор»)

Через несколько лет в книге Анатолия Кима «Голубой остров» прорвались воспоминания о тех местах, где прошли детские годы писателя, очертились образы тех людей, с которыми его свела судьба. В творческой биографии писателя есть две прозаические книги, адресованные детям младшего школьного возраста: «Когда цветёт миндаль» (1987) и «Федина избушка» (1988). При этом дальневосточная проблематика наиболее полно представлена в рассказе «Когда цветёт миндаль».

Основу книги «Голубой остров» составили не только детские впечатления Анатолия Кима, но и его поздние раздумья о родине, о судьбах корейских переселенцев Дальнего Востока. В рассказах из «Голубого острова» говорится об

²⁷⁴ Ким, Анатолий. Моё прошлое / Анатолий Ким // Октябрь. – 1998. – № 2. – С. 23.

²⁷⁵ Там же. – С. 23–24.

удивительных людях. Их желания и мечты просты, но путь к ним преграждён разными испытаниями, главное из которых – испытание любовью.

«На земле так прозрачно и далеко видно, и людям так легко найти друг друга – увидеть и полюбить. Но прозрачность эта обманчива – на дне моря всегда темно, хотя морская вода тоже прозрачна. Любовь насылается на людей властью неба, а расплачивается за неё человек – тревогами, болью, безутешными утратами, смертью»²⁷⁶ – к такому выводу приходит одна из героинь писателя, прозванная людьми Невестой Моря.

Прототипами многочисленных персонажей «Голубого острова» стали самые обычные люди, чьи эмоциональные постижения мира были рождены не писательским воображением, а самой жизнью. Лесоруб Матвей Шин, его жена Василиса, Пя Гир по прозвищу Бык, бобыли Лян и Мун, Мансам, стремящийся к знаниям Ри Гичен и его безропотная супруга Мёко, столяр Цой, нищенствовавший До Хок-ро, Масико, Эйти – это ещё неполный список тех литературных героев Анатолия Кима, чьи потомки – близкие и родные – живут среди современных читателей.

Образ Сахалина в прозе Анатолия Кима является магистральным и воссоздаётся не только в «Голубом острове», но и в других книгах писателя: «Четыре исповеди» (1978), «Нефритовый пояс» (1981), «Белка» (1985), «Моё прошлое» (1998) и др. Дальний Восток в произведениях писателя – это край со снежными заносами и тёмными сопками, белизной пены водопадов и синей далью моря, запахами рыбы и морской капусты, огнями пирса и крупными звёздами на небе.

«Большое» и «малое»

Историческое прошлое Сахалина и его действительность нового времени переплетаются в ранних книгах Анатолия Кима с яркими и запоминающимися историями людей разных национальностей – корейцев, русских, японцев, цыган, грузин, армян, румын, болгар и представителей других национальностей. Поэтому и мир прозы писателя охватывает значительное географическое пространство, в которое одновременно включены и города бывшего Советского Союза (Москва, Ленинград, Гомель, Ташкент, Одесса, Владивосток), и страны Дальнего Востока (северные и южные уезды Кореи, Япония, Маньчжурия, Китай), а также маленькие российские и зарубежные поселения, «безвестные окраины». По представлению героев Анатолия Кима, соотношение «большого» и «малого», «столичного» и «провинциального» своеобразно и иногда не совпадает с собственно географическими константами.

Так, например, в рассказе «Барбарис» несостоявшийся детский поэт Гриневиц покидает шумную столицу и возвращается на Сахалин – остров прежних и беззаботных воспоминаний. «Деревянный отцовский дом» на Сахалине, «тихая улица Нахимова» становятся для героя тем местом, в котором сосредоточено пространство всего «большого» мира, сужаемого до кустов заветных для детей ягод барбариса. Именно малая родина, «зелёный» и «туманный» Сахалин

²⁷⁶ Ким, А. А. Невеста моря / А. А. Ким // Голубой остров. – М., 1976. – С. 81.

становятся для Гриневича точкой формирования нравственных ценностей, востребованных в зрелом возрасте. Эмоциональное постижение жизни героем оказывается несопоставимым с фактическим представлением о «большом» и «малом». Отчий дом для Гриневича воспринимается моделью «большого» мира, лишённого столичной пресыщенности и неискренности.

Таким же «большим» и значимым до кульминационного поворота является Сахалин и для только входящего во взрослую жизнь Мансама из «Сыновнего суда». В одночасье оставшийся без родителей, герой проделывает длинный путь с Сахалина до «небольшого узбекского городка», но в итоге вновь возвращается на остров, где ещё жива память о его отце, где нуждается в его помощи малолетняя сестра. Однако представление о «большом» мире в сознании Мансама меняется в тот момент, когда корейская коммуна решает вопрос о том, кто из молодых соотечественников сможет получить образование в университете. Семейные несчастья Мансама оборачиваются для него возможностью жить в настоящем городе и как-то изменить свою судьбу.

В «Собирателях трав» один из героев говорит, что все люди в молодости «рвутся уехать из родных мест», тянутся к «столицам». Но искомым, лучшим местом жизни «может оказаться любой кусочек земли», даже «бугор, заросший лопухами», ведь именно там однажды может открыться «нечто огромное» и важное – то, что определяет смысл бытия. Для многих героев Анатолия Кима Сахалин и есть тот самый центр вселенной – «большой» мир, в котором вершится «удивительная сказка» человеческой жизни.

Книги писателя в Японии

В Японии книги Анатолия Кима представлены не так широко, как в других странах мира. В 1990-е годы в Японии работал профессор из Южной Кореи Цой Гонён, который изучал композицию и стилистику «Белки», а также философские размышления этого полифонического романа. Интересно, что первые страницы «Белки» связаны с эпизодическим упоминанием о Сахалине, а точнее – с описанием родительского дома писателя в селе Горнозаводском.

Первым произведением Кима на японском языке стал небольшой рассказ «Молния в городе», входящий в цикл «Прогулка по городу». Рассказ был переведён в 1990 году известным славистом Ясуем Рёхэем (род. 1935), который предложил это произведение слушателям радиокурса по изучению русского языка. Следующей книгой стала «Белка», опубликованная в Японии в декабре 2000 года. Переводчицей этого романа выступила Арига Юко (род. 1957), в творческой биографии которой есть и переводы произведений японских драматургов на русский язык. В 2010 году в токийском издательстве «Гундзося» планировалось издание сборника «Голубой остров» в переводе Судзуки Такаси. Однако в силу разных причин публикация этого перевода ещё не состоялась.

В 1994 году Анатолий Ким вместе с семьёй посетил Японию, где прочитал публичную лекцию в Софийском университете. Арига Юко считает, что именно эта поездка писателя вдохновила его на создание романа-мистери «Сбор грибов под музыку Баха» (1998), одним из прототипов которого возможно стал переводчик «Голубого острова» Судзуки Такаси.

«Мечь» по-корейски

По мотивам произведений Анатолия Кима снято несколько фильмов – «Сестра моя Люся» (1985), «Выйти из леса на поляну» (1987) и др. «Сахалинская» фильмография Анатолия Кима связана с кинокартиной «Мечь», в 1989 году созданной на киностудии «Казахфильм» режиссёром Еркеком Бектасовичем Шинарбаевым (род. 1953). Сюжетную канву этого фильма составили три рассказа, опубликованные в сборнике Анатолия Кима «Голубой остров»: «Мечь», «Невеста Моря» и «Сезонники». Внимание писателя в «Мечи» сосредоточено на истории одной корейской семьи, в одночасье лишённой своей маленькой дочери. Душевные терзания Сунгу (главного героя рассказа и фильма) приводят однажды его на Курильские острова, а потом и на Сахалин. Именно на Сахалине суждено было осуществиться страшной и затаённой мечте Сунгу – отмщению за насильственную смерть своей сестры из рода Цай корейскому учителю Яну.

Рис. 38. Кинофильм Е. Б. Шинарбаева «Мечь» по сценарию А. А. Кима

Ключевые фрагменты фильма «Мечь» снимались на сахалинском побережье Татарского пролива, в районе современного села Горнозаводского, в котором когда-то жил Анатолий Ким и в котором были найдены основные сюжеты его увлекательных повествований об островной корейской диаспоре. Именно сахалинская действительность породила в художественном создании писателя запоминающиеся образы героев рассказов и фильма. Сахалинский колорит отчасти отражается и во вставках на корейском языке, на котором говорят герои в заключительных эпизодах кинокартины Шинарбаева.

Летом 2013 года российский режиссёр Павел Григорьевич Чухрай (род. 1946) на сахалинском кинофестивале «На краю света» презентовал идею нового фильма «Мечь» по произведениям Анатолия Кима. Планируется, что фильм с участием южнокорейской стороны в лице её кинопродюсера Ли Джун Ика (род. 1957) будет сниматься на Сахалине.

Литература: Иконникова, Е. А. «Моя родина – русский язык». Интервью с переводчицей Анатолия Кима Юко Арига / Е. А. Иконникова, Т. К. Павлова // *Азия и Африка сегодня*. – 2011. – № 4. – С. 49–52 ; Павлова, Т. К. Этническая картина Дальнего Востока в прозе А. Кима 1970-х гг. / Т. К. Павлова // *Россия и АТР*. – 2012. – № 1. – С. 79–84 ; Павлова, Т. К. Восточные перцепции в ранней прозе Анатолия Кима / Т. К. Павлова // *Восток / Oriens: Афро-Азиатские общества: история и современность*. – 2012. – № 5. – С. 131–136 ; и др.

Е. А. Иконникова

2.6. Сахалин в книгах писателей СССР

Книги Олесь Донченко

Украинский писатель и поэт Олесь (Александр) Владимирович Донченко (1902–1954) родился в селе Большие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье учителя. Донченко писал на протяжении всей своей жизни. В начале 1930-х годов им были опубликованы повести и романы об индустриализации страны – «Две весны» (1931), «Звёздная крепость» (1933, русский пер. 1934), «Море отступает» (1934), «Семья Мартыновых» (1934) и др. Значительный вклад писатель внёс в развитие украинской прозы для детей и юношества. Донченко издал более ста книг для юных читателей. Наибольшей популярностью пользуются такие книги, как «Родина» (1936), «Школа над морем» (1937, русский пер. 1940), «Лукия» (1939), «Сердце беркута» (1944), «Повесть о новом доме» (1946, русский пер. 1958), «Заветное слово» (1948), «Лесничиха» (1945, русский пер. 1950) и мн. др. Значительная часть произведений писателя переведена на русский язык. В наследии писателя обнаруживается и книга «Карафутто» (1940), многократно издававшаяся на украинском языке, но неизвестная русским читателям.

«Миша Корольков» и «Карафутто»

События приключенческой повести «Карафутто», предназначенной в первую очередь школьникам средних и старших классов, разворачиваются на южной части Сахалина в период юрисдикции Японии. Интерес украинского писателя к Карафутто объяснялся прежде всего политическими причинами: в год публикации книги Сахалин ещё был разделен на советскую и японскую территории. За два года до появления «Карафутто» была написана поэма С. В. Михалкова (1913–2009) «Миша Корольков» (1938). По сюжету пионер Миша Корольков на советском пароходе плывет с Сахалина во Владивосток к своему отцу. Пароход попадает в шторм, и его прибивает к японским берегам. Команда и пассажиры оказываются в руках японцев, которые пытаются склонить мальчика к предательству. Невзирая на уговоры японского полковника, не соблазнившись конфетами, школьник не соглашается отвечать на каверзные вопросы. Стойкость и патриотизм мальчика оказываются вознаграждёнными. Донченко мог сознательно использовать для своей повести сюжетную канву «Миши Королькова», чтобы быть уверенным в «правильности» будущей повести. Исходя из идеологических соображений советского времени²⁷⁷, книга Донченко должна была показать силу и характер советских людей, в особенности подрастающего поколения.

В «Карафутто» семнадцатилетний Володя вместе со своим отцом, известным советским учёным-геологом, на «Сибиряке» отправляется в экспедицию из Владивостока на Северный Сахалин, чтобы описать глухие места сахалинской тайги, а также найти месторождения золота. Неожиданно налетевший

²⁷⁷ Марченко, Н. «Справжня людина», антураж часу та вічні істини / Н. Марченко. – Ключ. – 2010. – 25 червня // <http://www.chl.kiev.ua/key/Books/ShowBook/3>

Рис. 39. Книга О. В. Донченко «Карафутто»

тайфун мешает планам путешественников – случается кораблекрушение, но Володе с отцом удаётся спастись, и они оказываются на Карафутто. Начальник полицейской управы Инаба Куронума и его русский переводчик Лихолетов угрозами и издевательствами сначала пытаются склонить учёного к принятию японского подданства, а затем стараются выведать у него необходимую информацию. После того как отца и сына, которые отказываются давать какие-либо сведения о своей стране, разлучают и заключают под стражу, Володе удаётся бежать. На пути до границы, проходившей по 50-й параллели острова, мальчика ждут необычные приключения: он сталкивается с оборотнем-белогвардейцем, попадает в подпольную военную лабораторию, где ставят опыты над животными и людьми; некоторое время Володя работает на пиратской

шпионской шхуне, а в конце повести встречается с искателями золотоносного песка. Наконец, разоблачив ряд заговоров, отыскав месторождение золота, юноша возвращается домой, где его ждёт мама и возлюбленная Инга.

В сюжетной канве «Карафутто» Донченко ситуация с Володей почти идентична тем приключениям, которые испытал Миша Корольков. И если стихотворное пространство поэмы С. В. Михалкова было несколько ограничено, то жанр «Карафутто» позволял развернуть череду испытаний, которые выпали на долю героя, оказавшегося в неизвестном ему месте.

Сахалин и его золотые россыпи

Сахалин, а точнее, его южная часть, выступает прежде всего фоном повествования, который помогает раскрыть характер главного героя. Остров с суровой природой, часть которого принадлежит другой стране, наиболее удачно подходит для того, чтобы на нём развернулись приключения. О том, что герои отправляются на Сахалин из Владивостока, читатели узнают по названию географических объектов: «Всходило солнце, и далёкие скалистые берега острова Аскольд дрожали в розовых бурунах. <...> Туман рвался, как паутина, и его белые клочья – легкие, как тучки, таяли над Золотым Рогом²⁷⁸»²⁷⁹. Сахалин же активно обсуждается героями уже в самом начале повести: «Несколько членов экспедиции курили, громко разговаривали и, прихлебывая чай, водили по карте от точки к точке карандашами. Низенький и толстый врач поминутно тыкал коротким пальцем в карту и простуженным, хриплым голосом спрашивал:

²⁷⁸ Аскольд – остров в заливе Петра Великого Японского моря, в 50 км к юго-востоку от Владивостока и в 40 км к западу от Находки; Золотой Рог – бухта в заливе Петра Великого Японского моря.

²⁷⁹ Донченко, О. В. Карафутто // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста / О. В. Донченко. – К. : Молодь, 1990. – С. 259–260 (на укр. яз.). Здесь и далее по тексту перевод с украинского языка сделан А. С. Никоновой.

– А здесь что? Что здесь, скажите мне? Тайга? Прекрасно... Но я хочу знать топографию местности. Есть здесь горы? Река? Болото? Вулкан? Смешно говорить – это белое пятно!

– Да, нога человеческая не ступала, – загудел громopodobным басом высокий геолог. – Конандойлевский затерянный мир, не иначе!

– Я не говорю этого, – бегал вокруг стола низенький врач. – Здесь не раз ступала нога охотника, здесь проходили и бродяги, и бывшие беглецы-каторжане, но на карту ничего не нанесено. Нельзя верить этой карте²⁸⁰.

Рассматривая карту, герои не обходят стороной и необычную форму острова: «Володя взял в руки карту Сахалина и сейчас же весело ответил:

– Рыба! Настоящая рыба!

– К тому же очень вкусная. Очень напоминает осётра. Два полуострова – Ноторо и Сирэтоко – это, бесспорно, концовка хвоста, две лопасти хвостового плавника. Ну, а залив Тарайка образует ещё один плавник²⁸¹.

– Хвост – это японский Карафутто, – отметил геолог. – Вы должны это изучать в школе.

– А это значит, что именно этот японский хвост наш «Сибиряк» должен обойти. Как известно, у каждой твари голова всегда была важнее, чем хвост»²⁸².

Про золотые россыпи, за которыми отправляются искатели, начальник экспедиции узнаёт из дневника, в нём записана тайна крестьянина-бедняка Рыгора Древетняка²⁸³, на десять лет сосланного на Сахалинскую каторгу. Рыгор, проработав два года на руднике, бежит в тайгу, где находит золотые самородки весом по полтора фунта. Но героя ловят и начинают допрашивать о местонахождении самородков. После допроса Рыгор знакомится с генерал-губернатором острова:

«Генерал-губернатор закурил ароматную сигарету и ласково заговорил:

<...> Ты слышал мои условия: укажи место – и я даю слово, что...

– Я уже слышал, ваше благородие, ваши условия. А теперь послушайте мои. Я вам покажу место, где я нашёл золото. Там его столько – гребни руками, пока поясница не заболит. Да и показывать не надо, только скажу, и то найдете, хотя добраться туда – трижды можно дуба дать. Ну, вот. А за это – не мне одному волю дайте, а всему острову Сахалин!..»²⁸⁴.

Только перед смертью Рыгор решается открыть свою тайну и указать точное место, где он нашёл золотые россыпи. Отец Володи подвергает сомнению тайну Рыгора, однако в конце повести выясняется, что золотые россыпи действительно существуют: «В таёжной лачуге советские пограничники нашли двадцать килограммов самородков и золотого песка, его намыли японские бандиты на тех самых золотых россыпях у верховьев Ганзы, которые когда-то нашёл в тайге Рыгор Древетняк»²⁸⁵.

²⁸⁰ Донченко, О. В. – С. 261.

²⁸¹ Здесь использованы японские географические названия, в настоящее время: Ноторо – посёлок Кириллово, Сирэтоко – посёлок Новиково, залив Тарайка – залив Терпения.

²⁸² Донченко, О. В. – С. 262.

²⁸³ Имя Рыгор – белорусское, аналог русского имени Григорий; фамилия Древетняк имеет украинские корни.

²⁸⁴ Донченко, О. В. – С. 270–271.

²⁸⁵ Там же. – С. 465–466.

Примечательной особенностью повести становится то, что в ней довольно чётко прослеживается политическая направленность. Многие положительно настроенные к Володе герои, готовые всякий раз прийти ему на помощь, выступают на его стороне только потому, что он является большевиком. Но, несмотря на политическую и идеологическую составляющие, писателю удаётся не только показать характер главного героя, который проходит через множество испытаний, но также воссоздать образ Сахалина японского периода. Несмотря на то, что художественная литература не претендует на достоверность изображаемых событий, создаваемый в произведении образ Карафуты позволяет судить о событиях описываемого времени и особенностях японской культуры.

А. С. Никонова

«Пегий пёс, бегущий краем моря»: посвящение, сюжет, герои

Творчество Чингиза Торекуловича Айтматова (1928–2008) не нуждается в особом представлении. Книги писателя широко известны во всём мире. Айтматов писал на двух языках – русском и киргизском, но большая часть любимых читателей произведений написана по-русски. На русском языке представлена и повесть «Пегий пёс, бегущий краем моря» (1977). Она была написана за короткий промежуток времени – с декабря 1976 по январь 1977 года. Над повестью писатель работал в небольшом киргизском селе Байтик. В этом же селе была написана и повесть «Ранние журавли» (1975), вошедшая в книгу первой публикации «Пегого пса, бегущего краем моря» в издательстве «Советский писатель» в 1977 году. Основному тексту этой истории предшествует лаконичное посвящение – «Владимиру Санги». Сюжет повести был подсказан писателем и поэтом В. М. Санги (род. 1935), рассказавшим Айтматову историю о нивхском мальчике и его взрослых спутниках. Оказавшиеся в открытом море и не имеющие никаких ориентиров, нивхские охотники, двигаясь на лодке вслед за пролетающей птицей, смогли по истечении нескольких дней вернуться домой. Однако эта реальная история в художественном воспроизведении Айтматова претерпела сильные изменения.

В повести Айтматова отчётливо представлены две пересекающиеся по сюжету тематические линии – мифологическая и фактическая (событийная, реальная). В мифологической истории рассказывается об утке Лувр, сотворившей землю, и о Великой женщине Рыбе – прародительнице нивхов. В фактической части повествуется о первом выходе в море мальчика Кирикса с опытными охотниками – стариком Органом, дядей Мылгуном и отцом Эмрайином.

Путешествуя в поисках добычи от одного маленького острова к другому, мужчины попадают в густой, плотный туман, который длится несколько дней. Герои отчаиваются: они не могут вернуться домой, бескрайнее «пустынное море» не даёт им шансов на спасение. Положение охотников усугубляется отсутствием питьевой воды. Жажда, неизвестность и ощущение безысходности толкают мужчин на добровольную смерть – смерть во имя спасения Кирикса. Один за другим близкие мальчику люди находят покой в морских волнах: последние глотки оставшейся воды должны достаться мальчику – продолжателю рода.

Топонимика повести

Повесть Айтматова, как кажется на первый взгляд, не связана с Сахалином. Название острова ни разу не возникает на всём протяжении текста. Главные герои этой повести – нивхи. И хотя они по преимуществу проживают не только на севере Сахалина, но и у устья реки Амур, вдумчивые читатели обязательно представят себе островную природу и кормящее нивхов Охотское море: «В непроглядной насыщенной летучей влагой и холодом приморской ночи, на всём протяжении Охотского побережья, по всему фронту суши и моря шла извечная, неукротимая борьба двух стихий – суша препятствовала движению моря, море не уставало наступать на сушу.

Гудело и маялось море во тьме, набегая и расшибаясь на утёсах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменно твёрдая земля.

И вот так они в противоборстве от сотворения – с тех пор как день зачался днём, а ночь зачалась ночью, и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земля и вода в нескончаемом времени»²⁸⁶.

«Охотское побережье» – это единственный, связанный с фактическим присутствием в географии Дальнего Востока топоним всей повести. Иные географические названия повести Айтматова созданы воображением писателя. Пегим псом называется скалистая сопка, похожая на бегущую вдоль моря собаку. Эта сопка служит нивхским рыбакам верным ориентиром для возвращения домой. Олицетворенный Пегий пёс несокрушим и всесилен, он символ жизни, часть родного очага, к которому постоянно устремляются возвращающиеся с охоты мужчины.

«Необитаемые, крохотные скальные островки» – Три сосца: Малый, Средний, Большой – это «три клочка суши», неизменно кормящие нивхские семьи, «три клочка суши», обеспечивающие не только сытной едой, но и отдыхом посреди бескрайнего моря. Пегий пёс и Три сосца в представлении нивхов – земля, на которой они чувствуют себя намного увереннее, чем в море, расширяющемся и уходящем в сторону непостижимого океана.

Сахалинская легенда в прозе и стихах

Мифологическая линия повести «Пегий пёс, бегущий краем моря» разворачивается раньше, чем читатели получают представление о фактических действиях героев. «С криком летала утка Лувр – боялась, не удержит, боялась, уронит яйцо в пучину бездонную. И куда бы ни отправлялась утка Лувр, куда бы ни долетала она – везде и повсюду плескались под крыльями волны, кругом лежала великая Вода – вода без берегов, без начала, без конца. Извелась утка Лувр, убедилась: в целом свете не было места, где бы устроить гнездо. И тогда утка Лувр села на воду, надергала перьев из своей груди и свила гнездо. Вот с того-то гнезда плавучего и начала земля образовываться. Мало-помалу разрасталась земля, мало-помалу заселялась земля тварями разными. А человек всех превзошёл среди них – приноровился по снегу ходить на лыжах, по воде

²⁸⁶ Айтматов, Чингиз. Пегий пёс, бегущий краем моря. Ранние журавли : повести / Чингиз Айтматов. – М., 1977. – С. 5.

плавать на лодке. Стал он зверя добывать, стал он рыбу ловить, тем кормился и род умножал свой»²⁸⁷. Так звучит один из фрагментов предания сахалинских нивхов о происхождении земли «Ых-миф» – родины нивхского народа. Спустя более чем десять лет это и другие описания древних преданий, собранных В. М. Санги, благодаря русским переводчикам и поэтам (М. Д. Яснову, А. С. Ткаченко, Н. А. Тарасову, Л. С. Токареву и др.) будут представлены в стихотворной форме.

Санги долгое время работал над расшифровкой магнитофонных записей сказителей нивхского народа – знаменитой певицы Хыткук из Ноглик, своей матери Полдох и других хранителей старины. Записанные на бумагу сказания и предания древнего северного народа легли в основу эпической поэмы «Песнь о нивхах», опубликованной в Москве в 1989 году. Первая часть «Песни о нивхах» открывается с предания рода Кевонгов «С чего началась земля»:

*...И время ей пришлось нестись,
Но на воду – нельзя,
Ведь яйца тяжелей воды –
Потонут в тот же миг.
Тут выщипала утка-лувр
Из грудки мягкий пух,
Прибавив пёрышек пучок,
Свила себе гнездо.
Снесла яички утка-лувр
В плавучее гнездо.
И вылупились из яиц
Пушистые птенцы.
Комочки серые, резвясь,
Поплыли по воде.
И скоро выросли они
В больших и сильных птиц.*
(Пер. Олега Юрьева)

«Пегий пёс, бегущий краем моря» на Сахалине и за его пределами

Повесть нашла своих читателей не только в СССР. «Пегий пёс, бегущий краем моря» переводился в Италии (1980), Испании (1985), Германии (1989), Англии (1990) и других странах. Книга Айтматова продолжила свою жизнь в экранизации и инсценировках.

Кареном Саркисовичем Геворкяном (род. 1941) был снят фильм «Пегий пёс, бегущий краем моря» (1990) по одноимённой повести Айтматова. В фильме, разделенном на две композиционные части, рассказывается о нивхах, обитающих на берегу Охотского моря. В первой части главное действие сосредоточено на представлении обыденной жизни нивхов. Вторая часть основана на сюжетном

²⁸⁷ Айтматов, Чингиз. – С. 6.

*Рис. 40. Кинофильм
К. С. Геворкяна «Пе-
гий пёс, бегущий краем
моря» по книге Ч. Т.
Айтматова*

движении повести Айтматова. Магистральное событие второй половины фильма разворачивается в безграничном море, затянутом густым туманом. Эта часть является логичным продолжением первой. На земле нивхи ежедневно борются за своё существование в условиях безжалостной дикой природы. Маленький, но стойкий народ научается жить в гармонии с естественными началами жизни. Однако в морских водах при неблагоприятном стечении обстоятельств люди оказываются бессильны. Окружённые со всех сторон солёными волнами, герои умирают от недостатка пресной воды. Для ещё не повзрослевшего Кириска первый выход в море становится страшным испытанием: мальчик теряет вначале дедушку, затем дядю и, наконец, отца. Зрелые мужчины жертвуют своим будущим ради продолжения настоящего. Киrisk обязан вернуться к семье, к своей матери, он должен стать сильным охотником, ему необходимо продлить род. Физически и эмоцио-

нально обессиленный Киrisk в финале фильма видит Пегого пса, бегущего краем моря и показывающего желанную дорогу домой – из морской безграничности на обжитую землю, к семейному очагу, своему народу.

Судьба фильма К. С. Геворкяна была непростой: запущенная в производство на киностудии «Ленфильм» в 1978 году кинокартина была остановлена решением художественного совета. Потребовались большие усилия, чтобы такой необычный фильм, с обилием этнографического материала с документальной частью, предшествующей художественному повествованию, был завершён на киностудии им. Александра Довженко.

В дальнейшем фильм был удостоен нескольких премий, в том числе главного приза «Кинотавра» в номинации «Фильмы для избранных», и призов XVII Московского международного кинофестиваля. Разные эпизоды фильма снимались на Сахалине (на полуострове Шмидта, который нивхи именуют Миф-тёнгром – «головой земли») и на Курильских островах. Наряду с профессиональными актёрами были задействованы и сахалинские нивхи, которые выступили как в основных ролях, так и в эпизодических (например, В. П. Анаф, А. В. Каутина и др.). Озвучивание фильма происходило на Украине. Герои фильма говорят на нивхском языке, а закадровый перевод помогает русским зрителям понять содержание происходящего. Но самые напряжённые сцены даны как немые.

Повесть Айтматова была инсценирована в Якутии под названием «Желанный голубой берег мой» (1982, постановка Андрея Саввича Борисова) и шла несколько сезонов. Айтматов присутствовал на одном из показов спектакля в 1985 году. С музыкальным сопровождением прошла инсценировка «Пегий пёс, бегущий краем моря» в Чите (2012, постановка Сергея Борисовича Жаркова). Показу спектакля в 82-м театральном сезоне предшествовала годовая работа по изучению культуры нивхов. Аналогичная инсценировка состоялась и на Сахалине (2013, постановка Даниила Александровича Безносова) в дни закрытия 82-го театрального сезона на острове. История спектакля началась, когда актеры театра, будучи в творческой экспедиции, в июле 2012 года посетили село Некрасовка

Охинского района Сахалинской области. Сохранённый почти целиком текст повести Айтматова в постановке проникнут духом нивхского народа – его самобытностью и эмоциональной напряжённостью, естественным страхом жизни перед смертью и готовностью пожертвовать собой ради спасения будущего.

Из Эстонии о Сахалине

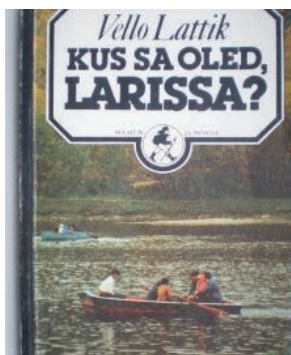

Рис. 41. Книга Велло Латтика «Где же ты, Лариса?»

Писатель, драматург, член Союза писателей Эстонии и Союза писателей России Велло Латтик (1935–2007) родился в Тарту (Эстония). В эстонской литературе он получил известность своими публицистическими работами, романами «Шесть человек хороших» (1979, русский пер. 1986), «Поцелуй в снег» (1981), «Оркестр» (1989), пьесой «Среди белого дня» (1989) и др. Некоторые из произведений писателя публиковались и в России. Так, в издательстве «Советский писатель» вышла книга Велло Латтика «Пастораль о платье в белый горошек» (1986). В 1980-е годы писатель находился в творческой командировке на Сахалине, а в 1988 году в Таллинне на эстонском языке был издан его сахалинский дневник «Где же ты, Лариса?» (1988).

В международном журнале русских литераторов «Балтика» в 2005 году Велло Латтик в зарисовке «Далёкий близкий Сахалин» так вспоминал время, проведённое на Сахалине: «...когда я учился в Москве в Литературном институте им. М. Горького, после первого курса дали нам месячную творческую стипендию и бесплатный билет в любую точку в пределах границ тогдашнего Советского Союза. С эстонской жадностью я избрал самое отдалённое место – остров Сахалин. Восемь часов полёта и приземление в месте пребывания с тем, чтобы до самой смерти сердцем прикипеть к тому дальнему краю и к его милым обитателям. Моим неизменным провожатым, другом и даже более стала преподаватель единственного тамошнего вуза Лариса. С щедростью исконно русского человека она делилась со мной всем. Уже потом, когда я вновь приехал на остров, чтобы прожить на нём почти год и написать книгу о Сахалине в серии „Мир и Прочее“, я избрал названием книги „Где же ты, Лариса?“»²⁸⁸.

Прототипом книги эстонского писателя стала литературовед и поэт Лариса Владимировна Дорофеева (род. 1941). Жил и работал Велло Латтик в городе Вильянди (Эстония). Посвящённая Сахалину книга писателя на русский язык не переведена.

Е. А. Иконникова

²⁸⁸ Латтик, Велло. Далёкий близкий Сахалин / Велло Латтик // Балтика. – 2005. – № 3. – Режим доступа : <http://www.baltwillinfo.com/baltika/205/b14.htm>

Глава 3. Сахалин и Курильские острова в зарубежной литературе

3.1. Сахалин и Курильские острова в европейской литературе

От К. Я. Куна до Ж. Верна

Мореплаватели и путешественники из Западной Европы начали активно осваивать Тихий океан ещё в XVII–XVIII веках. Большая часть работ (самого разного характера – карт, инструкций, бортовых хроник, отчётов, писем и др.) не имела широкой читательской аудитории и была ориентирована исключительно на узкий круг специалистов, интересовавшихся морской проблематикой. Отдельная часть таких материалов обладала публицистической ценностью, но основное назначение такой литературы сводилось к информированию потенциальных путешественников о том, что представляет собой островная часть Дальнего Востока.

Одной из первых, наиболее полных зарубежных книг с упоминанием о Курильских островах считается бортовой журнал старшего штурмана «Кастрикума» Корнелиса Янсона Куна – члена голландской экспедиции, возглавляемой мореплавателем и картографом Маартеном Герритсеном Фрисом (1589–1646) в 1643 году. «Дальневосточная» часть журнала Куна охватывает около полутора месяцев с ежедневными записями от 13 июня до 31 июля 1643 года с обязательными погодными наблюдениями.

Хроники о Курильских островах можно найти и в четырёхтомной книге французского мореплавателя «Путешествие вокруг света Лаперуза» (1797) Ж.-Ф. де Гало де Лаперуза (1741–1788). Дневник, инструкции, письма и отчёты участников экспедиции, составленные писателем и членом экспедиции Лаперуза Бартеlemi де Лессепсом (1766–1834), были переведены на разные европейские языки, в том числе фрагментарно и на русский язык в 1880 году. Об этой книге мореплавателя Михаил Станиславович Высоков пишет следующее: «Обо всех открытиях, сделанных французской экспедицией, мы знаем в значительной степени благодаря дневнику, который Лаперуз вёл буквально с первого до последнего дня. Сам дневник, вероятно всего, погиб вместе с его автором. Однако в ходе экспедиции Лаперуз трижды имел возможность вместе с письмами, картами и рисунками переправить во Францию собственноручно переписанные копии своих дневниковых записей. После исчезновения Лаперуза именно они стали основным свидетелем тех многочисленных открытий, которые были сделаны французскими моряками в Тихом океане»²⁸⁹.

Не менее интересные наблюдения о Сахалине и Курильских островах обнаруживаются в работе британского мореплавателя Уильяма Роберта Броутона (1762–1821). Свои впечатления об экспедиции 1796–1797 годов на шлюпе «Провиденс» путешественник отразил в книге «Путешествие в Северный Тихий океан, в ходе которого берега Азии от 35 до 52 параллели, берег Инсу

²⁸⁹ Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток – Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. – С. 41.

(более известный как земля Иезо), северный, южный и восточный берег Японии, Ляочао и прилегающие к ним острова, равно как и берега Кореи, были исследованы и описаны на шлюпе его величества „Провиденс“ и его тендере в 1795, 1796, 1797, 1798 годах» (1804). Книга У.-Р. Броутона, равно как и произведения других европейских путешественников, были известны Чехову в период подготовки к поездке на Сахалин.

Физико-географическая картина Курильских островов, а вместе с ним этнографическое описание айнов, имеется в работах английского зверопромышленника Генри Джеймса Сноу (1848–1915), бороздившего просторы Тихого океана в 1870–1890-х годах. Дальний Восток изображён Г.-Дж. Сноу в «Заметках о Курильских островах» (1897) и «В запретных морях» (1910). Обе эти книги, работа над которыми была начата путешественником по просьбе его друзей, были изданы в Лондоне.

Одновременно с записками и отчётами западноевропейских мореплавателей увлекательные рассказы (от эпизодических упоминаний до развернутых описаний) обнаруживаются и в популярной художественной литературе. Так, например, французский географ и писатель Жюль Верн (1828–1905) увлекательно рассказывал о путешествии Лаперуза к Курильским островам в своей книге «История великих путешествий и великих путешественников» (1880). Примечательно, что действие многих книг этого популярного в XIX веке писателя разворачивается в России, в которой Жюль Верн так никогда и не побывал.

Однако в западноевропейской литературе XVII–XIX веков образы Сахалина и Курильских островов описываются чаще всего эпизодически и значительно уступают тому объёму художественной и публицистической литературы, которая была создана главным образом на русском языке. При этом есть и небольшие исключения в лице Б.-Д. Ховарда, Ч.-Г. Хоуза, П. Лаббе, А. Кейзерлинга и других авторов.

Американский доктор о Сахалине и айнах

Американский хирург Бенджамин Дуглас Ховард (1836–1900) интересовался пенитенциарной системой как у себя на родине в США, так и в других странах. Для изучения мирового тюремно-каторжного опыта Ховард совершил несколько путешествий. Побывал в Великобритании, Германии и Италии, познакомился с Индией, Цейлоном, Монголией, Китаем, Кореей и Японией. В июле 1890 года Ховард, встретившись со зрителем Корсаковской тюрьмы Виктором Васильевичем Шелькингом (1847 – ?) во Владивостоке, отправился на Сахалин. Фотографии и письменные свидетельства пребывания Ховарда на Сахалине были утеряны. По признанию Ховарда, его багаж остался на утонувшем японском корабле, на котором путешественник отплыл с Сахалина на Хоккайдо. Самому Ховарду и нескольким его спутникам чудом удалось спастись во время шторма около мыса Крильон.

Знакомство путешественника с Сахалином воплотилось в двух книгах: в лондонском издании «Жизнь среди сибирских дикарей» (1893, русский пер. 2007) и в нью-йоркской книге «Узники России. Частное изучение жизни каторжников Сахалина и Сибири» (1902, русский пер. 2007). Основанные на

передаче наблюдений и впечатлений две книги Ховарда написаны ярким, увлекательным языком. И это не случайно. Автор ориентировался, по его собственным словам, на «массового читателя», а не только на «учёных-специалистов»²⁹⁰.

Ховард пытался охватить многие сферы жизнедеятельности острова, но в первую очередь обращал внимание на то, чем питаются и занимаются каторжане, как решаются на острове брачные вопросы (не только среди каторжан, но и у айнов – достаточно вспомнить, например, случай о попытке айнов женить Ховарда на одной из местных красавиц). Размышлял автор о религиозной жизни сахалинцев, о возможности перевоспитания преступников, о сахалинских животных (помогающих людям или задеиствованных в культовых ритуалах) и, конечно же, сравнивал англо-американскую каторгу с российской.

Описывая «репутацию острова Сахалин», Ховард замечал: «После моего возвращения в Европу я не смог найти ни одной книги на любом языке, в которой рассказывалось бы о повседневной жизни чиновников, ссыльных и заключённых острова Сахалин, увиденной глазами автора»²⁹¹. Ховард убеждён в том, что он один из первых людей, перед которым раскрылся каторжный остров. Доктор писал, что, по его сведениям, на Сахалин «не удалось до сих пор ступить ногой не только иностранцу, но и любому другому путешественнику»²⁹².

Несмотря на повествовательную яркость, жизнь произведений Ховарда оказалась недолговечной. Сегодня работы Ховарда интересны прежде всего специалистам в области истории и этнографии.

Европейцы о каторге на Сахалине

Английский журналист и писатель Чарльз Генри Хоуз (1867–1943) называл себя «первым британским подданным, исследовавшим северные районы острова Сахалин»²⁹³. В молодости Хоуз занимался торговым бизнесом, а в 1890-е годы увлекся антропологическими изысканиями, совершив с этой целью несколько поездок за границу. В частности, Хоуз участвовал в археологических раскопках, осуществляемых его супругой Хэрриэт Бойд на острове Крит. В сентябре 1901 года журналист прибыл в пост Александровский. В связи с прекращением навигации Хоуз изменил первоначальный план путешествия, отказавшись от поездки к айнам, и сосредоточился на знакомстве с сахалинскими нивхами и

²⁹⁰ Ховард, Б. Узники России. Жизнь среди сибирских дикарей / Б. Ховард ; вступ. статья И. А. Самарина ; пер. с англ. В. В. Переславцева. – Южно-Сахалинск, 2007. – С. 342.

²⁹¹ Там же. – С. 82.

²⁹² Там же. – С. 342.

²⁹³ Хоуз, Чарльз Генри. На восточной окраине. Отчёт о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию. С иллюстрациями и картами / Генри Хоуз Чарльз ; пер. с англ. В. В. Переславцева. – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 15.

каторжным бытом поселенцев. Четыре месяца журналист провёл на Сахалине: собирал материал, делал рисунки, составлял карты, фотографировал.

Вернувшись на родину, он опубликовал статью о Сахалинской каторге «Остров убийц» (март, 1903), а затем книгу «На восточной окраине. Отчёт о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию» (1904, русский пер. 2003). Иллюстрированная картами и фотографиями книга «На восточной окраине...» состоит из двадцати трёх объёмных частей с добавлением к ним небольшого глоссария из нивхских (в тексте – гиляцких) и айнских слов.

Собственно «сахалинский» материал книги уместился между шестой частью «Острова Сахалин» и двадцатой частью «От Сахалина до Владивостока». Подзаголовки к четырнадцати частям из книги позволяют проследить и маршруты передвижения писателя, и топонимику Сахалина в самом начале XX столетия: Александровск, село Славы (в тексте – Славо), село Адо-Тымово (в тексте – Адо-Тыми), залив Чайво, лагуна Ныйво и др. В своей книге Хоуз даёт предельно развернутые описания сахалинской природы и людей, живущих на острове. В поле зрения автора книги попадают и каторжники, и местная администрация, и «инородцы», и немногочисленные иностранцы.

Много путешествовавший по России член Французского географического общества Поль Лаббе (1867–1943) летом 1899 года на пароходе «Байкал» прибыл на Сахалин. Лаббе не был лишён литературного таланта: он писал статьи

в сибирскую газету «Восточное обозрение», активно интересуясь отдалёнными российскими провинциями, мог увлекательно рассказать об этом. Поездка на Сахалин увенчалась изданием в Париже книги Лаббе «Русская каторга: остров Сахалин» (1903). Новая европейская книга сразу же привлекла внимание русского писателя и переводчика Николая Акимовича Васина (? – 1933). И в этом же, 1903, году в Санкт-Петербурге была опубликована книга Лаббе с несколько изменённым названием – «Остров Сахалин: Путевые впечатления» (переизд. 2011). Перевод Н. А. Васина был дополнен фрагментами из «сахалинских» книг А. П. Чехова, В. М. Дорошевича, И. П. Миролюбова и мнениями других авторов, писавших о каторжном острове людей. Но используемое переводчиком название книги отсылало читателей прежде всего к уже известным авторам и их произведе-

Рис. 42. Русское издание книги Поля Лаббе «Остров Сахалин»

ниям, а именно: к чеховскому «Острову Сахалин» (1895), к серии сахалинских очерков Дорошевича и их книжной версии под одной обложкой «Сахалин» (1903) и к книге «Восемь лет на Сахалине» (1901) И. П. Миролюбова. Эти отсылки, видимо, потребовались переводчику для подтверждения впечатлений французского путешественника. При этом во второй половине книги, когда Лаббе описывал жизнь уйльта, нивхов (в тексте – ороков и гиляков соответственно), тунгусов или айнов, вставки из произведений русской литературы о каторге переводчиком уже не использовались.

Книга Лаббе очень подробна и обстоятельна. При этом писатель старался показать тот образ острова, который был незнаком обывателям. «Русские о Сахалине, – писал Лаббе в первой главе, – иначе не говорят, как с каким-то неопределённым ужасом, и все мои московские и петербургские друзья отсоветовали мне отправляться в дорогу. Однако я поехал»²⁹⁴.

Знакомство с Сахалином началось для французского путешественника с Александровского поста: «Берег состоит из больших чёрных, а иногда красноватых утёсов, рассечённых по всем направлениям; обвалы образовали многочисленные рифы, и весь берег казался величественным, печальным и диким; город выстроен амфитеатром у подножия высоких гор с голыми вершинами, и солнечные лучи, развалившиеся по нём во время моего приезда, придавали ему обманчивую красоту; над городом, в стороне, горел еловый лес»²⁹⁵.

Русское издание книги Лаббе было проиллюстрировано (около 50 иллюстраций, часть из которых была сделана Алексеем Александровичем фон Фрикеном) и содержало любопытные для российских читателей факты. Путешественник постарался с интересом представить островные тюрьмы, рассказать о социальном положении женщин на каторжном острове, описать айнские и нивхские обычаи (фольклор, верования, вступление в брак, праздник медведя, чествование охотников и др.). В отдельных частях книги Лаббе ощущается лёгкая ирония над существующими нравами и общей административной системой на острове. Французский учёный писал: «...на Сахалине есть телефон! Во всём чувствуется недостаток, а телефон есть!»²⁹⁶.

В отличие от Хоуза, Лаббе не пользовался услугами переводчика во время путешествия по Сахалину. Лаббе неплохо говорил по-русски: об этом свидетельствуют не только современники путешественника, но и страницы о доверительных беседах с русскими каторжанами. Так, например, разговаривая с одним каторжником о его прошлом и заставив мужчину вспомнить о родных местах «Уфимской губернии», Лаббе отмечал, что каторжник, «произнося последние слова, <...> смутился, голос его сделался глухим и дрожащим, и вместо слова мать он употребил более нежное – мамаша!»²⁹⁷

Кроме собственно сахалинской книги, Лаббе принадлежат и другие издания, посвящённые России имперского периода, «Русские на Дальнем Востоке» (1904), «По великим дорогам России: между Уралом и Волгой» (1905). Но судьба самой ранней книги Лаббе «Русская каторга: остров Сахалин» оказалась непростой. В феврале 1904 года русское издание книги французского учёного было запрещено царской цензурой, так же как и ранее Московский цензурный комитет ограничил распространение «Сахалина» Дорошевича.

²⁹⁴ Лаббе, П. Остров Сахалин: Путевые впечатления. Перевод с французского с дополнением отзывов русских исследователей: А. П. Чехова, В. М. Дорошевича, И. П. Миролюбова и др. / П. Лаббе ; пер. Н. Васина. – М., 1903. – С. 18.

²⁹⁵ Там же. – С. 18–19.

²⁹⁶ Там же. – С. 178.

²⁹⁷ Там же. – С. 181.

Однако почти неизвестная в России книга Лаббе «Русская каторга: остров Сахалин» не прошла незамеченной для читателей других стран. В 1905 году она была переведена на английский язык.

«Воспоминания...» Альфреда Кейзерлинга

Интересные наблюдения на немецком языке о российских каторгах оставил Альфред Кейзерлинг (1861–1939) в «Воспоминаниях о русской службе» (1937, русский пер. 2001). Будучи чиновником особых поручений при приамурском генерал-губернаторе Андрее Николаевиче Корфе (1831–1893) в 1886–1891 годах, Кейзерлинг инспектировал амурскую каторгу, путешествовал не только по России, но и по дальневосточным странам. Так, в мемуарах Кейзерлинга обнаруживаются рассказы о российских каторгах и их знаменитых арестантах, о поездках в Монголию, Китай, Японию, этнографические сведения о разных народах Дальнего Востока и мн. др. По делам службы чиновник дважды (непродолжительное время) побывал на Сахалине. В «сахалинских» частях «Воспоминаний...» Кейзерлинг рассказал о своей дороге из Хабаровска до «Александровского поста», оставил подробное описание встречи с Карлом Христофоровичем Ландсбергом (1853–1909), ещё отбывавшим наказание за совершённое преступление, поделился мнением о своём непосредственном начальнике Корфе, которого сопровождал в поездке на Сахалин, Камчатку и Командорские острова. «Моё первое посещение острова оказалось очень непродолжительным, так как, выполнив поручение, я должен был возвращаться в Хабаровск»²⁹⁸, – так завершает Кейзерлинг свои впечатления от знакомства с Сахалином в небольшой главе «Каторжник Л.». Непродолжительным по времени был и второй визит Кейзерлинга на Сахалин. В главе «Сахалин и Камчатка» автор «Воспоминаний...» писал о том, что остров «производил вполне окультуренное впечатление – и постройками, и дорогами, и сельским хозяйством»²⁹⁹.

Правнук Кейзерлинга – адвокат Карл Экштайн (род. 1949), издавший русский перевод книги «Воспоминания о русской службе», в 2002 году побывал на Сахалине.

Е. А. Иконникова

Сахалин в восприятии протестантских и католических миссионеров

Упоминается Сахалин и в литературе протестантских миссионеров. Так, английский священник и путешественник Генри Лэндсделл (1841–1919) написал книгу «Через Сибирь» (1883). Будучи волонтером «Британского и иностранного библейского общества», Лэндсделл проехал по Сибири, Китаю и Индии. В

²⁹⁸ Кейзерлинг, Альфред. Воспоминания о русской службе / Альфред Кейзерлинг ; пер. с нем. – М., 2001. – С. 249.

²⁹⁹ Там же. – С. 265.

1879 году священник добрался до Николаевска-на-Амуре, но, не сумев посетить Сахалин, отправил на остров большое количество литературы. В изданной в Лондоне книге рассказывается о долгом путешествии Лэндсделла. Сахалину в этом повествовании была отведена только одна глава, в которой описывались географическое положение острова, климат, флора и фауна. Уделил внимание миссионер и населению Сахалина, привёл статистические данные, рассказал о разных видах деятельности каторжан, составил небольшое сравнение сибирских и британских тюрем.

Доктор философии немец Фридрих Вильгельм Бедекер (ок. 1823–1906), получивший разрешение от министерства юстиции Российской империи проповедовать и распространять библейские знания в тюрьмах Сибири, восемнадцать лет провёл в России. Бедекер в сопровождении российского евангельского христианина Ивана Вениаминовича Каргеля (1849–1937) в сентябре 1890 года проповедовал среди сахалинских каторжан в посту Александровском и Дуэ. Воспоминания о путешествии Бедекера и Каргеля в отдалённые уголки России вошли в книгу последнего «Между краёв земли среди братьев в цепях...» (1928). Книга была издана в Германии на немецком языке с посвящением одной главы Сахалину, точнее – описанию собраний с сахалинскими каторжниками и проведению проповедей среди них.

Интересный взгляд на Сахалин периода Карафуто изложен в книге Агнелия Коваржа (Агнелиуса Коварца) «Сахалин: остров одиночества» (1929), опубликованной в городе Бреслау (современное название – Вроцлав, Польша) на немецком языке. Автор книги миссионер-францисканец жил на Сахалине (1911–1931?). В работе содержатся ценный материал по истории католической миссии на Карафуто, описания миссионерских поездок по острову – от Маока (современный город Холмск Сахалинской области) и Отомари (современный город Корсаков Сахалинской области) до Александровска с рассказами о религиозном просвещении на местах.

Коварж считал отрицательными результаты российского присутствия на острове, одна из основных линий в его повествовании – тема «проклятого острова». Миссионер описывал жестокость сахалинских чиновников, бесправие арестантов, каторжные нравы и др. В общем содержании книги священника отражено знакомство с разными русскими источниками по Сахалинской каторге, в частности с книгой В. М. Дорошевича «Сахалин». Говоря об исключительных богатствах острова нефтью и углём, священник невысоко оценивал способность России к освоению природных недр.

Книга Коваржа одновременно содержит документальные факты и авторский вымысел. При этом влияние религиозных представлений автора и политической конъюнктуры позволяет увидеть, каким представлялся Сахалин жившему в Японии миссионеру-европейцу.

Н. В. Потапова

От Чехова к Сахалину

Поездка А. П. Чехова на Сахалин имела широкий резонанс не только в царской России, но и за рубежом. Переведённые на разные языки мира путевые записки А. П. Чехова «Остров Сахалин» продолжают давать знать о себе и в

XX столетии. Среди большого количества литературы, написанной по следам Чехова, можно назвать многие произведения.

Так, знаменитый ирландский писатель, поэт, переводчик лауреат Нобелевской премии (1995) Шеймас Джастин Хини (1939–2013) включил в свой сборник лирики «Остров покаянья» (1984) стихотворение «Чехов на Сахалине». Первая публикация этого стихотворения состоялась в 1981 году на страницах буклета театра «Филд дэй тиэтр» по случаю постановки «Трёх сестер» А. П. Чехова³⁰⁰. Пьеса «Три сестры» была переведена писателем и драматургом, знатоком творчества Чехова и Тургенева Брайеном Фрилом (род. 1929). Именно беседы между поэтом и переводчиком дали толчок для возникновения стихотворения «Чехов на Сахалине». Маршрут лирического героя Хини – это маршрут движения Чехова из Москвы на Сахалин: «Москва», «Сибирские пейзажи», «Байкал», «кандальный звон каторги». В центре стихотворной истории ирландского поэта – распитая бутылка коньяка, символизирующая начало новых открытий, первое знакомство с Сахалинской каторгой.

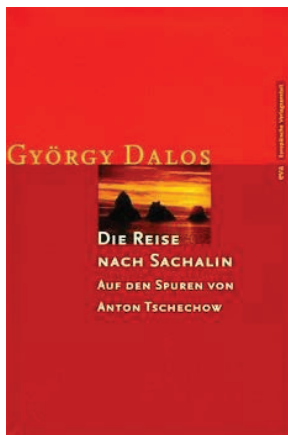

Рис. 43. Книга Далоша Дьёрдя «Путешествие на Сахалин. По следам Антона Чехова»

Прозаик, поэт, публицист и переводчик Далош Дьёрдь (род. 1943), пишущий на венгерском и немецком языках, хорошо известен во всём мире. Его книги читают в Англии, Франции, Дании, Швеции, Японии, Австралии и других странах. Вдохновлённый «Островом Сахалин» Чехова Далош Дьёрдь побывал на Сахалине в июле – августе 2000 года, посетив Южно-Сахалинск, Корсаков, Ноглики, Александровск-Сахалинский, Арково и другие населённые пункты. Главная задача путешествия состояла в поиске материалов для новой книги писателя, известного в России прежде всего такими романами, как «1985» (1982, русский пер. 1992) и «Обрезание» (1990, русский пер. 2006). Итогом творческой поездки Дьёрдя стала опубликованная в Гамбурге на немецком языке книга «Путешествие на Сахалин. По следам Антона Чехова» (2001). В «Путешествие на Сахалин...» вошли главы, включающие исторический обзор Сахалина, описание

трёхмесячного пребывания на острове Чехова, рассказ о Сахалине 1990-х годов, очерк о путешествии писателя по острову в самом начале XXI столетия, рассказы о встречах с семьями современных нивхов. Книга Дьёрдя снабжена многочисленными фотографиями современных реалий Сахалина. Остров описывался автором как «микрокосм XIX и XX веков» и как «миниатюра России». Писатель стремился воссоздать такую картину, в которой Сахалин проявляет черты всей России, потому что «остров – это модель внешнего мира»³⁰¹.

Дьёрдь в своей книге рассказывал о парадоксах внешнего вида современного Южно-Сахалинска, в котором вывески советского времени сочетаются с

³⁰⁰ Heany, S. Chekhov on Sakhalin. A poem / S. Heany // Field Day Company presents Chekhov's «Three sisters». – Derry, 1981.

³⁰¹ Аксёненко, Наталья. Далош Дьёрдь: Сахалин – маленькая модель российского государства / Аксёненко Наталья // Южно-Сахалинск. – 15 авг. – 2000. – № 67. – С. 5.

ультраמודными названиями постсоветской России, а цветочные павильоны сахалинских корейцев в Южно-Сахалинске размещаются на Коммунистическом проспекте.

Книги зарубежных писателей XX века являются отражением интереса современного мира к Сахалину и Курильским островам.

Литература: Латышев, В. М. Сахалинское путешествие Чарльза Хоуза / В. М. Латышев // Хоуз Чарльз Генри. На восточной окраине. Отчёт о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию / пер. с англ. В. Переславцева. – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 5–12 ; Самарин, И. А. Сахалин глазами американского хирурга / И. А. Самарин // Ховард, Б. Узники России. Жизнь среди сибирских дикарей / вступ. статья И. А. Самарина. – Южно-Сахалинск, 2007. – С. 8–15 ; и др.

Е. А. Иконникова

3.2. Курильские острова в японской литературе

От древности к середине XIX века

Эпизодический образ Курильских островов в японской литературе обнаруживается ещё в военной эпопее «Повесть о доме Тайра» (XIII век) – в одном из наиболее значительных по драматической насыщенности произведений японской средневековой прозы. В книге, связанной с историей противостояния враждующих кланов – Тайра и Минамото, герой по имени Мунэмори произносит следующую фразу: «Пусть сошлют нас куда угодно, хоть в Эдзо, хоть на Тисиму, лишь бы сохранили жизнь!»³⁰². В реплике этого литературного персонажа под Эдзо понимался остров Хоккайдо, а под Тисимой (дословно – тысяча островов), вероятно, могли подразумеваться Курильские острова.

И Хоккайдо, и Курильские острова в период создания эпопеи мыслились как неосвоенный дальний край, населённый дикими народами (и прежде всего племенами айнов). И именно туда устремился Мунэмори в своих тайных мечтах о спасении жизни. Высокое внимание к Сахалину и Курильским островам японских литераторов – от непрофессиональных (как правило, путешественников и мореплавателей) до профессиональных – объясняется многими причинами, в числе которых прежде всего географическая близость России и Японии.

Как лаконичные, так и развернутые упоминания о Курильских островах обнаруживаются на всём протяжении истории японской литературы. Так, в частности, в «Дневнике Нагасаки» (1854), автором которого являлся управляющий финансами в Японии Кавадзи Тосиакира (1801–1868), помещена танка, посвящённая Курильским островам. Это пятистишие было написано не случайно, но обусловлено обстоятельствами создания дневниковых записей (не только

³⁰² Юкинага, монах. Повесть о доме Тайра / Юкинага, монах ; пер. со старояп. И. Львовой ; стихи в пер. А. Долина. – М., 2000. – С. 264.

«Дневника Нагасаки», но и «Дневника Симоды» (1854)). В центре двух произведений Кавадзи Тосиакиры – история установления Е. В. Путятиным дипломатических отношений России с Японией. Интересно то, что образ Кавадзи Тосиакиры, равно как и других японских чиновников середины XIX века, можно найти в цикле путевых очерков «Фрегат „Паллада“» (отдельное изд. 1958) И. А. Гончарова (1812–1891) – участника экспедиции Е. В. Путятина.

«Светящийся мох» Такэды Тайдзюна

Описания Курильских островов обнаруживается в художественном наследии писателя Такэды Тайдзюна (1912–1976), который завоевал симпатию читателей как автор исторических романов и новелл. Отличительная особенность письма Такэды Тайдзюна состоит в умении совмещать традиционные принципы реализма с новаторствами модернизма. Это отчётливо выражено и в новелле «Светящийся мох» (1954, русский пер. 1961). Сюжетное построение новеллы включает в себя эпическое повествование и драматическую мистерию (театр. постановка 1957). В этом произведении поднимаются вопросы нравственных ценностей человека в экстремальных условиях. Одна из сюжетных линий новеллы посвящена реальной истории о каннибализме, произошедшей в 1943 году на северо-востоке Хоккайдо.

В заглавии новеллы «Светящийся мох» положено обиходное название одного из видов мохообразных, произрастающих на Хоккайдо и Курильских островах – светящегося фосфоризирующего мха. События новеллы Такэды Тайдзюна развиваются в небольшом приграничном городке Раусу, с берегов которого видно очертание острова Кунашир: «От станции Сибэцу до порта Раусу ходит автобус. Справа от дороги остаётся пролив Нэмуру. Когда едешь в автобусе, перед глазами всё время маячит узкая полоска острова Кунасири из гряды Курильских островов»³⁰³. Близость российской территории (именуемой писателем в новелле «заграницей») ассоциируется одновременно и чем-то запретным, и чем-то весьма заурядным. Всякий приезжий человек и постоянные городские обыватели Раусу смотрят на виднеющиеся вдалеке Курильские острова: «Когда поезд, который здесь еле тащится и подолгу стоит на станциях, подходит к Сибэцу, можно увидеть весь остров. Но не успеет кто-нибудь крикнуть: «Смотрите, Курильские острова!» или «Мы прибыли на границу!», нужный вам автобус уже отходит»³⁰⁴. «Заграница», которая находится от Раусу всего в «семи милях», в представлении жителей портового местечка «небольшой остров, на котором издали можно разглядеть склоны, покрытые зелёной растительностью, и синие складки гор <...> и пустынный морской берег, без солдат, без пушек, без проволочных заграждений – в общем ничего заслуживающего внимания»³⁰⁵.

³⁰³ Такэда, Тайдзюн. Светящийся мох / Тайдзюн Такэда ; пер. с яп. Л. Бабкиной // Японская новелла: 1945–1960. – М., 1961. – С. 295.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же. – С. 296.

Образ светящегося мха, который лёг в основу названия новеллы Такэды Тайдзюна, ассоциируется с тем зыбким и далёким душевным светом, который известен не всем жителям Раусу. Образ света становится ведущим во всём повествовании: это и собственно электрический свет, которого так не хватает в городе, это и морские огни японских судов во время ловли каракатицы, это и ответное освещение «заграницы». Главный герой новеллы, разыскивающий таинственный светящийся мох, приходит к мысли, что «пограничная» Раусу, будучи местом, в котором царит запустение, рождает чувство совершенной свободы. Именно внутренняя свобода позволяет заезжему гостю любоваться красотой северной природы и удивляться той силе природного естества, которая ломает цивилизованного человека, заставляя его мириться с господством физического начала над духовным.

Исторические романы Иноуэ Ясуси и Сибы Рётаро

В основе романа «Сны о России» (1968, русский пер. 1980) Иноуэ Ясуси (1907–1991) лежат реальные события XVIII века, когда потерпевшие кораблекрушение японцы после многомесячных блужданий по морским просторам попали вначале на остров Амчитка, входящий в архипелаг Алеутских островов, а позже, преодолев долгий путь через Сибирь, – в Петербург. Удостоившийся аудиенции у Екатерины II главный герой Кодая со своими немногочисленными товарищами получает возможность вернуться в Японию. В книге рассказывается о растянувшихся на много лет приключениях главного героя и его спутников. Образ главного героя списан с японского купца Кодая Дайкокуя (1751–1828), преодолевшего разные жизненные испытания, удостоившегося аудиенции с императрицей Екатериной II и вернувшегося в Японию. Восьмая глава исторического романа Иноуэ Ясуси открывается описанием того, как «„Екатерина“ с японцами на борту обогнула Курилы, прошла через пролив между островами Итуруп и Кунашир и двадцать шестого сентября бросила якорь в семи верстах от северного побережья Хоккайдо»³⁰⁶. Это лаконичное упоминание об островах Курильской гряды дополняется и более ранними по сюжету книги рассказами об айнах, очень похожих, по мнению Кодая, на коренных жителей Камчатки. По сюжету книги Иноуэ Ясуси был снят японо-русский фильм «Сны о России» (1992). Автор кинокартины – известный режиссёр и сценарист Сато Дзюнъя (род. 1932), задействовал именитых российский и зарубежных актёров: Е. А. Евстигнеева, Ю. М. Соломина, О. И. Янковского, Марину Влади и др.

Тема Курильских островов заявлена и в историко-публицистической книге Сибы Рётаро (настоящее имя – Фукуда Тэйити, 1923–1996) «О России. Изначальный образ Севера» (1986, русский пер. 1999). В научно-популярной форме писатель рассказывает о первых экспедициях на Курильские острова русских путешественников и мореплавателей. Курильские острова Сиба Рётаро

³⁰⁶ Иноуэ, Ясуси. Сны о России / Ясуси Иноуэ ; пер. с яп. И. Фoniaкова. – М., 1980. – С. 195.

называет «кладезью бобрового меха»³⁰⁷, отмечает присущие Дальнему Востоку «холода» и «туманы»³⁰⁸. «Изначальный облик России» в противовес европейским авторам японский писатель ощущает «через Сибирь»³⁰⁹ и те многочисленные процессы, которые осуществлялись на стыке русской и азиатско-тихоокеанской истории. Художественно воссозданный образ Курильских островов обнаруживается в историческом романе Сибы Рётаро «Море цветов сурепки» (1987), в центре которого – судьба Такадая Кахэя (1769–1827), открывшего для Японии пути рыбного промысла в акваториях Охотского моря. В числе прочего в этой книге рассказывается о пленении японцами В. М. Головнина (1776–1831) и его спутников на Кунашире.

Итуруп Симады Масахико

Японский писатель Симада Масахико (род. 1961) в 1992 году побывал в туристической поездке по Сахалину и Курильским островам и рассказал о своих впечатлениях в одной из частей трилогии «Канон, звучащий вечно» – «Любовь на Итурупе» (2003, русский пер. 2006). Писателем соединены путешествие на Сахалин А. П. Чехова и поездка на Итуруп главного героя, оперного певца Нода Каору, решившего «начать вторую жизнь на Итурупе»³¹⁰. Своё пребывание на острове, «где свирепствуют холодные ветры»³¹¹, Нода Каору сравнивает с добровольной ссылкой, в которой ему придётся познать глубинные тайны настоящей любви. Путешествие на Итуруп для главного героя начинается из японского города Вакканай в российский порт Корсаков Сахалинской области. Нода Каору, будучи подвергнутым беспристрастному осмотру со стороны сахалинской таможни, сравнивает себя с Чеховым: «Говорят, когда Чехов жил на Сахалине, острове ссыльных, у него тоже постоянно выпытывали, зачем он сюда приехал»³¹².

Сам Нода Каору едва ли знает истинную причину, побудившую его отправиться в столь необычное путешествие. Каждый из вариантов, который герой предлагает самому себе или интересующимся этим фактом собеседникам, порождает новые вопросы, чем даёт исчерпывающие ответы. Люди отказываются верить, что на Итурупе можно отдохнуть или любоваться островом, но охотно соглашаются с тем, что Нода Каору, не имея специального образования, может заниматься изучением курильской фауны. Приезд Ноды Каору на Итуруп – это попытка проверить физическим расстоянием метафизическую силу любви главного героя и его таинственной возлюбленной Фудзико. Бесконечное одиночество Ноды Каору, тщетность его душевных поисков соотнесены с магистраль-

³⁰⁷ Сиба, Рётаро. О России. Изначальный образ Севера / Рётаро Сиба ; пер. с яп. С. А. Быковой и С. Кавамуры. – М., 1999. – С. 118.

³⁰⁸ Там же. – С. 121.

³⁰⁹ Там же. – С. 186.

³¹⁰ Симада, Масахико. Любовь на Итурупе : роман / Масахико Симада ; пер. с яп. Е. Тарасовой. – М., 2006. – С. 17.

³¹¹ Там же. – С. 19.

³¹² Там же. – С. 15.

ным мотивом всей книги – проклятием Итурупа. Проклятие, якобы наложенное на остров, отражается и на судьбах всех героев книги – бывшей студентки отделения японского языка Хабаровского университета Нины, её странной матери Марии, брата Кости и, конечно же, самого Ноды Каору: «Итуруп проколот. Проклят?! Та же история, что рассказал Чехову врач тюремной больницы? Я спросил её, почему она так считает, и Нина ответила:

– Я знаю, потому что сама родилась на Итурупе. Я жила там восемнадцать лет...»³¹³.

Мотив проклятия совмещается и с суровой, карающей человека курильской природой. Однако в однообразно негативных описаниях природной стихии Дальнего Востока у Симады Масахико встречаются и лирические пейзажи с позитивной направленностью: «Обычно над Охотским морем нависали тяжёлые тучи, но сегодня – случай редкий – в нём отражались звёзды и луна. Правда, смотрелись они как на экране телевизора с плохой антенной. Хотя небо было ясным, ветер не утихал ни на секунду, и звёзды с луной всё время покачивало»³¹⁴.

Примечательно, что художественная интерпретация Итурупа у Симады Масахико отчасти подкрепляется собственными впечатлениями от жизни на острове. В 1992 году писатель посетил Итуруп и ровно через 11 лет после этого завершил трилогию «Канон, звучащий вечно» (общий замысел всей книги возник у автора в 1997 году, а первая часть вышла в свет только в 2000 году). Поэтому изображаемый в «Любви на Итурупе» остров с его природным колоритом и сильным характером самих курильчан, вероятно, подкрепляется личным впечатлением писателя об Итурупе.

Эпизодические упоминания о Курильских островах есть и в другом романе Симады Масахико «Плывущая женщина, тонущий мужчина» (1996, русский пер. 2005). В безудержных фантазиях главных героев этой книги нередко возникают образы русских земель и городов (Сибирь, Дальний Восток, острова Курильской гряды, Владивосток, Южно-Сахалинск). Например, один из персонажей книги задумывает трёхнедельное путешествие по восточным водам евразийского континента с маршрутом, в котором нужно «взять курс на Владивосток. Далее, обойдя Отару, обогнуть Сахалин, Итуруп, Кунашир, зайти в Нэмуру и возвратиться в порт Токио»³¹⁵.

Образ Курильских островов в историко-публицистической или историко-художественной литературе вовлекается японскими писателями (Сибой Рётаро, Иноуэ Ясуси и др.) чаще всего в контексте разных эпохальных событий, происходивших на Дальнем Востоке (освоение Курильских островов русскими и японскими мореплавателями, факты Русско-японской или Второй мировой войн). Курильские острова в японской художественной литературе XX века – это заповедное и удалённое от большого мира место, природные реалии которого воспринимаются как уникальные и отчасти таинственные, поэтому и созвучные мистическим поискам жизненные перипетии главных героев в

³¹³ Симада, Масахико. Любовь на Итурупе. – С. 20.

³¹⁴ Там же. – С. 27.

³¹⁵ Симада, Масахико. Плывущая женщина, тонущий мужчина : роман / Масахико Симада ; пер. с яп. Д. Рагозина. – М., 2005. – С. 62.

книгах Такэды Тайджюна и Симады Масахико разворачиваются на Курильских островах (или недалеко от них).

Е. А. Иконникова

3.3. Японские писатели XX века о Сахалине и на Сахалине

Мечты Исикавы Такубоку

Одно из первых упоминаний о Сахалине в японской литературе начала XX века принадлежит Исикаве Такубоку (1886–1912). В книге япониста и переводчика Дмитрия Викторовича Коваленина (род. 1962) «Суси-нуар» (2004) рассказывается о диалоге с таксистом из города Хакодате. «Благодаря нашему старенькому водителю мы узнаём, что последним японским писателем, посетившим Сахалин, был Исикава Такубоку. В начале XX века. Никто не знает, правда это или нет, но кругозор таксиста впечатляет. Попадись мне такой в Москве – точно бы дал чаевых»³¹⁶.

*Рис. 44. Киндаити Кёскэ и
Исикава Такубоку*

Утверждение «старенького водителя» о том, что Исикава был на Сахалине, ошибочно. В действительности поэт, не единожды писавший в своих стихах о преклонении перед Россией, долгое время только надеялся оказаться на Сахалине. Эту потаённую мечту он изложил в тонких тетрадях своего «Дневника, написанного латиницей» (апрель-июнь 1909, опубл. 1948, русский пер. 1989). В «Дневнике...», не предназначенном автором для печати, запечатлены «неосуществимые, фантастические мечты» – «Цунами и Хакодате... поездка <...> на Сахалин, в северные районы Сахалина в России... встречи с государственными преступниками...»³¹⁷.

Впервые в «Дневнике...» топоним «Сахалин» возникает в рассказе о друге поэта, Киндаити Кёскэ (1882–1971) – специалисте по аборигенам Сахалина, авторе книг «Изучение айнов» (1925), «Айны: жизнь и легенды» (1941) и др. «В ванной комнате, – вспоминал Исикава Такубоку, – столкнулся с Киндаити. Ему сейчас звонили... сказали, что его поездка на Сахалин решена. И Киндаити удивился, и я не мог не удивиться. Сказали, что поедет, вероятно, в середине весны. В качестве внештатного сотрудника префектурального управления Сахалина изучать язык местных жителей, гиляков и орочей. Поднявшись из ванной к себе, присел к столу. Стало грустно. Киндаити не хочет ехать на Сахалин, по-

³¹⁶ Коваленин, Дмитрий. Суси-нуар. Занимательное муракамиедение / Дмитрий Коваленин. – М., 2004. – С. 330.

³¹⁷ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей / Такубоку Исикава ; пер. с яп. Е. М. Дьяконовой // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 157.

тому что может прожить и в Токио, потому что он один и у него – самые разные желания. Ах, как хотел бы я быть на месте Киндайти! Ах!»³¹⁸.

Рассказы друга о сахалинских айнах не могли оставить равнодушным Исикаву Такубоку. В «сахалинских» фрагментах «Дневника...» прослеживается желание поэта вырваться из заурадной будничной атмосферы. «Я слушал, – писал он, – как Киндайти читал мне «Усталость» Дотто и ещё две-три новеллы. Потом я слушал его рассказы о Сахалине. Об айну, об орлах, что шумят крыльями в утреннем небе, о кораблях, об огромных девственных лесах... Я спросил:

– А сколько стоит путешествие на Сахалин?

– Всего двадцать иен. <...>

Друг смотрел на меня жалостливыми глазами»³¹⁹.

Вдохновлённый рассказами Киндайти о Сахалине и его коренных народах поэт страстно желал оказаться на острове, увидеть собственными глазами то, что дало бы иной поворот его творчеству. Однако этим надеждам Исикавы не суждено было сбыться.

Поиски Миядзавы Кэндзи

Знаменитый японский поэт и писатель Миядзава Кэндзи (1896–1933) большую часть жизни провёл в префектуре Иватэ на севере острова Хонсю. В ноябре 1922 года духовное равновесие поэта было прервано ранним уходом из жизни его сестры. В траурный для всей семьи день Миядзава написал три элегии, которые определили тематическую линию последующего творчества поэта – бренность человеческой жизни, неотвратимость физического исхода:

Ах, сестричка! Ты в далёкий край сегодня уйдёшь навеки,

Неужели и впрямь ты уйдёшь одна, без родных и близких?

Попроси же меня: «Пойдём со мною!»

О, скажи мне так, попроси меня так сквозь слёзы!

(пер. Александра Долина)

Потрясённый смертью своей сестры Миядзава пытался стать крестьянином и в заботах о земле слиться с физическими силами природы. Будучи глубоко религиозным человеком, он воспринимал окружающий его мир через призму духовности. Но преждевременная смерть сестры по-прежнему не давала ему вновь погрузиться во внешний мир и жить его заботами.

Пребывая в подавленном состоянии и желая избавиться от него, Миядзава принял необычное решение – отправиться в морское путешествие, которое по его представлению должно способствовать неожиданной в мирском понимании встрече с ушедшей в небытие сестрой. В августе 1923 года поэт совершил поездку на Сахалин. В неукротимых волнах Охотского моря Миядзава «увидел» образ трепетно любимой сестры, воскресшей в его метафизических снах и фантазиях.

³¹⁸ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей. – С. 155–156.

³¹⁹ Там же. – С. 156.

Третьего августа 1923 года поэт прибыл в Отомари (современное название – город Корсаков Сахалинской области). Из Отомари он отправился в Сакаэхама (современное название – село Стародубское Долинского района Сахалинской области), где всю ночь непрерывно бродил по морскому побережью в надежде встретить душу своей сестры. Позже, вдохновившись мистическим ощущением Сахалина, Миядзава предлагал необычные планы по освоению Охотского моря, на берегах которого планировал построить утопическое государство.

Возвратившись на родину, Миядзава записал на бумаге свои мистические видения и вызванные ими душевные переживания. Всё это нашло отражение в книге «Ночь в поезде на Серебряной реке» (1925, русский пер. 2009). В сказочной повести, явившейся главным итогом поездки на Сахалин, ожили затаённые мечты человека, противостоящего смерти. В центре истории – дидактические наставления Миядзавы через сон юного героя Джованни, странствующего по бескрайним дорогам звёздного мира и встречающегося с ушедшими из физической жизни людьми.

Повесть «Ночь в поезде...» очень популярна в современной Японии. По мотивам путешествия главных героев Джованни и Кампанеллы были созданы манга и мультипликационный фильм, известный в России под названием «Ночь на железной галактической дороге» (1985). Режиссёр фильма Сугии Гисабуро (род. 1940) снял мультипликационную историю по заказу Министерства образования Японии. Кроме того, существуют и аудиоспектакли по книге Миядзавы. Примечательно, что тема Сахалина в книге прямо не заявлена, но практически во всех биографиях писателя говорится о том, что «Ночь в поезде...» могла появиться исключительно после поездки на Сахалин. При этом во время посещения Сахалина Миядзавой были написаны и другие произведения, в частности цикл лирических стихов, посвящённых сестре, – «Охотская элегия» (1923).

Путешествие на Сахалин, подобно поездке Миядзавы, совершили и такие японские писатели, как Китахара Хакусю (Китахара Рюити, 1885–1942), Мики Рофу (Мики Мисао, 1889–1964), Хаяси Фумико (1903–1951) и др.

Огума Хидэо и его Сахалин

Рис. 45. Огума Хидэо

Японский поэт, писатель, литературный критик и художник Огума Хидэо (1901–1940) появился на свет на севере Японии, в портовом городе Отару. Отец поэта был крестьянином, его мать умерла в 1904 году от туберкулёза. После этого отец вторично вступил в брак и очень скоро покинул Отару, обосновавшись в Вакканае, в котором мог рассчитывать на некоторую материальную стабильность. Новая жена отца была родом из этого города. Но очень скоро, оставив Огуму Хидэо на попечение родной тети из префектуры Акита, супруги в поисках лучшей жизни отправились на Сахалин.

В 1914 году Огума переехал к отцу в Томариору (современное название – Томари Сахалинской области). Живя на Сахалине, юноша пытался самостоятельно

обеспечить себя случайными заработками: подковывал коней на кузнице, выходил на промысел в море, собирал морскую капусту, рубил дрова, нанимался сторожем и вместе с этим пытался складывать стихи.

Первые литературные успехи пришли к поэту в 1920-х годах, когда он жил в Токио. После женитьбы Огума на непродолжительное время вернулся на Сахалин. Жизнь поэта оборвалась рано. В возрасте тридцати девяти лет 20 ноября 1940 года Огума, как когда-то и его мать, умер от туберкулёза. Похоронили Огуму в Токио. Отец поэта нашёл свой приют именно на сахалинской земле в 1928 году. Несмотря на обиду, закрывшуюся ещё в юношестве, Огума приехал на Сахалин, чтобы проводить своего отца в последний путь.

Литературное наследие поэта невелико: ещё при жизни им был собран материал для трёх изданий, два из которых – «Сборник стихов Огума Хидэо» и «Летающие сани» (частичный русский пер. 1971) – были опубликованы до 1935 года, а сборник «Кочевники» вышел в свет уже после смерти его автора. Почти четверть всей своей короткой жизни поэт провёл на Сахалине, воспоминания о котором неизменно пронизывают значимую часть его творческого наследия. Большинство произведений Огумы Хидэо возникло под влиянием симпатии к России, к её истории и культуре. Поэт неоднократно писал и рассказывал о своём восхищении Россией, о душевном родстве с мировоззрением русских писателей, о внутренней близости с идеологией русских революционеров.

Самым известным произведением Огумы Хидэо стала поэма «Летающие сани», посвящённая сахалинским айнам. В поэме прославляется могучий дух малочисленного народа, противостоящего неукротимым силам северной зимы:

*Зима рванулась в атаку –
Как будто наотмашь
Ладонью
Ударили по щеке...
На какое-то время растеряно
И природа, и люди застыли...
Бурая кожа земли
За вечер
Покрылась чистейшим снегом.
(пер. Алексея Мамонова)*

Рис. 46. Русское издание отдельных стихотворений Огумы Хидэо

Самукава Котаро и его книги

Самукава Котаро (настоящее имя – Сугавара Норимицу, 1908–1977) родился на Хоккайдо, а в 1921 году вместе с семьёй переехал на Сахалин. Отец писателя Сугавара Сигэдзо (1876–1967) стал директором одной из школ на Карафутто. Однако на новом месте Самукава прожил всего лишь полтора года.

Вновь на Сахалин он вернулся только в 1932 году. Его отец в то время был сотрудником музея в Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск).

*Рис. 47. Самукава
Котаро*

Самукава стал помогать отцу: делал зарисовки растений, готовил научные статьи для публикации. Вместе с отцом он оформил более 30 тысяч иллюстраций для книг о растениях Сахалина, а позже выступил редактором четырёхтомного труда своего отца – «Флора Сахалина» (1937–1940).

Занимаясь редакторской работой, Самукава Котаро делал первые шаги и в художественной литературе – написал повесть «Браконьер» (1939, русский пер. М. П. Григорьева (1899–1943) впервые был опубликован только в 1996), в которой рассказал об отважном охотнике по прозвищу Барс. В дебютной книге главный герой занимается охотничьим промыслом то на Сахалине, то в Приморье, то в холодных водах Анадырского залива, то в Якутии. Мир людей, встречаемых Барсом, многообразен: это русские, эскимосы, тунгусы, китайцы, американцы. Но если для тунгусов или иных северных народов охота является естественным промыслом, источником пропитания, то американцы для писателя – это браконьеры, презревшие неписанные законы дикой природы. Однажды Барс узнаёт, что люди с американского корабля в Хакодате ищут меткого стрелка, способного убить полярного медведя. На браконьерском судне главный герой отправляется в морские воды для охоты на белого медведя. Но перестрелка на льду между Барсом и его соперником по прозвищу Молния рушит планы героя. Единожды в своей жизни не попав в намеченную цель – полярного медведя, тяжело раненный Барс гибнет в морских пучинах, оставаясь символом мужества в памяти всех охотников севера.

Профессионализм Самукавы, его первый литературный успех были отмечены 10-й премией Акутагавы Рюноскэ (1892–1927). Это событие, несмотря на то что начинающий писатель в то время проживал на Хоккайдо, было освещено «Сахалинской ежедневной газетой» за 9 февраля 1940 года (сама повесть была опубликована несколькими месяцами ранее).

Заявленная в «Браконьере» тема коренных народов Дальнего Востока получает продолжение в других книгах Самукавы: в «Мифе» (1940) подробно воссоздаётся мир уйльта, а в «Записках о Сагарэне» (1941) эпизодически рисуются будни сахалинских айнов. В «Мифе» повествование ведётся со слов старейшины рода Сёродзэя, одновременно с этим детально описываются семейно-бытовые отношения между уйльта, связанные с богатым миром окружающей природы средства жизнедеятельности северных народов. В прозе Самукавы представлена реальная жизнь малочисленных сообществ островных аборигенов в первой четверти XX века, рассказывается об их этнической уникальности, о созвучном природе общественном и бытовом укладе, о мифологичности сознания.

Тему каторги и исторического прошлого Сахалина Самукава поднимает в таких произведениях, как «Каторжанка» (1940), «Пролив» (1940), «Одиноким остров» (1941), «Путевые записки о Карафуте» (1941), «Записки о Сагарэне» (1941) и др.

Сахалин в жизни и творчестве Кандзавы Тосико

Японская писательница Кандзава Тосико (настоящее имя – Фурукава Тоси; род. 1924) родилась в префектуре Фукуока на острове Кюсю, но практически всё своё детство провела на севере Японии. Её отец работал горным инженером. По этой причине в 1929 году семья Кандзавы поселилась на Сахалине: вначале в посёлке Каваками (современное название – Синегорск Сахалинской области), а позже в районе Сисука (современное название – город Поронайск Сахалинской области). Сахалин запомнился писательнице пронзительными морскими ветрами, обилием снежных сугробов, поражающими своим великолепием летними травами и цветами. Счастливое время беззаботных детских лет совпало и с необычными открытиями мира. На Сахалине Кандзава встречалась с нивхскими и уйльскими детьми, наблюдала за национальными праздниками.

Адресованные детям произведения писательницы: «Песня одуванчика» (1958), «Приключения маленького Каму» (1961), «Медвежонок Уфу» (1969), «Ты что-нибудь слышишь?» (1985), «Косматая голова Нана» (1985), «О, Олень! О, мой брат» (2004), «Маленькая горилла Рила» (2005) и многие другие – отличаются доступным языком, занимательными сюжетами и красочными иллюстрациями. Но Кандзава писала не только для детей, но и для взрослых читателей. Так, в романе «У берега реки» (1976), в противовес детским книгам, встречаются прямые упоминания о Сахалине. Главная героиня этой книги – девочка Асако, отец которой переехал с Хоккайдо на одну из шахт Южного Сахалина. В произведении колоритно описан растительный и животный мир северной природы, использованы точные географические названия островов, рек, гор, городов и др. Писательница подчеркивает, что растения севера отличаются нескончаемым разнообразием. Она подробно описывает большие цветы морского шиповника, кисловатый вкус сахалинской брусники, ягоды японской рябины, фиолетовые цветы диких ирисов, малиновые венчики узколистого кипрея («иван-чая»).

Детально рассказывает писательница о бытовом устройстве людей, живущих на острове. Кандзава воссоздаёт увиденные ею в детстве русские и японские жилищные постройки, величественные синтоистские храмы и противостоящие им заурядные лавки с необходимыми человеку товарами. На фоне природных и бытовых картин воссоздаются чувства маленькой Асако, испытывающей в жизни и первые приобретения, и потери.

Апогеем творчества Кандзавы стала книга «Я всё время пою одну и ту же песню» (2006), основное содержание которой представлено в виде различных отрывков, датированных тем или иным периодом жизни писательницы. В своей книге она щедро делится авторским замыслом своих первых произведений для детей, объясняет идеи, которые пыталась донести до читателей в более поздние годы, рассказывает о творческом союзе с разными художниками, иллюстрировавшими её книги, и прежде всего с Геннадием Дмитриевичем Павлишиным (род. 1938). Так, несколько эпизодов книги «Приключения маленького Каму» основаны на воспоминаниях о сахалинском детстве. Лечение матери Каму при помощи волшебной

Рис. 48. Книга Кандзавы Тосико «О, Олень! О, мой брат» с иллюстрациями Г. Д. Павлишина

травы – это прообраз того, как обращались к силам живой природы сахалинские уйльта. В период написания этой сказочной истории супруг Кандзавы, как и она сама, был болен. Через сказочный сюжет писательница попыталась передать веру в выздоровление близкого ей человека, полагая, что светлые надежды всегда должны осуществляться.

На страницах автобиографического произведения «Я всё время пою одну и ту же песню» Кандзава подробно говорит о своей жизни на Сахалине. Вспоминает небольшую школу с четырьмя классными комнатами, скудность учебников и важных для формирования сознания ребёнка книг. Писательница говорит о том, что в деревне, в которой она провела свои детские годы, не было специальных площадок для игр, поэтому её сверстники играли на лоне живой природы. Во все времена года дети были окружены горными речушками, разнообразными кустарниками и могучими лесными деревьями, знакомство с которыми восполняло недостаток увлекательных книг. Маленькой девочкой писательница любила в одиночестве сидеть в высокой траве, слушать пение птиц, наблюдать за насекомыми – кузнечиками, бабочками, стрекозами. Всё это делало её безмерно счастливой, поэтому в своих книгах Кандзава пыталась отразить доступную детским чувствам гармонию природного устройства, полноту бытия окружающего мира.

Отдельные фрагменты книги обращены к разговору о коренных народах Дальнего Востока. По словам писательницы, Сахалин традиционно ассоциируется с айнами, которых ей не приходилось встречать в детстве. Однако в центральной части острова в её времена жили не менее интересные в этническом и культурном плане нивхи и уйльта, не знающие национальных границ и других предубеждений человеческого мира. Кандзава говорит о том, что в войну многие из представителей этих свободных народов незаслуженно пострадали. В частности, писательница подробно размышляет о судьбе одного из представителей сахалинских уйльта – Гэндану Дахиниэна (1926–1984).

Другие японские писатели

Вклад в развитие литературы Карафутто был сделан и Юдзурихарой Масако (настоящее имя – Фунабаси Киёно, 1911–1949). В тринадцатилетнем возрасте она стала ученицей Высшей женской гимназии города Тоёхара (современное название – Южно-Сахалинск). После завершения учёбы в 1929 году Юдзурихара работала учительницей в школах Отиай и Маока (современные названия – Долинск и Холмск Сахалинской области).

В январе 1933 года, когда в Токио стал издаваться журнал «Литературная столица», Фунабаси Киёно (под именем Юдзурихара она начала писать только в 1940 году) послала своё стихотворение «Синее море». Для публикации в журнале его отобрала японская писательница Хаяси Фумико (1903–1951), которая в 1934 году сама побывала на Сахалине. В стихотворении упоминается Охотское море:

*Синее небо,
Синее море...
Даже белые крылья чаек окрашены синевой.
Прохладный ветер Охотского моря.
Одoleвают воспоминания о том,
Кто ушёл далеко за море.
Синее Охотское море ранней весной
Грустью переполняет душу...*

(пер. Александры Никоновой)

Сахалину писательница посвятила несколько своих книг. Однако почти все они – «Берег Родины» (1985), «Северное сражение» (1985) и «Женская квартира» (1988) – были опубликованы только после смерти Юдзурихары. Исключение составили только записки «О разном на Карафуте» (1943), вошедшие в самиздатовский журнал «Новые писатели».

Рис. 49. Книга Мияути Канъя «Ситиригахама»

Другой японский писатель – Мияути Канъя (настоящее имя – Сиро Икэгами, 1912–1983) родился в префектуре Окаяма. На Сахалине Мияути Канъя оказался в 1923 году. Отец писателя работал в средней школе города Отомари (современное название – Корсаков Сахалинской области). Уже в следующем году Мияути Канъя стал заниматься в школе, где его отец преподавал японский язык. С апреля 1930 года писатель обучался на отделении английской литературы в университете Васэда. Незадолго до окончания университета Мияути дебютировал в самиздатовском журнале «Гуманитарные науки Васэда», издаваемом начинающими авторами за счёт членских взносов. Именно на страницах этого журнала, имевшего очень ограниченную читательскую аудиторию, были опубликованы такие произведения, как «Первая

печаль» (1933), «Туман» (1934), «Колокольчик пастуха» (1934), «Лодка» (1934) и «Эдзо» (1934). Примечательно, что местом действия всех этих историй выступает исключительно Сахалин. В последующем Мияути написал об острове книгу «Центральные горы» (1938). Одним из самых известных произведений писателя стал автобиографический роман «Ситиригахама» (1978).

Еще одна японская писательница Ёсида Томоко (настоящее имя – Кира Томоко (миссис Кира Дзинъити), в девичестве – Каниэ Томоко, род. 1934), автор нескольких романов и эссе, также имеет отношение к Сахалину. В 1945 году её отец, проживавший с семьёй на юге Сахалина, был взят в плен советской армией. Ведущими темами творчества Ёсиды Томоко, покинувшей Сахалин в 1947 году, становятся военные конфликты прошлого (события в Маньчжурии и Китае во время японской оккупации 1931–1945 годов, Вторая мировая война и др.). Большая часть написанного Ёсидой Томоко основана на её детских воспоминаниях, отчётливо просматриваемых в книгах «Могила отца» (1980), «Я ничего не знаю о Маньчжурии» (1985) и других произведениях.

Сахалинский кот Симаки Кэнсаку

Японский прозаик Симаки Кэнсаку (1903–1945) родился на острове Хоккайдо. «Университеты» Симаки Кэнсаку начались очень рано: потеряв отца, он вынужден был оставить школу и самостоятельно зарабатывать на жизнь. В творческой биографии писателя есть новелла «Чёрный кот» (1944, русский пер. 1968), содержащая упоминания о Сахалине. Новелла писателя открывается рассказом главного героя (от имени которого ведётся повествование) о том, что он во время продолжительной болезни коротал время за чтением «географических» журналов: «В одном из последних номеров меня заинтересовали впечатления некоего профессора о поездке на Сахалин. Особенно поразил моё воображение рассказ о горном коте, которого не раз пытались истребить. Сахалинского горного кота вылавливали трижды – в 1908, 1911 и 1930 годах – и решили, что он истреблён. Однако в феврале 1941 года горный кот снова появился в местечке Нода³²⁰...»³²¹. Образ горного сахалинского кота удерживал воображение героя в течение многих дней. Фотографический снимок чучела кота, представленный в журнале, свидетельствовал о свирепости и бесстрашии этого дикого животного. А рассказ охотившихся за последним сахалинским котом людей поразил героя неординарностью ситуации: «Когда охотники спустили на него собак, он отбил их атаку. Изумлённые охотники приготовились стрелять, но горный кот, сидя на дереве, вдруг помочился прямо на них»³²². История о сахалинском горном коте в композиции новеллы «Чёрный кот» относится к вставному эпизоду. Рассказ о сахалинском горном коте, включённый в общее повествование новеллы, будучи абсолютно автономным, отчасти помогает понять авторскую концепцию всего произведения Симаки.

Рис. 50. Симаки
Кэнсаку

Сахалин Ри Кайсэя

Писатель, публицист и общественный деятель Ри Кайсэй (род. 1935) родился на Сахалине. Отец писателя И Бон Сок (1902–1961) был уроженцем Северной Кореи, родственники по материнской линии жили в южной части Корейского полуострова. Мать писателя Тян Суль И (1906?–1944) нашла последний приют на сахалинской земле. Сам же Ри Кайсэй с лета 1947 года постоянно проживает в Японии. В 1969 году он окончил факультет русской литературы университета Васэда и в это же время был удостоен за одну из своих дебютных книг премии журнала «Гундзо». Позже Ри Кайсэй был отмечен и другими престижными наградами: премиями Акутагавы (1972) и Номы (1994). Время признания писателя корейского происхождения в Японии совпало и с несколькими поездками

³²⁰ Нода – японское название современного города Чехов Сахалинской области.

³²¹ Симаки, Кэнсаку. Чёрный кот / пер. с яп. Д. Бугаёвой // Современная восточная новелла. – № 36. Новеллы японских писателей. – М., 1968. – С. 132–133.

³²² Там же. – С. 133.

на современный Сахалин (1981, 1988, 2006 и др.). Это дало Ри Кайсёу новый литературный импульс.

Сегодня в творческом багаже романиста десятки книг. Среди них и такие произведения, как «И снова та же дорога» (1969), «Прачка» (1972), «Мой Сахалин» (1975), «Несбывшаяся мечта» (1976–1980) «Путешествие на Сахалин» (1981), «Дорога длиною в век» (1994) и многие другие. В своих книгах писатель поднимает тему исторической родины корейцев и малой родины своего детства. Значительная часть произведений Ри Кайсэя переведена на разные языки мира (однако пока ещё не издано ни одной книги японского писателя в России). Особенной популярностью книги писателя пользуются в Корее, где его произведения публикуются под именем И Фе Сона (Ли Фе (Хе) Сона – другая транслитерация фамилии). Находящаяся на стыке художественного и документального книга Ри Кайсэя «Путешествие на Сахалин» может рассматриваться в сравнении с ещё одним сахалинским произведением – очерками Кудо Масахиро (род. 1943) «Путешествие на новый Сахалин» (1990). Заголовок этой книги (за исключением слова «новый») в точности повторяет название более раннего по времени издания произведения Ри Кайсэя. Почётный профессор Хоккайдского университета (Япония, Саппоро), обладатель нескольких литературных премий (в том числе премии Огумы Хидэо) Кудо Масахиро соизмеряет свои впечатления о Сахалине с тем, что пишет об острове Ри Кайсэй, и с тем, что открывается перед глазами двух писателей.

По словам Ри Кайсэя, реалистичные описания Сахалина обнаруживаются у Чехова. Воссозданный русским классиком облик острова очень похож на то, что видел в своём детстве японский автор. Особенно писателю у Чехова памятли рассказы об айнах и упоминания о Мамии Риндзо (1775–1844). Исследователи творчества Ри Кайсэя отмечают «инаковость» прозы японского писателя. «Инаковость» связывается прежде всего не с корейскими этническими корнями писателя, но с «русским» компонентом. Попытка глубже всмотреться в мир чувствующего человека, на взгляд критики, соотносится с идентичными приёмами в прозе Ф. М. Достоевского.

Экранизация книги Ри Кайсэя

По мотивам книги писателя «Ради Каяко» (1970) был создан фильм японского режиссёра Огури Кохэя (род. 1945). В этой киноленте, вышедшей на экраны ещё в 1984 году, рассказывается о любви двух героев – корейского юноши Им Сан Чжуни и японки Каяко. Детство этих людей прошло на довоенном Сахалине. С первых фрагментов фильма зрители вместе с главным героем переносятся в лето 1945 года. И это не случайно, ведь сценарий фильма отчасти повторяет отдельные эпизоды биографии самого Ри Кайсэя, родившегося и выросшего на Сахалине. Писатель в своей повести поднимает крайне деликатную для Японии проблему, остро назревшую в 1940-е годы: неприятие этническими японцами людей других национальностей.

По-японски слово «иностранец» записывается двумя способами: или как «другой человек», или как «человек из другой страны». Такая же надпись стоит и на удостоверяющем личность Им Сан Чжуни документе. В фильме «Ради Каяко» главный герой остро ощущает на себе иное, другое происхождение и в

результате этого понимает, что не может быть принятым в японское общество. С неприязнью к себе со стороны окружающих Им Сан Чжуни сталкивается вначале в японской школе, потом в университете. Именно по причине своего происхождения он испытывает трудности при аренде квартиры и при поиске работы. В новом, более ярком свете вырисовывается жизнь для Им Сан Чжуни, когда он встречает приёмную дочь своего дяди – девушку Каяко.

Слово «каяко» происходит от названия корейского музыкального инструмента каягым. Имя возлюбленной восстанавливает для главного героя единство с неизвестной ему родиной отца и матери, с Кореей, о которой Им Сан Чжуни знает совсем немного. В его маленькой квартире на стене висит карта Корейского полуострова, а в памяти звучат забываемые день ото дня народные песни и корейская речь, которые он слышал когда-то на Сахалине. Воспоминания о далёком теперь острове в сознании главного героя связываются с советским солдатом, с красным флагом и несколькими словами на русском языке. На пустынном сахалинском берегу Им Сан Чжуни впервые познал одиночество. Это же одиночество преследует его и в новой жизни. Каяко больше, чем другим, понятны чувства молодого человека, ведь она сама когда-то оказалась брошенной своей матерью-японкой. Эта травма не заживает в душе девушки. Но как бы ни было хорошо вместе двум молодым людям (между ними возникают близкие отношения, которые остаются на некоторое время тайной для родных), обстоятельства заставляют их расстаться. Фильм начинается и завершается общей сценой. Неприметно одетый Им Сан Чжуни, которому исполнилось тридцать пять лет, движется вперед, предаваясь тайным воспоминаниям: светлым мыслям о покойной матери, противоречивым чувствам к отцу, эпизодам сахалинского детства и чувству сильной, но запретной любви к Каяко.

В фильме, как и в книге Ри Кайсэя, рассматриваются образы разных корейских переселенцев, оказавшихся в Японии. Это оптимистически смотрящий в будущее Пак Чи Ё, женившийся на полюбившей его японской девушке. Сам дядя главного героя, решивший отказаться от традиций корейского народа, чтобы быть принятым японцами. Другая героиня – это преданная своим корням и культуре своих предков Че Мён Хи. Она активно пропагандирует корейскую музыку и играет в спектакле «Молодежь, стремящаяся на вершину горы Пэкту». Но приходит время, и Че Мён Хи покидает Японию на первом корабле, направляющемся к берегам Северной Кореи. Чувства каждого из героев кинофильма отличаются заведомой противоречивостью, изначальные причины которой кроются в исторической несправедливости – в оторванности японских корейцев от родной земли. В российском прокате фильм «Ради Каяко» отсутствует, равно как и другие киноленты Огури Кохэя (за исключением картины «Забытый лес», 2005).

От литературы Карафуто к современности

Традиционно периодом Карафуто (1905–1945) называют лаконичный исторический промежуток, связанный с колонизацией японцами южной части Сахалина по итогам Русско-японской войны. Этот период характеризуется экономическим и социальным ростом, одновременно с которым осуществлялась и попытка создания колониальной литературы. Новая японская литература через

призму интереса к Сахалину была представлена как отдельными образцами творчества общеизвестных японских авторов (Исикавы Такубоку, Миядзавы Кэндзи, Хаяси Фумико и др.), так и произведениями поэтов и писателей, чья литературная деятельность осуществлялась непосредственно на Сахалине (Самукава Котаро, Огума Хидэо, Мияути Канъя и др.). Внимание японских литераторов к Сахалину объяснялось общими настроениями, господствовавшими в Японии того времени. С южной частью острова многие рядовые японцы связывали поиск прибыльной работы и возможности самореализации. Всё это находило серьёзную государственную поддержку: японское правительство выделяло значительные средства на освоение губернаторства Карафуто.

Сахалин в творчестве японских писателей периода Карафуто описывается в связи с разными темами: это Русско-японская война, российская пенитенциарная система, близость с Россией, воссоздание художественного и публицистического облика коренных народов Дальнего Востока. Литература, созданная в период Карафуто, повторяла те тенденции, которые были свойственны в целом всей японской литературе того времени. Писатели не только использовали собственно художественные средства воссоздания действительности, но и представили ряд работ в документально-эссеистических жанрах. Творчество некоторых японских авторов (как, например, Кандзавы Тосико или Ёсиды Томоко) своими хронологическими границами выходит за пределы периода Карафуто, однако тематически связано именно с воспоминаниями о «сахалинских» фактах биографии.

Тема Сахалина обнаруживается и в произведениях известных японских писателей второй половины XX – начала XXI века: в книгах Мисимы Юкио и Оэ Кэндзабуро, романах Мураками Харуки (в том числе и в феноменально известном «1Q84»), Курокавы Со, Симады Масахико и мн. др. Вместе с этим интересная проблематика может быть раскрыта и в произведениях непрофессиональных писателей, как, например, в написанной на японском языке книге сахалинского корейца Пак Хен Чжу (1929–2000) «Репортаж с Сахалина» (1988, русский пер. 2004).

Упоминания о Сахалине в современной японской литературе являются логичным историческим следствием событий начала XX века и, вероятно, могут восприниматься как традиция, насчитывающая не менее одного столетия.

Литература: Иконникова, Е. А. Русская каторга в «Записках о Сагарэне» Самукавы Котаро / Е. А. Иконникова, А. С. Никонова // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 3. – С. 139–149 ; Иконникова, Е. А. Роман Харуки Мураками «1Q84»: российские мотивы / Е. А. Иконникова // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 6. – С. 69–71 ; Иконникова, Е. А. Огума Хидэо на Сахалине : материалы к биографии / Е. А. Иконникова // Япония и современный мир : сборник статей / сост. и отв. ред. Т. И. Бреславец. – Владивосток, 2013. – С. 85–91 ; и др.

Е. А. Иконникова, А. С. Никонова

3.4. Сахалин в литературе на корейском языке

Тематические группы и выходящие за их пределы авторы

В результате исторических событий на Сахалине сформировалась корейская диаспора – территориальная общность, прежде существовавшая в особых социальных, экономических и политических условиях. По данным Всероссийской переписи 2010 года, в Сахалинской области проживает 5,3 % (то есть 25 тысяч) человек, относящих себя к корейскому населению. Сегодня корейское население занимает вторую по величине этническую группу в составе всего населения Сахалинской области, является неотъемлемой частью этнодемографической, социально-экономической и культурной жизни российской части Дальнего Востока. Компактное проживание корейской диаспоры обеспечило сохранение основ национальной этничности, подготовило ассимиляцию новых поколений сахалинских корейцев с русской, а в отдельные исторические периоды – и с иными национальными культурами.

На Сахалине и русские, и представители корейской диаспоры являются носителями собственных национальных культур. Эти культуры в условиях Сахалинской области, с одной стороны, развиваются самостоятельно (в частности, корейская культура сохранялась в изолированной форме на протяжении советского времени, когда контакты с исторической родиной у первых корейских переселенцев были исключены), а с другой – претерпевают различные ассимиляционные процессы.

Литература о Сахалине на корейском языке отражает основные ментальные постулаты и историко-культурологические процессы. В многообразии всех существующих на корейском языке книг с сахалинской проблематикой можно выделить три тематические группы: первая – русская литература о Сахалине в переводах на корейский язык; вторая – произведения корейских авторов о Сахалине; третья – изданные в Республике Корея на корейском языке произведения о Сахалине зарубежных авторов (как правило, японских). Вместе с тем за пределами этих тематических групп может быть представлено творчество Ким Цын Сона (1918–1973) – одного из первых членов Союза писателей СССР на Сахалине, поэта, писавшего исключительно на корейском языке, автора нескольких поэтических сборников и драматических произведений. Здесь же может быть рассмотрена и деятельность корейского передвижного театра, существовавшего на Сахалине в 1947–1959 годах. На сцене театра неоднократно ставились оригинальные пьесы, написанные на корейском языке. Но имена непрофессиональных сахалинских драматургов первой половины XX века в настоящее время практически утеряны, так как архив театра сохранился фрагментарно, а его литературная коллекция специально ещё не анализировалась. Отдельно от названных тематических групп могут быть рассмотрены переводы корейской поэзии Романом Хе (род. 1949) и Владимиром Семенчиком (род. 1962).

«Остров Сахалин» в переводе на корейский язык

Творчество А. П. Чехова знакомо корейским читателям ещё с 1910-х годов. Однако «сахалинская» книга писателя долгое время не привлекала внимания

переводчиков. И только роман Харуки Мураками «1Q84» (2009–2010, русский пер. 2012), переведённый в России Дмитрием Ковалениным как «Тысяча неизвестных сот восемьдесят четыре», способствовал интересу жителей Корейского полуострова к чеховскому видению Сахалина. Самую шумевшую книгу Мураками современные корейцы читают в переводе Ян Юнок. В трёхтомном японском произведении многократно упоминаются в едином пространстве Сахалин, имя знаменитого русского писателя, посетившего в 1890 году каторжный остров, а также корейца Тамару, переехавшего в Японию с послевоенного Сахалина. В первом томе «1Q84» Мураками цитирует объёмный эпизод о сахалинских нивхах из книги Чехова «Остров Сахалин». Этот эпизод помогает понять одну из важных идейно-тематических линий японского романа.

На волне высоких рейтингов книг Мураками как во всём мире, так и в Республике Корея в феврале 2013 года Юго-Восточная азиатская историческая организация издала корейский перевод «Острова Сахалин». Переводчиком книги стала Пэ Дэхва, выпускница Корейского университета иностранных языков, а ныне – профессор университета Кённам. Сегодня «Остров Сахалин» Чехова можно приобрести не только в книжных магазинах Южной Кореи, но и заказать по Интернету. Корейский вариант книги пополнил коллекцию «Острова Сахалин» в переводах на разные языки мира.

Книги Анатолия Кима в Республике Корея

Одним из самых популярных авторов русской литературы о Сахалине в Республике Корея стал Анатолий Ким. В ноябре 1987 года на корейском языке отдельной книгой были изданы «Бродяги Сахалина» в переводе Чхве Гонёна. По представлению издателей прозы Анатолия Кима, рассказы русского писателя несут на себе печать национального корейского мирозерцания, быта, фольклора и художественной образности.

В 1989 году Анатолий Ким впервые побывал в Южной Корея, куда он был приглашён на этнический фестиваль. В этот период начинается активная деятельность писателя по представлению интересов корейской диаспоры в России и за рубежом. Анатолий Ким – почётный член нескольких национальных объединений, в том числе Ассоциации корейцев в России. В 1997 году писатель стал одним из организаторов Поезда Памяти, посвящённого 60-летию депортации корейцев с Дальнего Востока.

С 1991 года Анатолий Ким пять лет прожил в Южной Корея. С этого времени начинают свой отчёт новые переводы прозы писателя на корейский язык. Библиография Анатолия Кима на корейском языке внушительна. Это переведённые ещё в конце 1990-х годов «Собиратели трав» (пер. Ким Хёнтхэк), «Лотос» (пер. Ким Дэгён), «Белка» (пер. Гвон Чхольгын), «Отец-лес» (пер. Ким Гынсик) и многие др. Проза писателя активно изучается корейскими учёными. Профессор университета Кённам Пэ Дэхва рассматривает ряд произведений Анатолия Кима в контексте русской деревенской литературы (В. П. Астафьева, В. Г. Распутина, В. И. Белова и Л. М. Леонова). Примечательно, что и Анатолий Ким обратился к образцам корейской классики. Так, в 2003 году он перевёл для русских читателей «Сказание о Чхунхян», относящееся к произведениям корейского народного эпоса.

Сахалинская трагедия в документально-художественных повествованиях

Рис. 51. Книга И Вонёна «Убийство корейцев в деревне Камисисука на Сахалине»

Доктор наук И Вонён – автор книги «Убийство корейцев в деревне Камисисука на Сахалине» (2009). Книга И Вонёна основана на описании достоверных фактов о массовых убийствах японцами корейцев на Сахалине: в деревне Камисисука (в настоящее время – посёлок Леонидово Смирныховского района) и в деревне Мидзухо (в настоящее время – село Пожарское Холмского района). Книга особенно интересна не только для ценителей художественного слова, но прежде всего для историков, так как представляет собой многолетний труд учёного, целенаправленно занимающегося проблемой сахалинских корейцев на протяжении многих лет.

Примечательно, что на Сахалине были изданы две книги, посвящённые этим событиям. При этом одна из них была одновременно переведена на корейский и японский языки.

В книге Владимира Николаевича Гриня (род. 1959) «Разлука длиною в жизнь...» (2008, переиздание 2010, корейский пер. 2012) рассказывается о временах японской оккупации на Сахалине, в центре повести – события 17 августа 1945 года, когда восемнадцать корейцев были несправедливо осуждены и расстреляны жандармами в деревне Камисисука. Исторические события, описанные в секретных архивных документах и материалах уголовных дел, обработаны автором в художественное повествование. Вышедшая трёхтысячным тиражом книга содержит фотографии, иллюстрирующие нелёгкую жизнь сахалинских корейцев в 1940-е годы. Второе издание книги Гриня «Разлука длиною в жизнь...» (2012) сопровождается переводами на корейский (пер. Бя Ен Сук) и японский (пер. Римма Нариханэ) языки.

В книге историка Константина Ерофеевича Гапоненко (род. 1933) «Трагедия деревни Мидзухо» (1993, переиздание 2012, японский пер. 2012) повествуется о событиях недолгой жизни нескольких сахалинских корейцев. В августе 1945 года отступающие с Сахалина японские солдаты убивали мирные корейские семьи. В деревне Мидзухо убийства были совершены не солдатами, а односельчанами-японцами, которые жили когда-то в дружбе и согласии с корейцами. Убийцы не пощадили ни беспомощных стариков, ни малолетних детей. Написанная на историческом материале книга Гапоненко, как и повесть Гриня «Разлука длиною в жизнь...», вплетена в особое пространство с использованием художественно-изобразительных средств литературы.

Сахалинская корейская диаспора в публицистических произведениях

Тема сахалинской корейской диаспоры в публицистических произведениях интересна южнокорейским читателям на протяжении долгого времени. Об этом свидетельствуют многочисленные публицистические и художественно-

исторические книги. Среди книжных новинок начала XXI века отметим только несколько изданий.

Чхве Гильсон родился в 1940 году в городе Янджу провинции Кёнги. Окончил педагогический институт Сеульского национального университета по специальности «Корейский язык», получил степень магистра в университете Корё. Позже Чхве Гильсон продолжил обучение в аспирантуре в Японии, где получил учёную степень доктора наук в области литературы. В настоящее время учёный читает лекции в университете города Хиросимы (Япония). Чхве Гильсон – автор книги «Сахалин: земля изгнаний и голода» (2003). В ней автор обращается к истории Корейского государства и в доступной форме раскрывает вопросы, связанные с историей Сахалина, с формированием на острове корейской диаспоры.

Известный южнокорейский журналист Ким Ходжун (род. 1943) специализируется на различных исторических хрониках. Ким Ходжун родился в Сеуле, окончил Сеульский национальный университет по специальности «Социология». Учился в США в Джорджтаунском университете (Вашингтон) и в университете Джона Хопкинса (Балтимор). Сегодня журналист является членом общественной организации по улучшению прав соотечественников из Северной Кореи и оказанию помощи корейцам, проживающим на территории Российской Федерации и бывших республик СССР.

Книга Кима «Корейцы Евразии: 150 лет печальной истории диаспоры» (2013) стала результатом десятилетней работы по сбору сведений о зарубежных корейцах. Готовя материалы для своей работы, автор изучал архивные документы, встречался с участниками и свидетелями разных исторических событий, произошедших в Евразии с конца XIX века. В поисках новых фактов журналист объехал много мест, ставших родной землёй для корейцев. В книгу журналиста вошло семнадцать глав, раскрывающих каждый из этапов истории формирования корейской диаспоры за пределами Корейского полуострова. Несколько глав книги посвящены сахалинским корейцам.

«Сэ корё синмун» как школа сахалинских корейских писателей

Сахалинская газета на корейском языке «Сэ корё синмун» востребована и интересна читателям на протяжении долгого времени. Вокруг газеты (сменившей за свою историю несколько названий: прежде – «Корейский рабочий» и «По ленинскому пути») всегда концентрировалась творческая интеллигенция, пишущая на корейском языке. Журналисты газеты неоднократно участвовали в областном конкурсе им. А. П. Чехова и становились лауреатами и дипломантами на лучшую журналистскую работу года. Ким Цын Сон и Тянь Юн Ги – эти имена стоят в начале списка тех представителей сахалинской корейской диаспоры, которые пытались сохранить литературный корейский язык в иных культурно-этнических условиях.

Поэт и драматург Ким Цын Сон (1918–1973) родился в семье портового рабочего. После смерти отца и матери воспитывался в семье тёти, которая в конце 1930-х переехала в Узбекистан. Два года проучился на филологическом факультете Узбекского государственного университета в Самарканде. Начало литературной работы относится к 1932 году, а первые публикации – к 1937 году в

Рис. 52. Ким Цын Сон

газете «Сен бон» («Авангард»), позже в журналах «Звезда Востока» и «Шарк Юлдузи» (на узбекском языке). В 1948 году Ким Цын Сон был принят в Союз писателей СССР. На Сахалине Ким Цын Сон работал заместителем редактора и ответственным секретарём газеты «По ленинскому пути» вплоть до 1969 года, пока не был уволен после критики действий первого секретаря Сахалинского обкома КПСС Павла Артёмовича Леонова (1918–1992), ратовавшего за закрытие школ корейского языка. Ким Цын Сон – автор трёх поэтических сборников: «Строки дружбы» (1951), «Когда акация цветёт» (1954) и «Пылающие листья» (1968, переиздан в 2005), а также многочисленных публикаций

в переводах на русский язык в журналах «Звезда Востока», «Сибирские огни», «Байкал», «Дальний Восток» и др. Кроме того, Ким Цын Сон ещё и автор нескольких пьес, в числе которых драма «Ханган – голубая река» (1955), принятая к постановке Казахским корейским и Южно-Сахалинским корейским театрами. Все произведения Ким Цын Сона написаны на корейском языке.

В одном из своих стихотворений поэт восклицал: «Любовь моя – как остров, / Моя судьба, я счастлив ею»³²³. Эти строки Ким Цын Сона во многом определяют и характеризуют мировоззрение лирического героя, для которого каждая земная вещь, любое явление человеческого бытия не случайны, а закономерны. В своих лирических стихах поэт описывает целостную, неразрывную связь природного уклада, его таинственной и непостижимой загадки.

Не имеющие, как правило, ярко выраженной внешней рифмы, стихи Ким Цын Сона тщательно выстроены в музыкальном плане. Поэт рисует оригинальные, мелодичные, напевные картины:

*Уплыла любимая за море,
уплыла любимая – вот горе!
И теперь скучаю я по ней.
Я смотрю в морскую даль часами,
с птичьими сживаясь голосами.
О как часто на закате дня –
пена волн платок напоминала,
тот, которым девушка махала,
уплывая в море от меня.*

С газетой «Сэ корё синмун» связана жизнь журналиста и писателя Тян Юн Ги (1922–1999), родившегося в селе Венгё провинции Северный Кёнсан в крестьянской семье. Тян Юн Ги обучался в школах Кореи (1929–1935) и Японии (1937–1940). Трудовой путь начал в Корее, ещё будучи подростком. После непродолжительное время работал токарем в городе Осака (Япония). На Сахалине жил с 1942 года. В разные годы Тян Юн Ги был разнорабочим, заместителем начальника транспортного отдела Поронайского бумажного комбината, а с 1947 года преподавал корейский язык в Поронайске и Углезаводске. В 1955 году Тян Юн Ги был приглашён в качестве литературного сотрудника

³²³ Здесь и далее по тексту поэтические строки из наследия Ким Цын Сона даны в переводе Геннадия Прашкевича и Владимира Горбенко.

газеты сахалинских корейцев «Корейский рабочий» (в настоящее время – «Сэ корё синмун»; главный редактор до 1961 года – Александр Кузьмич Ким). В газете Тянь Юн Ги писал на корейском языке очерки и рассказы, готовил газетные полосы. С 1961 по 1976 год заведовал отделом культуры и быта в газете. После выхода на пенсию в 1978 году продолжил сотрудничество с газетой, работая в ней внештатным корреспондентом. В марте 1997 года он в числе первых сахалинских переселенцев вернулся на родину. Живя в Корее, журналист издал свою документально-автобиографическую книгу «Сахалин – остров, полный скорби» (1998).

Рис. 53. Тянь Юн Ги

Первая часть книги Тяня «Сахалин – остров, полный скорби» сначала была опубликована в сборнике «Дорогой облик, милый голос» (1991) под общим названием «Возвращение через пятьдесят лет». Вся книга писателя состоит из семи оригинальных по сюжетам новелл, главные герои которых – сахалинские корейцы.

Рис. 54. Книга Тянь Юн Ги «Сахалин – остров, полный скорби»

Главного героя первой новеллы «Возвращение через пятьдесят лет» зовут Пак Чан Су. Как и многие его современники, он попал на Сахалин по принудительной мобилизации в 1943 году. Однако через пятьдесят лет Пак летит в Сеул charterным рейсом и вспоминает события своей молодости.

Через судьбу главного героя Тянь Юн Ги описывает проблемы сахалинских корейцев первого поколения, размышляет об ответственности великих держав перед страдавшими людьми, не имевшими возможности вернуться на Родину, воссоединиться со своими семьями. Десятки тысяч молодых корейцев во время Второй мировой войны были насильственно мобилизованы японскими властями, жестоко эксплуатировались на разных, связанных с тяжёлым трудом производствах (шахтах, строительствах военных объектов). После поражения в войне Япония бросила на произвол судьбы всех этих людей. Жизни не только мобилизованных, но и оставленных в Корее престарелых родителей, молодых жён и малолетних детей были безжалостно сломаны и изувечены.

«Возвращение через пятьдесят лет», «Раскаяние старика Тяня», «Мама», «Отцовское чувство», «Изношенная шёлковая рубашка», «Невезение» и «Мсть» – эти новеллы составили книгу Тяня о Сахалине. В основу каждой истории легли невыдуманные события частной жизни сахалинских переселенцев. Имена многих героев подлинные, а обстоятельства их житейских коллизий не выдуманы и потому ещё больше страшат своим прошлым – временем, рождённым физическими мучениями и непрекращающимися душевными страданиями. И потому Сахалин в сознании писателя – это прежде всего «остров, полный скорби».

О Сахалине в стихах

Син Джунсин родился в 1941 году в городе Кочхан провинции Южный Кёнсан. Уже в школьное время Син Джунсин начал интересоваться поэзией. С группой товарищей он создал литературный кружок, позже не раз становился победителем литературных конкурсов. Многие произведения поэт посвятил соотечественникам, в силу исторических причин оказавшимся оторванными от родной земли. Среди наиболее известных произведений Сина такие книги, как «Я приехал с Байкала», «Воспоминания Корсакова», «Душа корейца» и др. «Сахалин слезам не верит» (2001) – лирическая повесть о трагической судьбе сахалинских корейцев, потерявших Родину. Сострадая своим героям, поэт рассказывает о душевной боли, которую пришлось испытать сахалинским корейцам, жившим в СССР и остро ощущавшим своё изгнание.

Чо Джунхван родился в 1946 году в городе Ёнчхон провинции Северный Кёнсан. В 1967 году окончил педагогический институт города Тэгу, а в 1993 году стал выпускником аспирантуры университета Корё в Сеуле по специальности «Педагогика». Чо Джунхван – лауреат и призёр многих литературных конкурсов, автор ряда работ, среди которых сборник стихов «Сахалинский одуванчик» (1991).

В книге Чо ведётся разговор о серьёзных проблемах общества в классической для корейской поэзии стихотворной форме сиджо (трёхстишное стихотворение, включающее в себя, как правило, сорок четыре буквы). Само произведение «Сахалинский одуванчик», давшее название всей книге Чо, состоит более чем из одной тысячи поэтических строк. Магистральной темой всего сборника стала судьба сахалинских корейцев. Главный герой книги – лишённый Родины кореец, мечтающий о соединении со своими близкими, о возвращении в любимые сердцу места. Ставшие заложниками Сахалина корейцы осознают невозможность увидеть родных, навсегда оставшихся на далёком Корейском полуострове. Неизвестность, одиночество, боль и страх, которые испытывали живущие вдали от земли своих предков люди, проходят лейтмотивом через всё произведение. Автор пытается показать, что сахалинские корейцы, брошенные после Второй мировой войны на произвол судьбы, тоже являются частью единой истории всего корейского народа.

Книги японских писателей на корейском языке

Хаяси Эидай (род. 1933) учился в университете Васэда (Япония, Токио). Будучи уже на четвёртом курсе, Хаяси бросил учёбу и стал шахтёром. По возвращении в родной город юноша устроился на работу в организацию по защите окружающей среды. А в 1970 году взял в руки камеру и стал заниматься исследованиями разных социальных вопросов. Первая работа Хаяси о зарубежных корейцах была опубликована в 1978 году. В настоящее время Хаяси относится к числу известных писателей, работающих в научно-популярных и публицистических жанрах. Из числа работ Хаяси, победителя многих конкурсов, выделяются два произведения: «Дело о зверском убийстве корейцев на Сахалине» (1991) и «Сахалин рыдает» (1992). В этих книгах, изданных в Республике Корея, раскрываются факты насильственной мобилизации корейцев, жестокого обращения с ними японцев. С документальной правдивостью автор описывает

трагические судьбы людей, ставших жертвами совершённых японцами преступлений. Хаяси всегда требователен к своим работам: для поисков нужных документов и доказательств своей правоты он долгие годы работает в архивах, а для встречи с очевидцами трагических событий уезжает за несколько тысяч километров от родных мест.

Рис. 55. Корейское издание книги Ито Такаси «Сахалинский Ариран»

«Сахалинский Ариран» (1997) – произведение Ито Такаси (род. 1952), в основе которого истории 43 тысяч корейцев, насильно привезённых японцами на Сахалин в качестве рабочей силы и брошенных на произвол судьбы после окончания Второй мировой войны. В своей книге Ито прослеживает, как сложилась судьба сахалинских корейцев с того момента, как они оказались вдали от Родины, и до сегодняшних дней, когда этот «корейский» вопрос рассматривается как международная проблема, в решение которой вовлечены правительства нескольких государств. В книге Ито наряду с художественно-историческим повествованием наглядно представлены документальные факты и фотографии, доказывающие жестокость японцев на Сахалине.

Японская писательница Синода Фусако (1914–2010) родилась в Токио, окончила школу для девочек в городе Фукуока. Затем училась в Университете Сорбонна (Париж, Франция), но Вторая мировая война изменила планы девушки, которой пришлось вернуться в Японию. После войны Синода вновь поехала во Францию, следуя за своим мужем. В 1960 году писательница дебютировала в литературе, а в конце 1980-х годов стала популярна в Республике Корея. Основная тема всех книг Синоды – это взаимоотношения между Кореей и Японией. В русле этой ведущей проблемы была написана и книга «Корейцы Сахалина, острова печали и скорби» (1994, корейский пер. 1995). Каждая отдельная жизнь героев книги – это остров, для многих корейцев ставший последним земным приютом.

Популярность темы Сахалина в корейской литературе – как оригинальной, так и переводной – говорит о сложившейся литературной традиции, в которой судьбы сахалинских корейцев – это не фоновый, не вспомогательный, а сюжетообразующий материал.

Переводы корейской литературы на Сахалине

В разные годы на Сахалине осуществлялись переводы корейской поэзии. В советское время эта работа в основном концентрировалась вокруг творчества Ким Цын Сона, стихи которого звучали на русском языке как благодаря усилиям российских переводчиков, так и в поэтическом изложении живших на Сахалине Юрия Ивановича Николаева (1935–1981) и Виктора Григорьевича Матковского (род. 1933).

В книгу «По сорочьему мосту» (1999) Романа Хе включены оригинальные тексты и переводы классической корейской поэзии (около двадцати древних корейских поэтов, а также несколько произведений неизвестных авторов). Как

в 1950-е годы Анна Ахматова, Роман Хе обратился к стихотворениям Ким Су Джана, Ли Хвана, Ким Ёна и многих других. Однако в противовес ахматовским переводам³²⁴, в которых сиджо воплощено в шестистишную композицию, Роман Хе попытался соблюсти традиционный вид лаконичных корейских стихов, укладывающихся в трёхстишную строфу. Примечательна ещё одна интересная деталь из творческой биографии Романа Хе: до двадцати пяти лет поэт писал свои стихи исключительно на корейском языке. Однако самая известная часть творчества этого поэта связана с русским языком, в пространство которого временами Роман Хе вставляет и слова корейского происхождения. Ярким примером этого может быть стихотворный сборник «Ёнбун, или Полёт бабочки» (1996), где внесённое в название книги корейское слово «ёнбун» означает взаимную любовь.

В 2013 году в издательстве «Моадырим» был опубликован сборник стихотворений современного корейского поэта Ли Чон Хи в переводе Владимира Семенчика «Еду в Пушкин навстречу Новому году». Отдельная подборка стихотворений Ли Чон Хи на русском языке была представлена в российских журналах «День и ночь» (2012), «Рубеж» (2012), в газете «Сэ корё синмун» (ноябрь, 2013).

Литература: Иконникова, Е. А. «Корейский» компонент в литературе Сахалина и Курильских островов / Е. А. Иконникова // Проблемы литератур Дальнего Востока. Посвящается 120-летию со дня рождения Го Можо (1892–1978). – Т. 3. – СПб., 2012. – С. 25–37 ; Иконникова, Е. А. Писатели корейской диаспоры на Сахалине / Е. А. Иконникова, Пак Сын Ы // Азия и Африка сегодня. – № 7. – 2009. – С. 74–77 ; Иконникова, Елена. Тянь Юн Ги: «Сахалин – остров, полный скорби» / Елена Иконникова, Пак Сын Ы // Сэ корё синмун. – 2014. – 14 февраля. – С. 4 ; Краев, А. И. Корейский передвижной театр / А. И. Краев, И. А. Цупенкова // Долгая дорога к большой сцене. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 93–103 ; Прашкевич, Геннадий. О Ким Цын Соне / Геннадий Прашкевич // Ким Цын Сон. Плавающие листья : стихи / пер. с кор. яз. Г. Прашкевича и В. Горбенко. – Новосибирск, 2005. – С. 3–7 ; и др.

И. В. Корнеева, Е. А. Иконникова

³²⁴ См. сборники переводов Анны Ахматовой из классической корейской поэзии «Неувядаемые слова страны зелёных гор» (М., 1956) и «Корейская классическая поэзия» (М., 1958).

Глава 4. Литература на Сахалине и Курильских островах

4.1. Мифы и фольклор коренных народов Сахалина. Русский фольклор Сахалина

Мифы Сахалина как культурное достояние

В мифологическом творчестве коренных народов Сахалина и Курильских островов раскрываются представления древних людей о мире – сотворении земли, рождении человека, появлении животных и растений. Айнские, нивхские, уйльтские мифы, а также мифы проживающих на Сахалине эвенков и нанайцев создавались коллективно. На протяжении многих лет содержание мифологических произведений могло меняться и дополняться.

В прошлом, когда коренные народы Сахалина узнавали, что к ним приехал сказитель, люди оставляли свои занятия, собирались вместе и внимали сказаниям предков. Слушатели воспринимали все события в мифах как реальные. У айнов мастерство сказителей ценилось очень высоко. Хранители старины не занимались иной работой – им были чужды рыбный промысел или охота. В древние времена дальневосточные народы не обладали письменным языком, поэтому легенды и предания существовали только в устной форме. К сказителям предъявлялись обязательные требования – хорошая память и мелодичный голос. Так, одна из айнских легенд в современной записи занимает свыше одной тысячи страниц.

Мифологическое творчество народов Сахалина бережно хранилось на протяжении многих столетий сказителями и рассказчиками, передавалось от одного поколения к другому. На основе мифов формировались и религиозные убеждения коренных народов Дальнего Востока: люди верили, что душа есть не только у человека, но и у животных, и у всего, что существует в природе, – у воды, камней, деревьев и многого другого. Невидимый внешнему зрению мир по представлениям древних людей заселён различными божествами.

Нивхский эпос

Нивхский эпос представляет собой архаичное повествование о целостной картине мира древнего народа. Как и иные мифологические произведения, нивхский эпос в представлении слушателей объективно отражает исторический ход событий. Нивхский эпос неоднороден, и в нём рассматриваются такие жанры, как тылгур (или тылгунд, близкое к мифу повествование, похожее на предание, легенду или миф), кераинд (краткое повествование, включающее в себя топонимы и безымянных героев) и настур. Разные факты и жизненные явления в тылгуре и кераинде воспринимались в древности слушателями как произошедшие в реальности, не поддающиеся сомнению. В среде нивхов бытовали поверья о невозможности сочинения таких историй обычными людьми (тылгунд «нельзя сочинять», это «грех»). Нивхские сказители говорили: «Тылгур – правда. Сочинять от себя – грех».

В составе нивхского эпоса рассматриваются мифы о луне и солнце, сказания об обретении удачи и отношении с потусторонним миром, истории о

Рис. 56. Книга В. М. Санги «Нивхские легенды»

ные образцы фольклора: «Легенды Ых-мифа» (1967), эпическую песню сказительницы Хытчук о «Человеке Ых-мифа» (1986), художественную реконструкцию мира в книге «Песнь о нивхах» (1989), состоящей из эпической поэмы в мифах, сказаний и родовых преданий.

битвах с горными, таёжными и подземными народами. Наиболее распространённым сюжетом нивхского эпоса стала борьба за женщину: герой добывал себе жену, а его враги, нередко в облике чудовищ, пытались похитить женщину. В мифологических произведениях древних нивхов герой не наделялся собственным именем, но назывался «человеком» (самоназвание народа «нивх» переводится как «человек»). В нивхском эпосе существуют прозаические мифы, легенды, квазиисторические и исторические предания о межродовых (межплеменных) столкновениях.

В. М. Санги выдвинул гипотезу о наличии в нивхской культуре тематически целостного эпоса. Для её подтверждения Санги собрал, обработал и перевёл на русский язык сохранившиеся к середине XX века раз-

Настур как разновидность нивхского эпоса

Настур (или настунд) представляет собой жанровую разновидность архаичного героического эпоса в культуре сахалинских нивхов. Аналогичный жанр, называемый нызитом, обнаружен и у амурских нивхов. Настур родственен импровизированной эпической песне, записываемой длинными рядами стихов и повествующей о деяниях древних нивхов со времен мифического первочеловека. С момента своего возникновения настур бытовал исключительно в устном народном творчестве, синтезируя в себе словесное и музыкальное искусство. Чаще всего главными героями в повествовании становятся одинокие старик и старуха, а также их сын, рождённый чудесным образом. Ведущим мотивом настура был поиск чего-либо или кого-либо преодолевающим разные препятствия отважным героем. Исполнителями настура могли быть только особые сказители (настунд-нивух) или шаманы, призывавшие для помощи мистический дух (миф-нивух-кехн – «земной человек-дух»).

Настуры собирались, обрабатывались и изучались этнографами, лингвистами, историками начиная с конца XIX – первых десятилетий XX века: Брониславом Осиповичем Пилсудским, Львом Яковлевичем Штернбергом, Ерухимом (Юрием) Абрамовичем Крейновичем, Александром Николаевичем Веселовским, Галиной Александровной Отаиной и другими исследователями. Большая подборка настуров, тылгуров и иных жанров нивхской устной словесности представлена в книге Б. О. Пилсудского «Фольклор сахалинских нивхов» (2003).

Сказки коренных народов Сахалина

На Сахалине бытуют и сказки (айнские, нивхские, уйльтские и другие), обладающие неповторимым национальным колоритом, но при этом имеющие и общие черты. Сказки коренных народов Сахалина близки к мифологическим произведениям. Но если в мифах рассказывается о происхождении мира, об истории отдельных племен, о названиях тех или иных географических мест, то сказки имеют иное содержание и иное назначение. Основной целью сказки становится поучение. Через поступки и действия сказочных героев объясняется, что такое добро и что такое зло.

Очень часто в народных сказках Сахалина основные события происходят в таёжных буреломах, поросших густым лесом непроходимых сопках, на безлюдных побережьях или в опасных морских просторах. Главный герой – человек – в сказках охотится в тайге или занимается рыбным промыслом, ищет наиболее благоприятное место для постройки своего жилища. Чаще всего сказочные события происходят в зимнее время года. Это объясняется особыми природно-климатическими условиями Дальнего Востока: преобладанием холодного времени года над тёплым.

Сказки о животных в фольклоре народов Сахалина встречаются чаще, чем бытовые или волшебные. В сказках нередко объясняется, почему животные приобрели тот или иной облик или же особые повадки. Например, в нивхской сказке «Бурундук, кедровка и медведь» разъясняется, почему связаны тесной лесной дружбой маленькая птичка кедровка и бурундук, почему медведь не делает на зиму съестных запасов. А в другой нивхской сказке рассказывается о том, что тюлень стал обладателем пёстрой кожи по вине камбалы. Тюлень в наказание за нерадивость и безответственность рыбы бросил в неё горсть морского песка, поэтому на теле камбалы, как это объясняется в сказке, теперь много колючих наростов.

Звери, птицы и рыбы в сказках коренных народов – помощники или противники человека. Они могут принимать человеческий облик, наделяются умением думать, нередко им свойственны хитрость и даже коварство. Однако человек в сказках всегда стремится к гармонии с окружающим его миром. Сказки учат смелости и находчивости при встрече с опасным животным, побуждают жить в дружбе со всей природой, разумно пользоваться дарами тайги и моря.

Сказки коренных народов Сахалина в записи и обработке

Сказки коренных народов Сахалина и Курильских островов дошли до современного читателя благодаря кропотливой работе учёных-этнографов и собирателей фольклора. Значительная заслуга в этом принадлежит Брониславу Осиповичу Пилсудскому (1866–1918), записавшему несколько десятков народных сказок. В процессе этнографических и языковых исследований изучением сказок занимался и Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). Многие сказки дальневосточных народов известны в литературной обработке Владимира Михайловича Санги, Чунера Михайловича Таксами, Василия Васильевича Чесалина, Олега Павловича Кузнецова и других авторов. Сказки нанайского народа переведены на русский язык Андреем Александровичем Пассаром (1925–2013). Эвенкийские сказки представлены в творческом наследии поэта,

писателя и художника Семёна Александровича Надеина (1929–1981). Сборник легенд, преданий, сказок и рассказов «Энгеспал» (1982, 1996) Надеина был издан после смерти автора.

Одним из немногих систематизированных изданий по сказкам Сахалина стала книга «Сказки Сахалина» (1996), в которую вошли айнские, нанайские, нивхские и уйльтские (в сборнике они названы орокскими) истории. Составителями книги выступили Михаил Станиславович Высоков, Татьяна Петровна Роон и Олег Павлович Кузнецов. В результате литературной обработки (изложения сказочного повествования в соответствии с литературными нормами, уточнения сюжета и персонажей при сохранении языковой выразительности и этнических особенностей) сказки приобрели ещё большую ценность. Айнские, нивхские, уйльтские, нанайские и другие сказки стали доступны большому числу читателей.

По мотивам нивхского фольклора на московской мультипликационной студии «Пилот» режиссёром Андреем Тимофеевичем Кузнецовым (род. 1966) был создан короткий фильм «Как обманули змея» (2004). Это сказка о наказании воровавшего яйца Змея птицами, однажды подложившими коварному герою вместо яйца камень.

Сахалинский фольклор в книге Дорошевича

Представление бытующего на Сахалине русского фольклора не было специальной задачей В. М. Дорошевича. Однако на протяжении всей книги «Сахалин» журналист обращается к различным жанрам народного творчества. В самом начале своих очерков он приводит широко известные в различных вариантах примеры пословиц и поговорок каторжан об острове. «Кругом – вода, а в середине – беда!» «Кругом – море, а в середине – горе!» – такими народными выражениями определяется характер Сахалинской каторги.

К островному фольклору Дорошевич предписывает и следующую поговорку: «Нет суше дерева, чем человек». Содержание этой поговорки фиксирует существовавшие во времена каторги чуждые и во многом враждебные отношения между людьми.

Наиболее полно в книге Дорошевича «Сахалин» представлен песенный фольклор. Частично в очерке «Каторжный театр» и более обстоятельно в «Песнях каторги» описаны услышанные писателем на острове песни и различные куплеты народного (а в редких случаях и литературного) происхождения. Так, в одном из фрагментов своей книги Дорошевич писал, что слушал по преимуществу «тюремные песни». И действительно, основная направленность песен каторжан в книге «Сахалин» тематически была связана с мотивами тюрьмы и неволи, желания скорейшего освобождения и избавления от физических мучений.

А. П. Чехов в книге «Остров Сахалин» отметил отсутствие песенного творчества. «Некоторые авторы видели в Рыковском хоромы и слышали здесь гармонику и разудалые песни, – писал Чехов, – я же ничего подобного не видел и не слышал и не могу себе представить девушек, ведущих хоромы около тюрьмы. Даже если бы мне случилось услышать, кроме звона цепей и крика

надзирателей, ещё разудалую песню, то я почёл бы это за дурной знак, так как добрый и милосердный человек около тюрьмы не запоёт»³²⁵.

«Песни каторги» Дорошевича – это один из немногочисленных источников информации о русском дореволюционном фольклоре на Сахалине. Песенное творчество каторжан на Сахалине почти не систематизировано и не исследовано.

Русский фольклор Сахалина в научных исследованиях

До начала XX столетия фольклорное творчество русских поселенцев практически не привлекало внимания учёных, обратившихся в первую очередь к устному наследию коренных народов Сахалина. Первые записи песенных текстов русского фольклора на острове состоялись только в 1958–1959 годах благодаря диалектологической экспедиции Константина Макаровича Браславца (1924–1995), занимавшегося изучением говоров старожилов Камчатки и Сахалина. Но в научную деятельность учёного подробное описание собранных текстов народного творчества не входило.

Специальное систематическое исследование народных произведений началось с 1973 года. Студенты филологического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института во время летней практики встречались со старожилами и делали записи известных им преданий, легенд, песен, пословиц и поговорок. Во время такой практики студенты фиксировали ещё и большое количество частушек, которые возникли в России в конце XIX века и являются одним из жанров городского фольклора. Однако студентам и курирующим их преподавателям требовалось выделить собственно сахалинский фольклор в системе общероссийского, имевшего повсеместное распространение на острове. Доля сахалинского (или местного) фольклора, в котором бы использовались топонимы острова или иные определяющие принадлежность к Дальнему Востоку детали, была незначительна и требовала тщательного отбора.

Инициатором изучения фольклора на Сахалине стала Наталия Ивановна Казакова (род. 1947) – преподаватель кафедры русской литературы Южно-Сахалинского государственного педагогического института. По материалам фольклорных экспедиций 1973–1984 годов Н. И. Казакова защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую песням Сахалина.

Среди исполнителей общероссийских текстов русского фольклора на острове особое место принадлежит В. Н. Штряниной (из посёлка Дуэ Александровского района) и А. И. Гребенюк (из посёлка Онор Смирныховского района). С их слов были записаны многие народные песни, входившие в репертуар русских поселенцев.

В настоящее время интересный материал устного народного творчества Сахалина составляет значимую часть общероссийского фольклора. Однако русский фольклор Курильских островов практически не собран и не описан.

³²⁵ Чехов, А. П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения. – Т. 14–15 : Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М., 1978. – С. 242.

Жанры сахалинского фольклора

Сахалинский фольклор отличается от общероссийского. И прежде всего это касается жанрового своеобразия. В островном фольклоре отсутствуют календарная обрядовая поэзия, сказки, народный театр, былины и некоторые другие формы народного творчества. Однако во времена каторги на острове существовали песни, пословицы и поговорки, отражающие ежедневный уклад жизни русских людей. Таковы, например, возникшие ещё в дореволюционное время примеры малых жанров фольклора: «Внутри беда, а кругом вода» или «Внутри горе, а вокруг море».

Примечательно, что сахалинский фольклор проникал и в авторскую литературу. В рассказе В. Г. Короленко «Соколинец» (1885) читатели находят следующую народную пословицу, в которой иносказательно описывается Сахалинская каторга, расположенная на окружённом со всех сторон острове. «...Кругом-то вода, посередке беда» – такими словами характеризует Сахалин много повидавший на своём веку каторжанин Буран, обращаясь к молодому арестанту Василию, впервые оказавшемуся на острове.

Появившиеся на Сахалине в советские годы лаконичные высказывания, сочинённые в народе, отличались идеологическим характером. Несмотря на удалённость Сахалина от центральной России, жители островов старались думать, что их проблемы понятны и знакомы московскому правительству:

*Далека сахалинская земля,
Да нас видят из Кремля.*

Нередко в пословицах и поговорках подчеркивались обобщённые черты характера жителей Дальнего Востока:

*У сахалинцев есть нефть, уголь каменный,
Светлый ум и характер пламенный.*

Образцам народной прозы Сахалина свойственно простое по форме и не перегруженное художественными деталями содержание. В немногочисленных преданиях и легендах, сложенных поэтическим языком, рассказывается о происхождении островов, гор, рек и озер. Нередко сюжеты произведений русского фольклора дублируют аналогичные истории в народном творчестве нивхов, айнов или уйльта. В прозаические тексты русского фольклора иногда включаются и этнические понятия, присущие быту и культуре коренных народов Сахалина, например юкола или шаман.

Народная песня

Во времена каторги и после неё в праздники и во время отдыха звучали на Сахалине многие старинные песни, широко известные в словесно-музыкальном репертуаре всей России: «По Муромской дороге», «Скакал казак через долину» или «Шумел камыш». Значимое место в народных песнях отводилось теме тюрьмы, каторги и ссылки. Главным мотивом этих произведений становился лирический рассказ о неволе.

Особую популярность в предреволюционный период имела тюремная песня «Глухой неведомой тайгою», в которой есть упоминание о Сахалине. Предположительно эта песня была сочинена неизвестным автором в Сибири во второй половине XIX века:

*Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.*

*Шумит, бушует непогода,
Далёк, далёк бродяги путь.
Укрой, тайга его глухая,
Бродяга хочет отдохнуть...*

В современных песенниках предлагается не только считающийся «каноническим» текст «Глухой неведомой тайгою», но и его вариант – «Густой неведомой тайгою», исполняемый в Сибири в первой четверти XX столетия. Кроме того, существуют и другие видоизменения стихов этой песни.

Строчки известной песни использует в повести «Бродяги с Сахалина» (2004) Г. Н. Машкин. Однако в книге песня звучит немного иначе, она откорректирована под личность исполнителя – главного героя сахалинца Василия Гнездова, задумавшего найти счастье для себя и своей семьи в Сибири. Песня главного героя исполняется не от третьего, но от первого лица, а тайга называется «густой».

В советские годы народная песня на острове уступила свои позиции авторской песне. Разные поэты и композиторы обращались к теме Сахалина в своём творчестве, такие песни исполнялись участниками художественной самодеятельности. Однако только немногие из авторских произведений смогли стать более популярными, чем сложенные народом песни.

Литература: Казакова, Н. И. Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки / Н. И. Казакова // VII Чеховские чтения. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 27–30 ; Казакова, Н. И. Сахалинский фольклор / Н. И. Казакова. – Южно-Сахалинск, 2011 ; Отаина, Г. А. Жанровая специфика нивхских н'астундов / Г. А. Отаина // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 53–59 ; Островский, А. Б. Мифология и верования нивхов / А. Б. Островский. – СПб., 1997 ; Островский, А. Б. Религиозные верования нивхов / А. Б. Островский. – Южно-Сахалинск, 2005 ; Певнов, А. М. Предисловие / А. М. Певнов // Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной. – М., 2010. – С. 2–12 ; Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М., 1958. – С. 34–35; 43–46 ; Spevakovskiy, A. B. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе) / А. Б. Spevakovskiy. – М., 1988 ; Хазанкович, Ю. Г. «Человек Ых-мифа» Владимира Санги и устная эпическая традиция / Ю. Г. Хазанкович // Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 108–111 ; Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. – Хабаровск, 1933 ; и др.

Е. А. Иконникова

4.2. Тропа жизни – тропа творчества: о писателе Владимире Санги

Путь мастера

Владимир Михайлович Санги – давно и бесспорно признанный мэтр российской литературы. Нивх, одарённый поэтическим талантом, становится

певцом нивхского народа и большим писателем, в творчестве которого нашли отражение традиции великой русской литературы.

Родился Санги на Сахалине в стойбище Набиль Ногликского района 18 марта 1935 года. В 1952 году, после окончания средней школы, Санги уезжает получать образование в Ленинград, и уже там он начинает свой творческий путь, который продолжается и сегодня. Его жизненная тропа – это путь от произведения к произведению, в которых писатель излагает своё понимание «извечного закона бытия», основанное на простых и вечных законах жизни, почерпнутых у своего народа.

Всесоюзная известность приходит к писателю в 1961 году после выхода в свет в Южно-Сахалинске книги «Нивхские легенды». К. А. Федин, крупный советский писатель, в те годы бывший председателем правления Союза писателей СССР, прочитав книгу, пишет автору большое письмо, в котором выражает свою искреннюю поддержку молодому писателю. Это письмо становится официальным свидетельством признания таланта писателя с Сахалина в литературных кругах СССР. С этого времени начинается отсчёт творческим векам, творческим победам Санги: сборник рассказов «Голубые горы» (1962), книга стихов «Солёные брызги» (1962), роман «Ложный гон» (1965), «Легенды Их-мифа» (1967), повести «Изгин» (1969) и «Тынграй» (1970), романы «Женитьба Кевонгов» (1975) и «Время добыч» (1977). Книги Санги издаются на Сахалине, во Владивостоке, Москве и Ленинграде. В 1983 году в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература» выходит «Избранное». К этому времени Владимира Санги знают не только в России, но и за рубежом. В 2000 году двухтомник «Избранное» печатается в Сахалинском книжном издательстве.

Рис. 57. Книга В. М. Санги «У истока»

Владимир Санги обладает не только творческим, но и общественным темпераментом. Именно это качество заставило его обратиться к новой для него деятельности. Он создаёт в соавторстве с Галиной Александровной Отаиной (1931–1995) учебники нивхского языка для 1-го и 2-го классов. Он дарит своему народу письменность, которая не сложилась у нивхов исторически. Учебники издаются в 1984 и 1989 годах в Ленинграде и в 1994 году уже в Санкт-Петербурге. Это беспрецедентный случай в истории развития языков в мире.

Общественный энтузиазм заставляет Санги быть в гуще событий, занимать активную жизненную позицию. С 1974 года писатель живёт в Москве и работает консультантом правления Союза писателей РСФСР, старшим референтом в Совете Министров РСФСР. Несколько раз избирается секретарём правления Союза писателей РСФСР. С 1990 по 1994 год является президентом Ассоциации народов Севера. В 1990-е годы, являясь председателем комиссии по литературе и фольклору народностей Севера Союза писателей России, много времени уделяет составлению и редактированию сборников произведений национальных авторов, переводит на нивхский язык произведения русских классиков. В 1996 году Санги возвращается на Сахалин в Ногликский район, где работает директором малого предприятия родовой общины Кевонгун, затем главой фермерского хозяйства, стремясь сохранить уже порядком пошатнувшиеся национальные устои своего

народа. Желанием быть полезным своему народу руководствуется писатель в 2000 году, соглашаясь на должность советника губернатора Сахалинской области по вопросам малочисленных народов Севера.

Владимир Санги является членом Международной лиги защиты прав и свобод человека при экономическом и социальном Совете ООН.

Он лауреат Государственной премии Российской Федерации, лауреат премии губернатора Сахалинской области, премии Сахалинского фонда культуры. Награждён медалью «За доблестный труд» (1970), орденом «Знак Почёта» (1977), орденом Дружбы (2006). Он заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия). Это совсем немного, если соизмерить количество наград с тем вкладом, который писатель внёс в развитие отечественной литературы и культуры, но главная его награда – это признание читателей, это тиражи его книг, это переиздание ранее написанных и недавно созданных произведений. Произведения Владимира Санги широко известны за рубежом, в частности в Японии известны две книги сахалинского писателя.

Рис. 58. Японское издание отдельных рассказов В. М. Санги

«Вечно только время»

В 1969 году выходит в свет повесть «Изгин». Эту небольшую повесть можно считать программной в творчестве Владимира Санги, так как в ней, как в капле воды, отражается мир, отражаются основные черты мировосприятия и художественной манеры писателя. И хотя и до этой повести, и после неё писатель создаёт не одно яркое и самобытное произведение, «Изгин» остаётся среди них самым пронзительным, самым глубоким по художественному воплощению философской мысли о месте и роли человека в системе миропорядка на земле.

В основе сюжета судьба охотника-нивха по имени Изгин, который завершает отведённый ему природой, как он считает, срок и подводит итог своего жизненного пути.

Изгин – носитель народной мудрости, народного опыта общения с природой. Ход жизни Изгина подчиняется циклу природы, его жизненная философия сплетена из простых, но очень важных для человека, живущего в естественных условиях, понятий, наблюдений, представлений о законах природы, о взаимоотношениях человека и среды его обитания. Он охотник, его промысел – добыча нерпы, лис и песцов. Но к своему промыслу Изгин относится с мудростью «естественного» человека. Он не идёт по пути истребления в угоду наживы, хотя ему не чужд азарт охотника. Он мечтает об охотничьей удаче, славе, но это не мешает ему отказаться от этой мечты, если выбор стоит между жизнью красавца-лисовина, за которым охотник наблюдает в течение восьми лет, и охотничьим счастьем, заключающимся в добыче ценной шкуры черно-бурой лисы.

Эта история своеобразной дружбы охотника и лисовина становится основной, аккордной в жизни Изгина. Последняя встреча старого охотника со старым лисом является ключевой в повести. В этой сцене проявляется душевная

чистота охотника, понимание им основного смысла жизни, и в то же время в этом эпизоде воплощена философская идея.

Долго болевший, измождённый Изгин собирает последние силы и приходит в тайгу, чтобы напоследок своей жизни выполнить то, что давно созрело в его голове, что он считает своим последним долгом: помочь другу-лисовину достойно, по мнению героя, завершить жизненный путь и наконец добыть свой главный охотничий трофей – его драгоценную шкурку. «В прошлую зиму Изгин видел своего старого друга. Тогда Изгину стало не по себе – лисовин утратил гибкость, позвоночник его огрубел, шаг потерял изящную размашистость, задние лапы не ложились во вмятины от передних; великолепный чок – округлый единый след от передней и задней лап – был потерян, и след получался размазанный. Изгину стало больно от мысли, что и его друга постигла безжалостная старость. Теперь Изгина беспокоило другое: лисовин подохнет где-нибудь в тайге, и никто так и не оценит редкостную шкуру. В прошлом году во время гона состоялась их последняя встреча. А лисовин был один. Наверное, он уже не самец, с болью подумал старик, но не стал стрелять – шкура линияла»³²⁶. «Он стар, – думает Изгин. – Уже не нужен природе. всё равно умрёт где-то в тайге, и его съедят другие звери, и бесценная шкура так и не найдёт своего ценителя»³²⁷. Изгин уверен, что «убиение столь дорогого зверя оправданно. Пусть послужит своему другу и покровителю последний раз»³²⁸. Изгину лестно думать, что о нём напишут в районной газете, все узнают, что Изгин – лучший охотник, «на закате жизни Изгина посетит большая охотничья слава»³²⁹. Но честолюбивые мысли покидают старика, как только он видит, что лисовин полон жизненных сил и готов к продолжению рода. «Старик снял с правой руки мягкую рукавицу из нерпичьей кожи, принял к прицелу и плавно положил палец на холодный спусковой крючок. Глубоко вздохнул, медленно выдохнул, задержал дыхание. Мушка направлена точно в голову зверя. Сейчас выстрел громко известит миру о неслыханном успехе старого охотника Изгина.

И вдруг – будто пламя из охотничьего ружья. Изгин вздрогнул и поднял голову. Красная молодая лисица вылетела из-за куста, играючи прилегла перед красавцем лисовином. Гибко и упруго заходила всем телом. Вилья хвостом, обошла лисовина вокруг. Изогнувшись, рыбой взметнулась перед его носом. Лисовин, как бы отбиваясь от нахлынувшей напасти, поднял переднюю лапу. Его толстый пушистый хвост заходил кругами. Это был свадебный танец.

«Ты ещё можешь!» – изумился охотник. Его рука вяло опустилась. Лиса, извиваясь в страстном танце, звала лисовина. Лисовин принял вызов. Резвясь, они скрылись вдаль. «Пусть поживёт до следующей зимы», – спокойно подумал Изгин»³³⁰.

Эта история восходит к тем глубоким и, как кажется вначале, грустным раздумьям, в которые погружает автор своего героя в начале повествования. Изгин

³²⁶ Санги, Владимир. Изгин / Владимир Санги // Избранное : в 2 т. – Т. 1 : Романы и повести. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 31.

³²⁷ Там же. – С. 38.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же.

на первых страницах повести встречается с поэтом и профессором, собирающим фольклор, рассказывает им старые нивхские легенды, которые заставляют его самого вдруг задуматься о вечном. «Всё рушится, всё исчезает, – думает Изгин, – исчезнувшее забывается. Ничто не вечно. Вечно только время. Изгину взгрустнулось от этих невесёлых мыслей. Он шевельнул ногой. По склону дюны побежала струйка песка. И вот уже ручей низвергается вниз, к воде. Волны подхватывают песок, и течение выносит его в залив. Пройдёт немного лет, и не станет дюны, на которой сидит Изгин. Да и сам Изгин скоро умрёт. Грустно и печально старику. Но тут взглянул на собеседника, встрепенулся: профессор и поэт торопливо записывали в тетради его слова, слова старого охотника и сказителя. Цепочка за цепочкой легли волны на чистые листы. Вечные волны.

И старик подумал: вечно и жизнь. Она живёт, передаваясь из поколения в поколение»³³¹. Вот он, философский ключ повести. Жизнь вечна! Но только в том случае, если она будет передаваться от поколения к поколению. А чтобы это случилось, на земле должны царить любовь, добро, красота, бережное отношение человека ко всему, что дарит ему земля. Люди должны жить по тем законам, которые создала сама Природа. Возможно ли это? В финале повести измученный долгим пребыванием в тайге Изгин пытается убрать расставленные кем-то капканы на звериной тропе, чтобы случайно лисовин со своей рыжей подругой не угодили в них в пылу брачных ухаживаний. Но капканов много, всех и не найти под снегом, и не убрать! А жизнь должна продолжаться! Повесть заставляет читателей задуматься о сокровенном для человека – о жизни и смерти, будит мысли о времени и о себе, о своём предназначении.

Рассказывая о судьбе нивхского старика-охотника, писатель поднимает общечеловеческие нравственно-философские проблемы, которые звучат в произведениях русских и зарубежных писателей, тем самым продолжая литературные традиции.

Кроме философского содержания, повесть интересна ещё и тем, что писатель погружает читателей в самобытный образ жизни нивхов, показывает картины охоты, рыбалки, взаимоотношения внутри родов. Всё творчество Владимира Санги – это живописание нивхского народа, но повесть «Изгин» занимает в нём особое место благодаря поэтичности, с которой писатель рисует картины жизни своего народа. А как хороши сахалинские пейзажи, щедрой рукой мастера богатой россыпью представленные в повести! Перед читателями предстаёт суровая, великая природа Сахалина, с её загадками, «вечными словами», которые люди должны услышать и понять.

Повесть «Изгин» по праву является жемчужиной творчества Владимира Санги.

По законам предков

Особое место в творчестве писателя занимают два романа: «Ложный гон», написанный в 1965 году, и «Женитьба Кевонгов», появившаяся в печати в 1975

³³¹ Санги, Владимир. Изгин. – С. 21.

году. В романах в полной мере находит отражение трепетное отношение писателя к судьбе и обычаям своего народа, национальной культуре и традиционному быту, к земле своих предков – Сахалину.

В романе «Ложный гон» Владимир Санги рассказывает о своём современнике юноше-нивхе Пларгуне, который, перед тем как уехать продолжать образование в городе на Неве после окончания средней школы, впервые отправляется в тайгу на промысел пушного зверя. Там он получает уроки таёжной жизни, проходит своеобразное «крещение» тайгой, становится охотником. Стать охотником для нивха – это утвердиться в жизни, утвердиться среди своих родичей, научиться понимать законы природы, разбудить в себе дух предков, почувствовать, наконец, себя мужчиной. Пларгун проходит целый ряд суровых испытаний, прежде чем в нём заговорит охотник и придёт к нему охотничья удача: плутает в тайге, голодает, замерзает ночью в снегу, его ранит зверь, он неумело преследует добычу... В финале повести старый охотник Лучка, в своём роде наставник юноши, с доброй усмешкой вспоминает, «как юноша впервые вошёл в тайгу и сколько было у него нелепых случаев... А теперь юноша – не юноша, а муж!»³³². Лучка огорчается, что забываются старые обычаи. «А сколько среди них нужных и прекрасных!» – думает старик. И он не сомневается, что благодаря знанию обычаев, соблюдению охотничьих традиций юноша не погиб в тайге, не оплошал в охоте, не растерялся в сложной жизненной ситуации.

Но сахалинская тайга не только опасна, своенравна, непредсказуема и сурова. Она прекрасна в своей первозданности, величии, тайне. Особенно завораживающе красива для писателя тайга зимой, когда охотник-нивх выходит на промысел пушного зверя. В тайге идёт своя, неведомая человеку жизнь, полная красок, драматизма, любви. Владимир Санги щедро делится с читателем картинками из жизни многочисленных её обитателей. «Тайга молчала. Лишь маленькие и лёгкие, как пушинки, синички копошились на нижних ветках старых елей, ворошили космы провисших чёрных лишайников, внимательно всматривались блестящими круглыми глазёнками в трещины коры, отщипывали от неё чешую и, уколов тишину тонким писком, перелетали на следующее дерево. На чистом снегу аккуратные крестики – следы рябчиков. От дерева к дереву словно два ряда бисера. У основания дерева в сугробике дырка, будто снег пронзили прутom. Это следы мыши. А вот белка размашисто чиркнула по пороше и взлетела на ель... Следы зайцев и лис попадались часто... Потом Пларгун увидел свежие следы оленей... Олени то шли гуськом, то рассыпались... Охотник прочитал по следам: самцы то и дело сходились и упорно бились... Два молодых хора беспокоили стадо. Третий, высокий, могучий хор набрасывался на соперников, отгоняя их от важенок. Пларгун вдруг узнал в стройном хоре того бурого самца, который ещё до снегопада выиграл на лесной поляне жестокий бой у старейшего великана. Теперь хор-владыка обзавёлся гаремом. В тайге сильный владеет всем... И этот закон тайги вполне оправдан»³³³.

В тайге побеждает и выживает сильный. Это относится и к человеку в полной мере. У Владимира Санги человек в тайге может жить, если встанет вровень с

³³² Санги, Владимир. Ложный гон / Владимир Санги // Избранное : в 2 т. – Т. 1 : Романы и повести. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 313.

³³³ Там же. – С. 262.

её обитателями, если может читать её законы и жить по её законам. Человек, познавший уроки тайги, уверен писатель, не пропадет в жизни, преодолеет все преграды, которые появляются на его пути.

Рис. 59. Книга В. М. Санги «Женитьба Кевонгов»

Роман «Женитьба Кевонгов», написанный через десять лет после «Ложного гона», восходит к тем временам, когда нивхи начинают активно общаться с внешним миром, ко второй половине XIX века. Нивхи не знают этого мира, они чисты и наивны, живя по законам природы, они не всегда распознают коварство, обман, легко попадают в социальные ловушки, разставленные пришлыми людьми, жаждущими наживы. В предопределённый родовой мир нивхов начинает проникать коррозия цивилизации. Рушатся традиции, люди начинают пренебрегать обычаями, меняется вековой ход жизни. Большое место в жизнеустройстве нивхов занимает родовое племя, продолжение рода – одна из основных задач народа. Эта тема поднимается писателем во всех произведениях, звучит она и в «Изгине», и в «Ложном гоне». В «Женитьбе Кевонгов» эта центральная тема романа. Продолжение рода – продолжение жизни на земле. Но для нивхского народа наступают времена, когда издревле сложившийся порядок сватовства и создания семьи внезапно меняется. И это приводит к тому, что всё меньше рождается детей и скудеют роды. Главный герой романа, старейшина маленького рода Кевонгов, Касказик, прикладывает все усилия, чтобы не допустить угасания своего рода. «Он будет виноват, если на его сыновьях оборвется род. Земля будет жить. А рода Кевонгов не будет! Эта мысль преследует Касказика. Где бы он ни был – на охоте ли, на рыбалке, спит ли с женой в своём тёплом торафе – не отстаёт от него эта дума»³³⁴. И это касается не только рода Кевонгов. «В дальних своих поездках Касказик понял, что смерть грозит не только его роду. В некоторых стойбищах ему рассказывали: в таком-то роду ещё несколько ань назад было двадцать человек. А теперь только шестеро. В другом же роду всего трое. Касказик ужаснулся: нивхи, похоже, вымирают!»³³⁵. Но все меры, предпринятые Касказиком, не дают результата. Его сыновья остаются без жён. В финале романа читатель видит Касказика обманутым, униженным, взывающим: «Что случилось в этом мире? Что случилось, лю-ю-ю-ди?»³³⁶. А случилось следующее: к нивхскому народу приходят законы другого мира, вытесняя заветы предков, нарушая связь времен, диктуя новые условия жизни. Хорошо это или плохо? Для старейшины рода Кевонгов это равносильно смерти.

³³⁴ Санги, Владимир. Женитьба Кевонгов. Избранное : в 2 т. / Владимир Санги. – Т. 1 : Романы и повести. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 161.

³³⁵ Там же. – С. 162.

³³⁶ Там же. – С. 206.

Песнь о своём народе

Творчество Владимира Санги основано на глубоком знании фольклорных истоков народной жизни, на любви к своему народу. «В школьные годы, – пишет Владимир Санги, – я прочитал много из того, что было написано о народах Севера, о моих соплеменниках-нивхах. И хочу сказать откровенно, что многое из написанного меня не удовлетворило, вызывало во мне какой-то внутренний протест, а часто даже обиду: о нивхах заезжие авторы рассказывали всякие небылицы. Я довольно быстро понял, что такое неуважение к нам, исконным жителям Севера, часто идёт не только от предвзятости, но и от незнания нас, нашего образа жизни, нашей древней истории, самобытной и прекрасной культуры, удивительных языков, создавших за тысячелетия нашего существования неповторимые сказания, легенды, эпические песни. И тогда я решил: расскажу о своём народе сам. Покажу его таким, каким его знаю я – сын нивхов»³³⁷. Первая книжка писателя – «Нивхские легенды» – становится началом художественного осмысления писателем фольклорного наследия своего народа. На протяжении всего своего творчества Санги собирает, литературно обрабатывает легенды и сказки, сохранённые нивхским народом. Во всех его произведениях звучат нивхские предания, песни, сказания, легенды. Герои его произведений, среди которых старый охотник Изгин, юноша Плоргун, старейшина рода Касказик, наделяются фольклорными чертами. «Фольклорный материал помогает читателю глубже, обостреннее воспринять нравственно-философский смысл, жизненную, чаще всего драматическую суть того или иного конкретного эпизода, а также всего произведения в целом»³³⁸.

Творчество Владимира Санги – это своеобразный литературный памятник нивхам, это песнь, которую писатель слагает в честь народа, среди которого он родился, вырос и продолжает жить, прилагая все усилия, чтобы уникальная национальная культура не иссякла и не была развеяна ветрами эпох.

Литература: Вуколов, Л. И. Владимир Санги / Л. И. Вуколов. – М., 1990 ; Нивхская литература : материалы и исследования / сост. В. Огрызко. – М., 2010 ; Смольников, И. Родники современной прозы / И. Смольников // Санги, Владимир. Избранное : в 2 т. – Т. 1 : Романы и повести. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 3–14 ; Ханбеков, Л. В. Открытое сердце народа. Очерк творчества В. Санги / Л. В. Ханбеков. – Владивосток, 1978 ; и др.

Т. Е. Шумилова

³³⁷ Санги, В. Мифы моего детства // Детская литература. – 1988. – № 12. – С. 58.

³³⁸ Смольников, И. Родники современной прозы / И. Смольников // Санги, Владимир. Избранное : в 2 т. – Т. 1. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 14.

4.3. Сахалинское отделение Союза писателей СССР (России) и его деятельность

От литературного объединения к региональному отделению

Рис. 60. Книга Н. П. Петроченкова «Сахалинская новь»

1 мая 1925 года был издан первый номер газеты «Советский Сахалин». На страницах этой, со временем приобретшей статус самой массовой в области газеты с разными интервалами появлялись литературные страницы, авторами которых выступали не только журналисты, но и представители разных профессий – от рабочих до интеллигенции. Тем самым благодаря газете со временем (в особенности в послевоенные годы) была подготовлена особая творческая атмосфера. В 1954 году в редакции газеты «Советский Сахалин» (возглавляемой до 1958 года Александром Львовичем Аверичевым) была создана издательская группа, которая в июне 1955 года инициировала образование литературного объединения под руководством Николая Петровича Петроченкова (1922–1978), известного сегодня только по раритетной книге «Сахалинская новь»³³⁹ (1959). Создание в 1958 году Сахалинского книжного издательства (просуществовавшего до 1963 года, а позже преобразованного в Сахалинское отделение Дальневосточного книжного издательства) и работа литературного объединения были важными событиями для организации литературной жизни на Сахалине и Курильских островах.

В 1961 году на Сахалин приехал прозаик, драматург, член Союза писателей СССР (1952) Николай Иванович Максимов (1911–1993). Широкую известность Н. И. Максимова принёс роман «Поиски счастья» (1952, более 10 переизданий), повествующий о судьбах чукотского народа и русских поселенцев на Аляске в первой половине XX века. К началу жизни на Сахалине Максимовым уже были написаны такие книги, как роман «Шуми, Амур» (1959), сборник прозы «Первый урок» (1960) и др. В сахалинский период будут созданы кроме прочего ещё и пьесы: «Земное тяготение» (1962, в соавт.), «Двенадцатый час» (1964), «Бунт в океане» (1968, поставлена Сахалинским драматическим театром им. А. П. Чехова). С момента приезда на остров и вплоть до 1967 года Максимов возглавлял областное литературное объединение, которое стало своего рода предтечей появления собственных писательских кадров на Сахалине и Курильских островах. В конце 1950 – начале 1960-х годов на Сахалине заметно активизировалась литературная обстановка. Так, в феврале 1965 года остров посетила одна из творческих бригад, в состав которой входил Валерий Владимирович Шульжик (род.

Рис. 61. Книга Н. И. Максимова «Поиски счастья»

³³⁹ На эту книгу Р. Ф. Казакова написала рецензию. См.: Казакова, Р. Дальний Восток / Р. Казакова, Н. Петроченков // Советский Сахалин. – 1959. – 13 сент. – С. 4.

1939), широкоизвестный в настоящее время книгами о поросенке Фунтике³⁴⁰ — мультипликационном герое, появившемся на экранах в 1985 году. Впечатления о Сахалине Валерий Владимирович Шульжик передал в своей песне «Сопки стоят затененные»³⁴¹. Проходили на Сахалине и иные встречи со столичными и дальневосточными литераторами. Таким образом, более чем десятилетней деятельностью объединения было подготовлено создание Сахалинского отделения Союза писателей СССР.

18 июля 1967 года в Южно-Сахалинске состоялось торжественное открытие Сахалинского отделения Союза писателей СССР. В 1967 году членами Союза писателей СССР уже являлись А. С. Ткаченко, В. М. Санги, И. Е. Белоусов, Е. Д. Лебков, а также приехавшие на Сахалин из других регионов СССР Ким Цын Сон, Н. И. Максимов и А. А. Пассар. 18 июля 1967 года состоялось учредительное собрание писателей Сахалинской области. Для участия в нём на Сахалин приехали руководители правления Союза писателей РСФСР во главе с Леонидом Сергеевичем Соболевым (1898–1971), советские писатели и поэты: Александр Иванович Смердов (1910–1986), Николай Елисеевич Шундик (1920–1995), Всеволод Алексеевич Сурганов (1927–1999), Римма Фёдоровна Казакова (1932–2008) и др.

На собрании был избран ответственный секретарь СО СП РСФСР, им стал поэт Иван Емельянович Белоусов (1933–2000), руководивший Сахалинским отделением с 1967 по 1988 год. С 1988 года СО СП РСФСР возглавил Николай Антонинович Тарасов (род. 1947).

В 1967 году был организован первый областной семинар молодых писателей Сахалина, в дальнейшем такие встречи проходили с периодичностью один раз в два года. Региональное отделение Союза писателей объединило вокруг себя творческую молодёжь: постоянно проводились «Литературные четверги» с участием широкого круга молодых авторов, обсуждались новые рукописи, наиболее интересные из которых выносились на устраиваемые совместно с областным комитетом Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи (ВЛКСМ) областные семинары. Многие литераторы Сахалина и Курильских островов побывали на аналогичных семинарах в Чите, Иркутске, Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском, выезжали на Всесоюзные совещания молодых писателей в Москве. За два последующих десятилетия (1967–1987) СО СП РСФСР численно выросло, членами Союза писателей СССР стали А. К. Мандрик, Ю. И. Николаев, М. П. Финнов, О. П. Кузнецов, В. А. Богданов, Б. П. Репин, Е. Н. Замятин и Н. А. Тарасов. В это же время были изданы книги авторов литературного актива при писательской организации: О. Д. Голубевой, А. А. Дёшина, С. И. Завьяловой, Л. С. Сапрыгиной-Антипиной, В. Г. Матковского, А. В. Морозова, В. Ф. Матросова, В. В. Чесалина, С. А. Надеина, В. Е. Кукушкина, В. В. Денисова и др. В советское время вышли в свет почти двадцать выпусков

³⁴⁰ См., например: Шульжик, Валерий. Фунтик почти попался. Сказка / Валерий Шульжик. — М., 2000. — 79 с. ; Шульжик, Валерий. Фунтик и старушка с усами / Валерий Шульжик. — М., 2000. — 71 с. ; Шульжик, Валерий. Фунтик Неуловимый / Валерий Шульжик. — М., 2000. — 63 с.

³⁴¹ См. текст песни: Шульжик, Валерий. Сопки стоят затенённые / Валерий Шульжик // Молодая гвардия. — 1965. — 7 фев. — С. 4.

литературно-художественного сборника «Сахалин». Кроме того, были изданы четыре поэтических кассеты (небольшие книжки карманного формата) со стихотворениями более чем двадцати авторов.

Произведения писателей и поэтов Сахалинской области публиковались в центральных книжных издательствах: «Советский писатель», «Современник», «Молодая гвардия», «Детская литература» и др. Сахалинская литература была представлена в известных журналах: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Наш современник», «Звезда Востока», «Байкал», «Волга», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Нева», «Аврора», «Огонёк», «Смена», в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия», в альманахах «Поэзия» и в других изданиях.

В 1972 году при СО СП РСФСР было создано Бюро пропаганды художественной литературы, занимавшееся организацией творческих встреч писателей с читателями Сахалинской области. Традицией стало проведение Дней и Декад литературы с участием гостей из Москвы, Ленинграда, союзных республик. По приглашению писательской организации в Сахалинскую область неоднократно приезжали творческие бригады во главе с известными писателями СССР: Сергеем Сергеевичем Смирновым (1915–1976), Михаилом Александровичем Дудиным (1916–1993), Даниилом Александровичем Граниным (род. 1919) и др.

В конце 1980 – начале 1990-х годов благодаря выпуску новых сборников молодых авторов в Союз писателей СССР приняли А. С. Тоболяка (1935–2001), В. В. Денисова (род. 1953), В. Г. Балюка (1954–1995), Л. Г. Баженову (род. 1957), В. В. Семенчика (род. 1962).

В 1990-е сократилось финансирование, уменьшился штат СО СП СССР, закрылось Бюро пропаганды художественной литературы, отделение лишилось собственного помещения. На фоне возникших финансовых проблем приостановился выпуск книг. Значительно сократился численный состав организации: некоторые писатели выехали за пределы Сахалинской области (так, например, В. В. Денисов с 1994 года живёт в Уфе), некоторые умерли.

В 1994 году после преобразования СП РСФСР в Общероссийскую общественную организацию «Союз писателей России» Сахалинская писательская организация стала называться «Сахалинское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (СРО ООО СПР).

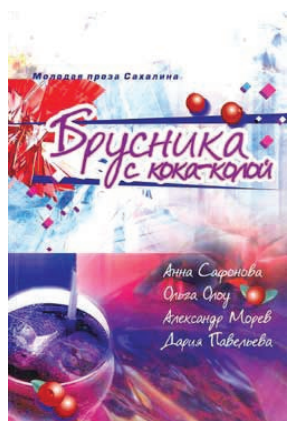

Рис. 62. Сборник прозы «Брусника с кока-колой»

В конце 1990 – начале 2000-х годов были изданы новые книги В. В. Семенчика, Таи Немовой, М. Д. Зайцевой, Н. А. Тарасова, Е. А. Машуковой, Романа Хе, В. И. Плотникова, В. В. Горбунова, С. Д. Яна, А. А. Сафоновой, Е. В. Намаконовой и др. Вышли в свет роман, повести и избранное А. С. Тоболяка, произведения О. П. Кузнецова, А. М. Орлова, В. М. Санги, Ирины Левитес, сборник прозы молодых авторов Сахалина «Брусника с кока-колой» (в который вошли произведения А. А. Сафоновой, А. С. Моревой и других), сборник «Творчество молодых» (2006, 2008), представляющий поэзию, прозу сахалинских литераторов, а также работы сахалинских художников. В это время появились новые поэтические кассеты «Молодые поэты Сахалина» (2000, Д. В. Борисов, А. А. Сафонова и др.),

«Время года – Весна» (2009, А. В. Семичаевский, Н. В. Ершова, И. В. Чаленко и др.). С 1998 года возобновилось издание литературно-художественного сборника «Сахалин».

В начале 2000-х годов начинающие сахалинские авторы принимали участие в работе форумов молодых писателей России (Москва, 2002–2009), семинаров молодых детских писателей (Переделкино, 2004; Ясная Поляна, 2006; Спасское-Лутовиново, 2007), проводимых Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (Фонд СЭИП) С. А. Филатова. С 2005 года (один раз в два года) при поддержке управления молодежной политики и департамента образования Сахалинской области, а также при участии писательской организации и Центра внешкольной воспитательной работы организуются слёты молодых литераторов Сахалина и Курильских островов. Вместе с этим продолжают налаживаться новые контакты писателей Сахалина с журналами «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «День и Ночь», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Рубеж» и др. В последние годы несколько островных писателей стали лауреатами премий Сахалинского фонда культуры, премии губернатора Сахалинской области, номинантами и лауреатами различных российских премий и конкурсов в области литературы.

С конца 1990-х годов в члены Союза писателей России приняты Роман Хе, М. Д. Зайцева, В. И. Плотников, А. А. Сафонова, Тая Немова, С. Д. Ян, В. В. Горбунов, Ирина Левитес, Е. А. Машукова. На июнь 2014 года на учёте в СРО ООО СПР состоит 14 членов Союза писателей России: Людмила Георгиевна Баженова, Вадим Вилорьевич Горбунов, Владимир Николаевич Гринь, Марина Дмитриевна Зайцева (Гольберг), Вячеслав Александрович Каликинский, Ирина Левитес (Ирина Даниэлевна Остапенко), Анатолий Михайлович Орлов, Владимир Иванович Плотников, Владимир Михайлович Санги, Анна Алексеевна Сафонова, Владимир Владимирович Семенчик, Николай Антонинович Тарасов, Роман Хе (Хо Нам Ёги), Сергей Дмитриевич Ян (Ян Су Бок). За последнее время из Сахалинского отделения Союза писателей России выбыла с отъездом в Орловскую область Елена Анатольевна Машукова (род. 1963).

Сахалинское региональное отделение Союза писателей России и в настоящее время старается поддерживать связи с творческой интеллигенцией из разных уголков страны. Осенью 2010 года во время проведения юбилейной конференции, посвящённой А. П. Чехову и его книге «Остров Сахалин», Сахалинскую область посетили Пётр Маркович Алешковский (род. 1957), Юрий Михайлович Кублановский (род. 1947), Светлана Васильевна Кекова (род. 1951), Павел Михайлович Крючков (род. 1966) и др.

А уже через год, осенью 2011 года, на Сахалин в рамках областного фестиваля «О России с любовью» приехали Лев Александрович Аннинский (род. 1934), Алексей Николаевич Варламов (род. 1963), Валерий Фёдорович Дударев (род. 1965), Александр Алексеевич Яковлев (род. 1955) и другие авторы. Маршрут писателей пролегал через следующие населённые пункты: Южно-Сахалинск, Смирных, Поронайск, Корсаков, Анива, Невельск, Долинск, Холмск.

Е. А. Иконникова, А. А. Сафонова

«Дальний Восток», «Сахалин» и другие сборники

Литературно-художественный журнал «Дальний Восток» стал одним из первых изданий, на страницах которого осуществлялись публикации работ авторов Сахалина и Курильских островов. Журнал был основан в октябре 1933 года под названием «На рубеже». Современное название «Дальний Восток» журнал имеет с 1946 года. Первоначально (1959–1992) с небольшими исключениями журнал издавался ежемесячно и представлял Хабаровское отделение Союза писателей РСФСР. На первом этапе формирования в журнале публиковались не только произведения советских авторов, но и переводы, критика, культурные, социально-политические обзоры сопредельных стран (США, Вьетнама, Китая, Кореи, Монголии, Японии и др.). В настоящее время на страницах «Дальнего Востока» главным образом освещается творчество российских писателей, предлагаются обзоры книжных новинок, различных литературных и культурных мероприятий.

В состав редакционной коллегии в разные годы входили авторы Сахалина: В. М. Санги, И. Е. Белоусов, О. П. Кузнецов, А. С. Ткаченко, Н. А. Тарасов (в настоящее время член редакционной коллегии). Сахалин и Курильские острова в журнале всегда были представлены большим количеством авторов. В «Дальнем Востоке» публиковались: А. Б. Баюканский, И. Е. Белоусов, В. А. Богданов, А. А. Дёшин, Л. В. Дорофеева, Е. Н. Замятин, О. П. Кузнецов, Ким Цын Сон, Ирина Левитес, Е. Д. Лебков, Н. И. Максимов, А. К. Мандрик, Ю. И. Николаев, Тая Немова, А. А. Пассар, Н. П. Петроченков, В. И. Плотников, А. И. Пушкарёв, Л. С. Сапрыгина-Антипина, Б. П. Репин, А. А. Сафонова, В. Н. Старовойтов, В. В. Семенчик, Н. А. Тарасов, А. С. Ткаченко, А. С. Тоболяк, С. Г. Феоктистов, М. П. Финнов, С. Д. Ян и др. Кроме того, на страницах журнала выступали островные историки, политики, литературоведы, критики, библиографы: В. Г. Борисова, М. В. Гридяева, М. И. Ищенко, Н. И. Казакова, А. И. Костанов, В. А. Мамонтов, И. Б. Михнова, С. А. Пономарёв, Ю. Д. Проклов, А. Н. Рыжков и др. Несколько номеров «Дальнего Востока» были посвящены Сахалинской области (в 1955, 1960, 1973, 1981 и других годах).

Литературно-художественный сборник «Сахалин» издаётся с 1962 года. Первые сборники были опубликованы в 1962, 1967 и 1969 годах. Начиная с 1973 по 1991 год «Сахалин» издавался ежегодно. С 1998 года издание «Сахалина» возобновилось, к настоящему времени в свет вышли шесть сборников (1998, 2000–2001, 2003–2004, 2007, 2010, 2013). В разные годы в число составителей «Сахалина» входили: И. Е. Белоусов, А. А. Дёшин, О. П. Кузнецов, А. К. Мандрик, А. В. Морозов, Ю. И. Николаев, В. И. Переверзев, Б. П. Репин, А. А. Сафонова, Н. А. Тарасов, М. П. Финнов и др.

В советское время в составе сборника выделялись отделы прозы и поэзии, публицистики и литературной критики, сатиры и юмора, произведения для детей, публиковались иллюстрации самобытных и профессиональных художников (В. И. Арнаутова, Дё Сон Ена, Г. М. Манткавы, А. Я. Мезиса, Е. И. Пушкарёвой, Ю. В. Степанова, В. В. Тихомирова и др.). С 1970-х годов в сборнике появились фотоиллюстрации (Б. Н. Кречетова и др.). В сборники

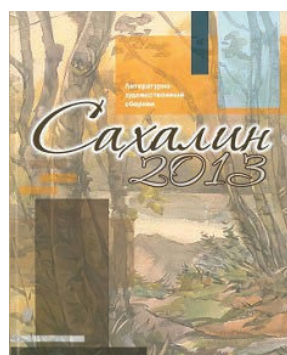

Рис. 63. Литературно-художественный сборник «Сахалин-2013»

«Сахалин» разных лет включались научные публикации литературоведов, лингвистов и историков Сахалинской области: К. М. Браславца, М. В. Теплинского, Д. А. Рачкова, О. Ф. Силутиной, А. Н. Рыжкова, В. А. Мамонтова, И. Б. Михновой, А. М. Пашкова, Р. Р. Маймана, В. М. Латышева, А. И. Костанова, С. А. Веднёвой, Т. Е. Шумиловой, В. И. Чудиновой, М. С. Высокова, Е. А. Иконниковой и др. В отдельные годы в «Сахалине» издавались работы учёных из других регионов СССР, например москвича В. Я. Канторовича, минчанина С. В. Букчина и др. С 1974 года в сборнике появился лаконичный раздел с информацией о публикующихся авторах (в последующем этот раздел присутствовал не всегда, что затруднило поиск авторов в настоящее время). В 1992 году выход «Сахалина» был приостановлен из-за отсутствия финансирования. Однако уже в 1998 году Сахалинское областное книжное издательство возобновило публикацию сборника, который стал печататься на современном художественном уровне и с учётом нового полиграфического оформления.

В разные годы на Сахалине издавались и другие литературно-художественные коллективные сборники, в название которых включалось слово «Сахалин». Инициатором выхода в свет сборника «Родной Сахалин» (1956) стала газета «Советский Сахалин», в которой с 1920-х годов регулярно публиковались литературные страницы, представляющие творчество разных самобытных авторов. Наряду с этим изданием известны и такие сборники, как «Литературный Сахалин» (1959, 1960) и «Наш Сахалин» (1963). В 1997 году в Сахалинском книжном издательстве вышел в свет литературно-художественный альманах «Остров», дизайн которого полностью был воспроизведён в вышедшем после долгого перерыва сборнике «Сахалин» за 1998 год. Однако все эти сборники, в отличие от «Сахалина», не имели периодичности. Рецензии на разные сборники «Сахалин» публиковались не только в местной печати, но и во всероссийских средствах массовой информации: в «Литературной газете», в журналах «Октябрь», «Сибирские огни», «Дальний Восток» и других изданиях.

Творчество сахалинских авторов регулярно присутствует на страницах дальневосточного ежегодника «Рубеж» (возобновлен с 1992 года под редакцией Александра Владимировича Колесова), в котором в разные годы публиковались стихи, проза и переводы В. В. Семенчика, литературные эссе Е. А. Иконниковой, научно-популярные работы по истории В. М. Латышева и М. М. Прокофьева, проза В. А. Каликинского и др.

Творческие объединения: «Островитяне» и «Лира»

Большое значение в формировании литературной жизни в Сахалинской области имели разного рода литературные объединения, в состав которых входили начинающие авторы. Так, с 1981 до 1994 года в Южно-Сахалинске работало творческое объединение «Островитяне»: на его встречах участники обсуждали рукописи, обменивались опытом, выезжали в библиотеки и на производства для общения с читателями. Промежуточным итогом деятельности объединения стал сборник поэзии и прозы молодых авторов «На ветрах» (1989). В книгу вошли произведения А. А. Губера (в то время семиклассника, самого юного участника объединения), А. В. Норина, Л. Н. Палий, Е. М. Чигрина, С. Е. Чинарова, Л. А. Широковой и др. Руководила объединением Людмила

Георгиевна Баженова, сопроводившая сборник лаконичным рассказом об особенностях творчества представленных в книге авторов³⁴². Сборник вышел в свет в количестве трёх тысяч экземпляров. Весь тираж был осуществлен за счёт средств Сахалинского областного комитета ВЛКСМ.

На протяжении долгого времени каждое последнее воскресенье месяца в здании ЮСГПИ, расположенном по адресу: город Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, дом 33, собирались «островитяне» (общее количество которых приближалось к 50 членам) для участия в семинарах начинающих авторов. В здании ЮСГПИ в те годы располагался Сахалинский фонд культуры (исполнительный директор – Раиса Борисовна Абрамова), который предоставлял организационную помощь «островитянам».

Активность «Островитяне» стали проявлять в 1994 году, когда объединение возглавил Евгений Михайлович Чигрин (род. 1961). Так, в январском выпуске «Молодой гвардии» (редактор – Людмила Николаевна Степанец) «Островитянам» был отдан почти целый газетный разворот. Читателям предлагались стихи Я. В. Сафонова из Поронайска и А. В. Чубича из Охи, «Почти фантастическая история» «Петькина и Генкина Луна» Г. А. Медара и произведения других начинающих авторов³⁴³. Через два с половиной месяца вновь в «Молодой гвардии» была размещена литературная страница с представлением творчества: Я. В. Сафонова, Ю. И. Немнонова, Е. А. Мухина и др. Одновременно с этим в феврале 1994 года в рубрике «Родники» в «Советском Сахалине» (главный редактор – Владимир Михайлович Сорочан) вышла статья Андрея Давыдовича Губера (1939–1994) «Выживите, островитяне». Он писал о плачевном финансовом состоянии объединения: главная проблема состояла в невозможности публикаций для молодых авторов и как следствие – отсутствие оценок со стороны читателей и критики. «Без постоянного притока молодых, свежих сил, – отмечал А. Д. Губер, – литературная жизнь области обречена на медленное угасание»³⁴⁴. В этом же году объединение «Островитяне» распалось.

В 1997 году было создано новое творческое объединение – «Лира», ставшее продолжателем традиций литературной учёбы на Сахалине. Название объединения было предложено А. А. Сафоновой (одной из первых участниц объединения), руководство «Лирой» взял на себя Н. А. Тарасов. Довольно продолжительное время участники «Лир» проводили литературные среды в гостиниой литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (ул. Курильская, д. 42): вспоминали ушедших авторов, знакомились с новыми книгами, представляли творчество начинающих поэтов и прозаиков.

Объединение существует более пятнадцати лет. В настоящее время творческие встречи людей разных возрастов проходят с периодичностью один раз в месяц. С 2012 года участники «Лир» собираются в стенах Сахалинской областной универсальной научной библиотеки. Во время встреч делаются обзоры опубликованных произведений за прошедший месяц, обсуждаются рукописи

³⁴² На ветру. Сборник поэзии и прозы молодых авторов литературного объединения «Островитяне». – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 3–4.

³⁴³ «Островитяне» // Молодая гвардия. – 1994. – 25 янв. – С. 2–3.

³⁴⁴ Губер, А. Выживите, островитяне / А. Губер // Советский Сахалин. – 1994. – 23 фев. – № 35 (20406). – С. 3.

прозы и поэзии, планируются разные мероприятия, происходят знакомства с новыми авторами как из Южно-Сахалинска, так и из районов области. За время существования «Лиры» членами Союза писателей России стали Е. А. Машукова и А. А. Сафонова.

Члены «Лиры» участвуют в ежегодной областной библиоярмарке «Сахалинский Арбат», выступают перед читателями в библиотеках и учебных заведениях. Произведения участников «Лиры» публикуются на страницах областных изданий Сахалинской области: «Молодая гвардия» (до закрытия газеты в 2007 году), «Южно-Сахалинск сегодня», «Губернские ведомости» и др. В составе литературно-художественного сборника «Сахалин» всегда предусмотрены страницы для авторов «Лиры». В февральском номере журнала «Юность» (главный редактор – Валерий Фёдорович Дударев) за 2012 год была представлена большая подборка лирики молодых сахалинских поэтов. Среди участников «Лиры» в разные годы выделяются: О. С. Асеева, О. А. Баклаков, Е. В. Намаконова, А. В. Семичаевский, Ольга Олоу (О. В. Семенчик), Ася Сенина (А. Е. Сенина) и мн. др.

О деятельности «Лиры» сообщается в периодических изданиях Сахалинской области. Месту сахалинской литературы на карте России посвящены статьи А. А. Сафоновой в «Литературной газете» и журнале «Знамя».

Детская литература Сахалина

Под детской островной литературой подразумевается комплекс написанных авторами Сахалинской области произведений разных жанров и проблематики. В советское время такие произведения публиковались в московском издательстве «Детская литература», в центральных периодических изданиях, ориентированных на детей («Мурзилка», «Ласточка» и др.), в специальных разделах журналов и литературных сборников («Нева», «Аврора», «Крестьянка», «Звезда Востока», «Дальний Восток», «Сахалин» и др.). В разные годы на Сахалине издавались коллективные сборники для детей дошкольного и младшего школьного возраста: «Веселинка» (1984), «Медвежий островок» (1996), «Вышел краб погулять» (2001), «Кораблик» (2002) и др.

Популярность у читателей Сахалинской области имела книга А. П. Цилина «Степка-сахалинец» (1962). В настоящее время сахалинская детская литература представлена прозой А. А. Василевского (род. 1957), О. П. Кузнецова (1936–2009), В. М. Мятяшова (род. 1964), В. М. Санги (род. 1935) и др. Стихи и проза, адресованные детям дошкольного и младшего школьного возраста, написаны А. А. Дёшиным (1926–2010), Н. К. Капустюк (род. 1950), Е. А. Машуковой (род. 1963), Е. В. Намаконовой (род. 1972), А. М. Орловым (род. 1947), И. Г. Рогожкиным (род. 1947), Н. И. Савченко (род. 1937), Л. С. Сапрыгиной-Антипиной (1935–1986) и др. К жанру сказки обращались С. А. Надеин (1929–1981), А. А. Пассар (род. 1928), В. В. Чесалин (1938–1991) и др.

Рис. 64. Книга Л. В. Дорофеевой «Азъ буки»

К сахалинской детской литературе относятся и книги на нивхском языке, например стихи В. М. Санги в переводах Н. А. Тарасова или нивхские сказки (русский пер. сборник «Сказки бабушки Ныгвик», 2009 и др.). Интересны поэтические языковые опыты Л. В. Дорофеевой (род. 1941) – автора двух книг: серии детских стихотворений на старославянском языке «Азь буки» (2008) и сборника стихотворений для детей «Круг» («Ring») (2012) на русском и английском языках.

Литература: Камышев, В. И. Образ острова. Штрихи к литературному портрету Сахалина / В. И. Камышев // Дальний Восток. – 1992. – № 2 – С. 144–157 ; Михнова, И. Мы живём на островах (Писатели Сахалина – детям) / И. Михнова // О литературе для детей. – Л., 1976. – С. 94–101 ; Сафонова, А. Сахалинская тетрадь (Опыт литературных обобщений) / А. Сафонова // Знамя. – 2010. – № 3. – С. 207–211 ; Сафонова, А. Южно-Сахалинск: из истории создания сахалинской писательской организации и литературного объединения «Лира» / А. Сафонова // Литературная газета. – 2009. – 4–10 марта 2009. – С. 6 ; Тарасов, Н. Молодая поэзия Сахалина: развитие и тенденции / Н. Тарасов // Юность. – 2012. – № 2. – С. 3–5 ; и др.

Е. А. Иконникова

4.4. Анатолий Тоболяк: жизнь и творчество

С Сахалина – в Израиль

Анатолий Тоболяк (1936–2001) – это литературное имя. По паспорту – Анатолий Самуилович Прицкер. Родился в городе Сталинске (в настоящее время – город Новокузнецк) Кемеровской области 31 июля 1936 года, ушёл из жизни в израильском городе Хайфа 15 октября 2001 года. Там и похоронен. Будучи по профессии журналистом (окончил Уральский государственный университет, факультет журналистики), поездил по стране: жил и работал на Урале, на Крайнем Севере, в Эвенкии, на Таймыре, в Средней Азии. На Сахалин Тоболяк попал в 1971 году как корреспондент для работы в областном телерадиокомитете. С ним в 1975 году писатель расстался, а с Сахалином уже не смог. Именно здесь были написаны самые главные книги Тоболяка. На Сахалине он стал известным писателем; на острове нашёл друга, который на всю жизнь, с которым можно в разведку; на острове любил, мечтал, «куролесил», когда душа этого требовала... Но в 1998 году Тоболяк вдруг собрался на историческую Родину, в Израиль. Теперь, когда писателя уже нет, остаётся только догадываться, что заставило его сделать этот шаг. Но, что бы ни заставило, отъезд не нарушил крепкую связь с уже ставшим до боли родным островом. В стихотворении, которое родилось у Тоболяка по случаю отъезда, он с теплом пишет:

*Мне этот остров домом стал.
Я не нанёс ему урона.
Его построчно прочитал
И вот коленопреклоненно
Молюсь, чтоб жил и процветал.*

А с «исторической родиной» что-то «не срослось», что-то не отозвалось в сердце: письма из Израиля полны откровенной самоиронии и скрытой грусти. Именно там Тоболяк остро ощутил себя русским. В одном из писем он с юмором рассказывает, как получал израильский паспорт: «Главный документ – паспорт – теудат-зеут – получил лишь на днях... Но при этом меня категорически не признали евреем! Вы, говорят, никакой не еврей, потому что мать у вас русская!.. Я, конечно, кричать и спорить не стал, а лишь спросил: «Кто же я?» А они говорят, что в паспорт, мол, мы национальность не заносим, но у себя помечаем, что вы НЕЕВРЕЙ. Надо же! За что тогда, спрашивается, небезызвестный Гриша Фролов по пьяни нагло обозвал меня евреем? Гражданство, разумеется, остаётся российским, и паспорт российский хранится при мне. По нему я РУССКИЙ»³⁴⁵. Заметим, что слова «НЕЕВРЕЙ» и «РУССКИЙ» выделены самим Тоболяком. А ещё он остро ощутил себя РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ (выделено нами. – Т. Ш.), который может позволить себе пошутить: «Тоболяк в Израиле я один. А Прицкеров – как собак нерезаных». И там, в Израиле, писателя не оставляло чувство, что он командированный, что представляет «в государстве Израиль русско-советского гражданина», готового «полностью выполнить задание командировки»³⁴⁶. А какое у писателя может быть задание, если не сбор материала к новой книге? И она состоялась бы, да судьба распорядилась иначе. Материала для творчества было много, а вот здоровья уже не хватило. Писателя настиг тяжёлый инсульт, после которого он уже не оправился, не поднялся. Но остались его книги – талантливые, честные, бунтарские. Для Тоболяка жить значило писать, писать настойчиво, упрямо, «с внутренним сладким трепетом»³⁴⁷, главное, не фальшивя ни словом, ни фактом.

От поэзии к прозе: становление мастерства

Начал Тоболяк свой творческий путь, как и многие в писательской среде. Он дебютировал как поэт. В 1969 году в Красноярске вышел его первый и единственный поэтический сборник «Дороги». Он вышел ещё под фамилией Прицкер. Литературный псевдоним появился позже. В книжку вошло всего 14 стихотворений, но это была хорошая заявка на новое талантливое имя в литературе. Стихи молодого поэта были динамичны, упруги, крепки, как мужское рукопожатие, пронизаны романтикой путешествий, духом сибирской тайги, надеждами и тревогами молодости. Поэтом он оставался всегда, но стихов больше не публиковал. Его стихией стала проза. Правда, попробовал Тоболяк себя и в драматургии. Первая пьеса – «Экзамен» – была написана в городе Орле, где писатель жил в 1960-е годы, и поставлена на сцене Театра юного зрителя при Доме культуры машиностроителей. Ряд вполне приличных пьес был создан на Сахалине – «Визит» (1985), «Денежная комедия» (1987), «Влиятельное лицо»

³⁴⁵ Тоболяк, А. Во все тяжкие. Избранное / А. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 636–637.

³⁴⁶ Там же. – С. 637.

³⁴⁷ Тоболяк, А. Невозможно остановиться. Легкомысленный роман / А. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1994. – С. 72.

(1990). Две первых пьесы были даже поставлены в Сахалинском областном драматическом театре, но последняя сцены так и не увидела.

Известным прозаиком Тобояк, как говорится, стал в одночасье. В журнале «Юность» в 1975 году выходит его первая повесть «История одной любви», которая очень понравилась читателям и критикам. Редакция журнала отметила повесть как лучшую публикацию 1975 года, и Тобояк становится лауреатом очень престижной в СССР премии журнала «Юность», что, естественно, только подогревает интерес к повести. Её переводят на 12 иностранных язы-

ков, экранизируют в СССР и Болгарии, инсценируют в Московском театре им. Станиславского, где спектакль идёт более пятисот раз. Повесть обсуждают в молодежных коллективах, о ней пишут. Но всё же лучшие произведения писателя были ещё впереди.

В 1988 году Сахалинское книжное издательство выпускает сборник повестей Анатолия Тобояка, в который вошли такие произведения, как «Письма туда и обратно», «Попытка контакта», «Двое в доме» и «Папа уехал». Скромная книжка в обложке цвета сахалинского одуванчика. Но именно эта книга стала в определённой степени эпохальной в творчестве Тобояка. В повестях 1980-х отчётливо проявилась художественная манера писателя, сфокусировались его творческие принципы. Перед читателями явился большой мастер, художник, тонко и глубоко чувствующий, с ярким индивидуальным почерком.

Писал-то Тобояк о «делах семейных»: о брошенных детях и одиноких стариках, пьющих отцах и страдающих матерях, а ещё – о любви, смерти и одиночестве.

Рис. 65. Книга А. С. Тобояка «Письма туда и обратно»

Повести 1980-х годов

Мотив одиночества стал одним из ведущих в повестях 1980-х годов. Собственно, в повестях «Папа уехал», «Попытка контакта» уже в самих названиях заложен этот ключевой мотив. По Тобояку, одиночество – это часть существования человека, как рождение и смерть. С этим не следует, наверное, мириться, но и поделаться с этим ничего нельзя. Одиночество особенно ощутимо в болезни, в страдании, в старости, но порой оно настигает людей и в «активной жизненной фазе». Щемящее чувство сострадания вызывают герои повести «Двое в доме», двое пожилых людей, для которых одиночество – последний удел в жизни. Одиночество сквозит и в повести «Письма туда и обратно», хотя её герои молоды и здоровы. Но они не слышат, не чувствуют, не понимают друг друга. Каждый из героев повести «Папа уехал» живёт в своём одиночестве. Герои Тобояка фатально одиноки, хотя и окружены, казалось бы, близкими людьми.

Мотив смерти – это особый аккорд в повестях 1980-х. Он звучит в той или иной мере в каждом произведении. Порой смерть носит суицидный характер. Эта смерть как результат слабости человека, как расчёт с жизнью. Тобояка волнует процесс саморазрушения, самораспада, результат потери самоконтро-

ля, регенерации личности. Так умирает отец в повести «Папа уехал». Но бывает и другая смерть, когда умирает душа или очень важная её часть. Подобную смерть можно увидеть в повести «Письма туда и обратно», когда герой повествования Дима Михайлов «хоронит» веру в любовь, преданность и счастье. Одиночество, смерть в любом её виде, непонимание, душевная боль, поиск и потеря контактов между людьми для Тоболяка – это и есть сама жизнь, «непостижимая жизнь», которую ему очень хотелось бы постигнуть.

Героями повестей Тоболяк часто выбирает подростков: «Папа уехал», «Попытка контакта». Именно они, «маленькие люди», нередко становятся центром развивающихся событий, их глазами читатели следят за действием, за ними автор оставляет право судить о происходящем. Под прессингом нередко очень сложных, непостижимых для юного восприятия жизненных обстоятельств героям Тоболяка приходится быстро взрослеть, стремительно переходя из состояния детской непосредственности в иное измерение. Тоболяка глубоко волнует процесс рождения личности, её духовное и душевное видоизменение. Это схоже в чём-то с рождением бабочки из кокона. Но герои Тоболяка покидают «кокон детства» болезненно, обдирая в кровь души. К каким последствиям приведёт полученный ими жизненный опыт? Этого автор не знает. Но он не сомневается, что «уроки детства» оставляют неизгладимый след в их сердцах и душах.

Текст повестей – мозаика из внутренних монологов, писем, телеграмм, воспоминаний, документов. Повестям характерны малонасыщенный сюжет, внешне не выраженный конфликт, минимальное количество персонажей. А за всем этим – напряжённая внутренняя жизнь героев, смена и переплетение настроений, тонкое кружево душевных состояний, зыбкий рисунок мгновений, что создаёт эмоциональную плотность повествования. В 1980-е годы сложился стиль писателя. Поэтике произведений стали характерны не только лейтмотивы, но и образы-символы, метафоричность, глубокий психологизм, исповедальность, самоирония, тонкий лиризм, ассоциативность – всё то, что позволило Тоболяку встать в один ряд с писателями «новой прозы» 1990-х годов.

Постмодернистские поиски: роман «Невозможно остановиться»

Начало 1990-х годов для Тоболяка стало особенно плодотворным. Атмосфера этих лет такова, что художественный поиск, неограниченные возможности художественного эксперимента, свобода в выборе форм авторского самовыражения становятся чертами современного литературного процесса. Тоболяк был к этому готов. Его стиль сложился, писатель полон замыслов, как художник он чувствует себя свободным, раскованным и дерзким. В 1994 году в Сахалинском областном издательстве выходит в свет его главное детище – роман «Невозможно остановиться. Легкомысленный роман». Читателями он встречен неоднозначно. Некоторых роман просто раздражает – ещё бы, ведь главный герой романа, Юрий Теодоров, всегда находится либо в состоянии глубокого опьянения, либо похмелья, либо в преддверии скорой выпивки. И это позволяет думать, говорить и поступать ему очень непосредственно, по принципу «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Он немного юриди-

вый, нестандартный, выламывающийся из общепризнанных социально-нравственных норм. Он в оппозиции ко всему социально-традиционному, во что давно перестал верить. Теодорова постоянно тошнит, но не только и не столько от «Агдама», любимого вина героя, сколько от серости и суеты ежедневного существования.

Рис. 66. Книга А. С. Тоболяка «Невозможно остановиться»

Перед читателями возникает исключительно постмодернистский текст, для которого характерно пародийно-ироническое балагурство, «дурашливый трёп», позволяющий утверждать «вольное русское слово, новую, недогматическую модель мышления»³⁴⁸. Исследователи постмодернизма отмечают неоднозначность и неоднородность этого литературного явления, но всё же некоторые общие черты подобной литературы ими определены. «В постмодернизме, – пишет И. С. Скоропанова, – немало необычного, шокирующего, даже «шизоидного» – и он же эрудит, полиглот, отчасти философ и культуролог... Соединяет в себе несоединимое и элитарен одновременно; релятивист; всем видам производства предпочитает производство желания, удовольствие, игру; никому не навязывается, скорее способен увлечь, соблазнить. Характер: независимый, скептический, ироничный, втайне сентиментальный, толерантный; при всём том основательно закомплексован, стремится избавиться от комплексов. Любимые занятия: путешествия (в пространстве культуры), игра (с культурными знаками, кодами и т. д.), конструирование/переконструирование (интеллектуальная комбинаторика), моделирование (возможных миров)»³⁴⁹. Это наблюдение в полной мере можно отнести и к роману Тоболяка.

В романе «Невозможно остановиться» задействованы многие знаки современной культуры, использованы всевозможные клише-фразеологизмы, цитаты, пародии на массовую культуру (в частности, на эротические романы, в большом количестве появившиеся на книжных развалах в конце 1980 – начале 1990-х годов). Всё это помогает автору передать своё отношение к миру, который перестал его удивлять, волновать, более не дарит ему «радость бытия»³⁵⁰. Своего героя Тоболяк на протяжении всего повествования заставляет ёрничать, каламбурить, иронизировать, смеяться тогда, когда хочется «стиснуть зубы, закрыть глаза, заснуть и не проснуться»³⁵¹. Фамилия Теодоров вызывает определённые ассоциации. Теодоров созвучно со словом «тореадор». С кем или с чем вступает в бой герой? С серой действительностью, с самим собой? Берёт ли он жизнь за рога или борется с ветряными мельницами? Может быть, Теодоров – Дон Кихот нашего времени? На эти вопросы в романе нет ответов. Читателю приходится решать это самому. И финал романа открыт, многозначен, полон

³⁴⁸ Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие / И. С. Скоропанова. – М., 1999. – С. 174.

³⁴⁹ Там же. – С. 5.

³⁵⁰ Тоболяк, А. Невозможно остановиться. Легкомысленный роман. – С. 230.

³⁵¹ Там же. – С. 23.

тревожных предчувствий. ... Тоболяк ни к чему не зовёт, ничего не проповедует, но в романе остро ощущается «энергия бунта: хоть в канаву, но без вранья»³⁵².

В 1996 году за роман «Невозможно остановиться» Анатолию Тоболяку присуждают премию Сахалинского фонда культуры.

Детективные повести 1990-х годов

Сразу после завершения романа «Невозможно остановиться» Тоболяк создаёт две повести, ставшие жемчужинами его творчества, – «Денежная история», которая вышла в десятом номере журнала «Дальний Восток» в 1994 году, и «Некто К.», опубликованная в первом номере того же журнала в 1996 году. В этом же, 1996, году в Сахалинском книжном издательстве обе повести вышли под одной обложкой. Повести отличаются причудливым, загадочно-детективным сюжетом, закрученная интрига, неожиданный финал. Сюжетные развязки рожают ощущение жутковатости, ирреальности, так как противоречат всему ходу на первый взгляд убедительных, логических сюжетных построений. Тексты повестей представляют собой рукописи, созданные героем в экстремальных обстоятельствах, которые «падают» к читателю через «вторые руки». Они имеют характер дневниковых записей, что позволяет автору предать тексту тональность исповеди, особой доверительности. Читатели довольно скоро начинают верить герою, сочувствовать ему, искренне ему сострадать. И каково же удивление читателей, когда в финале повествования они понимают, что пострадали не тому!

Тоболяк виртуозно создаёт смысловые лабиринты, занимательные художественные ходы, своеобразно шифруя текст. Он предлагает читателю головоломку, в том числе и психологическую, которую следует решать на протяжении всего повествования. При этом создаётся ситуация ложного ориентира, автор направляет мысль читателя по «ложному следу», чтобы в финале ошеломить его открывшейся «правдой».

Повести выполнены в детективном жанре, но всё же это не совсем детектив. История с трупом и «крутым» расследованием необходима автору для того, чтобы показать, как человек не выдерживает «прессинга безумной повседневности», как страдает его психика, как ирреальная, доходящая до абсурда современная жизнь разрушает нравственные законы, выработанные человечеством за столетия. Уже легко обмануть, предать, украсть, убить... То тёмное, дикарское, что затаилось в подсознании человека, получает возможность заявить о себе, и этому уже не мешают ни воспитание, ни образование. Андрей Кумиров из повести «Денежная история» и Елена Полякова из повести «Некто К.», пережившие «шок от реальности», изменившей их, уничтожившей их нравственное «защитное поле», как личности превращаются «в руины», пополняя ряды антигероев русской литературы.

³⁵² Скоропанова, И. С. – С. 155.

Повести глубоко психологичны. Тоболяка, как всегда, влечёт загадка «закоулков» внутреннего мира современного человека, отражающего, как кривое зеркало, «этот безумный, безумный, безумный мир».

Выход из кризиса: роман «Во все тяжкие...»

Три года спустя после издания романа «Невозможно остановиться» в журнале «Дальний Восток» выходит последнее, если не считать нескольких стихотворений и письма из-за границы, произведение Тоболяка – роман «Во все тяжкие...». Роман сохраняет «энергию бунта», но этот бунт направлен уже в мирное русло. Наверное, Тоболяк устаёт к этому времени от разрушений, отрицаний и низвержений. Роман полон веры, добра, любви. И даже ирония, характерная позднему Тоболяку, сдобрена в романе добродушной улыбкой. По всей вероятности, у писателя растёт желание выйти из кризисного состояния, ещё раз «высказаться, чтобы не взорваться», и после – начать ту «новую жизнь», к которой стремятся герои романа. Роман становится итоговым для писателя. И наверное, в нём, как ни в каком другом произведении, проявляется философское начало. Герои романа, уже зрелые люди, пытаются ответить на главные вопросы жизни: каково твоё предназначение в этом мире? Всё ли совершено из того, что предписано тебе Создателем? С чем ты пришёл к закатным годам?

В основе повествования лежат любовные истории двух друзей, вошедших в пенсионную пору. Читатель узнаёт в них героев ранней прозы Тоболяка, хотя и поседевших, но сохранивших жажду любви, романтики, приключений. Любовь в годы, когда «седина в бороду», приносит немного радости, но она сладка, чиста, желанна. Она даёт ощущение полноты жизни. Но всё же главный мотив произведения – это поиск духовной опоры в последний, «пенсионный период» жизни. Один из героев – Толяша – ощущает себя одним-единственным на «обрыве своей жизни». Можно сорваться с обрыва, можно над обрывом воспарить. Можно устало доживать отпущенный тебе срок, попивая горькую, играя в домино во дворе своего дома с соседскими мужиками, а можно начать новый жизненный виток, наполнив его новым смыслом, новыми обретениями, работой, творчеством. Толяша верит, что он победил «инерцию доживания» и «задышал новорождённо», преодолев все «соблазны» критического возраста. Этим роман кардинально отличается от предыдущего. Если в романе «Невозможно остановиться» героя «тошнило от жизни», то герой «Во все тяжкие...» полон жизнеутверждающих ощущений. Эта позитивная тональность романа даёт основание считать, что Анатолий Тоболяк преодолел постмодернистские тенденции, хотя в нём ещё достаточно формальных признаков постмодернистского текста. И прежде всего – это образ главного героя. Автор отдаёт ему своё имя, свою профессию, частично свою биографию, и рождается так называемый миф о себе, что очень характерно для постмодернистской литературы. Создаётся полная иллюзия, что за Толяшей Тоболяком стоит сам автор – Анатолий Тоболяк. И всё, что случилось с героем, всё, что он пережил, перечувствовал, всё это в равной степени принадлежит автору, реальному Тоболяку. А может быть, так оно и есть на самом деле? Кто знает!? Толяша, по большому счёту, очень похож на Теодорова из «Невозможно остановиться», но если Теодоров юродствует, эпатирует, ёрничает, то Толяша искренен и открыт;

если Теодорова читатели чаще видят в состоянии перманентного пьянства, то Толяша в прямом и переносном смысле стремится к трезвости. В этом заключается глубокий смысл романа: «воспарение над обрывом»! Мысли о неминуемом уходе из жизни, которые посещают пенсионера Толяшу, не придают роману мрачности и безысходности. Наоборот, именно размышления героя об итоге жизни позволяют ему принять решение наполнить тот, последний, отпущенный Богом срок новым содержанием. Финал романа полон надежды, что «исчерпав себя в прежней жизни», всегда можно всё «начать с белого листа».

Последние штрихи к творческому портрету

У самого Анатолия Тоболяка не случилось всё «начать с белого листа». Он делает тот шаг, который мог бы что-то кардинально изменить в его жизни. Как и герой последнего романа, достигнув пенсионного возраста, он хочет «начать всё с белого листа». В «Прощальном» он с чувством грустной самоиронии говорит об этом:

*Вопрос: какого же рожна
Я ухожу в другое поле?
Ох, тяга к странствию сильна,
Целебна, благостна она,
Как опохмелка с перепоя!*

Творческим итогом его недолгой жизни в Израиле стал цикл писем друзьям на Сахалин, который опубликован под общим названием «Записки „командированного“». Письма, вошедшие в цикл, написаны ярко, живо, талантливо. В них, прежде всего, передан широкий спектр авторских впечатлений о стране, в которую он попал впервые, которая была желанна, но в конце концов оказалась чужой. В каждом письме писатель рассказывает о своей жизни на чужой земле в форме анекдота, балагурит, иронизирует, но за «лёгким трёпом» он прячет свою растерянность, разочарование, нежелание ассимилировать в инородной для него среде. Весь цикл пронизан ностальгическим настроением. Автор мысленно возвращается к сахалинским временам, вспоминает друзей – сахалинских писателей. Его заботит судьба собственных книг, беспокоит «простой» в творчестве. Свою жизнь в Израиле писатель оценивает как «жизнь на минус». «И на плюс выйду, вероятно, не скоро», – заключает он своё жизнеописание на израильской земле.

Литература: Тарасов, Н. «К такому я готов уделу...»: штрихи к творческому портрету писателя Анатолия Тоболяка / Н. Тарасов // О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 11–14 ; Чипенко, Г. «Последний герой»: А. Мариенгоф и А. Тоболяк (опыт сопоставления) / Г. Чипенко // О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 38–44 ; Шумилова, Татьяна. Анатолий Тоболяк: «Если я не выскажусь, я взорвусь» (заметки о прозе писателя) / Татьяна Шумилова // Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / А. С. Тоболяк / вступ. статья и примеч. Т. Е. Шумиловой. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 5–19.

Т. Е. Шумилова

4.5. Просахалиненное сердце Михаила Финнова: страницы творчества

Горизонты судьбы

Михаил Петрович Финнов (1937–1989) – член Союза писателей СССР с 1973 года, первый лауреат премии Сахалинского фонда культуры (1990, посмертно), поэт, прозаик, драматург – оставил заметный след в сахалинской литературе. Сегодня литературу Сахалина и Курильских островов трудно представить без его главной книги – повести «Дальняя дорога Антона Чехова» (1991) о сахалинском путешествии великого русского писателя. А первая известность пришла к Финнову в 1960-е годы как к поэту-маринисту. В 1966 году вышел в свет его дебютный поэтический сборник «Чувство открытого моря», который познакомил читателей с молодым поэтом-моряком, романтиком и тружеником, влюблённым в море и увлечённым своим профессиональным делом. Потом были ещё сборники стихов – «Моё рабочее море» (1971) и «Охотоморье» (1979). И затем только Финнов обратился к прозе и драматургии, которые, в свою очередь, отразили глубокую любовь писателя к морским просторам Тихого океана, сахалинской земле и сахалинцам. Не будучи сахалинцем по рождению, он связал своё творчество с островом, который стал для него и домом, и источником вдохновения.

На Сахалин Финнов попал в 1961 году после службы в армии. За плечами у него были школа военно-музыкальных воспитанников, служба воспитанником в полковом оркестре Прикарпатского военного округа, техникум культурно-просветительных работников (1956), армейская служба на территории ГДР (1956–1959). Ничего не предвещало, что на долгие шесть лет (1961–1967) он отдаст предпочтение работе матросом на сахалинских рыболовных судах. Но случилось именно так. Не последнюю роль сыграла его любовь к морю и путешествиям.

Родился Михаил Финнов в Одессе 14 мая 1937 года в семье кадрового командира Красной Армии, и детство его прошло в этом замечательном городе, воспетым Александром Степановичем Грином. На страницах повести «Дальняя дорога Антона Чехова» писатель отдаст дань городу, где он появился на свет, рассказав об одесском периоде в жизни А. П. Чехова. Вполне вероятно, что в «дальнюю дорогу» на Сахалин Финнова, как и по его версии Чехова, позвали горизонты Чёрного моря, так заманчиво открывающиеся с причала одесского порта.

И хотя стихи Финнова уже появлялись в печати до его приезда на Сахалин – военные газеты и коллективный сборник «Голос солдатского сердца» в период его службы в армии – профессиональное становление его как писателя прошло на Сахалине. В период работы моряком Финнов публикует свои стихи на страницах еженедельника «Литературная Россия», в журналах «Дальний Восток», «Советский воин», в сборниках «Сахалин», «Зёрна», «Мы – молодая гвардия», «Океанские просторы», в сахалинских областных газетах. В 1964 году Михаил Финнов становится участником Читинского совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока и семинара писателей-маринистов во Владивостоке, на которых состоялся обмен творческим опытом, так необходимый начинающему поэту. В эти годы Финнов учится заочно в Московском государственном институте культуры и оканчивает его в 1965 году. И в этом

же году Финнов становится выпускником Сахалинского мореходного училища (г. Невельск), в котором в 1970-е годы он командует учебной ротой курсантов. В 1979 году Финнов оканчивает ещё и Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

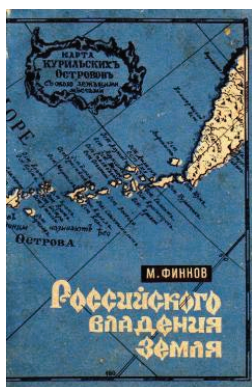

Рис. 67. Книга М. П. Финнова «Российского владения земля»

К началу 1980-х годов Финнов уже зрелый поэт, но его неудержимо тянет открывать новые творческие горизонты. В Сахалинском региональном отделении Союза писателей СССР он начинает руководить секцией прозы. И это не случайно. К этому времени Финнов увлекается историей Сахалина, и это побуждает его читать и перечитывать литературные источники, начать исследовательские поиски в архивах и в итоге обратиться к прозе, чтобы поделиться с читателями своими открытиями и версиями исторических событий. В 1983 году выходит в свет его первая книга прозы «Две повести», а в 1989-м – историческое повествование «Российского владения земля». Уже с конца 1970-х годов в творчестве Финнова начинает формироваться чеховская тема, которой он посвящает повести «Три месяца и три дня» (1983), «Последний круг» (1984?), литературное исследование «Мрачное Онорское дело» (1987), эссе «Моря Антона Чехова» (1988) и две пьесы: «На всю жизнь», которую ставят на сцене Сахалинского драматического театра в 1977 году, и «Кимоно» (1989). В 1991 году в московском издательстве «Современник» выходит повесть «Дальняя дорога Антона Чехова».

Умер писатель 6 апреля 1989 года на одной из московских улиц, не дойдя до газетного архива библиотеки имени В. И. Ленина. Это были напряжённые дни подготовки книги «Долгая дорога Антона Чехова» к публикации. Похоронили писателя в подмосковном городе Обнинске. На Сахалине чтят память Финнова, творчество которого пронизано морскими ветрами, запахом рыбацкого труда и островной историей. В городе Невельске Сахалинской области в 2000 году был установлен барельеф в честь Финнова, а также открыт сквер, посвящённый памяти поэта, писателя и драматурга.

«Жить меня учило море...»

Любовь к профессии моряка и любовь к творчеству в жизни Финнова сплетается в крепкий морской узел. И это становится очевидным именно в лирике поэта. Стихи, собранные в книгах «Чувство открытого моря» (1966), «Моё рабочее море» (1971) и «Охотоморье» (1979), посвящены исключительно морскому делу, морю и морякам. Они пахнут потом «рабочего моря», в них отражена «соль доли рыбацкой». В советское время стихи Финнова легко вписываются в контекст темы «Труд в лирике советских поэтов». Конечно, даже сам поэт не раз подчеркивает, что прежде всего труд моряка – главная тема его поэзии. В стихотворениях «Такая нам досталась доля», «Моё море», «Мы уходим не впервой сегодня», «Бухта русская», «Хлеб рыбацкий», «Бухта Павла», «Жил смолоду я шатко-валко», «О робе рыбацкой», «Остров мой на семи ветрах» поэт рассказы-

вает о тяжёлой, по-настоящему мужской работе, которая формирует характер, учит мужественно переносить невзгоды, преодолевать себя в тяжёлую минуту.

*...Да, жить меня учило море!
И жить – от первого лица, –
Не прятать голос в общем хоре,
А быть собою до конца,
Быть за себя во всём в ответе,
В штормах житейских не робеть,
И так прожить на белом свете,
Чтоб песню не фальшивя спеть!*

(«Жил смолоду я шатко-валко...»)

Рыбацкий труд, тяжёлый и опасный, заставляет по-настоящему гордиться людьми, которые посвятили ему свою жизнь.

*...Аврал! А ну-ка – на палубу!
И вот он всплывает, трал.
Серебряный ком селёдки
И сивучей хоровод.
Теперь – собирай силёнки.
Узнаешь, почём он, пот!
А в бочках тузлук солёный,
Солёный пот на губах,
Волной окатит зелёной –
Ответ – в солёных словах.
Вот соль нашей доли рыбацкой...
...А где-то в туманной дали
Сияют парадной окраской
Белые корабли.
Их путь – Сингапур да
Джакарта...
Сиднея рейд голубой.
Иная нам выпала карта –
И мы довольны судьбой.
Живём на уровне моря.
И даже – ниже чуть-чуть,
Оно нас по-дружески мощно
Хлопает по плечу.*

(«Такая нам выпала карта...»)

Для моряка труд в море не просто способ заработать, это потребность души, образ жизни, это судьба.

*...И мне по душе штормовая пляска
И небо в росчерках молний.
Да разве я променяю на пляжное
Моё
Рабочее
Море!*

(«Моё море»)

Финнов поэтизирует морские будни, в тяжёлой работе моряка находит суровую красоту. Его стихи полны романтических настроений.

*Ты прислушайся – в шёлковых шторах
Безнадёжно запутался шорох.
Ты прислушайся – тихо. Темно.
В мокрый сад приоткрыто окно.
Знаешь, если закрыть глаза,
Сразу – моря встаёт бирюза,
Сразу – солнцем прибой прошит,
Слышишь – галька в волне шуршит?
Не смогу в твоём тихом саду!
Слышишь, северный ветер задул?..*

*Я из штор, я из шёлковых штор,
Всё равно – в этот шум,
Прямо – в шторм!*

(«Ты прислушайся...»)

Море учит Финнова не только упорно работать, но и любить, верить, надеяться. Море становится для поэта источником творческого озарения, воплощением заветной романтической мечты – постижение неизведанных пространств.

*...Я вращаю штурвал на звезду.
И в тумане предутреннем, сером,
Я уже не рыбацкий сейнер –
Звездолёт стрелокрылый веду...*

(«Глубже шапку, чтоб ветер не сдул!»)

Имя Чехова в творческом наследии Финнова

В творчестве сахалинских писателей советского периода чеховская тема становится программной. Одно-два стихотворения, посвящённые пребыванию Чехова на Сахалине, найдутся в арсенале практически любого поэта-сахалинца. Финнов не становится исключением и посвящает Чехову стихотворение «22 июля 1890 года». Но основную свою чеховиану он создаёт в прозе и драматургии.

Следует отметить, что обращение к личности Чехова и его путешествию на Сахалин не является для Финнова только «писательским долгом». Финнов, несомненно, глубоко увлекается личностью и творчеством Чехова. Поездка Чехова на Сахалин, история создания книги «Остров Сахалин», сама Сахалинская каторга для Финнова становятся предметом практически научного исследования и затем художественного осмысления. Финнов много работает в архивах, изучает материалы, связанные с Сахалинской каторгой, с жизнью и творчеством Чехова.

Чеховская тема «мучает и жжёт» писателя практически на протяжении всего зрелого творческого пути. Он стремится воплотить свои замыслы в раз-

ных литературных формах, в том числе и драматургических. Пьеса «На всю жизнь», поставленная на сцене Сахалинского драматического театра в 1977 году, становится одним из первых подходов к реализации творческих планов Финнова. В центре событий пьесы – сахалинское путешествие Чехова, его александровск-сахалинский период. Пьеса «Кимоно», написанная значительно позже, в 1989 году, посвящена пребыванию Чехова на юге Сахалина, но она не была поставлена, к сожалению, на сцене.

Рис. 68. Книга М. П. Финнова «Дальняя дорога Антона Чехова»

Книга «Дальняя дорога Антона Чехова» становится вершиной разработки чеховской темы у Финнова. В ней Финнов помогает читателям вернуться к Сахалину чеховской поры, даёт почувствовать атмосферу Сахалинской каторги, восстанавливает детали, имена, которые Чехов упускает из разных соображений (например, фамилии он не указывает, по всей вероятности, из этических представлений), воссоздаёт образы «сахалинских персонажей», упомянутых Чеховым в «Острове Сахалин», и т. д. Начальник Сахалина генерал-майор Владимир Осипович Кононович (1838–1917), врач Борис Александрович Перлин (1835–1901), заведующий школами Александровского и Тымовского округов Даниил Александрович Булгаревич (1864–1926) и многие другие исторические личности у Финнова рисуются ярко и очень убедительно. Перед читателем проходят жизни «чеховских персонажей». Например, судьба того же Булгаревича, который моло-

дым человеком попал на Сахалин, занимался организацией школьного дела, просветительством, поддерживал контакты с политическими. Именно он был «приставлен» генералом В. О. Кононовичем к А. П. Чехову для оказания помощи в процессе переписи населения. Финнову приходится прилагать колоссальные усилия в поисках документов, которые бы добавили новые сведения о той или иной фигуре.

Но прежде всего, конечно, для Финнова важен сам Чехов. Почему и при каких обстоятельствах Чехов решает ехать на Сахалин? Каким видят Чехова сахалинцы? Что чувствует Чехов, увидев Сахалинскую каторгу? Как влияет на Чехова сахалинское путешествие? На эти вопросы, конечно, можно найти ответы в книге «Остров Сахалин», но Финнов предлагает читателям свою интерпретацию чеховской личности. Задача очень сложная, и Финнов это, без сомнения, осознает. Он изучает грани творчества и личности писателя, читая и перечитывая его произведения, письма, воспоминания. В 1988 году в литературно-художественном сборнике «Сахалин» публикуется его эссе-диалог «Моря Антона Чехова». Это произведение является ярким примером того, как писатель приходит к своим открытиям Чехова, как складывается у автора концепция личности писателя. В этом эссе Финнов излагает любопытную версию ответа на вопрос, на который однозначного ответа до сих пор нет: «Что заставило Чехова поехать на Сахалин?» Но дело даже не в самом сахалинском путешествии писателя. Эссе интересно тем, что в нём отразилось то, как Финнов ищет подходы к личности Чехова, как он открывает для себя и для читателя «другого» Чехова, «нового» Чехова, малоизвестного широкому читателю Чехова. Моряк Финнов находит в мировосприятии Чехова черты, которые ему

так понятны, близки и дороги, – это любовь к морю, это мечта о морском приключении, это, наконец, готовность к длительному, лучше – кругосветному, морскому путешествию. Вряд ли обычный читатель, составивший представление о Чехове по рассказам «Ванька Жуков», «Спать хочется», пьесам «Чайка» и «Вишнёвый сад», знает *такого* Чехова.

Финнов выстраивает эссе в виде диалога Чехолюба и Чеховеда, что, собственно, отражает его собственное отношение к Чехову. Ведь он сам был и «Чеховедом», и «Чехолюбом» одновременно. Прекрасно понимая спорность той гипотезы, которую он предлагает читателям, Финнов окрашивает текст лёгкой иронией. Он как бы смягчает тем самым некоторую «дерзость» своей интерпретации причин, побудивших Чехова к такому необычному путешествию. Ведь ясно, что предложенная Финновым гипотеза так и останется лишь гипотезой, хоть и очень интересной.

Так в чём же смысл предложенной гипотезы Финнова? Автор эссе тщательнейшим образом собирает эпизоды из рассказов, писем, пьес Чехова, в которых упоминается море, в которых Чехов передаёт своё к нему отношение. И Финнов приходит к выводу, что Чехов не только любит море, не только испытывает удовольствие, путешествуя по морю, оно влечёт его, манит, оказывает на него опьяняющее воздействие. В Одессу его влечёт неудержимо. «У меня нет сомнения: мысль отправиться на Сахалин овладела Чеховым впервые именно в тот первый приезд в Одессу, – замечает Михаил Финнов. – В Одесский же порт он и вернулся с каторжного острова на пароходе Добровольного флота «Петербург» в декабре... девяностого года, замкнув, таким образом, кругосветную, по расстоянию, петлю»³⁵³. Михаил Финнов пишет, что сначала Чехов «предполагал ехать на Сахалин и обратно на пароходе. Только убедившись, что пауза между рейсами Доброфлота всего месяц-два и он рискует остаться зимовать на каторге, Чехов остановился на «сибирском варианте», а каким путём возвращаться – не было решено ещё даже в Благовещенске, откуда он писал Суворину: «Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдётся». Не кругосветное океанское плавание пугает, – отмечает Михаил Финнов, – а то, что «дорого обойдётся». Для этого нужно, знаете ли, иметь немалое мужество! И уверенность, что такое плавание по силам. Море любить нужно для этого!»³⁵⁴, – заключает Финнов.

Чехов и море

Для Финнова Чехов, без сомнения, писатель-маринист. Он с удовольствием цитирует эпизоды из произведений писателя, в которых Чехов демонстрирует практически профессиональное знание морского дела, знание оснастки корабля, корабельной жизни. А описание Чеховым морского пейзажа, богатого красками, Финнов считает вершиной русской пейзажной маринистики. Конечно, обладая такими качествами, по мнению Финнова, Чехов не мог не увлечься

³⁵³ Финнов, Михаил. Моря Антона Чехова / Михаил Финнов // Сахалин : литературно-художественный сборник. – Южно-Сахалинск, 1988. – С. 160.

³⁵⁴ Там же. – С. 161.

идеей морского кругосветного путешествия. А идею путешествия на Сахалин уже подсказала любимая Чеховым Одесса. В повесть «Дальняя дорога Антона Чехова» Финнов включает одесский эпизод, в котором Чехов встречается с осуждёнными на Сахалинскую каторгу: «И вдруг заметил он, что стоит на Строгановском мосту, внизу – порт, ворота Практической гавани. Туман поредел, но солнце ещё не поднялось, багровым горбиком вспучило море. В порту вразнобой отбили на судах склянки, кто-то прокричал, взвизгнул паровозик, и снова установилась тишина. Но в ней, нарастая, шорох не шорох, но какой-то звук постоянный, тревожащий за спиной. Антон Павлович оглянулся, подошёл, на другой стороне моста стоял городской и тоже оглянулся, подошёл, вскинул руку к фуражке... «А вот и они-и-и»... – пропел городской, и взгляд его куда-то вниз, под мост, стал напряжённым. Антон Павлович поневоле посмотрел туда же и увидел: серая река колышущихся блинов-бескозырок, окаймлённая белыми солдатскими фуражками, текла под мост.

– Что это, откуда? – спросил он и тут же догадался, понял.

– Арестантиков каторжных ведут с Сахалинчика, ваше благородие, – охотно пояснил городской.

– С Сахалинчика? А это что такое? А куда ведут?

– С Сахалинчика на Сахалин! – отпустил смешок городской. – Сахалинчик – это такое место у нас в Одессе, карантин то есть, где собирают каторжных со всей России. А ведут на «добровольца», на «Кострому», пароход Добровольного флота то есть. Для дальнейшего препровождения в каторгу на Сахалин, ваше благородие. Я думал, вы любопытствуете, а вы и не знали. Изволили приехать в Одессу?

– Да, я из Москвы. А как же их повезут? Это сколько же плыть нужно?

– Так и повезут, в тюрьме, за решеткой то есть. Месяца через два там уж будут. Сахалин, извините, дорога дальняя»³⁵⁵.

Таким образом, для Финнова очевидно, что не был бы Чехов влюблён в море, не жаждал бы морских путешествий, не обладал бы качествами мореходца, сахалинского путешествия могло бы и не состояться в его судьбе. И хотя, конечно, были и другие мотивы у Чехова, побудившие его отправиться на Сахалин, но, возможно, «морской мотив» становится определяющим, как считает Финнов, в судьбоносном выборе Чехова.

Чехов в интерпретации Финнова

Повесть «Дальняя дорога Антона Чехова» занимает особое положение в творчестве Финнова. В силу обстоятельств она становится итоговой в его художественных изысканиях, посмертной в его творчестве. Своеобразным фундаментом финновского повествования становится, собственно, книга Чехова «Остров Сахалин». Рассказывая историю пребывания писателя на острове, Финнов идёт «след в след» за Чеховым, «расшифровывая» фамилии, дополняя фактами сдержанные эпизоды чеховской личной жизни на острове, скупые упо-

³⁵⁵ Финнов, М. Дальняя дорога Антона Чехова. – С. 155–156.

минания о людях, событиях, встречах; воссоздавая, домысливая диалоги; моделируя ситуации. Например, Финнов восстанавливает фамилии тех персонажей, которые у Чехова обозначены лишь первой буквой фамилии. Так, чеховским «коллежскому регистратору Д.», «ссылнопоселенцу Л.», «инспектору сельского хозяйства г. фон Ф.» Финнов «возвращает» фамилии: Эдуард Дучинский, Карл Лансберг, Алексей фон Фрикен. Нередко Финнов как бы «дополняет» Чехова. Сцена встречи генерал-губернатора, барона Андрея Николаевича Корфа, например, у Чехова звучит лаконично: «Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф прибыл на Сахалин 19 июля, на военном судне «Бобр». На площади, между домом начальника острова и церковью, он был встречен почётным караулом, чиновниками и толпою поселенцев и каторжных. Играла та самая музыка...»³⁵⁶. У Финнова эта же сцена дана развёрнуто, в красках, в деталях, которые подсказало ему его художественное воображение: «Июльское солнце сияло празднично. Бриз развеивал флаги, игриво шевелил перья на шляпах дам и пыльную листву берёзок в палисаднике перед домом Начальника Сахалина. На площади перед домом блестела медь оркестра духовой музыки, бляхи на ремнях нижних чинов, ослепительно белели кители летней формы одежды господ офицеров, оттеняемые чёрными вицмундирами чиновников тюремного ведомства.

Только что закончился молебен по случаю табельного дня – тезоименитства государыни императрицы Марии Фёдоровны, и теперь предстоял парад местных воинских команд. Четыреста нижних чинов, выстроенные поротно на площади задолго до начала молебна и успевшие изойти потом, подтянулись, выровняли ружья.

Выйдя из церкви под колокольный благовест, приамурский генерал-губернатор адъютант барон Корф и Начальник острова Сахалина генерал-майор по армейской кавалерии Кононович в сопровождении высших чинов сахалинской администрации торжественно и чинно поднялись на помост, увитый ярко-зелёным лапником и лентами: трёхцветными – национального флага и жёлтыми – цветом Амурского казачьего войска, атаманом коего был по своему сану Корф. Между церковью и помостом в густой толпе чиновников помельче, надзирателей и поселенцев стоял и Антон Павлович.

Вот над площадью разнеслось зычное «С-с-ми-р-р-рна! Ш-ша-а-гом... ар-рш!», рванула оркестровая медь, взвыла зверино, оглушающе, и малорослый усатый капельмейстер гордо шагал, вскидывая высоко худые коленки и свою дирижёрскую палицу с лошадиным хвостом. И не спас песок, две недели возимый на площадь каторжными тачечниками, не помогли вылитые утром на плац шесть водовозок – уже через десяток шагов поднялось над ртами облако пыли, повисло, и не видно стало совершенно – есть ли равнение в рядах, по артикулу ли маршируют солдатики или просто бредут толпой. Только капельмейстер и первые ряды музыкантов были видны ясно, но и они сбились с ноги, что смутило генерала.

Чтобы отвлечь внимание Корфа от сего конфуза, он склонился к приземистому, животастому барону и нарочито громко, чтоб было слышно всем

³⁵⁶ Чехов, А. П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения. – Т. 14–15 : Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М., 1978. – С. 62.

окружающим, пробасил «Этот марш, ваше высокопревосходительство, называется «Встреча губернатора» и сочинён в вашу честь моим капельмейстером Шабельниковым именно к вашему посещению Сахалина!»³⁵⁷. Подобных сцен, как бы «расширяющих» чеховский текст, у Финнова достаточно. Вот ещё один пример. Первые ночь и утро в Корсаковском посту Чехову представились следующим образом: «Когда во втором часу ушли гости, и я лёг в постель, слышался рёв и свист. Это задул норд-ост. Значит, недаром с вечера хмурилось небо... В комнате стало холодно и сыро, было, вероятно, не больше шести-семи градусов. Бедный Ф., секретарь полицейского управления, молодой человек, никак не мог уснуть от насморка и кашля. Капитан К., живший вместе с ним на одной квартире, тоже не спал; он постучал из своей комнаты в стену и сказал мне: — „Я получаю „Неделю“. Не желаете ли?“ Утром было холодно и в постели, и в комнате, и на дворе. Когда я вышел наружу, шёл холодный дождь и сильный ветер гнул деревья, море ревело, а дождевые капли при особенно жестоких порывах ветра били в лицо и стучали по крышам, как мелкая дробь... Я прогулялся по улицам, по берегу около пристани; трава была мокрая, с деревьев текло»³⁵⁸.

А у самого Финнова читатели видят иную картину: «Во втором часу ночи гости стали, наконец, расходиться. Антон Павлович ушёл в отведённую ему комнату, разделся и лёг. В комнате было сыро, промозгло и холодно, в щели окна задувал ветер, барабанил по стёклам дождь, надрывался за стеной в чахоточном кашле хозяин дома секретарь полицейского управления Степан Фельдман. Антон Павлович встал, чтобы достать из корзины своё кожаное пальто, — под одеялом лежать было холодно. Услышав его шаги, штабс-капитан Кусанов, снимавший комнату у Фельдмана, постучал в стену кулаком и предложил: „Не желаете ли „Неделю“? От бессонницы помогает...“ И, не дождавшись ответа, прошлёпал босыми ногами, просунул журнал в дверь. Пришлось взять и поблагодарить. Пристроив керосиновую лампу на стуле возле кровати, Антон Павлович перелистал „Неделю“.

Проснулся поздно, в одиннадцатом часу. Ночная буря почти утихла, изредка порыв ветра срывал с листьев берёзы под окном капли, стекавшие по стёклам медленными слезами. При дыхании даже парок вроде бы виделся — так было холодно в комнате. Ох, не хотелось вылезать из постели, но именно потому — решительно встать!.. После двух стаканов крепкого чая Антон Павлович решил пройтись по улице; в разрывах туч над морем уже проблёскивало солнце. Деревянные тротуары главной улицы были отмыты ночной непогодой, как полы у хорошей хозяйки, морской холодный воздух бодрил, дышалось легко, с удовольствием, и некоторая муть в голове от вчерашней попойки стала проходить»³⁵⁹. Финнов «проживает» заново вместе с Чеховым его сахалинское путешествие, как бы реконструирует его, подключая своё воображение и художественную фантазию. Прав ли писатель, выбрав подобный путь повествования? Вопрос сложный. Но в любом случае это его авторский выбор, и в этом

³⁵⁷ Финнов, М. Дальняя дорога Антона Чехова. — С. 12–14.

³⁵⁸ Чехов, А. П. Остров Сахалин. — С. 188.

³⁵⁹ Финнов, М. Дальняя дорога Антона Чехова. — С. 173–174.

выборе чётко проявляется безграничная увлечённость писателя личностью Чехова и его сахалинским путешествием.

Чехов изображён в повести в двух планах. Основной план – сахалинский. Повествование начинается с момента появления Чехова на Сахалине и завершается отъездом писателя с острова. Но не менее важен и другой план – Чехов в Одессе перед тем, как будет принято решение отправиться на каторжный остров. К одесскому периоду в повести Чехов возвращается мысленно, находясь уже на Сахалине. Здесь он изображён в среде актеров художественного театра, гастролирующих в Одесском городском театре. Внешне писатель весел, влюблён и любим, окружён вниманием поклонников его уже признанного таланта. Кстати, Финнов смог очень живо нарисовать картины одесского периода в жизни Чехова, найти новые подробности его личной жизни, придать новые краски уже известным фактам из биографии писателя. Но основной акцент Финнов делает на внутренних противоречиях, которые испытывает писатель в этот период и которые приведут его к самому важному, судьбоносному решению. Он погружает Чехова в состояние острой рефлексии: «А сам-то много ли успел? Ну, „Болванов“, случайная удача. Угадал тип, но он вымирает, а вместе с ним умирает и пьеса, – размышляет писатель. – Водевильчики – шутовство, балаган, хоть и подспорье все эти „ведьмедь“. „Степь“ вызвала некоторый шум и треск, но, по мнению критики, „скудна и небеллетристична“. Что же остаётся? Более чем полтысячи разных анекдотов, подписей, фельетонов, пародий, мелочишек? Пять пудов рассказов с птичий коготок, разбросанных, рассеянных по всевозможным „Осколкам“, „Будильникам“, „Стрекозам“ и „Развлечениям“? Кому нужны все эти уже прочно, навеки забытые „Каштанки“, „Лошадиные фамилии“, „Унтеры Пришибеевы“, „Хирургии“ и „Хамелеоны“? Есть ли хоть одна строка, имеющая ценность, значение непреходящее, не сиюминутное?.. Незначительные вещицы... Последние три года все ждут от него романа, так сказать, полотна, а когда ткать?.. В будущем году тридцать стукнет. Не старость, конечно, но как мало успел, мало видел, мало знает. Пугает, что оравнодушел в последние год-два, чувствует в душе застой... Нужно бы подсыпать под себя пороху! Вырваться из привычного, уже приевшегося круга – актёры, беллетристика, письменный стол»³⁶⁰.

Финнов подчеркивает, что обострённое чувство неудовлетворения собой – вот двигатель последующих решений Чехова. И здесь, в Одессе, в потоке тревожных мыслей о жизни приходит к Чехову ещё неясная, но уже заставившая встрепенуться идея поездки на Сахалин.

Чехов на Сахалине – это очень доброжелательный, сдержанный, собранный и неприхотливый человек. Но прежде всего Финнов подчёркивает гражданское мужество Чехова. И это встречи Чехова с политическими поселенцами, и горячие разговоры с генералом Кононовичем по поводу будущего сахалинских школ, и перепись населения, которую осуществляет писатель, и многое другое, что позволяет читателю представить и понять, каким был Чехов в сахалинский период своей жизни. Нельзя не отметить, что для широкой читательской ау-

³⁶⁰ Финнов, М. Дальняя дорога Антона Чехова. – С. 152–154.

дитории образ Чехова, созданный Михаилом Финновым, понятен, доступен в осмыслении, близок.

Удалось Финнову, без всякого сомнения, передать атмосферу той среды, в которую погрузился Чехов, прибыв на остров, а именно круг «светского», если можно так сказать, общения Чехова. Обеды, встречи, беседы, прогулки, гастрономические пристрастия, времяпрепровождение, семейные истории, то есть всё то, что заполняет жизненное пространство человека.

Финнов смог очень искренне написать книгу о сахалинском путешествии писателя, которого он любил, поступком которого он восхищался. И насколько известно, Финнов стал первым писателем, и пока единственным, кто решился на художественное воплощение сахалинского периода в жизни Чехова.

И хотя чеховская тема в творчестве Финнова становится магистральной, она не мешает писателю увлечённо работать над другими темами, прежде всего историческими. В 1989 году в Сахалинском книжном издательстве выходит историческая повесть Финнова о первых русских людях, вступивших на курильскую землю, «Российского владения земля», а на рабочем столе копится материал к новой исторической повести о Бошняке, одном из первооткрывателей Сахалина. К сожалению, эта рукопись так и не стала завершённым произведением. Остались недописанными и роман «Перегон», и повесть «Инка-сахалинка».

Финнов ушёл из жизни внезапно, на пике творческого подъёма. Он многое не успел осуществить. Многим замыслам не дано было воплотиться. Но те книги, которые он написал, пронизаны жаром его просахалинного сердца и стали достоянием сахалинской литературы.

Литература: Мандрик, А. Чувство открытого моря: [о поэте М. Финнове] // Дальний Восток. – 1967. – № 4. – С. 180–182 ; Шумилова, Т. Е. 20 лет спустя: о повести Михаила Финнова «Дальняя дорога Антона Чехова» / Т. Е. Шумилова // Сахалин : литературно-художественный сборник. – 2010. – С. 140–142 ; Шумилова, Татьяна. Просахалинное сердце Михаила Финнова (страницы творчества) / Татьяна Шумилова // Финнов, М. Последний круг : Избранное. – Южно-Сахалинск, 2012. – С. 5–16 ; и др.

Т. Е. Шумилова

4.6. Линия жизни и творчества Николая Тарасова

«...Воздух, который мне дорог»

Николай Антонинович Тарасов родился 16 июня 1947 года в Одессе в семье военнослужащего. Семья много переезжала – Украина, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, а в узкогеографическом звучании – Новоград-Волынский, Новосибирск, Хабаровск, Усурийск, Ташкент. Тяга к путешествиям у него в крови: «Нет ничего чудесней странствий...».

Несмотря на частые переезды, в доме всегда было много книг. Особой популярностью у Николая и его брата Андрея пользовались военные приключения, а отец с удовольствием читал вслух сыновьям книги Н. В. Гоголя. «От шестого

тома Гоголя / До сих пор как током бьёт», – напишет уже взрослый Тарасов в стихотворении «Электричество». Видимо, домашнее чтение русской классики сделалось великим «часом ученичества» для братьев – оба стали литераторами³⁶¹. Тому же способствовала, по признанию Николая Тарасова, сильная литературная среда, сложившаяся в Ташкенте со времён эвакуации, когда в Узбекистане жили Анна Ахматова и Алексей Толстой, а позже – Константин Симонов.

Раннее чтение будущего поэта было связано с именами Джека Лондона, Сергея Есенина, потом – Александра Блока. Творчество Пушкина – уже навсегда. Пушкину посвящено не одно признание: «в его стихах есть жизнь, стремление вверх, к Богу...»³⁶², его имя – на вершине иерархии ценностей: «музыка юности, Пушкин...». В 1970-е годы «на языке» – Борис Пастернак, Александр Грин, Сент-Экзюпери, Марина Цветаева, Гарсиа Лорка, Василий Шукшин... За плечами не просто книжная культура, но её нравственный императив:

*У книг, знакомых с детства,
Живу я на виду.*

(«Последнее соседство»)

В детстве Николай гостил у родственников в деревне во Владимирской области, где дядя Леонид создавал свои тайные философские труды, а тётушка Прасковья сочиняла тайные романы в сундук. На сеновале, в зелёной средне-русской полосе, и он сочиняет свои первые стихотворные строчки. Но не любительские опусы старших подтолкнули к творчеству – после горячих азиатских песков мальчик был потрясён красотой леса-храма, этого «дивного котла хлорофиллового». Наверное, из этого детского зёрнышка-впечатления произросла со временем главная поэтическая тема, в которой привлекательны не столько пейзажные картины, сколько размышления о живом, где «Ты стеблю каждому – собрат, / Достойный утешенья».

*Под утро берег в сером пепле
Рассветной дымки.
Спит волна.
Лучами, раздвигая стебли,
Сквозь камыши плывёт луна.
С годами хочется всё чаще
На берегу вот так стоять
И за луной следить,
Скользящей
За туманенную гладь...
И слушать хочется, как нежит
Холодный ветер зыбь в тиши,
Всё реже хочется, всё реже
Плыть за луной сквозь камыши...*

³⁶¹ Андрей Антонинович Тарасов (род. 1942) – член Союза писателей Москвы, автор книг: «Оболочка разума» (1986), «Безоружный» (2009), «Лаврушинский венок в лицах и страницах» (2012) и других. Живёт в Москве.

³⁶² Новикова, Ольга. Звёздное вдохновение Николая Тарасова / Ольга Новикова // Телемир. – 12 июня. – 2002. – С. 14.

Невольно сравнишь философию этого стихотворения Тарасова с пятистишием японского поэта Сайгё:

*У самой дороги
Чистый бежит ручей.
Тенистая ива.
Я думал, всего на миг, –
И вот – стою долго-долго...*

(пер. Веры Марковой)

Поиски потаённой красоты в повседневном, открытие прекрасного в природе как знак постижения истины, отказ от украшения – всё это роднит Николая Тарасова с дальневосточной эстетикой. В отличие от краткого стихотворения, где восточные поэты оставляют простор для читательского додумывания, Тарасов всегда договаривает. Он любит размышлять. Так, его дерево становится Древом жизни, и мысль итоговая касается именно этого особенного дерева: «Лишь ствола золотое сечение / Для вселенной имеет значение». В медитативности его лирики сказывается книжное детство, склад личности.

В школьные годы Николай Тарасов уже печатался в газетах («Пионер Востока», «Комсомолец Узбекистана»), выступал в радиопрограмме для детей и подростков. Большую часть времени мальчик проводил с книгами. Любознательность привела его к знаменитым книгам академика А. Е. Ферсмана по занимательной минералогии, и «путешествие за камнем» протянулось через все годы. Утерянная в ташкентском детстве коллекция минералов осталась в сердце как мечта о несбыточном, а зоркий глаз следопыта и сегодня отслеживает необычные камни на берегах ли Греции, куда поэт часто наведывается, или на берегах любимой сахалинской агатовой бухты. Строки о камне в воспоминаниях – непреходящий праздник любования неведомой красотой:

«В бухту Калагера са спустатся приходило по отвесной почти тропе при помощи свешенного сверху каната. Дело было уже знакомое и особых трудностей не вызывало.

Зато в самой бухте – сокровища несметные: агаты моховые, яшмы, кристаллические щётки и жёоды, чистые халцедоны... Гуляя по бухте от края до края, я представлял себя Синдбадом-мореходом, залетевшим с птицей на гору с драгоценными камнями или Али-Бабой в пещере разбойников»³⁶³;

«Надо ли говорить о чувствах, которые испытал я, распилив камень на две половинки. Тот халцедон с лиловым оттенком, почти сапфириновый – и сейчас передо мной»³⁶⁴.

Эта «охота за самоцветами», «каменушная» страсть», «самоцветная культура» способна заразить любого, что и происходило в действительности с друзьями поэта. Николай Тарасов признаётся: «Собирание и обработка поделочных камней стали для меня противоядием от отрицательной информации.

³⁶³ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть четвёртая / Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск : изд-во ИРОСО, 2012. – С. 177.

³⁶⁴ Там же. – С. 178.

Обработаешь халцедон или агат, и весь негатив сходит»³⁶⁵. Приходят стихи, в которых, кроме прочего, в слове оживает камень:

*Годы – камушки янтарные
Между пальцев – скок да скок...
Золотые, лучезарные,
Упадают на песок.*

На берегу океана внятно слуху, «Как стонут камни в пенном купоросе, / Смола переплавляется в янтарь» («Океан»). Задержится в этической памяти читателей образ камня-стойка на дороге, о который люди спотыкаются и который тысячелетия клянут: «...лежит потому, / Что в час половодья весенний, / Когда залиты берега, / Его на пути, как спасенья, / Идущего ищет нога» («Камень»). Метафора «камень обретенья» («Возможно ль вырваться из круга...») соединяет сугубую вещественность и намёк на «философский» камень. Восточная нарядность скрытого сравнения «...не переспорю / Сердолики в твоих очах» («Торопясь, как на фильм Феллини...») смягчается нотами юмора.

Среди увлечений детства Николая Тарасова был бокс, было рисование. По настоянию матери он учился в детстве играть на скрипке, пианино, но долго не выдерживал, а вот богатая родительская фонотека заронила любовь к классической музыке. Итальянцы, и среди них Энрико Карузо и Титта Руффо, «заворожили на всю жизнь». Мотив музыки часто слышится в строках и меж строк: «Каждый вечер я слышу музыку / Легче перистых облаков; «Кружила музыка всю ночь...», «...две синицы / На все окрестные леса / Как две серебряные спицы / Свои скрестили голоса». Как заклинание звучит:

*И жизнь была б вконец не сладкой,
Когда б не музыка была –
Спасибо –
Всё ещё загадкой.*

Небо и звёзды – ещё одна жизненная подробность, сквозь призму которой воспринимается мир. «Работал я теперь лаборантом в Ташкентской Астрономической обсерватории, в отделе переменных звёзд. Обсерватория располагалась в старинном парке с пробегающим через него ручьём. <...> В мою задачу входили и ночные дежурства. Нужно было открыть купол крыши над телескопом, установить его по заданным параметрам – это была туманность в созвездии Ориона, – вставить фотопластину»³⁶⁶, – так деловито пишет автор в воспоминаниях о том времени, когда он оканчивал вечернюю среднюю школу. На самом деле был он в то время романтичным пареньком, созерцающим под музыку ночное небо, – заедал свои стихи медовой дынькой и мечтал притащить сюда ещё кого-нибудь, с кем можно было бы разделить это счастье... «Звёздные» образы в его поэзии всегда динамичны, не лишены изысканности: «Ветер звёзды в песках разметал...», «Тягучие звёзды августа / Стекали по небосклону...».

³⁶⁵ Новикова, Ольга. Звёздное вдохновение Николая Тарасова. – С. 14.

³⁶⁶ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть первая / Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск : изд-во ИРОСО, 2012. – С. 149.

Ташкент – особое место: отрочество и юность, первые стихи, первая любовь, в 19 лет женитьба на гречанке Анастасии Атанасиу: «оказался я совершенно беззащитен перед любовью»³⁶⁷.

*Там всё затевалось впервые.
Там всё, что я страстно любил:
Свиданья мои зоревые,
Скитанья – до самых Курил!*

(«Ностальгическое»)

На Сахалине Николай Тарасов служит в армии и после службы, в 1970 году, возвращается вновь на остров, чтобы никогда не расставаться с ним. С течением времени ничто не поколебало любви поэта к морскому краю, ставшему для него родным:

«Хотелось мир поглядеть. И потом я, наверное, был под впечатлением Джека Лондона и книг, подобных роману Н. Максимова „Поиски счастья“ – не мог изменить этим и многим другим книгам, изменить своему представлению о мире, каким бы глупым оно ни было»³⁶⁸;

«В конце дня вышел в Невельске. Отсутствие какого бы то ни было гигантизма, присущего облику материковых городов, умиляло. Белofасадный городок, наполненный осенним светом и запахом морской травы, очаровал. Я чувствовал себя первооткрывателем, землепроходцем, ступившим на неведомый атолл где-нибудь в Индийском океане»³⁶⁹;

«– Как можно было променять солнечный благоустроенный Ташкент на эти бараки?! Мне трудно было объяснить про свежий ветерок, обдувающий лицо, когда выходишь на море... Про пихтовый настой воздуха, которым веет от сопки, про нелукавых людей, с которыми я успел подружиться...»³⁷⁰;

«...Коктебель 90-го года особого впечатления на нас с сыном не произвёл. И немудрено – после сахалинских лагун, курильских вулканов, монеронских бухточек и островков – чего бы вы ещё хотели?»³⁷¹.

На Сахалине Николай Тарасов оканчивает педагогический институт, преподаёт в школе, становится членом Союза писателей СССР, возглавляет писательскую организацию. Здесь выходят его поэтические книги. Первый сборник стихов был издан в 1973 году. Обстоятельства его появления весьма поучительны. Хорошую, выношенную рукопись отклонили по идеологическим соображениям: гражданское чувство и местный колорит отсутствуют. В 1980 году стихи из этой рукописи вошли в сборник «Обновление», выпущенный московским издательством «Современник» и отмеченный на Сахалине премией комсомола. А в 1973 году «через неделю я привёз новую рукопись, – объясняет автор. – За это время „наваял“ стихотворений тридцать: о природе, о рыбаках, о маяках – словом, по принципу: пою то, что вижу... Половина из них и стала

³⁶⁷ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть первая. – С. 151.

³⁶⁸ Новикова, Ольга. Звёздное вдохновение Николая Тарасова. – С. 14.

³⁶⁹ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть третья / Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск : изд-во ИРОСО, 2012. – С. 6.

³⁷⁰ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть вторая / Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск : изд-во ИРОСО, 2012. – С. 135.

³⁷¹ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть четвёртая. – С. 179.

книжкой „Малиновое лето“»³⁷². Как это нередко случается с первой публикацией, сборник оказался не совсем успешным, и молодой автор осознал это. Однако в нём есть такие удачи, как «Смывает утренние звёзды...», «Кружила музыка всю ночь...». Специально для детей Николай Тарасов не писал, однако весёлое стихотворение «Весь берег Сахалина малинником покрыт...», «Выйду на берег...», «Весна в Невельске», «Мать рыбака» просятся в детскую книжку – именно своей пафосностью и приморским колоритом.

У поэта романтическая натура. Ещё в детстве он написал рассказ «Сашкины паруса» – о мальчике, мечтающем о море. Моря, острова, корабли – желанные гости в поэзии: они раздвигают границы обыденного, требуют преодоления, движения, подвига («Три длинные ночи стоял у причала...», «Берег и море», «Семь ветров», «Имена разбитых кораблей», «Тот корабль», «Океан», «Шикотан», «Оверкиль», «Мыс Край Света», «Остромысовка», «Островное» и др.).

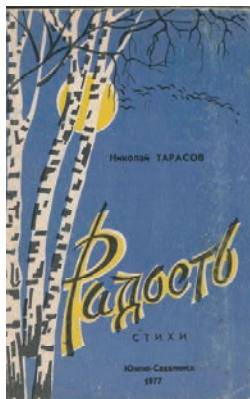

Рис. 69. Книга Н. А. Тарасова «Радость»

Симптоматично и противопоставление «там» – «здесь», «тот» – «этот», очевидное уже в названиях стихотворений («Там», «Там, над лесом...», «Тот корабль», «На этом закате»), и нередкое внутри стиха – душа «ещё в предзвездье, там...», «На стороне метельной той / Всю ночь гудело вьюги пламя», «...крутили пепел / Потусторонние ветра» – «А здесь, на этой стороне, / Сквозь лес проглядывая еле, / Всю ночь неярко звёзды тлели, / Поленья щёлкали в огне...».

В 2002 году на вопрос журналиста Ольги Новиковой, не хочет ли он уехать в Грецию, поэт отвечает: «Мне здесь хорошо. У меня здесь друзья, с которыми меня многое связывает, здесь своя языковая среда. А потом воздух, который мне дорог»³⁷³. Здесь «Звёзды в море осыпаются / Прямо с Млечного Пути»... Это душевное состояние очень точно передано в стихотворении «Художник», где органичны возвышенный строй чувств и простота:

*Надо так ходить величаво,
Так несуетно, не спеша,
Как на рынок ходит Манткава,
Будто жизнь и впрямь хороша.*

*Надо так шутить, как Манткава...
И, в застольях не горячась,
Так на мир глядеть нелукаво,
Будто он – из последних – князь.*

*Надо так молчать, как Манткава...
Так задуматься, чуть дыша,
Чтоб вперёд убегала слава,
Но на месте была душа.*

³⁷² Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть третья. – С. 156.

³⁷³ Новикова, Ольга. Звёздное вдохновение Николая Тарасова. – С. 14.

*Надо так говорить о жизни,
С мудрой горечью на устах,
Чтобы красками – только сбрызги –
И – пожары во всех холстах!*

Художник Гиви Манткава, писатели Анатолий Тоболяк, Михаил Финнов, Владимир Переверзев, Владимир Семенчик, издатель Александр Смирнов, институтские преподаватели Нина Саблина и Виктор Мамонтов (в настоящее время – архимандрит Виктор), содействовавшие «восприятию христианской эстетики» и пробудившие интерес к Серебряному веку, – в таком дружеском кругу, в творческом общении постепенно складывались жизненные и профессиональные ориентиры. Вот некоторые из них:

«...радикализма, деления мира только на чёрное или белое я не разделял»³⁷⁴;
«в жизни у меня культура была всегда главнее политики»³⁷⁵;
«только поэзия занимала моё воображение»³⁷⁶;
«главной и по-настоящему интересной была эстетическая сторона поэзии и прозы, художественность»³⁷⁷.

Поэт размышляет над событиями и персонами отечественной истории («Первопроходцы», «Чаша», «Аввакум», цикл «Лики», поэма «Колдун»), над сутью современных дней («Очередь», «Литературные герои», «Чиновник», «Вечный сюжет», «Не ходи по дворам...»), пишет иронические стихи («Мой дядя», «Парадокс», «1998», «2002-й», «Россия, ты как поле брани...», «Троянский конь»). Крупицы истины, вынесенные из поэтических раздумий и жизненных странствий, не лишены, как мечталось, «юношеской ясности и доблестной отваги», как и девиз: «Искушай добром!».

*О вечности размыслить есть кому,
А ты подумай о сиюминутном;*

*Не ходи к площадям –
Революции там.
Затолкают, затопчут, затравят...*

.....

*А ходи, где ходил...
Где по-прежнему мил
Белый свет – звездочёты и бомжи;*

*Глаз сияющих галактика,
Млечный путь прикосновений...
Как показывает практика,*

³⁷⁴ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть третья. – С. 66.

³⁷⁵ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар / Н. А. Тарасов. – Часть пятая. – Южно-Сахалинск, 2012. – С. 44.

³⁷⁶ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть третья. – С. 73.

³⁷⁷ Там же. – С. 70.

*Ничего благословенней
В мире не было, и нет.*

Все мы – дети малые у Бога...

Говорят, признаками душевной зрелости считаются три вещи – примирение, прощение, смех – всё это обретают читатели на страницах книг Николая Тарасова. Его поэтический мир напоминает «магический круг» на одноимённой картине английского художника Джона Уотерхауза: внутри круга – у горящего очага женщина и цветы как воплощение красоты; чёрные вороны как символы злой колдовской силы – за пределами круга. Стоит прочесть стихотворение «Летнее» («Полдень течёт над клевером...») – и читатели убедятся в этом.

Николай Тарасов – автор стихотворных книг «Малиновое лето» (1973), «Радость» (1977), «Обновление» (1980), «Колодцы» (1981), «Дай имя» (1985), «Безумец, человек обыкновенный» (1989), «Зимник» (1995), «Под Северной Коронай» (2002), «У Колдун-горы» (2005), «Моя любимая тетрадь» (2012). В творческой деятельности поэта следует отметить талантливый стихотворный перевод книги эпоса сахалинских нивхов «Поселение Бухты Чёрной Земли» (2013). В последние годы Николай Тарасов обратился к прозе. С 2009 по 2014 год вышли из печати пять книжек его воспоминаний под общим названием «По велению глупости», рассказы в сборнике «Современная проза Сахалина» (2012) и в литературно-художественном сборнике «Сахалин 2013» (2013).

С 1997 года Николай Тарасов руководит областным литературным объединением «Лира», помогая начинающим авторам постичь тайны слова.

Рис. 70. Книга Н. А. Тарасова «Безумец, человек обыкновенный»

Слово в поэтическом мире Николая Тарасова

Николай Тарасов входит в литературу в 1970-е годы. В отличие от «эстрадной поэзии» и «книжности» 1960-х это годы так называемой тихой поэзии, и с этим направлением связывались имена Николая Рубцова, Владимира Соколова, Алексея Прасолова. По мнению критика Евгения Осетрова, «Николаю Тарасову как-то счастливо удалось в единое целое слить в своих стихах (речь идёт об одной из ранних книг «Обновление». – С. В.) традиции, идущие от Леонида Мартынова, ранних полушутливых стихов Михаила Исаковского и пафосного начала Бориса Ручьёва... Я счастлив отметить собственную интонацию в стихах Тарасова, оригинальный и свежий голос»³⁷⁸.

У Тарасова хороший поэтический слух и вера в божественность слова, поэтому его язык живителен, ясен. Слова перекачиваются на языке, словно камешки в ручье студёном, – «окоём», «ополья гладь», «волос дуновенье», «зимник»,

³⁷⁸ Цит. по: Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть третья. – С. 237.

«созвездья златосветят»; «горький, сладкий пальный дым»; птица у поэта пела, «вися на тонкой нити счастья, белёсая мгла берёз». От таких стихов по-детски хорошо на душе, строят они ласковый и тёплый мир, невзирая на грусть и потери, и досаду. Поэт знает, что нет ничего на земле важнее, чем обыкновенная человеческая жизнь. Сердечная мысль выводит его всякий раз к источнику равновесия – солнцу. Солнечные образы в центре его поэтического мироздания – это подсолнух, одуванчик, жар-птица... Птица... Облако... Ветер... Они из простой материи и из глубин мифологического сознания и вняты душе, как первичные зовы. «Дай имя сущему!» – предлагает поэт, взывая к созидающему началу личности, и тогда жизнь обернётся к тебе своим невраждебным ликом. Приятие жизни – пафос тарасовской лирики.

Николай Тарасов прежде всего лирик, и у него есть удивительные стихи:

*Качнулся гром.
И торопливей,
Чем надо бы, ему вослед
Заголосил протяжно
Ливень
На пять минут. На много лет.*

*И снова солнце в просинь било,
Перегорала бузина.
И снова, как когда-то было,
Ты через поле шла одна.*

*Ещё сырые щёки зябли,
И в волосах твоих ещё
Звенели гроззовые капли
И отлетали на плечо.*

*Я знаю – повторится это
Когда-нибудь:
Ополья гладь.
Гроза и солнце.
Ливень. Лето.
И ты мне явишься опять.*

Верно отмечено, что «нет и не может быть творчества из ничего. Душа должна чем-то плениться»³⁷⁹. Такие же пронзительные стихи – почти мистическая, грустно-певучая «Картина», светлые «Мосты», «Жестокий романс», «И тебе, брат Ким, не спится?..» Они – о любви. И раздумчивые «Любовь», «В моей руке твоя ладонь...», «Хочу говорить с тобой...» – о ней же, и можно сказать, что все стихи поэта о любви – любви к «удивительному миру» жизни. «Изумишься всей жизни – / Здесь, с тобой и сейчас...» – говорит лирический герой «брату»-читателю. Отсюда проистекает «одно желанье – не нарушить», «не потревожить, не вспугнуть», а приблизить хотя бы на миг. В лучших

³⁷⁹ Тарасов, Н. А. По велению глупости. Мемуар. Часть третья. – С. 6.

стихах – «Летнее», «Ода одуванчику», «Элегия», «Вечер. Сумерки. Лето...», «Сколько грусти в текучести вод...», «Дай имя», «На стыке снега и дождя», «Облака», «Семь ветров», «Муравей» – всё раздумчиво, неспешно вписано в общий ход жизни отдельного человека и космоса.

Художественное пространство стихов – не городские площади, а берег у океана, на Краю Света, на семи ветрах... Лирический герой – человек мира, где время течёт непрерывно... Грамматическое время Тарасова по преимуществу настоящее продолженное: его ветра «омывают» кров, «стучат» в дверь, «зовут», «настигают», «встречают» у порога, «ходят» ночью в дому, в кронах «рвут» листья, «качают» тишину...

Необычный ракурс восприятия стирает границу между вчера и завтра: облака плывут над полем Куликовым, над последней войной, «надо мной пролетели»,

А под ними всё, что было когда-то.

А под ними всё, что будет когда-то.

(«Облака»)

Вчера и завтра соединяются. Другие две половинки – это земля и небо; в небесах «всё повторится, всё будет сначала», а на земле неоценимо мгновение: «Ах, как светло звенят минуты!»

Благодаря ассоциативной связи событий, далеко отстоящих друг от друга, время и пространство у Тарасова, как это ведётся в XX столетии от Велимира Хлебникова, едины: в настоящем есть и прошлое, и будущее. Это ярко проявляется в «Облаках», «Картине», в раннем стихотворении «Смывает утренние звёзды...»:

А птицы все – от нас, от нас...

И от кого-то, знать, в последний,

Как от кого-то в первый раз...

В «Облаках» вчера, сегодня и завтра соединяются в едином российском пространстве земли-неба, а в «В вечном сюжете» – в общемировом историческом и культурном контексте, с чисто русской щемящей интонацией в оценке происходящего: «На губах ещё сладко, / Да полынь – на душе».

Поначалу складывается впечатление, что из жизни людской и природной герой традиционно выбирает вторую, однако внимательный взгляд обнаружит в его мироощущении очевидное слияние социума, космоса и нравственной души человека разумного в единую сферу, возможно, ту самую, которую в начале XX века прозревали В. И. Вернадский, М. М. Пришвин и которая получила название ноосферы, с великим трудом пробиваясь к сознанию современного человечества. Видимо, поэтому так важно ощущение мира как Дома: «...не всем нам теряться в странствиях. / Кто-то должен, как я и он, / Проживать на конечных станциях...»

По мысли Николая Тарасова, единственное средство не превратить наш мир в «чёрную дыру» – это язык, «язык добра». В этом контексте внятна молитва-закливание «Дай имя»:

Дай имя сущему всему –

Цветку и камню.

Тому, что есть и что во тьму

С тобою канет.

*Дай имя облаку, что вдаль
Неспешно длится.
Ростку слепому имя дай,
Звезде и птице.*

*Сам, как сумеешь, назови
Цвета и звуки.
Пусть будет имя у любви
И у разлуки.*

*Оно, как родина и дом,
Навек даётся.
Как назовешь, так всё потом
И отзовется.*

Восприятие мира сквозь призму слова созвучно философии имени одного из удивительнейших художников слова XX столетия М. М. Пришвина, писавшего: «...не просто даются имена и животным, и растениям, всё обживаете и очеловечиваете, даже всякий камень обжитый имеет своё отдельное имя. Скажешь имя, и животное выходит из стада, а что из стада пришло, то имеет лицо отдельное, оттого что его вызвала из стада человеческая сила любви различающей, заложенная в имени. <...> Всё это нужно нам, чтобы не стать обезьянами и вызывать в себе силу на борьбу с ней. Эта сила у солнца называется светом, и свет солнца в душе человека есть любовь различающая»³⁸⁰ («Мирская чаша». Графика текста авторская. – С. В.).

Перемещаясь в иные времена-пространства, например в докембрий, поэт и его лирический герой понимают: быть или нет миру и человеку в ледяном космосе зависело там и тогда от одного – «Будет Слово или нет...». Здесь и сейчас всё по-прежнему зависит от этого... Существует одно-единственное пространство-время, поэтому легко ощутить себя современниками фольклорного Ивана, искавшего перо жар-птицы, и русского кровавого царя-Ивана, и Печенега, звездочётов и бомжей, «призрака нейтронного снаряда» и «посмертного света исчезнувшего тела» звезды. Во всём этом выявляется одна существенная грань: «Свет, отделенный от огня, / Как дух от слабой плоти...».

*Неотступно раздумье поэта:
Что стоят все познания,
Когда я не постиг
Взаимопониманья
Единственный язык...*

(«У звёзд, в горах Тибета»)

Память как душевная и духовная близость приводит поэта к «старой русской прозе», выдвигая на первое место нравственное, милосердное начало классического слова: «Дверь отворят без опроса, / Хлеб свой разделят с тобой».

³⁸⁰ Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. – Т. 2. – М., 1982. – С. 503.

*Путнику в ливень кромешний
Крыша она и ночлег.
Праведный ты или грешный –
Лишь бы живой человек...*

«Старая проза» ставится в контексте сборника «Зимник» в ряд таких понятий, как «старый ратник», «старый дом», «старая кукла» – социальное «одомашнивается», одухотворяется.

Мотив слова естественно становится излюбленным мотивом многих стихотворений Николая Тарасова – «Старая проза», «Язык», «Осень 1836 года», «Я чувствую себя героем...», «Докембрий», «Посреди бесснежья», «Облако», «Возможно ль вырваться из круга...», «Дай имя», «Слова» и др.

Если вглядываться в мир, по выражению шекспировского Гамлета, повернув глаза зрачками в душу, то обнаружить в нём присутствие слова несложно. Особенно насыщены им небеса:

*Там над лесом хрипят,
Задыхаясь, ветра,
И со словом сшибается слово.
Каждой молнии высверк,
Как росчерк пера.
Что тебе до пера золотого?*

Лирическому герою Тарасова, подобно древнему человеку, чудятся в шуме ветров и раскатах грома звуки божественных глаголов. В его понимании облако, прежде чем кануть во тьму, должно успеть «досыта наговориться», но может оно «плыть от черты до черты», «вовсе ни слова нам не подав с высоты». В болотных мхах, «где всякий путник не сын, а пасынок земли», «никто ни с кем не говорит». В то же время сказочное «жар-птичье перышко», добытое-таки Иваном («Перо в избе на гвоздь повесил / И стало в том краю *светло*»), трансформируется у Николая Тарасова в золотое перо, начертанное в небе. У него и «Мороз на стёклах пишет сказки / Пером из инея и льда».

Постигаемая поэтом реальность оказывается близка к миру словесности не произвольно, а через так называемые литературные припоминания: фраза «говорить, глаголов экономя свечи» – цитата-перевертыш из Пушкина.

*В небе облачный знак –
Лёгкий контур пера...*

Если верить поэту, в небе «Очертанье пера / Обязательно есть», и в контексте его поэзии перо это видится как «жар-птичье» или гусиное – то самое, наследное, каким писал, по нашему разумению, свои заветные слова Пушкин.

По-ахматовски интимно присутствие Пушкина: вот он стоит у пруда перед холмом, с осени 1836 года и по сей день – это одно застывшее мгновение, которое длится вечность:

*А лист упал. Медлительно. Не вдруг.
Коснулся вод недвижных и пугливых.
Как будто бы из рук упал счастливых!
Качнулся пруд. Пошёл последний круг.*

(«Осень 1836»)

Осень для русского культурного человека всегда «унылая пора», «очей очарованье», она психологически воспринимается сквозь пушкинскую призму покоя и «предчувствия невыразимой стужи». В нашем сознании в потенции

вместе со словом «осень» в данном контексте возникает целый пласт русской культуры. Д. С. Лихачёв в 1992 году вводит для обозначения этого явления термин «концептосфера», который «помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и её воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности»³⁸¹. Акцент на слове у Николая Тарасова располагает к попытке выявить особенности концептуального мира, концептуальной сферы, носителем которых является язык поэта.

Слово у Николая Тарасова живое, богатое литературным опытом, рождающее ассоциативный контекст. Его лирический герой – сегодняшний человек – говорит о себе: «У Дикого поля, на меч обопрась, / Дружинником русым я встал в обороне»... («Я мог бы кочевником широколицым...»). Для того, кто читал Александра Блока, слово «дружинник» и слово «кочевник» соединяют Куликово поле и XX век, выступая как символ синтеза человека индивидуального и человека исторического. Согласно блоковской традиции, лирический герой в ситуации единого времени-пространства – современник и древний ратник в одном лице. Это читатели могут видеть у Николая Тарасова.

Ясностью, взвешенным отношением к слову, соразмерностью стиха в своих лучших творениях он связан с классической русской традицией, а в предыдущем столетии, скорее всего, близок Ивану Бунину, Николаю Рубцову с их тютчевской традицией несуетного зрелого размышления о человеке перед лицом мироздания.

Литература: Дорофеева, Л. Настройка на флейты / Л. Дорофеева // Дальний Восток. – 1977. – №9. – С. 152–153 ; Дорофеева, Л. Поиски глубины / Л. Дорофеева // Советский Сахалин. – 1982. – 23 окт. – С. 3 ; Семенчик, В. Приглашение к диалогу / В. Семенчик // Советский Сахалин. – 1985. – 16 марта. – С. 4 ; Тоболяк, А. Прочтите «Безумца» / А. Тоболяк // Советский Сахалин. – 1990. – 5 мая. – С. 4; Плотников, В. Любовь во спасение / В. Плотников // Советский Сахалин. – 1996. – 3 фев. – С. 4 ; Ершова, Н. Модель мира и человека в лирике Николая Тарасова / Н. Ершова // О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 51–56 ; и др.

С. А. Веднёва

4.7. Роман Хе – сахалинский Верлен

«...Обнажённый, как наша планета...»

Имя Романа Хе не писали на стенах домов, как имя Виктора Цоя, пролетевшее по России несколько лет спустя после выхода маленькой книжицы «Гудящие раковины» (1984) в составе кассеты молодых сахалинцев. Но есть что-то несомненно закономерное в том, что явлению Виктора Цоя предтечей

³⁸¹ Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. – Т. 1. – М., 1997. – С. 42.

было явление названного нами автора, когда безвестный городок Томари на Сахалине вдруг начал пульсировать в космос мощными поэтическими позывными...

Впервые новое поэтическое имя автору этого параграфа было открыто представителями самой мыслящей молодёжи Сахалина, для которых творчество Романа Хе явилось глотком свежего воздуха в удушающей атмосфере тогдашней стагнирующей советской системы. Книжицу «Гудящие раковины» можно уподобить звучащему рогу тритона с фронтона обветшавшего общественного здания, что заметно было далеко не всем.

Это было время *застоя*, когда об одном из генеральных секретарей Константине Черненко невесело шутили: «Что там впереди? – *Черненко... черненко...*» (А символом угасания системы была даже смерть одного за другим плеяды генеральных секретарей, так же попавшая в исторический анекдот: требуют пропуск у посетителя церемонии похорон очередного генсека – и слышат в ответ, мол, у меня *абонемент*). Книга стихов «Гудящие раковины» – это голос **свободного** индивида, связанного по рукам и ногам системой.

х х х
*Странно,
как
птицы
привыкли
к клеткам?
Странно,
как они
в клетке
поют?*

Роман Хе (Хо, Нам Ёги) – поэт, бард и переводчик – родился 18 августа 1949 года в городе Томари Сахалинской области. Там же он окончил восьмилетнюю корейскую школу и с 9 до 25 лет писал стихи на корейском языке, переводил сиджо из классической корейской поэзии. Трудился на самых простых работах – плотником, каменщиком-формовщиком, не расставаясь с гитарой.

Раскрепощённость личности лирического героя Хе была обеспечена самой **природой** стихов, что воспринималось чудом. Какова же природа его стиха?

х х х
*Дождь...
Можно, не стыдясь,
и мужчине лить слёзы!..
Как ребёнок, брожу по улице
и плачу...*

Что за расточительный избыток чувств?.. Позволить мужчине плакать – непозволительная роскошь для советского человека, уж не декаданс ли? И вообще, что случилось с высокообразованной цензурой, не спрашивающей, о чём, собственно, он плачет? Цензуру заворожила *восточность* предлагаемого материала (как бы Восток вообще, как бы и не у нас...).

Между тем как раз у нас:

...По ночам

*в комнатах гулял ветер, и мы
спали на полу, прижавшись друг к другу*

*под тяжёлым ватным одеялом
и путешествовали во сне...*

(«Мать»)

И нечто от декаданса, а если точнее – откровенного импрессионизма (вспомним «Над городом тихо дождь идёт» французского символиста Поля Верлена!):

*...О дождик желанный,
Твой шорох – предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок...*

(перевод Бориса Пастернака)

И удивляться переключке с Верленом не приходится, потому что европейский импрессионизм – явление **вторичное** по отношению к восточной (китайской, корейской, японской) живописи и поэзии.

«Дождь...» Романа Хе лаконичнее знаменитого верленовского стихотворения в силу изначального тяготения к лаконизму иероглифа и его изобразительности. Но философская основа лирики Хе и Верлена – различна. У французских импрессионистов культ эфемерности *мига*. У Хе, как у всех восточных лириков, *миг* обретает философскую глубину и впаян в *вечность*:

*Археологи,
вы ищете древние сосуды?
Вот они –
две ладони человека, сложенные в сосуд,
похожий на бутон цветка,
черпающий дрожащую воду,
чтобы преподнести
к жаждущим устам!
Всё живое лакало воду,
уткнув морду в озеро,
а дикий-человек
пил с ладони.*

(«Древний сосуд»)

В результате такой трактовки **мига** человек у Хе оказывается изображённым как **человек вообще**, вне системы, извлечённым из какой бы то ни было системы:

*Словно миллиарды звёзд, сияет море...
И мальчик обнажённый,
как наша планета, сияющий,
крохотный,
брызгая голубой волною,
весело бежит среди звёзд!*

(«Мальчик на берегу»)

За «железным занавесом» СССР глобальное пространство для сахалинских корейцев было сугубо ограниченным – и можно было рассчитывать только в игре, в мечтах да во сне «искать по свету капитана Гранта» –

...До сих пор тот мальчишка

дерзко смотрит мне в глаза.

И поэтому любопытна переключка сахалинца с другим французским поэтом – Артюром Рембо. Вот фрагмент из его поэмы «Пьяный корабль»:

...Ну, а если Европа, то пусть она будет,
 Как озябшая лужа, грязна и мелка,
 Пусть на корточках грустный мальчишка закрутит
 Свой бумажный кораблик с крылом мотылька...
 (перевод Павла Антокольского)

А вот образец лирики Романа Хе:

х х х
 Лужа
 тоскует
 о
 крохотном кораблике,
 и мальчик —
 пока она не испарилась —
 спешит подарить ей
 морское мгновение!

(Заметим, кстати, визуальное сходство стихотворения с кораблём — это *рисование* стихами!)

Лирическому герою Артюра Рембо доступны безграничные морские просторы, но душе его *тесно* — и он сворачивает открытое пространство, суживает его подстать своей душе. У лирического героя Хе — всё наоборот: тесное пространство раздвигается *широтой души*, и её *восточность* помножена на *русскость*.

Эта возможность духовной победы над закрытым пространством и составляла главное обаяние лирики Романа Хе в глазах читающей сахалинской молодёжи.

...каждый ребёнок —
 таинственный пришелец,
 инопланетянин,
 маленький принц.

У него

своя собственная планета, где растёт

роза.

(«Детские рисунки»)

При таком подходе к делу падают внешние стены и внутренние перегородки — и птица в клетке *может* петь, потому что клетка превращается из безусловного обстоятельства в *условное*.

Неужели поэт мог читать по-французски запрещённый трактат Альбера Камю «Миф о Сизифе», в котором философ считает, что можно победить ситуацию несвободы простым изменением отношения к ней? Даже если и не читал, *de facto* он находится с ним в диалоге — и даже в споре.

Да, ситуацию можно победить мыслью, на идеальном уровне, но при этом нельзя превращаться в страуса, думающего, что он спасся, если засунул голову в песок.

х х х
 Человек никогда не бывает один.

Рядом —

деревья, птицы, звери, луна.

И как бы скрытно ни творить зло,

знай —

они смотрят в упор.
И в небе зреет
Молния.

Лирический герой Романа Хе – *мечтатель*, но *зрячий*. И даже предполагающий варианты *деятеля*.

Как в этом стихотворении:

х х х

Скоро люди научатся управлять погодой.

*И человечество забудет
о наводнениях и засухе,
о тайфуне и цунами.
Но и тогда
найдётся чужак в управлении погодой,
который
вместо запланированного солнца
подарит
грозу!*

Вполне возможно, что Роман Хе ничего не имел против системы, просто его стихи – это состояние души, которая всегда **шире** любой *системы*.

Серебряный верлибр

Роман Хе – член Союза писателей России с 2000 года, во времена *перестройки*

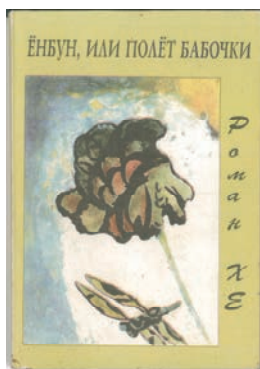

Рис. 72. Книга Романа Хе «Ёнбун, или Полёт бабочки»

он выпустил сборники «Ёнбун, или Полёт бабочки» (1996) и «По сорочьему мосту» (1999). Стихи его появлялись в литературно-художественных сборниках «Сахалин», в журналах «Дальний Восток», «Аврора», «Дружба народов», в альманахах «Антология русского верлибра», «День поэзии», «Свой голос» и в других изданиях. Он стал лауреатом Сахалинского фонда культуры и журналов, на страницах которых был гостем. Многие свои стихи он положил на музыку. Музыку Роман Хе широко знает и тонко чувствует.

Сергей Хе, выступив иллюстратором стихов отца, открыл сборник «Ёнбун...» следующим изосюжетом: **лунный** свет изливается на снежную крышу дома из опрокинутой чаши полумесяца. А в автобиографическом эссе «Автопортрет с солнечными зайчиками» (2004) Роман Хе сообщает о самом себе: «Под белой, белой луной я натягиваю на свою гитару-гусли **серебряные лунные лучи**...». Любимая форма его творчества – верлибр.

*Ныряю
в тёмную глубину,
выныриваю
в сказочный мир,
где я живу.*

(«Купание в лунную ночь»)

Какая **полнота** ощущения жизни!

Если учесть, что поэт нашёл спонсора, которому очень благодарен, лишь на 200 экземпляров своего второго сборника, что говорит о крайней материальной стеснённости автора, приходится признать, что душа лирического героя Романа Хе действительно **свободна** от какой бы то ни было системы!

Поэту дарили вдохновение не только Басё, Бо Цзюй-и и Чжуан-цзы, но Пушкин, Есенин и Анастасия Цветаева – и его *восточное* мироощущение не раз окрашивается обертонами *русского православия*.

Приглядимся к приведённому выше стихотворению: проникновение в **глубину** сути вещей *аскетично*, но это не противоречит восприятию **яркости** материального мира – в православном сознании **бренность** мира не отрицает его **реальности** (в противовес, например, буддизму, для которого окружающее нереально и не обладает никакой ценностью).

Поэт нежно и пылко любит весь мир, горько плачет над каждой былинкой и отважно занимается *богомыслием*:

*Возникли
будто из ничего
странные рыбы, птицы, море, небо...
И не поймёшь,
что раньше появилось:
рыба, – потому что море грустило,
или море – потому что рыба задыхалась,
птица – потому что небо пусто.
или небо – потому что птица падала...*

(«Из-под волшебной кисти»)

Это переключка с русским символистом Константином Бальмонтом, сказавшим:

*Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у Него!*

Роман Хе иногда пишет хокку:

*х х х
Звёздное небо!
Глубокой ночью
сына бужу...*

иногда вариацию на тему «Алёнушки» – и это всё верлибр. Иногда располагает строки в компьютерном формате («по центру») – и тогда чёрный шрифт почти обретает дополнительный эффект цветомузыки! А иной раз, как в автобиографическом эссе, разворачивает их в формат прозы – они и там, становясь «стихотворениями в прозе», остаются верлибром. Верлибр Романа Хе музыкален и живописен, но и та и другая сторона стиха своеобразны, оригинальны.

Это не *акварель* (в отличие от Поля Верлена и Максимилиана Волошина, Хе не даёт оттенков), а скорее – *амальгама цветной туши*, тяготеющая к

Рис. 73. Книга Романа Хе «По сорочьему мосту»

графике, которую поэт очень любит («Сухой мох», «Автопортрет с бумажным змеем»).

Поэт нечасто прибегает к звукоподражанию и вообще к звукописи, как, например, в этом стихотворении:

х х х
*Хлопья морской пены
летят по улице.
Бросив сумку с хлебом,
мы с тобой ловим
тающие лепестки...*

У него совсем другие средства музыкальности. Поскольку верлибр не предполагает деления на стопы, ритмической симметрии (как в силлабо-тонике) или нарочитой ассиметрии (как в дольнике), у Романа Хе музыкальной становится само *развитие темы*, что можно уподобить монодической импровизации на саксофоне, кларнете или флейте:

*Завтра –
свадьба у сестры,
самой
любимой сестры.
Под снегом
ищу я бамбук,
самый
зелёный бамбук.
На сопке,
где бегали мы,
заваял
вдруг запах цветов –
и хочется плакать мне всласть,
и хочется плакать мне всласть...
Завтра –
свадьба у сестры,
зелёный
отыщу я бамбук.*

(«Поющий бамбук»)

В стихах Романа Хе музыкален *жест* души, музыкальна *церемониальность* стиха, *ритуальность* стиха, *деликатность* на краю срыва в *сентиментальность*...

В его стихах – *звон* слова, пронизанного светом.

Литература: Кабанков, Ю. «Автопортрет на крылышках цикады»: Возможность и действительность поэзии Романа Хе // Дальний Восток. – №3–4. – 2001. – С. 280–286; и др.

Л. В. Дорофеева

4.8. На волне: лирика Таи Немовой

Страницы биографии

Тая Немова (Таисия Владимировна Кочетова) родилась 8 апреля 1948 года в селе Стародубском Сахалинской области, куда её родители приехали из города Владимира. Среднюю школу окончила в городе Макарове, где и начала работать корреспондентом газеты «Родная земля». В 1971 году переехала с семьёй в город Улан-Удэ. Трудилась на телевидении, в газетах, с 1976 года работала на Байкало-Амурской магистрали. В 1975–1980 годах училась на заочном отделении журналистики в Иркутском государственном университете им. А. А. Жданова. В 1986 году, после трагической гибели мужа и смерти от болезни сына, вернулась на Сахалин: вначале жила в посёлке Буюклы, затем переехала в районный центр – Смирных. Работала художником-оформителем, корреспондентом районной и областной газет. Между первой и второй книгой Таи Немовой большой разрыв: сборник «Я здесь родилась» (1968) вышел в поэтической кассете, потом увидела свет книга «Держись, душа!» (1999). Ключевым в творчестве стал поэтический сборник «Зона» (2004). Тая Немова сама сделала к нему иллюстрации, составила разделы. Книга стала отражением духовной сущности поэта.

Стихотворения Таи Немовой публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Байкал», «День и Ночь», в коллективных сборниках «Сахалин», «Утренние песни» (Улан-Удэ), сборнике поэтов БАМа «Песни под магистралью» (Улан-Удэ). В 2004 году Тая Немова стала членом Союза писателей России.

В. М. Санги в своё время так откликнулся на стихотворения Таи Немовой: «Этот берег, ныне трагический, был когда-то, быть может, самым красивым и благодатным. Море и горы, небо и долины, грозовые тучи и нерестовые реки. Память людская сохранила об этом крае благоговение. И люди молились богам, чтобы эта благодать была бесконечной... Здесь и родилась Тая Немова. Босая, голоногая, она проходила по кромке воды, где властвовали две стихии: стихия воды и мир суши. Она росла в согласии со всеми богами: богом моря, богом тверди, богом неба. И это согласие быстро отзывалось строками столь же естественными и красивыми, как сила и назначение Великих Стихий. Так она начиналась. Так она стала Поэтом. У неё сложился свой читатель – верный, надёжный, ожидающий. И ожидание своего читателя поэт постоянно оправдывает. Нежность, чистота помыслов, драматизм времени, трагедия эпохи – всё отражено в её безыскусных и в то же время изысканных стихах...»³⁸².

В последние годы жизни Тая Немова работала специальным корреспондентом в газетах Сахалинской области «Регион» и «Наши острова». Готовила рукопись книги для детей. Но помешала болезнь, и книга не состоялась. 10 июня 2006 года в посёлке Смирных Сахалинской области Тая Немова скончалась. Сборник избранной лирики «На волне» (2008), составленный из стихотворений, вошедших в книги «Держись, душа», «Зона», а также из неопубликованных посвящений друзьям, увидел свет через два года после смерти Таи Немовой.

³⁸² Санги, В. М. Аннотация / В. М. Санги // Немова, Т. Держись, душа! : стихи. – Южно-Сахалинск, 1999. – С. 2.

Рис. 74. Книга Таи Немовой «Зона»

Свою неожиданную, контрастную и проникновенную книгу стихотворений «Зона» Тая Немова посвятила Сахалину и своим землякам. Поэту удалось сделать то, что, несомненно, выделяет её среди других авторов, а именно – призвать на служение музе и перо, и кисть, весь свой поэтический и художнический опыт для создания правдивого, в чём-то документального и в то же время лирического повествования. «Зона» состоит из трёх частей, каждая из которых представляет страницы жизни Сахалина со времён основания каторги до обретения гражданской свободы.

История островного книгоиздания расскажет о том, какой неподдельный интерес вызывает судьба острова у разного рода исследователей. По многим причинам. Одна из них – ужас перед каторжной окраиной для всего просвещённого мира. На Сахалин ехали изучать меру и степень человеческого падения, хотели увидеть своими глазами героев-призраков нашумевших в России и за её пределами уголовных дел. И как следствие, появлялись очерки, хроники, повествования, исследования, отчёты – на страницах которых развивалась трагедия России. Но удалось ли увидеть её окончание и последствия Чехову или Дорошевичу, Хоузу или Кейзерлингу, писавшим о российских каторгах? Не стеснясь, можно поставить на другую чашу весов книгу Таи Немовой, поскольку в ней отражена судьба тех, кто наследовал этот мир и живёт в нём и поныне.

Каторга – Зона – Свобода. Такова печальная история островного края, но таков же и путь духовного становления его обитателей. В первой части книги («Каторга») отражен процесс духовного вырождения маленькой России на берегу Татарского пролива. Приметы времени легко укладываются в традиционные четверостишия, становясь экспонатами музея человеческого опустошения. Горечь, кровь и беззаконие – таковы движущие силы сахалинского бытия, но в лирическом изложении они приобретают гипертрофированный оттенок. Это даёт возможность не просто познакомиться с достоянием истории, фактами и документами, но и в некоторой степени пережить ощущения тех, кто, вероятно, числится среди наших предков, не таких далёких, как хотелось бы...

*Мы себя всё ещё не спросили,
как нам ладить жизньё да бытьё,
кто мы – пасынки нашей России
или кровные дети её?*

*Всё играем – то жмурки, то прятки,
всё не можем друг друга понять.
Всё полощет кровавые тряпки
в озерке наша Родина-мать...*

Да, – признается лирический герой книги, ставший невольным летописцем злоключений своей земли, – «Были кровавые жатвы / Нехристей, сдёрнувших крест. / Прах душегуба и жертвы / Бродит туманом окрест». И из этого-то тумана возникают те или иные персонифицированные образы, в существование

которых веришь или полагаешь, что они непременно были именно такими. Один из них – Юра, человек-свеча, человек-огонь, который так и не смог ответить на вопросы: «Как выплыть из чёрной пучины? Как выжечь заразу тоски?»

*У него глаза
плавят платину,
другу он сказал:
– всё оплачено,
пришла долгожданная эра,
креня купола и кресты.
Теперь нам особая вера
к вершинам проложит мосты.*

И что же? – «У меня был друг, вот и песня вся: пел про ад, и вдруг он повесился».

А вот какое материнское напутствие получает лирическая героиня в самом начале книги:

*Пора тебе быть – не казаться,
иди, ты готова уже,
но только не смей прикасаться
ни к чёрной, ни к мёртвой душе.
Пусть знак золотой – одуванчик
тебя на пути сбережёт,
но если заметишь незрячих,
в глаза не смотри – обожжёт.*

От таких слов по-особому воспринимаются, казалось бы, общеизвестные вещи. И конечно, Сахалин – не Сибирь, не Приморье, не Магадан, но что-то роднит эти «мёртвые» точки Вселенной:

*не за дар – за обман
у барышника взятка и ссуда,
всё темнее туман,
всё светлее предатель – Иуда,
правят бал стукачи,
раб не верует в силу свободы,
жертвы и палачи –
из одной каторжанской породы
на костях, на крови
возводили Антихриста эру.
За убийство любви
всем положена Высшая мера.*

Еще одна историческая веха – Зона, так называется вторая часть книги. Здесь Тая Немова привлекла свой личный архив, умение передавать лирическое переживание через весь арсенал доступных выразительных средств. В книге приводятся цитаты, документы, стихотворения из привычного для восприятия классического «столбика» вырываются на свободу, растекаясь в причудливые и ужасающие фигурные образы: финки, пистолета, лестницы, решетки – всего того, чем изобилует жизнь «на зоне». Автор практически выворачивает перед читателями содержание быта и атмосферы близкого соседства с колонией. Но это не только выражение определённых обстоятельств, это первый шаг к

изобличению духовного закрепощения. Тая Немова – мастер создания психологизма в лирике. Её слово становится близким, реальным. Оно оживает на глазах, от него никуда не деться, потому что «сон души запирает своды, сон души – приговор решённый, кара, каторга и свобода – категории вне решёток!» Поэзия Таи Немовой – это поэзия зрения, слуха и сердца. Поэт превращает лирику в эпическое повествование, со всеми присущими ему возможностями. Например, как умело она использует пейзажную зарисовку для того, чтобы передать духовное опустошение человека:

*Бесприютное серое поле
и ветлы поседевшая прядь.
Счастье – даль, ну а доля от воли,
коль изъять своеволья печать.
<...>
И в бездарности хмурой минуты –
беспардонный намёк камыша:
то не поле в дожде бесприютно –
бесприютна пустая душа.*

Ещё одно умелое решение – использование общего колорита, точных деталей в бытописании и чёткого скупого диалога, которые в совокупности рисуют эскиз довольно суровой картины:

*Зона встаёт спозаранку,
хмуро встречает рассвет.
Мать привезла на свиданку
крестик и блок сигарет.
– Мама, не надо стараться,
здесь мне креста не носить,
зона велит не бояться,
зона велит не просить.
В зоне особые меры...
Тихо ответила мать:
– Разве надежду и веру
можно с цепочкой сорвать?
Чёрные сполохи зоны,
чёрное пламя в крови
гаснут под вечные звоны
веры, надежды, любви.*

Невозможно пересказать тот накал страстей, который создаёт вторая часть книги Таи Немовой. Но завершающее сборник стихотворение ставит вовсе не точку, а протяженное во времени и пространстве многоточие. Как любое общество формирует своего героя, так и зона на Сахалине выпестовала своё духовное чадо. Оно уже обращено глазами к небу, но сердцем своим ещё принадлежит миру плоти и крови – нет выхода, кроме покаяния.

*Я – слабый цветок одуванчик,
я к сильным готов под сапог,
я, – взор у духовно незрячих,
я, – каторжный ветер дорог,
я, – чин, начинённый лукавством,
я, – яблоко с гнилью червей,*

*я, — пьющий чумное лекарство,
я, — сон, антрацита черней...*

И поэтому логичным заключением звучат финальные строки:

*прости меня, Господи Боже,
прими покаянье моё!*

Как и любая история, эта тоже имеет своё завершение. Свобода — третья часть книги — построена таким образом, что читателям, как и героям повествования, даётся возможность вздохнуть, оглянуться, расправить плечи, но... Учиться заново жить, обретать новую, прежде всего социальную роль. Потому что свобода состоит из множества мелочей, в ней есть природа, живопись, музыка, язык и речь и многое другое вместо стен и решёток, карандаша и бумаги, шансона и шансонеток, страшного воровского жаргона и заунывных русских народных песен сирот. К этому нужно привыкнуть, приучиться, принять. Иначе — не сложится...

*Словно грязный стакан,
мутен сумрачный мир законный,
где бесчестье и ложь
всё уверенней, злей и лютей,
мы не сплетники, нет,
но жестокие волчьи законы
в этом мире гуманнее
хитрых законов людей.*

*Громче пой и играй!
Ты сегодня нужнее, чем прежде,
и под песню твою,
что звучала в воде и огне,*

*мы зажжём в темноте
наш огарок последней надежды
и поднимем стаканы,
и вычистим стёкла в окне!*

Казалось бы, всё. Но в самом начале мы вместе с автором обозначили отправную точку нашей истории — «Высшая мера», наказание за убийство любви. И вот теперь круг замкнулся, поскольку Тая Немова густой масляной краской размашисто пишет лозунг новой жизни: «Вера сгонит зловоние серы, у надежды горячая кровь, а любовь — это Высшая мера, избавляющая от оков». Почти плакат, почти призыв. И для нового поколения, выросшего из оков каторги и духовного нищенства, — это единственная возможность выправить собственную судьбу. И не быть одиноким путником в дороге, и не прятать взор от горящих и счастливых глаз.

*Нет светлей и чернее нет сплава,
чем душа, каждый знает и сам.
С грешных губ покаянное слово
не напрасно взойдёт к небесам.*

*Пусть отпустятся нам наущения,
фраз лукавых пустое лущение,
перед сильными — хитрая лесть,
а со слабыми — страшная месть.*

*Не кошмары и не обольщение –
просто искренний шёпот в тиши.
Есть у неба закон воскрешения
даже самой пропащей души.*

*Посмотри в эту звёздную бездну –
снова трубы – ты слышишь? – трубят,
снова ангелы – чёрный и белый –
смертный бой завели за тебя.*

Автор – художник, вследствие этого книга получила подзаголовок – «Эскизы в чёрно-белых тонах». Иных, к сожалению, не подобрать. Использование контраста как основного средства создания художественного образа оправдало себя: читатели остаются один на один с некой неявленной тайной – как было возможно создать на 78 страницах лирической книги такое полномасштабное эпическое полотно? И только перелистав ещё раз полностью «Зону», можно найти вразумительный и полновесный ответ:

*Коль не расцветает мёртвый стебель –
может быть, не стоит и спасать?
Есть стихи, рождённые на небе,
весь секрет – увидеть и списать.*

А. А. Сафонова

4.9. Книги Ирины Левитес: от «Переходного возраста» к «Новому адресу»

В начале пути

Ирина Левитес (Ирина Даниэлевна Остапенко) родилась 17 октября 1955 года в г. Киеве в семье военнослужащего. В 1970 году вместе с родителями переехала в Южно-Сахалинск. Окончила Александровск-Сахалинское медицинское училище (1979), затем факультет биологии Уссурийского государственного педагогического института (1985). Прошла постдипломное обучение в Санкт-Петербургском институте усовершенствования врачей по специализации «Валеология» и во Владивостокском государственном медицинском университете по специализациям «Медицинская генетика» и «Бактериология». С 1980 по 2010 год работала методистом и преподавателем микробиологии и медицинской генетики в Сахалинском базовом медицинском колледже. За заслуги в области здравоохранения награждена Почётной грамотой Министерства здравоохранения РФ (2002).

Прозаическим дебютом Ирины Левитес стал сборник рассказов «Законы наследственности» (2006). Книга получила широкий читательский отклик. Издательство Сахалинского государственного университета на протяжении двух лет выпустило ещё три книги автора: роман «Отпусти народ мой» (2007) и прозаические сборники: «Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи!» (2007), «Круглая Земля» (2008). В 2008 году Ирина Левитес стала членом Союза писателей России.

В Сахалинском книжном издательстве вышло четыре книги автора, среди них – «Зал потерянных шагов» (2008). Одноимённая повесть, опубликованная в

«Дальнем Востоке» в 2011 году, по итогам года сделала автора лауреатом этого журнала в номинации «Проза».

2009 год в творческой биографии писательницы получился особенно плодотворным. В свет вышли сразу три книги: роман «Аня» (2009), избранное «Переходный возраст» (2009), повесть «Боричев Ток, 10» (2009). За книгу «Переходный возраст» Ирина Левитес стала лауреатом премии губернатора Сахалинской области (2009). Повесть «Боричев Ток, 10» в 2009 году вошла в состав финалистов литературной премии имени Ивана Петровича Белкина (повесть года). Премия, учреждённая журналом «Знамя» совместно с открытым фондом Бориса Николаевича Ельцина, – единственная в России литературная премия, носящая имя вымышленного персонажа. По традиции эта премия ежегодно присуждается пяти финалистам (по количеству повестей Белкина) за лучшую повесть, написанную на русском языке. «Боричев Ток, 10» в рамках «Круга чтения» прозвучал в исполнении артистки МХТ им. А. П. Чехова (Москва, апрель 2010) Алёны Владимировны Хованской. Второе издание повести вышло в 2011 году в серии «Проза еврейской жизни» московского издательства «Текст».

В 2011–2012 годах в издательствах «Лукоморье» и Института развития образования Сахалинской области появились ещё три книги Ирины Левитес: «Новый адрес» (2011), «Охота на солнечных зайчиков» (2011) и повесть «Мама, папа и китайцы» (2012).

«Переходный возраст»

В книгу избранной прозы «Переходный возраст» (2009) вошли пять рассказов и два романа: «Аня» и «Отпусти народ мой».

Уже в первых рассказах Ирины Левитес почувствовалась настоящая литература, со своей особой интонацией, ритмом, казалось бы, незамысловатым, но порой неожиданным сюжетом, сочетающимся с высоким эмоциональным накалом, романтическими устремлениями героев. Ирину Левитес отличает высокая языковая культура, писательница чувствует слово и относится к нему с уважением. Задушевность повествования вызывает ответное читательское доверие. Мягкий юмор, заложенный практически в каждом рассказе, придаёт ещё большую убедительность этим небольшим по объёму произведениям. К тому же ситуации, описанные в них, часто не только забавны, но и поучительны.

Роман «Аня» адресован читателям среднего возраста, поскольку речь в нём идёт о становлении личности молодого человека, о поиске собственного призвания и преодолении жизненных препятствий. А вот роман «Отпусти народ мой...» – это произведение, повествующее о нескольких поколениях одной семьи на протяжении XX века.

Ирине Левитес интересны жизнь и человек сами по себе, поэтому в прозе писательницы не существует мелочей. Сочувствие и понимание – первоосновы творческого мировоззрения Ирины Левитес. Как автор, она обладает прежде всего большой читательской культурой, что находит отражение в её произведениях. У неё нет желания понравиться, эпатировать публику, а есть острая потребность поговорить о наболевшем: о детях, о семье, о любви, о смысле жизни, о непростых человеческих отношениях, крепнущих или разрушаю-

щихся по воле обстоятельств. Обо всём этом Ирина Левитес пишет с юмором, с тонкой иронией (и даже самоиронией) и, безусловно, совершенно искренне.

«Новый адрес»

Книга «Новый адрес» (2011) состоит из трёх повестей: («Зал потерянных шагов», «Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи!», «Боричев Ток, 10») и двух рассказов («Новый адрес», «Столица Англии – Париж»). Центральная тема всей книги – отношения, между маленькими людьми: и детьми, и взрослыми. Тема неисчерпаемая, несмотря на её давние корни в русской и мировой литературе. Новое поколение детей и родителей вынуждено решать её по-своему, в новых обстоятельствах, в новом социально-культурном контексте, которое предлагает время. Кажущаяся простота и очевидность ответов на «вечные» вопросы достигается невероятными усилиями. Потому что в содержании слова «любовь» – очень много нюансов. Можно любить себя, не замечая никого вокруг (как это делает героиня рассказа «Новый адрес»), или строить любовь внутри своей семьи (так поступают герои практически всех произведений Ирины Левитес), или взять на себя ответственность за ближнего, случайно оказавшегося рядом дурачка-простофилю (на это решается героиня рассказа «Столица Англии – Париж»). Постигание любви – именно этому посвящено творчество Ирины Левитес.

«Зал потерянных шагов»

Женя и Павел Антоновы живут на Сахалине, тянут свой нелёгкий бизнес во имя Миши, единственного сына-студента. Если путина пройдёт удачно, можно будет рассчитаться с банком и другими кредиторами, можно будет купить новую квартиру, поправить дела, забыть о бедности, может быть, даже расслабиться на турецких берегах. Рыба, икра, рабочие, хозяйство – на всё уходит непомерное количество сил и времени. Все ждут светлого будущего, подготавливают его всеми силами. Но неизвестно, когда наступит это будущее?..

В неурочный час Женя, почувствовав себя дурно, возвращается домой и застаёт любимого сына спящим с незнакомой девушкой. После выясняется, что у молодых людей не только любовь. Мишка собирается бросать институт. Женя проводит с подругой сына профилактические беседы, показывает соответствующим врачам, стремясь предотвратить непоправимое – раннюю беременность и, как следствие, крах Мишиного будущего. Но девушка в порядке. Миша всё делает по-своему. А вот Женя... её ждет новое испытание на прочность. Ей давно не двадцать. И оказывается, она беременна.

«Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи!»

Сестры Лена и Мила – выходцы из ленинградской семьи врачей. Пережив войну, они остаются одни. Старшая, Лена, заменила Миле мать. Вынуждена была трудиться на нескольких работах, не замечая себя. Мила – сгусток энер-

гии – живёт стремительно. Её первый бурный роман вынуждает Лену отправиться во Владивосток – там можно устроиться и оставить Миле квартиру в Ленинграде. Но... Милин роман лопаётся, подобно мыльному пузырю, как только на свет появляются близнецы, Юрочка и Валик. Лена срочно отправляется в Ленинград, полная уверенности, что близнецов... нужно поделить. Потому что одной Миле не поднять двоих детей. А Лене – никогда уже не стать матерью. Мила уступает. Близнецы встречаются через семь лет. Но у Лены не хватает сил расстаться с обожаемым Валиком, и воссоединения семьи не происходит. Близнецы растут параллельно (в Ленинграде и во Владивостоке). Один становится актёром-неудачником, массовиком-затейником, полным творческих планов (которым, разумеется, не суждено сбыться), другой продолжает семейную династию врачей. И всё вроде бы понятно, но жизнь... Она, как всегда, непредсказуема.

«Боричев Ток, 10»

Рис. 75. Книга Ирины Левитес «Боричев Ток, 10»

Главные герои повести – двенадцатилетняя девочка Нина и её младший брат Валерик, а также многочисленные бабушки, родственники, друзья, люди, живущие в Киеве на чудесной улице с необычным названием – Боричев Ток.

Родители Нины и Валерика уезжают к месту службы отца – на Сахалин, а дети остаются на целый год у бабушек. Бабушки – две сестры, пережившие войну 1941–1945 годов, заботливые (как и полагается всем бабушкам), жизнерадостные, поддерживающие вопреки всему семейный уклад, в то время как дети только и норовят внести в него сумбур и сумятицу. Как и положено детям, с ними всё время что-то происходит: они попадают в нелепые и нередко драматические ситуации, из которых выходят с достоинством победителей. Впрочем, и взрослые не отстают от них ни на шаг. Озарённые теплом и любовью, эти люди просто живут (как и положено всем людям), живёт улица (кого только на ней ни встретишь!), и город шумит (как, впрочем, и другие города).

Светлая, добрая, весёлая история о главном – о любви взрослых к детям, о любви детей к взрослым, о любви к жизни. Да просто о любви, в конце концов!

«Дом стоит на тихой улице. Называется смешно: Боричев Ток. Кажется, что письма по этому адресу никогда не придут. Но ничего подобного: почтальонша утром приносит и письма, и газеты, а часов в шесть – «Вечерний Киев». В верхнем углу написано «Б. Ток 10»³⁸³, – такими словами начинается книга Левитес.

Книга и заканчивается оптимистически: «...Лучше рассказать о том, что Нина с Валериком знают: на Боричевом Току их будет ждать вечное лето: 30-

³⁸³ Левитес, И. Д. Боричев Ток, 10 : повесть. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 5–6.

лотить виноград, раскрывать перезрелые стручки, пасти солнечных зайчиков, оплести стены плющом. Они вернутся, когда зацветут каштаны, и старый дом распахнёт навстречу двери, и бабушки будут слушать их восторженные рассказы, и удивляться, и пугаться, и радоваться, и кормить.

И никто никогда не умрёт»³⁸⁴.

С точки зрения литературного мастерства Ирина Левитес, несомненно, добилась больших успехов. Её рассказы, повести и романы невольно могут навеять воспоминания о книгах В. А. Каверина, В. П. Катаева, А. П. Платонова, М. М. Зощенко, А. П. Чехова, Рэя Брэдли, Астрид Линдгрен, Л. А. Кассиля, Шолома-Алейхема и многих других хороших писателей. Речь, конечно же, о силе впечатления, о глубине понимания человеком человека. Ни в коем случае не о схожести творческих манер. В этом смысле автор абсолютно самостоятелен, и что вдвойне приятно – говорит своим, а не заёмным голосом: точное лаконичное слово, умелое рассматривание деталей, полнота цветовой и звуковой палитры. Книги Ирины Левитес не спутаешь ни с какими иными изданиями, равно как и рисунки, которые сопровождают её произведения.

Наверное, можно по отношению к Ирине Левитес говорить о такой лёгкости, которой обладал датский художник Херлуф Бидstrup. Вот именно это – светящийся юмор, точный штрих, удивительно чуткий и весёлый взгляд на мир – более всего привлекает внимание. Потому что жизнь всё-таки прекрасна. Сама по себе. И гораздо богаче, нежели люди представляют её. Стоит только присмотреться, прислушаться – и самое обыденное заиграет новыми, совершенно неизвестными до того красками.

Бессмысленное разделение прозы на «мужскую» и «женскую» выпускает из поля зрения главное – нередко отсутствие и в той и в другой гармонии, органичности, цельности. Того, что даёт опору в довольно суетном мире человеческих отношений. «Береги честь смолоду» – это давно забытый урок. В настоящей литературе всегда сохранялось некое целомудрие (в смысле мудрости о целом), забота о читателях, их эстетическом чувстве, о каких бы вещах ни шла речь. Если человек не может сотворить добро, то он может хотя бы не умножать зло.

«Новый адрес» Ирины Левитес – то место, где всплывают картинки из детства, где бабушки живут рядом с обожаемыми внуками, где случаются всякие неприятности (как и везде), но преодолеваются с достоинством (как всегда), где есть место прощению, потому что есть место и ошибке, где люди учатся лучше понимать самих себя. Изобразительность в данном случае оказалась важнее повествовательности, остросюжетности, так как никто не может утешить человека, кроме человека. А это, думается, и есть основная задача писателя, каковым и является Ирина Левитес.

Литература: Дворкин, А. Ирина Левитес: Литература – это игра / А. Дворкин // Южно-Сахалинск сегодня. – 2010. – № 26. – 8 апр. – С. 7 ; Иконникова, Елена. О прозе Ирины Левитес: очерк / Елена Иконникова // Сахалин, 2010. – С. 144–147 ; Сафонова, А. Жизнь жителям: о повести Ирины Левитес «Боричев Ток, 10» / А. Сафонова // Дальний Восток. – 2013. – № 4. – С. 194–199 ; и др.

А. А. Сафонова

³⁸⁴ Левитес, И. Д. Боричев Ток, 10. – С. 189.

4.10. От поэзии к прозе: о творчестве Владимира Семенчика

Ступени жизни и творчества пути

Поэт и писатель Владимир Владимирович Семенчик родился 15 апреля 1962 года на Украине. Детские годы прошли в Белоруссии. После окончания факультета журналистики Белорусского государственного университета в 1984 году уехал на Сахалин. В разные годы Владимир Семенчик работал корреспондентом газеты «Советский Сахалин», редактором художественной литературы Сахалинского областного книжного издательства, главным редактором издаваемых на Сахалине газет «Регион», «Наши острова» и «Губернские ведомости». В настоящее время возглавляет «Издательский дом „Губернские ведомости“». С 1992 года – член Союза писателей России, а с 2008 года – член Международного ПЕН-клуба. Владимир Семенчик – лауреат многих литературных премий (журналов «Парус» и «Дальний Восток», Сахалинского фонда культуры и других), а также номинант всероссийской литературной премии «Ясная Поляна» им. Льва Толстого.

Владимиром Семенчиком написаны три поэтические книги («Первое дыхание» (1988), «ИНКОГНИТО» (1990), «На вольную тему» (1991)) и два сборника прозы («Город на колёсах» (2004) и «Супер-мупер» (2005)). Кроме того, Владимиру Семенчику принадлежат газетные и журнальные публикации, в том числе повесть «Консультант по любым вопросам» (2012), напечатанная в журнале «Юность», критические статьи о сахалинских литераторах и интервью с российскими писателями (в журнале «Сахалинское образование – XXI век», в газетах «Советский Сахалин», «Губернские ведомости» и др.). В разные годы стихи и проза Владимира Семенчика публиковались в журналах «Неман», «Рабочая смена», «Аврора», «Уральский следопыт», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Рубеж», «Сахалин» и др.

Дыхание стихов

Дебютная поэтическая книга Владимира Семенчика «Первое дыхание» (1988) вышла в свет в Сахалинском отделении Дальневосточного книжного издательства. В книге немногим более пятидесяти стихотворений – все они тематически разные и непохожие между собой. Одни поэтические истории отличает эпическая сюжетность, такие стихи, словно кинематографические картинки, оживают перед глазами читателей. Это и лишённый ноги мужчина, обретающий жизнь в незатейливых звуках музыки («Домой привезли его...»), и сгорбленная пожилая женщина, кормящая голубей («Старуха кормит голубей»), и молоденькая девушка, провожающая на фронт солдата («Прощание»). Другие поэтические строки лаконичны и точны в своей образности.

Стихи «Первого дыхания» Владимира Семенчика созвучны весне, юности, неожиданным открытиям, которые в обилии есть в зрелой жизни, но которые всегда чисты, красивы, непосредственны и оберегаемы в самом начале долгого пути. Мир, за которым наблюдает лирический герой Владимира Семенчика, прост, но парадоксален. В нём в «декабрьскую лютую сырость» мальчишки выменивают драповое пальто на «ведро настоящей картошки» и «мёрзлого

сала». Не купленное родителями в мирные дни «пальто на вырост», а картофель и сало обеспечат детям войны «долгую жизнь» («Пальто на вырост»). В другом стихотворении ничего не знающие о смерти ребята потешаются над выплывшим из могилы черепом, и только «школьный военрук», привыкший на войне к смерти, немеет, глядя в «мёртвые глазницы» того, кто не дожил до нового времени («Субботник в 9-м „А“»). Удивителен и образ другого героя из поэзии Владимира Семенчика: в больничной палате незрячий много лет мужчина радуется своей судьбе: ведь он жив, а приобретенная в детстве слепота – это такая ничтожная плата за возможность жить и лелеять в своих воспоминаниях все краски мира («Слепой»).

Через три года после дебютного сборника рождается ещё одна книга поэта – «На вольную тему», в композиционно очерченных частях которой («Вчерашние новости», «Студенческая тетрадь» и «На вольную тему») прежние интонации Владимира Семенчика не исчезают, но приобретают новую форму выражения. Они более категоричны, но не менее точны и верны в своей метафоричности:

*Когда поэт стихов не пишет,
Он жабрами на суше дышит,
Он камни гложет, уксус пьёт,
Из паутины шубу шьёт,
Он талым снегом кроет крышу,
Бежит от света, словно крот...*

*И всё-таки эпоху слышит
И судьбы видит наперёд.*

Поэтические размышления «На вольную тему» выходят в свет в 1991 году. Этот год несёт в себе те рубежные настроения, которым не суждено повториться, те настроения, которые связывают ещё недавнее прошлое и уже неизбежное будущее. И поэтому желания лирического героя кажутся вполне естественными, продиктованными временем, за которым – неизвестность:

*Дышите – дозволено ныне,
хотя и не в полную грудь.*

*Спешите оплакать святыни,
упавших кумиров лягнуть...*

Образ лирического героя Владимира Семенчика немыслим без той способности, которая отличает обычного человека от поэта. Герой чувствует мир просто, но через эту незамысловатость открывается всё многообразие бытия, потому что герой видит в малом – многое, слышит в робком – громкое. При этом голос самого поэта остаётся тихим, спокойным, не претендующем на абсолютность открывшегося знания. Поэзия Владимира Семенчика не изобилует восклицаниями, хотя каждое удивление лирического героя – маленькое и значимое для отдельного человека открытие. Такое открытие, которое не каждому дано, не каждому доступно и понятно:

*Господи Боже мой, голубь в окне
Что-то бормочет, воркует, картавит,
Словно душа встрепенулась во сне
И потянулась к любимой устами,*

*Словно по капле тягучая жизнь
Выпита к ночи – и в Божьей деснице
Только душа одиноко дрожит
Белою тенью на чёрной странице.*

Лирический герой Владимира Семенчика – это сам человек в его естестве, в его потребности жить, чувствовать, любить и иногда пытаться заглянуть за грань, узнать, что же там, в небытии, в нематериальном мироздании:

*Любимая, что с нами будет
Когда мы разучимся жить?
Неужто нас небо осудит
По разным орбитам кружить?*

*Неужто в томлении праздном,
Под сводами звёздной тюрьмы,
В обличье, невысказанно разном,
Друг другу объявимся мы?*

*Любимая, клёкот зловещий
Летит от вороньей избы.*

*Как смутно в ладонях трепещут
Свинцовые знаки судьбы.*

*Как мерно в мерцании круга
Вращается веретено.
Как долго мы любим друг друга,
Сливаясь в сиянье одно...*

Между поэтическими сборниками Владимира Семенчика «Первое дыхание» и «На вольную тему» уместилась одна, изданная в формате отдельной книги «ироническая поэма» под общим названием «ИНКОГНИТО, или Хождение в народ руководителя Тетюкова» (написана в 1988–1989 годах, опубликована в 1989 году). В этой книге, полной различных игровых аллюзий, реминисценций и ярких в своём языковом изяществе фигур, уже рождается новый образ поэта – автора, способного выйти за границы лаконичной лирической истории и обозреть мир в его эпической полноте. В «ИНКОГНИТО» рождается и особый тип героя (применительно к поэме – Егора Иваныча Тетюкова), новые временные облики которого будут явлены в прозе Владимира Семенчика.

В первой половине поэмы Владимира Семенчика «ИНКОГНИТО» есть строки о городе как об организме, живущем своей жизнью и замечающем жизни других людей:

*...А город
точнее всякого прибора
уже засёк шаги того,
кто тайно посетил его.*

Эти строки воспринимаются как переправа от поэзии к прозе, как переход к новому этапу – к той книге Владимира Семенчика, где город любит и страдает, живёт и умирает, стремится к людям и удаляется от него. И это не древний

город, поражающий своей величественной многовековой статикой, а динамичный, современный и развивающийся, потому что он – «Город на колёсах».

От «супер-мупер» к «офисному планктону»

Рис. 76. Книга В. С. Семенчика «Супер-мупер»

В первую книгу прозы «Город на колёсах» (2004) Владимира Семенчика вошло девять рассказов, объединённых одной сюжетной линией. Главный герой всех историй, от имени которого ведётся повествование, – владелец «Тойоты», мужчина, оказывающий «с целью поддержания жизнедеятельности своего организма <...> транспортные услуги населению»³⁸⁵. Перед глазами Владимира Владимировича (в некоторых рассказах автор раскрывает инкогнито своего героя, носящего имя и отчество, как у самого писателя Владимира Семенчика) проносятся реалии современного города. А топонимическая карта маршрутов, по которым устремляется автомобиль главного героя, придаёт городу (именуемому писателем Южным) вполне реальные, узнаваемые очертания. Перед глазами читателей как из окна мчащейся машины мелькают сначала Дальнее, Ключи, река Сусуя, Большая Елань, Хомутово, «мост по улице Сахалинской», «оптово-торговая база по улице Украинской», «вытрезвитель на Парковой», «Пограничная», а потом шире – Корсаков, Невельск, Холмск и просто весь Сахалин. Впрочем, такие географические названия и их предельная точность при чтении становятся второстепенными, потому что разве не в каждом провинциальном городе России можно увидеть свой почтамт, «хрущобы», «обшарпанные пятиэтажки» или магазины «Любитель» и «Мойдодыр». Так же как и в любой российской глубинке можно встретить Машку, Риту, Димоса, Натаху, Светку, Толяна, «капитана Игнатьева» и даже своего Фраера – героя если не с такой фамилией (как у Владимира Семенчика), то хотя бы с таким прозвищем.

В общем стиле повествования у Владимира Семенчика ощущаются родственный героям Анатолия Тоболяка кураж и беспечность. Сменяемые, как в калейдоскопе, картинки провинциального города манят и завораживают. Границы реальности стираются, а иногда и вовсе исчезают. Ведь герои «Города на колёсах» живут в ином, незнакомом обывателям мире. Там тоже есть свои представления о любви, о чести, о милосердии, о сострадании. Но все эти чувства оказываются вывернутыми изнаночной частью наружу. И потому так тяжело понять, где правда, а где ложь, где неподдельные эмоции, а где сиюминутный порыв, недалёкий от фальши. Герои книги «Город на колёсах» часто идут на риск. Не думая о будущем, они живут одним днем, одним мгновением, в которых им легко и комфортно. Завтра всегда может оказаться непохожим на сегодня и тем более на вчера. И потому героя могут звать то «дядей Сашей», то

³⁸⁵ Семенчик, Владимир. Вступление / Владимир Семенчик // Семенчик, Владимир. Город на колёсах. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 6.

«дядей Лёшей», то просто Владленом. Ведь и у попутчиков главного героя на каждый новый день приготовлена новая история («Дядя Саша, дядя Лёша...»).

Во вторую книгу прозы Владимира Семенчика «Супер-мупер» вошёл «цикл рассказов» «Город на колёсах», а также две совершенно новые истории – «Осколки одного романа» и «Некто Ефимов». Заглавие всей книги «Супер-мупер» дано по названию одного из рассказов, главный герой которого Вадим Альбертович Зигзаг одержим быстрой наживой, желанием стать хотя бы на мгновение (или даже в собственных мечтах, в ожидании завтрашнего дня) богатым и успешным. Для воплощения этих надежд и порывов Вадим Альбертович всякий раз придумывает всё новые и всё более оригинальные способы, именуемые в его речи и речи его спутника Владимира Владимировича «супер-мупером». Разговорное слово «супер-мупер» (или другие его варианты – «супер-пупер») сразу же настраивает читателей на шутку, на некий розыгрыш. Однако в представлении героев рассказа «Супер-мупер» – это то, что может считаться добротным, отлично сделанным, производящим восторженное впечатление. «Супер-мупер» распространяется не только на вещи, но и на людей, на их поступки, на их желания.

«Осколки одного романа» – это в действительности части того, что мыслилось целым и единым. «Осколочность», фрагментарность ощущается и в построении всей истории, каждая из частей которой начинается многоточием и заканчивается им. А между многоточием – один из эпизодов непрерывающейся, яркой, наполненной разными событиями жизни. Впрочем, многоточие – это излюбленный приём Владимира Семенчика, большинство рассказов которого начинается именно с этого синтаксического знака. И это не случайно – писателю чужда классическая экспозиция (с которой начинается знакомство с героями того или иного эпического повествования). Автор, вероятно, намеренно начинает каждый из своих рассказов с активного сюжетного движения, с внезапной завязки. И это поддерживает высокий интерес у читателей, в очередном рассказе открывающих для себя новых персонажей и новые событийные действия. Сюжетное повествование каждого из рассказов словно бы цепляется за предыдущую историю и тем самым очерчивается наиболее полно образ героя-повествователя – честного, искреннего, в чём-то немного несчастного, но в целом верящего в добро и справедливость человека.

Павел Басинский верно подмечает необычность и вместе с этим приближенность Владимира Семенчика к современным читателям. Необычность, загадочность прозы писателя состоит «в некоей стилистической раскрепощённости, помноженной на стилистическую скептичность. Слов мало, эмоции сведены до минимума, выразительные средства крайне скупы, а впечатление такое, что герой-рассказчик как бы «отвязывается», «болтает», что ли, но результатом этой «болтовни» оказывается сильнейшее читательское переживание»³⁸⁶. Критик Анна Кузнецова при обзоре новых книг в журнале «Знамя» (2006) сравнивает композицию «Супер-мупера» (2005) с «Ночными дорогами» (1941) Гайто Газданова.

³⁸⁶ Басинский, Павел. Сахалинская школа. О прозе Владимира Семенчика / Павел Басинский // Семенчик, Владимир. Супер-мупер. – Владивосток, 2005. – С. 3.

Не менее интересным, чем первые две книги прозы Владимира Семенчика, стала его повесть «Консультант по любым вопросам» (печаталась в № 1–4 журнала «Юность» за 2012 год). Проиллюстрированная на страницах «Юности» Анной Дудяковой история имеет подзаголовок – «Повесть из жизни офисного планктона». В галерее героев этой книги обнаруживаются такие персонажи, как рассказчик, от имени которого ведётся всё повествование, – Сергей Игоревич Кириллов, а также Женька Грошин и его властная мать Ирма Витальевна, мэр «города Энск» Владлен Степанович, редактор городской газеты Николай Михайлович Кравченко и многие другие.

Важным в повести оказывается и образ города, в котором происходят основные события. «Город Энск», с одной стороны, очень похож на любой из провинциальных российских городов, а с другой – выделяется своими исключительными приметами, например рестораном «Карафутто». На фоне иногда неспешной, а временами и стремительной жизни города (с его предвыборной агитацией, газетными утками, сотрудниками разных ведомств и учреждений) люди любят и ненавидят, грустят и веселятся, безмолствуют и митингуют...

Именно главный герой, призванный консультировать мэра по тем или иным вопросам, становится воплощением образа «офисного планктона». «За годы работы в мэрии, – размышляет Сергей Игоревич, – я неоднократно испытывал острейшие приступы депрессии. С одной стороны, всё вроде бы идеально (статус, зарплата, минимум трудового напряжения, да ещё и дешёвые обеды в столовке), а с другой – тоска смертная, будто и не живёшь вовсе!»³⁸⁷ Весь рабочий день Сергея Игоревича состоит из попыток кого-то разыграть или над кем-то пошутить, с кем-то поговорить по душам или в чём-то помочь. При этом сам главный герой не особенно счастлив в жизни, открывающейся за дверями рабочего кабинета: многие мечты и надежды Сергея Игоревича терпят неудачу, хотя в глазах окружающих людей герой выглядит успешным и уверенным в себе человеком.

Словосочетание «офисный планктон» уже давно стало публицистическим клише, обозначающим широкую панораму всех офисных служащих – пассивных и инициативных, но в целом довольных своей жизнью. Однако при внешней безалаберности Сергей Игоревич оказывается необычным персонажем в ряду подобных ему офисных лиц. Герой хотя и неактивно, но протестует против своей инертности на рабочем месте. Пассивность в должности «консультанта по любым вопросам» на деле оборачивается активными поисками смысла жизни, который герой в итоге обретает через отношения с Галчонком – молодой женщиной, в своей неустроенности очень похожей на самого Сергея Игоревича.

«...Я взрываю высоко в синее небо»

Недавно Владимир Семенчик дебютировал как переводчик стихотворений современного корейского поэта Ли Чон Хи: подборки переводов публиковались в журналах «День и ночь», «Рубеж», а также на русских страницах саха-

³⁸⁷ Семенчик, Владимир. Консультант по разным вопросам: повесть из жизни офисного планктона / Владимир Семенчик // Юность. – 2012. – № 1. – С. 51.

линской корейской газеты «Сэ корё синмун». В 2013 году в Республике Корея на русском и корейском языках был издан сборник Ли Чон Хи «Еду в Пушкин навстречу Новому году». Все представленные в книге стихотворения и поэмы были переведены Владимиром Семенчиком.

Ли Чон Хи родился в 1939 году в городе Сихэн провинции Кёнгидо (Республика Корея), окончил корейский университет Чунан по специальности «корейская литература» и Институт педагогики при университете Уонгуан. Ли Чон Хи – член международного ПЕН-клуба, член ассоциации корейских писателей, член Совета директоров Ассоциации корейских христианских писателей и Совета Ассоциации корейских современных поэтов. В настоящее время поэт живёт в городе Чонджу (Республика Корея). В 2008 году поэт побывал в Санкт-Петербурге.

О его поэзии Владимир Семенчик пишет: «В творчестве Ли Чон Хи есть главное – вещество подлинной поэзии. Его стихам и поэмам присуща особая восточная метафоричность, проникновенная мелодичность, доверительная интонация и мудрость глубоко верующего человека»³⁸⁸. Все эти качества Владимир Семенчик пытался передать и в переводе:

*Как описать судьбу,
Вспоминая один день?
Как разглядеть огромный дом,
Увидев единственное окошко?*

*Хватит ли мне слов,
Чтобы показать узоры,
Которые начертили осколки жизни?*

*Мой бедный словарь –
как щепка в бурной реке,
Видит пышные облака,
Огибает подножье дикой горы,
Переворачивается от боли,*

*Меж двух берегов
В водовороте времени...*

Как известно, присутствие корейской переводной поэзии в России ещё не имеет значительного возраста: первые переводные книги на русском языке появились только в 1950-х годах. В таких переводах главным образом демонстрировались образцы классической корейской поэзии, как правило, укладывавшейся в границы таких жанров, как трёхстрочное сиджо или песенные хянга.

Ли Чон Хи, напротив, работает в тех поэтических формах, которые близки современному верлибру. Сам Владимир Семенчик в основном отдаёт предпо-

³⁸⁸ Семенчик, Владимир. Экзотический цветок для русских читателей. Отзыв переводчика на книгу Ли Чон Хи «Еду в Пушкин навстречу Новому году» / Владимир Семенчик // Ли, Чон Хи. Еду в Пушкин навстречу Новому году. Стихи и поэмы. – Сеул, 2013. – С. 435.

чтение именно традиционной поэзии, в которой ритмическое и рифмическое начала существуют исключительно в едином пространстве. Именно поэтому так ценен опыт Владимира Семенчика, оживляющего звучание лирических строчек корейского поэта на русском языке и вместе с этим творящего собственный мир на основе дословных подстрочников (составленных Ким Хваном), фиксирующих скорее прямое значение слова, чем переносное, метафорическое, сотворённое временем, рождённое воображением поэта.

Имеющая опыт перевода не только корейской поэзии, но и стихотворений из других национальных литератур Анна Ахматова писала, что «в собственных стихах рифмы – это крылья, <...> при переводе они превращаются в гири»³⁸⁹. В случае с переводами Ли Чон Хи Владимир Семенчик не стоял перед проблемой поиска рифмических аналогий. И поэтому не случайно, что восприятие работы над переводами у Владимира Семенчика связывается с полётом в небо – в вольную стихию. «Когда я работал над переводом поэтических произведений Ли Чон Хи, – пишет Семенчик, – мне то и дело казалось, что я взмываю высоко в синее небо и оттуда наблюдаю незнакомую, но близкую и понятную жизнь, полную удивительных открытий, переживаний, страстей и философских размышлений. Как человеку, воспитанному в европейской культурной традиции, знающему лишь кириллицу и латиницу, мне казалось настоящим чудом само иероглифическое письмо, которым написаны в оригинале стихи Ли Чон Хи. Красивые, загадочные письмена будили воображение: я вглядывался в них, пытаюсь перевоплотиться в человека, записывающего свои мысли и чувства этой волшебной вязью. И когда удавалось настроиться на эту волну, русские слова перевода приходили сами, словно их кто-то диктовал. И это казалось таким же чудом, как рождение дивного экзотического цветка из созревшего бутона»³⁹⁰.

Многие стихотворения Ли Чон Хи имеют строгую композицию: с обилием анафоров и иных повторов. Нередкими для поэта становятся и восклицания, за которыми скрывается недосказанность, эмоциональность. Всё это бережно сохраняется Владимиром Семенчиком и переносится в границы поэтически звучащих на русском языке образов.

Веер!
Хочу, чтобы в ней был веер,
Который летним днём
Качался в руке бабушки,
И лёгкий ветерок от него,
Ласково скользя по животу,
Уводил меня в сладкий сон.

Где же бродит сумка,
Которую я жду?
Что же положили в неё?

³⁸⁹ Ахматова, Анна. Из корейской классической поэзии / Анна Ахматова // Сочинения : в 2 т. – Т. 2 : Проза. Переводы. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. – С. 473.

³⁹⁰ Семенчик, Владимир. Экзотический цветок для русских читателей. – С. 428.

*Огонёк!
Хочу, чтобы в ней был огонёк,
Который зимней ночью
Плясал на угольках среди пепла,
Сторожил мрак в печи,
По которой постукивала бабушка,
И ждал моих родных,
Ушедших в гости к соседям.*

Поэзия, проза, а также переводы и критика – Владимир Семенчик успешен во всех этих жанрах. Трудно понять, чего больше в его творчестве: лирического или эпического. Владимиру Семенчику удалось найти некую золотую середину, установить баланс между первым и вторым, которые связаны и гармоничны, но одновременно с этим могут существовать как отдельно, так и в неразрывном согласии. География прозаических книг Владимира Семенчика выходит за общероссийские пределы, в их европейскую часть: рассказы писателя переведены на украинский и сербский языки. При этом опыт переводов открывает возможности в сторону зарубежной части Дальнего Востока.

Литература: Басинский, Павел. Сахалинская школа. О прозе Владимира Семенчика / Павел Басинский // Семенчик, Владимир. Супер-мупер. – Владивосток, 2005. – С. 3–4 ; Борисова, В. О. О рассказах Владимира Семенчика / В. О. Борисова // Дальний Восток. – № 2. – 2006. – С. 218–220 ; Сафонова, А. Пространство памяти в лирике Владимира Семенчика (на примере книги «На вольную тему») / А. Сафонова // О литературе Сахалина. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 68–73 ; и др.

Е. А. Иконникова

4.11. Поэзия и проза Анны Сафоновой

Выбор темы и мелодии: САФО-НОВА

Что ни говори, а имена и фамилии часто бывают совсем не случайными – и жаль, что молодому спортсмену из самой запропащей глухомани в наши дни легче обнаружиться на всероссийской орбите, чем таланту литературному. У нас *Новая Сафо*, а они там у себя по всему окоёму об этом и не слыхивали!

Анна Алексеевна Сафонова – талантливый поэт, прозаик и литературный критик, член Союза писателей России с 2004 года – произросла на нашей островной земле (родилась 16 июля 1979 года в посёлке Ново-Александровск Анивского района Сахалинской области) и, поступив на славянское отделение института филологии Сахалинского государственного университета, сразу стала звездой областного литературного объединения «Ли́ра».

Да и название-то литобъединению предложила именно она. Участники его могут свидетельствовать, что никто быстрее и лучше Анны не справлялся с поэтическими экзерсисами. На заседаниях «Лиры» Евгений Мухин (автор из-

вестной песни «Я люблю тебя, Южный») патетически восклицал: «Ну можно ли всякий раз писать так хорошо!» Стихи у Ани так и лились с кончика пера:

*...Я – птица Сирин – за собой зову
Юродивых, безумцев, пьяниц, нищих...
И песню выдохнуть, застрявшую в зобу,
Мечтаю я на дымном пепелище...*

Стихотворение о птице Сирин было написано в присутствии автора этого параграфа. А некоторые, не присутствовавшие, даже и сомневались: «Не может быть, чтобы это *она* написала» и гадали: у кого из Золотого или Серебряного века списано. Потому что очень уж хорошо!

О чём же писала юная Анна в своих ранних восхищавших всех стихах?

Она просто прислушивалась к *голосу поэзии в себе самой* и удивлялась ему – это и стало её **темой** (и названием первого сборника «Голоса», 2000), а свою **мелодию** можно было нащупать, только обживаясь в хоре здравствующих и прежде живших бардов, среди которых самый любимый автор – тёзка Анна Ахматова.

*...Ты, наверно, меня ждала
В сто втором неразбитом зеркале!*

Мелодию Анна Сафонова всегда ищет *между минором и мажором*, смело сопрягая их в *оксюморон*:

*...Пускай не могут небеса
На землю бедную спуститься,
Но слышишь, эти голоса
Нас уверяют, что случится
Чудес немало в новый век...*

Апрель и метель – у неё больше, чем рифма...

«И вопреки всему *блаженства боль* воспеть», «некому *горе* доверить *счастливой болью улыбки*» – это голос её поколения, выросшего на зыбкой, сейсмической почве перестроечного и постперестроечного мира. И *любовь*, и *счастье*, и *вера*, и *истина* – лишены несомненности, надёжности, но непрекаемо желанны:

*Ущербная луна в глазницах,
Как призрак веры в чью-то благодать...
Развеянная, спрятанная в птицах,
Собравшихся на север улетать...*

Прочность под ногами можно обрести только научившись *прощать*. Прощение может остановить свистопляску хаоса – основная мысль поэмы, давшей название второму сборнику, – «Прощёное воскресенье» (2002).

Героиня этой поэмы –

*Васильковое платье надела
Девочка с ликом восторженным, –*

как и её автор, заблудилась во времени и «запуталась в *ста истинах*» (аллюзия из Средневековья – это Франсуа Вийон, гроссмейстер оксюморона: «И сколько истин, потерял им счёт»). А в композиции, архитектонике поэмы – перекличка с более близким классиком мировой литературы Томасом Элиотом, утверждавшим всем своим творчеством, что грех насилия исцеляется подвигом *чистоты*: в подтексте его знаменитой

«Бесплодной земли» – мотив «Святого Грааля». Только в «Прощёном воскресеньи» роль Парцифалья отдана девочке *с крестом и в цепях Слова*, попавшей на исторический карнавал масок-чудовищ, причём и само Слово пугает потенциальной возможностью оказаться среди масок. В этой поэме Слово амбивалентно: если обрушены вершины цивилизации (или любой другой системы, включая нашу советскую); то, что *вверху*, становится *внизу*:

*...И в колодце не осталось воды...
Закрывая лицо рукавом,
Бродит Ирод, мешая ходы
За верёвочки – напролом.*

В клубке исторических, библейских и литературных аллюзий этой строфы показана целая эпоха превращения марионеток-партократов в застенчивых олигархов.

В этой поэме палачи и святые оказываются в одной связке. По утверждению софистов всех времён, все *правы*. По мнению православных христиан, все *грешны*. Если же все правы, но при этом все грешны, то ВСЕХ НАДО ПРОСТИТЬ – вот *истина*, которую находит девочка в васильковом платье, это *Слово-заповедь*, извлечённое из круговерти слов-масок. Слово это – ПРОЩЕНИЕ – истинно, потому что даёт возможность начать всё с белого листа, как в финале поэмы:

*Всё – кончено!
И всё – начнётся пусть!*

Многочисленные ипостаси лирической героини первых двух сборников Анны Сафоновой живут в ощущении близости вселенского и личного апокалипсиса, иные строки отмечены гамлетовской игрой со смертью, напряжённым переживанием вступления в новый миллениум:

*...Ведь с каждым днём тревожней это небо,
Никто не знает, что всё меньше нас,
И хватит ли всем – зрелища и хлеба...*

– и всякий раз катарсис разрешается светом новой надежды:

*...Но, завидя весёлую стаю,
Новым радуюсь временам.*

Лирическая героиня Анны Сафоновой – менее всего созерцатель смены эпохальных шоу, ей свойственно острое и высокое чувство ответственности за всё вокруг:

*...Ты прости, моё поколение,
Что тебя не умела понять,
И теперь твои заблуждения
Мне на равных придётся принять.*

*Любовь к трём оксюморонам:
«Прекрасные нечестивцы», «Тихие песни», «Весёлый ангел»*

Оксюморон – любимый сафоновский троп.

«...Приём оксюморона позволяет не только раздвинуть диапазон испытываемых человеком чувств в сторону умножения и самого их числа и их оттенков,

Рис. 77. Книга А. С. Сафоновой «Прекрасные нечестивцы»

и их динамики, но и вывести чувства на новые уровни духовности»³⁹¹. Анна Сафонова выбирает оксюморон не случайно: он соответствует основному направлению её творческого поиска: «Эффект оксюморона – преобразование»³⁹².

Особенно интересно наблюдать, как оксюморон окрашивает хронотоп творчества Анны Сафоновой.

*...Да, я мучаюсь тайной далью,
Да, умерших тепло люблю.
Этот взлёт равносителен разгадке
Неба сущего между нами...*

Во второй из этих строк слово «тепло» можно понять и как существительное, и как наречие – и потому отнести сразу к двум словам: предыдущему и последующему. В результате возникает странный мир (впрочем, не совсем странный, а соответствующий православным представлениям о человечестве, о Церкви как *теле Христовом*!), в котором не только живущие продолжают любить ушедших, дарить им тепло своей памяти, но и ушедшие продолжают щедро любить оставшихся, даря им тепло своих дел, книг, молитв. Прошлое у Анны Сафоновой живо до осязаемости.

Этот странный мир разворачивается через прошлое и настоящее в *одухотворённый космос* грядущего и пакибытия:

*...А из окон... а из окон
Улыбаются в ответ
Мириады звёзд, чей локон
Протянулся в этот свет...*

*...Разбегаются дворами
Города в моей стране –
Над людскими головами
По вселенской простыне.*

Несомненно, поэзия Анны Сафоновой в немалой своей части суггестивна: от почти детского лепета – через почти лунатическое косноязычие – к ясным и внезапным *прозрениям*!

*Ребёнок, что могу я знать
О жизни этой?
Легко сумею угадать
То слово, что должно стоять
За гранью света.*

Но есть у неё и медитативные стихотворения (развивающаяся тютчевская философская линия), и сюжетные (некрасовского плана – зародыш прозы!) – и

³⁹¹ Дорофеева, Л. В. Оксюморон как поле реализации чувств / Л. В. Дорофеева // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы четвёртой научно-практической конференции, посвящённой памяти А. Ф. Лосева. – М., 2004. – С. 26.

³⁹² Дорофеева, Л. В. – С. 25.

реализуются они в следующих сборниках Анны Сафоновой: «Тихие песни» (2006), «Здравствуйте, Счастье!» (2009), «Весёлый ангел. Избранное» (2010).

Это очень новая САФОНОВА – по сравнению с первыми двумя сборниками («Сафо мертва...» – да здравствует Сафо!).

В этих сборниках заметно изменение **тональности** её поэзии. К игре внутри оппозиции *весёлое – грустное*:

Зачем ссудил ты мне печаль,

Весёлый ангел?

добавляется игра внутри оппозиции *горькое – сладкое*, переходящая из стихотворений в её прозу («Потешная женщина», «Сладенькая»): «*Вся моя жизнь – банка со специями, балансирование между сладким и горьким*».

Заметно меняется также **хронотоп**: вместо *параболы – кольцо*:

...Уже не берусь

Гулять по планетам

И сказочным мифам...

Кольцо и в стихах:

...Повороты, повороты, повороты...

А казалось, что иду прямой дорогой.

Вот уже не помнишь, где ты, кто ты...

Повороты, повороты – слава Богу, –

и в прозе («Кольцевой маршрут»): «*Мне уже давно известно, какая дорога ведёт к храму. Кольцевая, конечно*».

Напряжение между **центробежностью**, расширяющей горизонты и выстраивающей мозаику картины жизни:

Перелётной стану я птицей...

и **центростремительностью** сохраняется, но акцент делается на последней:

Птице некуда лететь.

Мир возможностей подвергается постоянной переоценке: с одной стороны,

Я доверюсь раскрашенной карте...

с другой стороны, мир человеческих отношений сузился до расстояния вытянутой руки. А отсюда парадоксальность желаний:

Закачусь в пыльный угол горошиной,

Буду слушать там скрип половиц.

Очень хочется жить по-хорошему

В королевстве клопов и мокриц.

Буйной плесенью угол покроется,

Околоток мой мхом порастёт.

Но уже ничего не расстроится –

Всё пробьётся и всё оживёт.

Всё закружится, вихрем завертится:

Пустогон, пустолист, пустокрыл.

Жизнь моя, как горошина, вертится

Между «верил», «утратил», «любил»...

Духовный *рост* невозможен без способности *умалиться* – Анна Сафонова в этот свой второй период творчества осваивает труднейший пласт бытия – мир *обыденности*, взгляд на мир с точки зрения *воробья, синицы, улитки, насеко-*

мого... (Не случайно лучшим из сборника прозы «Прекрасные нечестивцы» (2013) являются «Записки паука»).

Миру сборников «Тихие песни» и «Здравствуйте, Счастье!» явно присущи характерные признаки **пасторали**: демонстративное обращение не к личной даже, а к частной жизни, возведение вокруг неё высоких стен, непроницаемо-прозрачных по умолчанию:

*...А когда покинут гости
Мной обжитый уют,
Вновь сплю висячий мостик:
— Здесь такие не живут...*

А от пасторали неотделима **утопия**:

х х х

*Город из спичек построю
И пропишу людей
На улице Водопоя
И в тупике Дождей.*

*Расклею везде объявленья —
«Все собирайтесь в путь!
В городе Со-Жаленья
Пожалуйте отдохнуть».*

*Конечно, огнеопасно
В городе жить моём.
Но лучше, чем быть несчастным
Без зонтика под дождём, —*

по принципу народной пословицы: «Что нам стоит дом построить: нарисуем — будем жить». Только рисует Анна Сафонова дома и для себя, и для общего пользования — СЛОВОМ.

Анна Сафонова — по жизни **филолог** (*любящая слово*) на всех должностях (журналист, редактор, издатель, преподаватель), где бы ни приходилось работать. И **тема** у неё осталась прежняя: *слово*, голос поэзии в себе, понимаемый и как *счастье*, и как *долг*, и как *крест*. И сила её — в слабости, а слабость — в силе. Таков второй период творчества, не последний.

Проза Анны Сафоновой — это проза поэта, интересная прежде всего языковым узорочьем. И — выходом улитки из себя в великолепных рассказах «О пользе просторечия», «Тапир», «Как герань пропадала». Очень смелая социальная портретная живопись — в лучших (в том числе и чеховских) традициях реализма.

«Записки паука» — это философский рассказ, в основе архитектоники которого — всё та же идея *кольца*, нарезание кругов паутины героем-рассказчиком, рассказ о природе любви, о её сути и ценности, о такой её не всегда очевидной стороне, как жертвенность: «Где же нам, маленьким, найти в себе такое количество сил, чтобы позабыть самое себя и раствориться в ближнем своём. Отсюда вопрос, могут ли любить пауки?.. Но в этом сильна зоология, с её авторитетом учёности и рационализма».

А вот сказка «Единственное число» о коловращениях жизни Тапка — больше соотносима не с Гансом Христианом Андерсеном, а с «Простым сердцем» Гюстава Флобера, — тоже безусловный реализм.

Хотя и постмодернизму на своём языковом пиру Анна Сафонова отдаёт должное («Прекрасные нечестивцы», «х х х», «Анархистка») – игра в *текстпротекстпротекст*.

Все рассказы, вошедшие в сборник, **экспериментальны**: ничто человеческое Анне Сафоновой не чуждо. И она ничего не боится – просто *разжимает* пальцы над клавиатурой ноутбука – и... действует, как поэт.

И ещё интересная особенность Анны Сафоновой-прозаика: она любит своих персонажей и срывается с ними, как кукловод – выпуская их на сцену, она не выпускает их из своих объятий.

Как же дальше будет развиваться её талант?

...Я, как эхо, на вопрос отвечаю:

Главное богатство – впереди.

Литература: Иконникова, Е. А. Молилась осень жёлтыми стихами... / Е. А. Иконникова // Сафонова, А. Голоса. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 2 ; Веднёва, С. А. Вселенная одного человека / С. А. Веднёва // Сафонова, А. Прощёное воскресенье. – Южно-Сахалинск, 2002. – С. 2 ; Дорофеева, Л. В. «Игра в классики»: весенний паводок Анны Сафоновой / Л. В. Дорофеева // О литературе Сахалина. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 57–60 ; и др.

Л. В. Дорофеева

Заключение

Предложенная читателям книга – это прежде всего учебное пособие, в котором на первый план выводятся основные темы, способствующие формированию максимально широкого и вместе с этим (в некоторых случаях) глубокого, детального представления об отдельных вопросах литературного краеведения Сахалина и Курильских островов. Выносимые в заглавия параграфов проблемы, в свою очередь, могут стать предметом отдельных монографических исследований по заявленной тематике.

В учебном пособии реализован новый взгляд на русскую и зарубежную (преимущественно – западноевропейскую, японскую и корейскую) литературу, связанную с темой Сахалина и Курильских островов. Общая концепция книги, перечень основных имён показывают, что Сахалин и Курильские острова притягивают и вместе с тем объединяют поэтов и писателей разных стран, разных творческих убеждений. Частое обращение к изучаемой теме в русской и зарубежной литературе до 1880-х годов объясняется геополитическим положением региона, морские рубежи которого активно осваивались мореплавателями и путешественниками России, Японии, Западной Европы и Америки. В последующем Сахалин ассоциировался с каторгой, и именно это привлекло новую волну внимания к Дальнему Востоку со стороны миссионеров и специалистов в области пенитенциарной системы. Одновременно с этим Сахалин и Курильские острова ассоциировались с инородцами (айнами, нивхами, уйльта и другими народами Дальнего Востока), которые интересовали этнографов и путешественников. Но, разумеется, чаще всего и больше всего к Сахалину и Курильским островам в литературе обращались писатели и поэты, центральное место среди которых, безусловно, отдано А. П. Чехову, его гражданскому и писательскому подвигу.

Все последующие за 1890 годом (годом посещения Чеховым Сахалинской каторги) поколения литераторов, учёных и путешественников соизмеряли свой взгляд с чеховским «Островом Сахалин». Чеховская книга – это точка отсчёта предыдущего художественного, публицистического, литературно-документального опыта и вместе с этим начало новой литературной традиции, продолжающей своё существование и сегодня.

В учебном пособии за основу взят не только литературный опыт А. П. Чехова, но и творчество тех классиков русской литературы (таких, как К. М. Станюкович, В. Г. Короленко и В. М. Дорошевич), которые обращались в своих поисках к художественному осмыслению темы Сахалина и Курильских островов. Русская литература советского периода представлена именами наиболее заметных писателей России (Г. Н. Машкина, З. Е. Журавлёвой, А. А. Кима) и других республик СССР (Олеся Донченко, Чингиза Айтматова, Велло Латика). Вместе с этим подробно освещается деятельность Сахалинского отделения Союза писателей России, а также некоторых авторов, входящих в это творческое объединение: В. М. Санги, А. С. Тоболяка, М. П. Финнова, Н. А. Тарасова, Романа Хе, Таи Немовой, Ирины Левитес, В. В. Семенчика и А. А. Сафоновой.

Кроме этого, в учебном пособии предпринята первая попытка систематизации и описания творчества писателей стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Кореи), Западной Европы и Америки. В научное пространство отечественного литературоведения вводится довольно большое количество имён за-

рубежных писателей, поэтов, журналистов, миссионеров, путешественников и переводчиков. Этот список включает имена лауреатов Нобелевской премии (Хини Шеймаса, Оэ Кэндзабуро) и номинантов на её получение (Мисимы Юкио, Мураками Харуки и других) и продолжается авторами регионального уровня (как, например, Тянь Юн Ги или Пак Хен Чжу). Вместе с этим в творческом наследии многих знаменитых зарубежных писателей уточняются хронологические границы присутствия на Сахалине и Курильских островах или объясняются причины возникновения интереса к российской части Дальнего Востока (как в случае с Даллошем Дьёрдем или другими авторами) и их реализация в литературном творчестве.

За пределами книги «Литература Сахалина и Курильских островов» и в прошлом, и в настоящем, и в будущем остаются ещё многие яркие, привлекающие читательское внимание имена, необычные факты, события и хроники. Их отсутствие в общем содержании учебного пособия означает только одно: история литературы Сахалина и Курильских островов может быть рассмотрена и в другом, более масштабном пространстве, в ином, всеохватном издании. Однако вынесенные в заглавие параграфов имена авторов становятся своего рода маяками тех перекрёстков, через которые проходят большие и малые дороги в забытые, малоисследованные и новые, ещё не рождённые художественным воображением писателей литературные миры.

Отсылки читателей к частично решённым аспектам и вопросам литературного краеведения приведены в завершающих параграфы списках литературы, а также в перечне рекомендуемой литературы. Авторы учебного пособия исходили из желания дать основные ориентиры, ведущие направления для создания целостной картины литературы изучаемого региона и одновременно продемонстрировать широту и многоплановость творчества авторов Сахалина и Курильских островов.

Е. А. Иконникова, Т. Е. Шумилова

Рекомендуемая литература

1. Белоусов, И. Е. Голоса островного края / И. Е. Белоусов. – Южно-Сахалинск, 1977.
2. Библиография работ учёных Сахалинского государственного университета по творчеству А. П. Чехова : библиографический список / сост. А. А. Степаненко. – Южно-Сахалинск, 2011.
3. Библиотека Сибири и Дальнего Востока : буклет. – СПб., 2012.
4. Высоков, М. С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении / М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 1994.
5. Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток ; Южно-Сахалинск, 2010.
6. Высоков, М. С. Комментарий к книге Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край» / М. С. Высоков, М. И. Ищенко. – Владивосток ; Южно-Сахалинск, 2013.
7. Детская литература Сахалина. Путеводитель / сост. Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2008.
8. Долин, А. А. Новая японская поэзия / А. А. Долин. – М., 1990.
9. Изучаем творчество сахалинских поэтов / сост. О. А. Щербакова. – Южно-Сахалинск, 2001.
10. Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалина и Курильских островов : программа спецкурса / Е. А. Иконникова // Учебно-методическое обеспечение курсов по выбору в системе филологического образования : учебно-методическое пособие / под ред. И. В. Лифановой и Т. С. Табаченко. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2011. – С. 75–85.
11. Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент / Е. А. Иконникова. – Южно-Сахалинск, 2007.
12. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен и до начала XXI столетия / отв. ред. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2008.
13. Кихара Наохико. Карафуто бунгаку-но таби (Путешествуя по литературе Карафуто) : в 2 ч. – Хоккайдо, 1994 (на яп. яз.).
14. Кихара Наохико. Тисима бунгаку-но таби (Путешествие по литературе Курильских островов). – Токио, 2001 (на яп. яз.).
15. Кихара Наохико. Хоккайдо бунгакуси. Тайсё • Сёва сэндзэнхэн (История литературы Хоккайдо. Довоенный период эпох Тайсё и Сёва). – Хоккайдо, 1976 (на яп. яз.).
16. Краев, А. И. Долгая дорога к большой сцене / А. И. Краев, И. А. Цупенкова. – Южно-Сахалинск, 2004.
17. Крившенко, С. Ф. Берег Отечества: Романтика героизма в литературе о Дальнем Востоке / С. Ф. Крившенко. – М., 1988.
18. Крившенко, С. Ф. Героика освоения и социалистического преобразования Дальнего Востока в русской и советской литературе / С. В. Крившенко. – Владивосток, 1985.
19. Крившенко, С. Ф. Плавать по морю необходимо: русские мореплаватели в жизни и литературе : документально-исторические очерки / С. Ф. Крившенко. – Владивосток, 2001.

20. Крыжина, В. Г. Сахалинская каторга в русской и советской литературе / В. Г. Крыжина. – Препринт. – Южно-Сахалинск, 1984.
21. О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004.
22. Писатели Дальнего Востока : биобиблиографический справочник / сост. Е. М. Алёнкина. – Хабаровск, 1973.
23. Писатели Дальнего Востока. Биобиблиографический справочник / сост.: Т. В. Кириченко, Л. Н. Циновская. – Вып. 2. – Хабаровск, 1989.
24. Писатели Сахалина: литературный путеводитель / сост. Н. А. Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2007.
25. Полевой, Б. П. Первооткрыватели Сахалина / Б. П. Полевой. – Южно-Сахалинск, 1959.
26. Рачков, Д. А. Писатели Сахалина / Д. А. Рачков. – Южно-Сахалинск, 1962.
27. Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко ; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой и И. В. Расторгуевой ; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. – Южно-Сахалинск, 2013.
28. Теплинский, М. В. Сахалинские путешествия / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1962.
29. Ходаковская, М. Н. Справочно-информационное пособие по дальневосточной литературе для учителей начальных классов / М. Н. Ходаковская. – Хабаровск, 1999.
30. Шумилова, Т. Е. Литература Сахалина и о Сахалине в контексте курса «Литературное краеведение» в вузе / Т. Е. Шумилова // Актуальные проблемы школьного и профессионального филологического образования : межвузовский сборник научно-методических работ / под ред. Р. В. Якименко. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 149–157.

Указатель имён

- Абрамова, Р. Б. 176
Аввакум, протопоп 40
Аверичев, А. Л. 170
Ажаев, В. Н. 86, 92
Азадовский, М. К.
Айтматов, Ч. Т. 117–121, 240
Аксёненко (Питман), Н. В. 129
Акутагава, Рюноске 139, 143
Алексеев, А. И. 20
Алёнкина, Е. М. 6, 243
Алпатов (Пришвин), Л. М. 72–73
Анаф, В. П. 120
Андерсен, Г. Х. 238
Андреев, В. С. 91
Аннинский, Л. А. 173
Антокольский, П. Г.
Анцыфоров (Анциферов), Д. Я. 10
Арига, Юко 112, 113
Арнаутов, В. И. 174
Арсеньев, В. К. 80
Асеева, О. С. 177
Астафьев, В. П. 118
Атанасиу, А. Т. 200
Атласов, В. В. 10
Ахматова (Горенко), А. А. 155, 197, 232, 234
Бабкина, Л. 131
Багрицкий (Дзюбин), Э. Г. 75
Баженова, Л. Г. 172–173, 176
Баклаков, О. А. 177
Балюк, В. Г. 172
Басё, Мацуо 213
Басинский, П. В. 229, 233
Баяканский, А. Б. 91, 174
Бедкер, Ф. В. 128
Безносов, Д. А. 120
Беленький, Г. И. 93
Белкин, И. П. 221
Белов, В. И. 118
Белоусов, И. Е. 6, 171, 174, 212
Белоусова, И. Д. 7
Бидstrup, Херлуф 224
Благосветлов, Г. Е. 22
Блок, А. А. 197, 208
Блювштейн, С. И. (Сонька Золотая Ручка) 50, 60
Бо, Цзюй-и 213
Богданов, В. А. 171, 174
Бойд, Хэрриет 125
Борисов, А. С. 120
Борисов, Д. В. 172
Борисова, В. Г. 7, 174
Боронец, А. В. 7
Боткин, С. П. 52
Бошняк, Н. К. 16, 196
Браславец, К. М. 160, 175
Бреславец, Т. И. 116
Броутон, У. Р. 122, 123
Брэдбери, Рэй 224
Бугаёва, Д. П. 143
Букчин, С. В. 57–59, 61–62, 175
Булгаревич, Д. А. 190
Бунин, И. А. 208
Бурятов, Б. Н. 5
Быкова, С. А. 133
Бя, В. И. (Бе, Сун Син) 109
Бя, Ен Сук 149
Бялый, Г. А. 44
Важдаев (Рубинштейн), В. М. 79
Вампилов, А. В. 93
Варламов, А. Н. 173
Василевский, А. А. 177
Васин, Н. А. 125–126
Веднёва, С. А. 7, 185, 208, 239, 243
Верлен, Поль 208, 210, 213
Верн, Жюль 122–123
Вернадский, В. И. 205
Веселовский, А. Н. 157
Вийон, Франсуа 234
Вильчинский, В. П. 32
Влади, Марина 132
Вознесенский, А. А. 88–89
Волкенштейн (Александрова), Л. А. 72
Волков, В. П. 32
Волошин, М. А. 213
Волховский, Ф. В. 22
Вуколов, Л. И. 169
Высоков, М. С. 55, 83, 92, 122, 159, 175, 242
Вышеславцев, А. В. 16
Газданов, Гайто (Газданов, Г. И.) 229
Галактионова, В. Г. 44
Гапоненко, К. Е. 149

- Гарсиа Лорка, Ф. 197
 Гвон, Чхольгын 148
 Геворкян, К. С. 119–120
 Геймбрук, О. В. 50
 Генри, Х. Ч. 124, 130
 Гентес, Э. А. 61
 Гитович, Н. И. 55
 Гладилин, А. Т. 91
 Го, Можо 155
 Гоголь, Н. В. 97, 99, 196–197
 Головнин, В. М. 14–16, 20, 133
 Голубева, О. Д. 171
 Гончаров, И. А. 17–20, 29, 48, 131
 Горбенко, В. В. 151, 155
 Горбовский, Г. Я. 88
 Горбунов, В. В. 172–173
 Горелов, В. К. 93
 Городнов, Александр, священник 69
 Горький (Пешков, А. М.), Максим 43, 56, 80–83, 108, 110, 121
 Гранин, Д. А. 172
 Грачёв, А. М. 87
 Гребенюк, А. И. 160
 Григорович, Д. В. 29
 Григорьев, М. П. 139
 Гридяева, М. В. 174
 Грин (Гриневский), А. С. 186, 197
 Гринь, В. Н. 149, 173
 Громов, М. П. 55
 Громова-Опульская, Л. Д. 55
 Гропянов, Е. В. 4
 Гропянова, А. Г. 4
 Губер, А. А. 175
 Губер, А. Д. 176
 Гудкова, Л. С. 4
 Гузенко, Г. В. 4, 92
 Гумилёв, Л. Н. 40–41
 Гэндану, Дахиниэн 141
 Давыдов, Г. И. 11, 14, 89
 Давыдов, В. Ф. 28
 Даль, В. И. 40
 Дворкин, А. А. 7, 224
 Де, Ми Дя 7
 Дё, Сон Ен 174
 Денисов, В. В. 171–172
 Державин, Г. Р. 11–12
 Дёшин, А. А. 4, 7, 171, 174, 177
 Держинский, И. И. 86
 Дикс, Мария 90
 Добровенский, Р. Г. 4
 Довженко, А. П. 120
 Долгополая, М. С. 8, 243
 Долин, А. А. 130, 136, 242
 Долотин, Н. И. 78–79
 Донченко, Олесь (Донченко, А. В.) 114–116, 240
 Дорофеева, Л. В. 6, 121, 174, 177–178, 208, 214, 236, 239
 Дорошевич, В. М. 5, 23, 56–62, 72–73, 75, 90, 125–126, 128, 159–160, 216, 240
 Дриль, Д. А. 58
 Друнина, Ю. В. 85, 88
 Дударев, В. Ф. 173, 177
 Дудин, М. А. 172
 Дудякова, А. Л. 230
 Духовский, С. М. 59
 Дучинский, Эдуард 193
 Дьёрдь, Далош 129, 241
 Дьяконова, Е. М. 135
 Евреинов, И. Б. 10
 Евстигнеев, Е. А. 132
 Евтушенко, Е. А. 93
 Екатерина II, императрица 132
 Елисавета Петровна, императрица 10
 Еллинский, Б. И. 73
 Ельцин, Б. Н. 221
 Ершова (Зиновьева), Н. В. 173, 208
 Есенин, С. А. 197, 213
 Ёсида, Томоко (Кира, Томоко; миссис Кира Дзинъити; Каниэ, Томоко) 142
 Жарков, С. Б. 120
 Жданов, А. А. 215
 Журавлёва, З. Е. 88, 100–108, 240
 Завьялова, С. И. 171
 Задорнов, Н. П. 87, 92
 Зайцева (Гольберг), М. Д. 172–173
 Замятин, Е. Н. 171, 174
 Зошенко, М. М. 224
 И, Бон Сок 143
 И, Вонён 149
 Игнатий (Като, Кадзуэ), священник 66
 Иконникова, Е. А. 7–9, 20, 62, 71, 83, 92, 100, 113, 121, 127, 130, 135, 146, 155, 162, 173, 175, 178, 224, 233, 239, 241–243
 Иннокентий (Попов-Вениаминов, И. Е.), святитель 66

- Иноуэ, Ясуси 132, 134
 Исаковский, М. В. 203
 Исикава, Такубоку (Исикава, Хадзимэ) 135
 Ито, Такаси 154
 Ищенко, М. И. 174, 242
 Кабанков, Ю. Н. 214
 Кавадзи, Тосиакира 130–131
 Кавамура, Сугуру 133
 Каверин, В. А. 224
 Казакова, Н. И. 6, 160, 162, 174
 Казакова, Р. Ф. 88, 170–171
 Казанский, Симеон (Семён Никанорович?), священник 19
 Каликинский, В. А. 173, 175
 Камышев, В. И. 178
 Камю, Альбер 211
 Кандзава, Тосико (Фурукава, Тоси) 140–141
 Канторович, В. Я. 79, 175
 Капустюк, Н. К. 177
 Карамзин, Н. М. 12
 Каргель, И. В. 128
 Карузо, Энрико 199
 Кассиль, Л. А. 72, 224
 Катаев, В. Б. 54–55
 Катаев, В. П. 224
 Каутина, А. В. 120
 Кейзерлинг, А. 123, 127, 216
 Кейзерлинг, Г. Г., граф 18
 Кейзерлинг, Р., граф 18
 Кеннан, Джордж 22
 Ким, А. А. 88, 97, 99, 108–113, 148, 240
 Ким, А. К. 152
 Ким, Гынсик 148
 Ким, Дэгён 148
 Ким, Ён 155
 Ким, Су Джан 155
 Ким, Хван 232
 Ким, Хёнтхэк 148
 Ким, Ходжун 150
 Ким, Цын Сон 7, 147, 150–151, 154–155, 171, 174, 204
 Киндайти, Кёскэ 135–136
 Кириченко, Т. В. 6, 243
 Китахара, Хакусю (Катахара, Рюити) 137
 Кихара, Наохико 242
 Князева, Л. Н. 93
 Коваленин, Д. В. 135, 148
 Коварж (Коварц), А. 128
 Кодая Дайкокуя 132
 Козыревский, И. П. 10
 Колесников, Н. И. 5
 Колесов, А. В. 175
 Колобов, Н. И. 10
 Колосовский (Подгорецкий), Ф. 50
 Кольцов, М. Е. 56
 Кони, А. Ф. 55
 Копылова, В. А. 100
 Корн, Матвей 72
 Корнеева, И. В. 155
 Короленко, В. Г. 52, 33–44– 48, 56, 90, 97–98, 161, 240
 Короленко, С. В. 33–34
 Корф, А. Н. 127, 193
 Косино, Го 61
 Костанов (Краев), А. И. 55, 71, 155, 174–175, 242
 Костанова (Цупенкова), И. А. 155, 242
 Костырёв, Н. К. 80
 Кохэй, Огури 144–145
 Крашенинников, С. П. 10–12
 Крейнович, Е. А. 157
 Кречетов, Б. Н. 174
 Крившенко, С. Ф. 32, 242
 Крузенштерн, И. Ф. 14–16
 Крыжина, В. Г. 6, 243
 Кублановский, Ю. М. 173
 Кудо, Масахиро 144
 Кузнецов, А. 76–78
 Кузнецов, А. Т. 159
 Кузнецов, О. П. 4, 6, 158–159, 171–172, 174, 177
 Кузнецова, А. А. 229
 Кузнецов-Тулянин, А. В. 91
 Кукольщиков, А. П. 70
 Кукуниан, Соломон 90, 92
 Кукушкин, В. Е. 171
 Кун, К. Я. 122
 Куникида, Доппо 136
 Курата, Юка 61
 Курокава, Со 146
 Лаббе, П. 123, 125–127
 Лаврентьев (Картвелишвили, Л. И.), И. 73–74
 Лайгун, Н. А. 7

- Ламанон, Ж. О. Р., де Поль 89
 Ландсберг, К. Х. 50, 59–60, 127
 Лаперуз, Ж.-Ф., де Гало 89, 122–123
 Латтик, Велло 121
 Латышев, В. М. 55, 130, 175
 Лебедев, Е. В. 78–79
 Лебков, Е. Д. 171, 174
 Левитес, Ирина (Остапенко, И. Д.) 172–174, 220–224, 240
 Ленин (Ульянов), В. И. 187
 Леонов, Л. М. 148
 Леонов, П. А. 151
 Лесков, Н. С. 48
 Лессепс, Б. де 122
 Ли, Джу Ик 113
 Ли, Ен Гир 109
 Ли, Хван 155
 Ли, Чон Хи 155, 230–232
 Лившиц, И. 75–76
 Линдгрэн, Астрид 224
 Лисянский, Ю. Ф. 16
 Лифанова, И. В. 242
 Лихачёв, Д. С. 208
 Лихоталь, Т. В. 89
 Лобас, Н. С. 56, 58
 Лозовик, Г. Ф. 32
 Ломоносов, М. В. 10–12
 Лондон, Дж. (Чейни, Дж. Г.) 197, 200
 Лосев, А. Ф. 236
 Лужин, Ф. Ф. 10
 Львова (Иоффе), И. Л. 130
 Лэндсделл, Г. 127–128
 Люксембург, Роза 57
 М. М-в 12–13
 Майман, Р. Р. 4–6, 93, 175
 Макарий (Дарский, М. Ф.), епископ 70
 Максимов, А. Я. 19–20
 Максимов, Н. И. 170–171, 174, 200
 Максимов, С. В. 32
 Максимова, М. К. 19
 Мамия, Риндзо 144
 Мамонов, А. И. 138
 Мамонтов, В. А. 6, 174–175, 202
 Мандрик, А. К. 6, 171, 174, 196
 Манткава, Г. М. 174, 201–202
 Мариенгоф, А. Б. 185
 Маркова, В. Н. 198
 Маркс, А. Ф. 34
 Мартынов, Л. Н. 203
 Марченко, Н. П. 114
 Матковский, В. Г. 154, 171
 Матросов, В. Ф. 171
 Матяшов, В. М. 177
 Машкин, Г. Н. 92–100, 162, 240
 Машукова, Е. А. 172–173, 177
 Медар, Г. А. 176
 Мезис, А. Я. 174
 Мехтиев, В. Г. 4
 Мики, Рофу (Мики, Мисао) 137
 Миронов, М. В. 89
 Мисиков, Б. Р. 5
 Мисима, Юкио (Хираока, Кимитакэ) 67, 146, 241
 Митькова, Л. Ф. 20
 Михайловский, Н. К. 33
 Михалков, С. В. 82–83, 114–115
 Михнова, И. Б. 174–175, 178
 Миядзава Кэндзи 136–137, 146
 Мияути, Канъя (Сиро, Икэгами) 142, 146
 Морев, А. С. 172
 Морозов, А. В. 171, 174
 Морозов, Г. Н. 45
 Мураками, Харуки 146, 148, 241
 Мухин, Е. А. 176, 233
 Набоков, В. В. 56
 Набоков, В. Д. 56
 Наганава, Мицуо 63–64
 Надеин, С. А. 159, 171, 177
 Накамура, Ёсикадзу 63–64
 Накамура, Кэнносукэ 64
 Намаконова, Е. В. 172, 177
 Нариханэ, Римма 149
 Навроцкий, В. В. 57
 Невельская (Ельчанинова), Е. И. 16
 Невельской, Г. И. 16, 87, 89, 242
 Немнонов, Ю. И. 176
 Немова, Тая (Кочетова, Т. В.) 172–174, 215–219, 240
 Николаев, Ю. И. 154, 171, 174
 Николаева, Т. И. 7
 Никонова, А. С. 8, 115, 117, 142, 146, 243
 Новикова (Викулова), О. В. 197, 199–201
 Новиков-Прибой, А. С. 84–85
 Нома, Сэйдзи 143
 Норин, А. В. 175
 Оглоблин, Н. Н. 13

- Огрызко, В. В. 169
 Огума, Хидэо 137–138, 144, 146
 Олоу, Ольга (Семенчик, О. В.) 177
 Орлов, А. М. 172–173, 177
 Осетров, Е. И. 203
 Островский, Н. А. 100
 Островский, А. Б. 162
 Отаина, Г. А. 157, 162–163
 Оэ, Кэндзабуро 146, 241
 Павлишин, Г. Д. 140
 Павлова, Т. К. 113
 Палий, Л. Н. 174
 Панов, А. А. 58
 Паперный, З. С. 55
 Пассар, А. А. 6, 158, 171, 174, 177
 Пастернак, Б. Л. 197, 210
 Пашков, А. М. 175
 Певнов, А. М. 162
 Переверзев, В. И. 174, 202
 Переславцев, В. В. 124, 130
 Перлин, Б. А. 190
 Пётр I, император
 Петроченков, Н. П. 6, 170, 174
 Пикуль, А. И. 92
 Пикуль, В. С. 90, 91
 Пилсудский, Б. О. 157–158
 Платонов, А. П. 75–224
 Плотников, В. И. 172–174, 208
 Погоский, А. Ф. 23
 Позднеев, Д. М. 64–65
 Покровский, Ф. П. 45
 Полевой, Б. П. 243
 Полонский, А. С. 16
 Поляновский, М. Л. 72
 Пономарёв, С. А. 174
 Попов-Какоулин, Н. С. 68–69
 Потапова, Н. В. 71, 128
 Прасолов, А. Т. 203
 Прашкевич, Г. М. 91, 151, 155
 Пришвин, М. М. 75, 205–206
 Проклов, Ю. Д. 6–7, 174
 Прокофьев, М. М. 175
 Пропп, В. Я. 162
 Пузырёв, В. Г. 81, 83
 Путятин, Е. В. 17, 87, 131
 Пушкарёва, Е. И. 174
 Пушкарь, А. И. 88, 174
 Пушкин, А. С. 12, 197, 207, 213
 Пэ, Дэхва 148
 Рагозин, Д. Г. 134
 Разумовский, А. Г. 70
 Распутин, В. Г. 148
 Расторгуева, И. В. 8, 243
 Рачков, Д. А. 6, 175, 243
 Резанов, Н. П. 16, 88
 Рембо, Артюр 210–211
 Ремизовский, В. И. 92
 Репин, Б. П. 171, 174
 Ри, Кайсэй (И, Фе Сон; Ли, Фе (Хе) Сон) 143–144
 Рикорд (Короставцева), Л. И. 15
 Рикорд, П. И. 15–16, 20
 Римский-Корсаков, В. А. 16
 Рогожкин, И. Г. 177
 Рождественский, Р. И. 88
 Роон, Т. П. 159
 Рубина, Д. И. 91
 Рубцов, Н. М. 203, 208
 Руденко, Н. Н. 174, 202
 Руффо, Т. 7
 Ручьёв, Б. А. 203
 Рыжков, А. Н. 174–175
 Саблина, Н. П. 202
 Савченко, Н. И. 177
 Сайгё (Сато Норикиё) 198
 Салтанов, В. Д. 7
 Самарин, И. А. 124, 130
 Самукава, Котаро (Сугавара, Норимицу) 138–139, 146
 Санги, В. М. 4, 6–7, 82, 117, 119, 157, 158, 162–169, 171, 172–174, 177–178, 215, 240
 Сапрыгина-Антипина, Л. С. 171, 174, 177
 Сапфо (Сафо) 237
 Сато, Дзюнъя 132
 Сафонова, А. А. 7, 172–174, 176–178, 220, 224, 233–240
 Свиридова, З. И. 32
 Семанова, М. Л. 49, 50, 55, 60
 Семенчик, В. В. 7, 147, 155, 172–175, 202, 208, 225–233, 240
 Семичаевский, А. В. 173, 177
 Сенина, Ася (Сенина, А. Е.) 177
 Сент-Экзюпери, А. де 197
 Сергей (Страгородский, И. Н.), архимандрит 65–66
 Сергей (Тихомиров, С. А.), епископ 66–68

- Сибя, Рётаро (Фукуда, Тэйити) 132–134
 Силютин, О. Ф. 6, 175
 Симада, Масахико 133–135, 146
 Симаки, Кэнсаку 143
 Симонов, К. М. 197
 Син, Джунсин 153
 Синдбад, мореход 198
 Синода, Фусако 154
 Скоропанова, И. С. 182–183
 Слётон (Кудрявцев), П. В. 74–76
 Смердов, А. И. 171
 Смирнов, А. А. 202
 Смирнов, С. С. 172
 Смольников, И. Ф. 169
 Сноу, Г. Дж. 123
 Соколов, Л. С. 171
 Соколов, В. Н. 203
 Соколов, М. В. 59
 Соловьёв, Н. М. 82
 Соломин, Ю. М. 132
 Сорочан, В. М. 176
 Спевачковский, А. Б. 162
 Стамати-Чуря, К. К. 18
 Станюкович, К. М. 20
 Станюкович, М. Н. 20–32, 240
 Старовойтов, В. Н. 174
 Степаненко, А. А. 8, 242–243
 Степанец, Л. Н. 176
 Степанов, А. И. 32
 Степанов, Ю. В. 174
 Столпер, А. Б. 86
 Стрельцова, Г. Д. 80
 Суворин, А. С. 46–49, 191
 Сугавара, Сигэдзо 138
 Сугии, Гисабуро 137
 Судзукава, Масахиса 91
 Судзуки, Тахаси 112
 Сурганов, В. А. 171
 Сухих, И. Н. 49–51, 55
 Сытин, И. Д. 58
 Табаченко, Т. С. 7, 242
 Такадая, Кахэй (Кахэ) 133
 Таксами, Ч. М. 158
 Такэда Тайдзюн 131
 Тарасов, А. А. 197
 Тарасов, Н. А. 7–8, 119, 171–174, 176, 178, 185, 196–205, 207–208, 240, 242–243
 Тарасова, М. Р. 44
 Тарасова, Е. С. 133
 Татэкава, Дэнбэй 13
 Тахара, Юко 91
 Твердохлебов, И. Ю. 55
 Тендряков, В. Ф. 93
 Теплинский, М. В. 5, 55, 60–61, 175, 243
 Тихомиров, В. В. 174
 Ткаченко, А. С. 6, 89, 119, 171, 174
 Тоболяк (Прицкер), А. С. 7, 172, 174, 178–185, 202, 208, 228, 240
 Токарев, Л. С. 6, 119
 Толстая (Берс), С. А. 18
 Толстой, А. Н. 84, 197
 Толстой, Л. Н. 14, 18, 38, 56, 225
 Троицкий, А. М. 67–70
 Троцкий, Л. Д. 57
 Туаева, К. Д. 100
 Тургенев, И. С. 129
 Тютчев, Ф. И. 208, 236
 Тянь, Суль И 143
 Тянь, Юн Ги 150–152, 155, 241
 Уотерхауз, Дж. У. 203
 Успенский, Г. И. 48
 Федин, К. А. 163
 Фельдман, А. С. 58–59
 Фельдман, С. А. 194
 Феоктистов, С. Г. 174
 Феофан, Затворник (Говоров, Г. В.), святитель 42
 Ферсман, А. Е. 198
 Фетисова, Л. Е. 20
 Филатов, С. А. 173
 Финнов, М. П. 7, 171, 174, 176, 186–196, 202, 240
 Флобер, Г. 238
 Флоровский, Г. В. 40
 Фоняков, И. О. 132
 Фрикен, А. А., фон 126, 193
 Фрил, Брайен 129
 Фрис, М. Г. 122
 Фукуи, Роман (Фукуи Хисаси), священник 64
 Хазанкович, Ю. Г. 162
 Хайрулина, О. Н. 4
 Ханбеков, Л. В. 169
 Хаяси, Фумико 137, 141, 146
 Хаяси, Эйдай 153–154
 Хвостов, Н. А. 11, 14, 16, 89

- Хе, Роман (Хо, Нам Ёги) 117, 154–155, 172–173, 208–214, 240
 Хе, Сергей (Хо, Сун Ман) 212
 Хини, Ш. Дж. 129, 241
 Хираока, Садатаро 67
 Хлебников, Велимир (Хлебников, В. В.) 205
 Хованская, А. В. 221
 Ховард, Б. Д. 123–124, 130
 Ходаковская, М. Н. 4, 243
 Хомский, П. О. 93
 Хопкинс, Дж. М. 150
 Хоуз, Ч. Г. 123–126, 130, 216
 Хытчук, сказительница 157
 Цветаева, Анастасия 213
 Цветаева, М. И. 197
 Цилин, А. П. 177
 Циновская, Л. Н. 6, 243
 Цой, В. Р. 208
 Цой, Гонён 112
 Чаковский, А. Б. 86–87
 Чаленко (Фёдорова), И. В. 173
 Черненко, К. У. 209
 Чесалин, В. В. 158, 171, 177
 Чехов, А. П. 5–8, 16, 18–20, 23–27, 30–32, 34–36, 45–58, 60–61, 63, 72–73, 75, 90, 122–123, 125–126, 128–129, 133–134, 143–144, 147–148, 150, 159–160, 162, 170, 173, 176, 186–187, 189–196, 216, 221, 224, 240, 242
 Чехов, Е. М. 45
 Чехов, М. П. 45
 Чехов, П. Е. 45
 Чехова (Морозова), Е. Я. 45
 Чешкин, С. А. 4
 Чжуан-цзы (Чжуан, Чжоу) 213
 Чигрин, Е. М. 175–176
 Чикова, Т. В. 7
 Чинаров, С. Е. 7, 175
 Чипенко, Г. Г. 185
 Чо, Джунхван 153
 Чубич, А. В. 176
 Чудинова, В. И. 8, 32, 55, 175
 Чуковский, К. И. 56
 Чурикова, И. Н. 93
 Чухрай, П. Г. 113
 Чхве, Гильсон 150
 Чхве, Гонён 148
 Шаликов, П. И. 12
 Шастин, Андрей, священник 69
 Шатунова, Л. В. 7
 Шахерова, О. Н. 93
 Шелькинг, В. В. 123
 Шинарбаев, Е. Б. 113
 Широкова, Л. А. 175
 Шолом-Алейхем (Рабинович, Ш. Н.) 224
 Штернберг, Л. Я. 157–158, 162
 Штрянина, В. Н. 160
 Шукшин, В. М. 197
 Шульжик, В. В. 170–171
 Шумилова, Т. Е. 5–7, 93, 108, 169, 175, 185, 196, 241, 243
 Шундик, Н. Е. 171
 Щербакова, О. А. 242
 Щербановский, О. С. 88
 Экштайн, Карл 127
 Элиот, Т. С. 234
 Ювачёв (Миролубов), И. П. 58
 Юдзурихара, Масако (Фунабаси, Киёно) 141–142
 Юкинага, монах 130
 Юмаева, Л. А. 7
 Юнг, С. Дж. 61
 Юрьев, О. А. 119
 Ядринцев, Н. М. 48
 Якименко, Р. В. 243
 Яковлев, А. А. 173
 Ян, С. Д. (Ян, Су Бок) 172–174
 Ян, Юнок 148
 Янковский, О. И. 132
 Японский, Николай (Касаткин, Д. И.), святитель 62–65, 67–68
 Яснот, М. Д. 119
 Ясуи, Рёхэй (Ясуи) 63–64, 112
 Яценко, И. И. 5, 93

Указатель географических названий

В «Указатель географических названий» слова «Дальний Восток», «Сахалин», «Сахалинская область» и «Курильские острова» не включены по причине частого использования в книге. Названия некоторых населённых пунктов современной Сахалинской области в скобках содержат названия, принятые в японской топонимике периода Карафута (1905–1945). Такие названия используются только в случае употребления их в общем содержании книги относительно творчества японских писателей до 1945 года.

- Австралия 129
Адо-Тымово, село 125
Азиатско-Тихоокеанский регион 9, 240
Азия 17, 62, 78, 113, 122, 146, 155
Азовское, море 21
Акита, префектура 137
Александровск-Сахалинский (Александровская, слободка; Александровск, порт), город 52, 84, 125, 128–129
Аляска, штат 17, 66, 91, 170
Амгинский, улус (Амгинская ссылка) 44
Амур, река 4, 18, 51, 86, 92, 96, 118, 170
Анадырский, залив 139
Анива, город 85, 173
Арково, село 129
Аскольд, остров 115
Аян, бухта, село 17
Баденвейлер, курорт, село 46
Байтик, село 117
Балтимор, город 150
Белоруссия (Республика Беларусь) 8, 225
Благовещенск, город 68, 191
Ближний Восток 57, 61
Болгария 180
Большая Елань, планировочный район 228
Большие Сорочинцы, село 114
Бреслау (Вроцлав), город 128
Буюклы, посёлок 215
Вакканай, город, порт 133, 137
Вал, посёлок 82
Вашингтон, город 150
Великобритания (Англия) 6, 18, 21, 23, 32, 36, 93, 108, 119, 129, 222
Венгё, село 151
Вильянди, город 121
Владивосток, город 6, 18, 21, 23, 32, 36, 55, 66, 72, 82, 88, 97, 108, 111, 114–115, 122–123, 125, 134, 146, 163, 169, 171, 186, 223, 229, 233, 242
Владимир, город 215
Владимирская губерния 21
Владимирская область 21, 197
Волга, река 126, 172
Воронежская губерния 45
Вьетнам 174
Гавайские, острова 84
ГДР 186
Германия 46, 86, 93, 109, 119, 123, 128
Гило, порт 8
Гомель, город 111
Гонконг, административный район 17, 28, 47, 87
Горно-Алтайск, город 162
Горнозаводск, село 108–110, 112–113
Греция 51, 98, 201
Дальнее, село 228
Дания 33, 51, 109, 129
Дмитриев, город 97–99
Доброй Надежды, мыс 17
Долинск (Оттай), город 141, 173
Долинский район 137
Дон, река 21
Дуэ, бухта, село 19, 23, 26–29, 36, 53–54, 128, 160
Евразия 150
Европа 9, 14–17, 23, 122, 124, 211, 240
Екатеринослав (Днепропетровск), город 56
Ёнчхон, город 153
Житомир, город 32
Забайкалье 18
Золотой Рог, бухта 115
Иватэ, префектура 136
Иерусалим, город 92
Ижевск, город 34
Израиль 91, 178–179, 185
Ильинский, пост (Кусюнной, пост) 62
Ильинское (Ильинск), село 108–110
Индийский океан 47, 200

Индия 47, 57, 123, 127
 Инсу (Иезо) 122, 123
 Иран 57
 Испания 109, 119
 Италия 23, 81, 109, 119, 123
 Итуруп, остров 65, 85, 132–134
 Кавказ 33, 46
 Казань, город 47
 Калагерас, бухта 198
 Калифорния, штат 88, 91
 Калуга, город 6
 Камчатка, полуостров 11–13, 18, 72, 88, 91, 108, 127, 132, 160
 Карафутто, префектура 67, 114–117, 128, 138–139, 142, 146
 Кёнгги, провинция 150
 Кёнгидо, провинция 231
 Кирилово (Ноторо), посёлок 116
 Китай (Китайская Народная Республика) 17, 21, 57, 61–62, 74, 111, 123, 127, 142, 174
 Ключи, село 228
 Коктебель, посёлок 200
 Командорские острова 127
 Комсомольск-на-Амуре, город 86, 92
 Корейский полуостров 143, 145, 148, 150, 153
 Корея (Республика Корея) 8, 62, 88, 110–111, 123–125, 130, 144–145, 147–148, 151–154, 174, 231, 240
 Корсаков (Отомари), город 109, 128–129, 133, 137, 142, 173, 228
 Корсаковский, пост 19, 57, 85, 194
 Кочхан, город 153
 Красное, море 47
 Красноярск, город 179
 Крильон, мыс 123
 Крит, остров 124
 Кронштадт, город-порт 21, 31
 Крым, полуостров 23, 33, 46, 51
 Кунашир (Кунасири), остров 85, 131–132
 Кунаширский пролив 85
 Курская область 97
 Кюсю, остров 140
 Лаперуза, пролив 36
 Ламанон, мыс 89
 Леонидово (Камисисука, деревня), посёлок 149
 Ликейские, острова 17
 Львов 91
 Ляо Чао (Ляочао) 123
 Магадан 217
 Мадейра, остров 31
 Макаров, город 215
 Маньчжурия 111, 124–125, 130, 142
 Мелихово, имение 46
 Миргородский уезд 114
 Монголия 18, 123, 127, 174
 Москва, город 6, 32–34, 45, 57, 73, 82, 86, 88–89, 92, 97, 100–101, 108, 111, 119, 121, 129, 135, 163, 171–173, 192, 197, 221
 Московская область 46
 Мурманск, город 100
 Муромский уезд 21
 Набиль, стойбище 163
 Нагасаки, город 26, 130–131
 Находка, город 115
 Неаполь, город 23
 Невельск, город 92, 173, 187, 200–201, 228
 Невельский район 110
 Некрасовка, село 120
 Немуро (Нэмуро), город, пролив 131, 134
 Никель, посёлок 100
 Николаевск-на-Амуре, город 42, 128
 Новая Каледония, административно-территориальное образование 58
 Новиково (Сирэтоко), посёлок 116
 Ново-Александровск, посёлок, планировочный район 233
 Новоград-Волынский, город 196
 Новокузнецк (Сталинск) 178
 Новосибирск, город 155, 196
 Ноглики, посёлок 80–81, 119, 129
 Ногликский район 82, 163
 Ныйво, лагуна 125
 Одесса, город 34, 57, 90, 111, 186, 191–192, 195–196
 Окаяма, префектура 142
 Ольховатка, село 45
 Орёл, город 179
 Осака, город 151
 Отару, порт, город 134, 137
 Оха, город
 Охинский район 121
 Охотское море 12, 17, 51, 84–85, 89, 118–119, 133–134, 136–137, 141–142
 Парамушир, остров 12, 88

Париж, город 22, 40, 125, 154, 222
 Переделкино, дачный посёлок 173
 Пермь, город 47
 Петра Великого, залив 115
 Петропавловск-Камчатский, город 4, 171
 Пожарское (Мидзухо, деревня), село 149
 Полтава, город 34
 Полтавская губерния 114
 Поронайск (Сисука), город 140, 151, 173, 176
 Прага, город 92
 Приамурский край 16, 58, 242
 Приморская область 26
 Раусу, посёлок 131–132
 Ровно, город 33
 Россия (Российская Федерация) 4, 7–8, 10, 13–17, 19–20, 25, 31, 34, 36, 38–39, 45–46, 48, 52, 57–58, 60–63, 72–75, 77, 83–84, 88, 90, 92–93, 98–99, 4108–109, 113, 121, 123–133, 135, 1637–138, 144, 146, 148, 150, 160–161, 163–164, 170, 172–173, 177, 186, 192, 202, 208, 212, 215–216, 220–221, 225, 228, 231, 233, 240, 242
 Ростов-на-Дону, город 21
 РСФСР 163, 171–172, 174
 Рыковское, селение 159
 Рязанская губерния 51
 Самара, город 92
 Санкт-Петербург (Ленинград, Петербург, Петроград), город 72, 80, 100, 111, 163, 172
 Сан-Франциско, город 26, 28
 Саппоро, город 63–64, 144
 Севастополь, город 20
 Северная Америка 10, 17, 20
 Северный Кёнсан, провинция 151
 Северная Корея 143, 145, 150
 Серпуховской, уезд 46
 Сеул, город 150, 152–153, 231
 Сибэцу (Сибэцу), город 131
 Сибирь (Западная Сибирь) 17–18, 21–22, 24, 38, 56–58, 65, 91, 98, 124–125, 127, 130, 132–134, 196, 217
 Симода, город 87, 131
 Сингапур, республика, город-государство 17, 47, 188
 Синегорск (Каваками), село 140
 Ситиригахана, побережье, пляж 142
 Сихэн, город 231
 Славы, село 125
 Смирных, посёлок 173, 215
 Сорренто, город 81
 Спасское-Лутовиново, усадьба 173
 Средняя Азия 178, 196
 СССР 6, 74–75, 79–80, 86, 88–89, 92–93, 100, 114, 119, 147, 150–151, 153, 163, 170–172, 175, 180, 186–187, 200, 210, 240
 Стародубское, село (Саказхама) 137, 215
 Сусуя, река 228
 Суэцкий, канал 4
 США (Америка) 9, 84, 109, 123, 150, 174, 191, 240
 Таганрог, город 45
 Таймыр (Таймырский полуостров) 178
 Тарту, город 121
 Татарский, пролив 18, 89, 113, 216
 Ташкент, город 111, 196–197, 200
 Терпения (Тарайка), залив 116
 Терпения, мыс 19
 Тихий океан 4, 10–11, 16, 21, 26, 30, 78, 82–84, 87–88, 92, 122–123, 186
 Токио, город 65, 134, 136, 138, 141, 153–154, 242
 Томари (Томариору), город 137, 209
 Томск, город 22, 47
 Третья Падь, деревня 68
 Тугур, посёлок 89
 Турция 57
 Тюлений, остров 19
 Тюмень, город 47
 Углезаводск, село 151
 Украина 34, 91, 120, 196, 225
 Улан-Удэ, город 215
 Урал (Уральские горы) 40, 126, 148, 150, 160–161
 Уруп, остров 85
 Уссурийск, город 196
 Уссурийский край 16, 108, 242
 Уфимская губерния 126
 Филиппины 17
 Финляндия 109
 Франция 34, 58, 93, 122, 129, 154
 Фриза, пролив 85
 Фукуока, город 154
 Фукуока, префектура 140
 Хабаровск, город 4, 6, 32, 77–78, 86–87, 92, 108, 127, 162, 171, 196, 243
 Хайфа, город 178

Хакодате, город 62–63, 135, 139
 Хиросима, город 150
 Хоккайдо (Иезо, Иедзо, Эдзо), остров 65, 96, 123, 130–132, 138–140, 143, 242
 Холмск (Маока), город 67, 128, 141, 173, 228
 Хомутово, планировочный район 228
 Хонсю, остров 65, 136
 Хэда (Сидзуока), деревня 87
 Цейлон, остров 32, 47, 57, 123
 Цусима, остров 84–85
 Чаадаево, село 22
 Чайво, залив 125
 Чехов (Московская область; Лопасня, станция), город 46
 Чехов (Сахалинская область; Нода), село 143
 Чикаго, город 33
 Чита, город 87, 120, 171
 Чонджу, город 231
 Шанхай, город 28
 Швеция 34, 129
 Шикотан (Сикотан), остров 64, 66–67, 201
 Шмидта, полуостров 120
 Шумшу, остров 88
 Эвенкийский автономный округ (Эвенкия) 178
 Эстония 121
 Южный Кёнсан, провинция 153
 Южно-Сахалинск (Тоёхара), город 5–8, 55, 57–58, 60, 62, 71, 83, 92–93, 100, 109, 122, 124, 129–130, 134, 138, 141, 155, 162–163, 165, 167–169, 171, 173, 175–179, 185, 191, 196, 198–200, 202, 208, 215, 220, 223–224, 228, 233, 239, 242–243
 Ява, остров 17
 Якутия 35–36, 41, 44, 120, 139, 164
 Ялта, город 46
 Янджу, город 150
 Япония 8, 14, 15, 17, 31, 57, 61–66, 74, 77, 83, 86, 87, 91, 93, 111, 112, 114, 127–133, 137, 140, 143–146, 148, 150–154, 164, 174, 240
 Японское море 31, 36, 115, 123
 Ясная Поляна, усадьба 173, 225

Summary

The tutorial “Literature of Sakhalin and the Kuril Islands” (edited by E. A. Ikonnikova) presents basic materials on the local literary history of Sakhalin and the Kuril Islands, chiefly from the middle of the 18th until the beginning of the 21st century. It contains the description of the visits of writers, poets, publicists, navigators and travelers of different nationalities and creative aspirations to Sakhalin and the Kuril Islands.

The literature of Sakhalin and the Kuril Islands is viewed as a multicultural and multilingual space. The tutorial “Literature of Sakhalin and the Kuril Islands” consists of four chapters. The book offers one of the possible views on Russian and foreign, chiefly West European, Japanese and Korean literature related to the subject of Sakhalin and the Kuril Islands. The overall concept of the book and the list of the major names show that Sakhalin and the Kuril Islands have been attracting and at the same time uniting poets and writers of different creative beliefs from different countries. But the focus of attraction is, undoubtedly, Chekhov’s visit to Sakhalin. After 1890 all the generations of writers, poets, scientists and travelers treated Chekhov’s “Sakhalin Island” as a source of inspiration for them.

Chekhov’s book is a baseline of the previous artistic, journalistic, literary and documentary experience, and at the same time the starting point of a new literary tradition. The first two chapters cover the theme of Sakhalin and the Kuril Islands in Russian literature from the imperial period until today. Chapter 3 deals with the books written in foreign languages, while Chapter 4 is focuses on the literature of Sakhalin and the Kuril Islands, including folklore works of indigenous people (the Ainu, Nivkhs and Uilta), and gives an overview of Sakhalin penal servitude folklore.

Special attention is given to the Sakhalin branch of the Soviet (Russian) Writers’ Union activities. Along with philological analysis of major fiction and nonfiction works the tutorial contains information on the documentary studies conducted by travelers, writers, missionaries, who had explored the Russian Far East, and thereby initiated a set of written works about Sakhalin and the Kuril Islands.

Subsequent screen and stage adaptations may be found here as well. It should be noted that only works that enjoy popularity outside Russia, and first of all, in the Asian and Pacific region, in the countries of Western Europe have been included into the tutorial. Yet, many outstanding and interesting names, unusual literary facts and events in the past, present and future have remained outside the tutorial. It means that literary history of Sakhalin and the Kuril Islands may be considered in another, more dimensioned space, in more overall edition. However, names mentioned in the title of the sections have become a kind of “beacons” of those crossings, through which large and small roads go to the forgotten, unexplored and new literary worlds.

The tutorial might be of interest for local historians, philologists, students, post-graduates and all those interested in literary issues.

短評

E. A. イコンニコワ編の教材「サハリンと千島列島の文学」は、主に18世紀半ばから21世紀始めまでのサハリンと千島列島の郷土文学に関する基本的な文献を紹介する。本教材では、文学的な関心という事実、つまり国が異なれば創作の傾向も違う作家、詩人、政治評論家、航海者、旅行者たちによるサハリンと千島列島の訪問について書かれている。サハリンと千島列島の文学は、多文化、多言語の空間としてとらえられる。

本教材「サハリンと千島列島の文学」は4つの章で構成される。本書においては、サハリンと千島列島というテーマに関連するロシアと外国の文学（特に西欧、日本、韓国の文学）について、ありうるひとつの見方が述べられている。本書の全体的なコンセプトである主要な人名のリストを見れば、サハリンと千島列島が、異なる創作信条を持つ様々な国の詩人や作家を引き寄せながら、ひとつに統合していることが分かる。この引力の中心的な場は、間違いなく、アントン・チェーホフの市民としての、そして作家としての偉業に与えられる。1890年以後の世代に属する作家、詩人、科学者や旅行者たちはみな、自分の見解をチェーホフの「サハリン島」と対比させた。チェーホフの本はこれまでの文芸、社会評論、ドキュメンタリーの経験にとっての基準点であると同時に、新しい文学の伝統にとっての出発点でもある。

第一章と第二章では、帝政時代から現在までのロシア文学におけるサハリンと千島列島のテーマが取り上げられる。第三章には外国語で書かれた作品についての資料がまとめられている。最後の第四章全体を使って、サハリンと千島列島における文学が扱われている。初めに先住民族（アイヌ、ニヴフやウイльта）の民間伝承について眺めてから、流刑地の島という条件下にあるロシアの民間伝承について概観がなされる。第四章の主要部分はソ連（ロシア）作家同盟サハリン支部の活動と作家同盟の何人かの著者の作品に焦点が当てられる。

本教材では、郷土文学のうちで最も重要な文芸作品と社会評論の文献学的な分析だけでなく、極東を開くことによって、文学そのもの、つまりサハリンと千島列島についての文学作品の総体の形成をスタートさせることになった最初の旅行者、作家、宣教師たちに関する文献調査について情報が示されている。サハリンと千島列島の文学について書かれているだけでなく、映画化や舞台化など書物になった作品のその後の運命についても簡単に触れられる。ロシア語で書かれた郷土文学の作品を紹介する際には、主としてアジア太平洋地域と西ヨーロッパなどの国外での作品の知名度が考慮されている。

本書「サハリンと千島列島の文学」の視野の外には、過去・現在・未来にわたって、まだ多くの興味深い偉人や思いがけない文学的な事実や事件が残されていることだろう。本書の内容にこれらが欠けていることは、もっと規模の大きい包括的な出版物によってサハリンと千島列島の文学史が研究されうることを意味する。しかし、各項目のタイトルに記載された作家の名前は、ある種の「ビーコン」のようなものになって、忘却されたり、あまり研究されていない新たな文学の世界に通じる大小の道が交差する場を照らしてくれるだろう。

本教材は広い範囲の読者の方々を対象にしているが、とりわけ郷土史家、文献学科目の教師、大学院生や学生に薦められる。

개요

엘레나 이콘니코바 편 의 교재 「사할린과 쿠릴 열도의 문학」은, 주로 18세기 중순부터 21세기 초기까지의 사할린과 쿠릴 열도의 향토문학에 관한 기본적인 문헌을 소개한다. 본 교재에는 문학적인 관심이라는 사실, 즉 나라가 다르다면 창작의 경향도 다른 작가, 시인, 정치평론가, 항해자, 여행자들에 의해 사할린과 쿠릴 열도의 방문에 대해서 쓰여져 있다. 사할린과 쿠릴열도의 문학은 다문화, 다언어의 공간으로 다루어 진다. 본 교재 「사할린과 쿠릴 열도의 문학」은 총 4 장으로 구성 되어져 있다. 이 책에서는 사할린과 쿠릴 열도라는 테마에 관련된 러시아와 외국의 문학(특히 서유럽, 일본, 한국의 문학)에 대해 하나의 견해가 기술 되어 있다. 이 책의 전체적인 개념에 있어서 주요한 인명 목록을 보면 사할린과 쿠릴열도가 다른 창작신조를 가지고 여러 나라의 시인과 작가를 끌어 당기면서 하나에 통합하고 있는 것을 알 수 있다.

이 인력의 중심적인 장소는 틀림없이 안톤 체홉의 시민으로서의 그리고 작가로서의 위업에 부여하였다. 1890년 이후의 시대에 속한 작가, 시인, 과학자나 여행자들은 모두, 자신의 견해를 체홉의 「사할린 섬」과 대비했다. 체홉의 책은 여기까지의 문예, 사회평론, 다큐멘터리의 경험의 기준점인 동시에 새로운 문학의 전통의 출발점이기도 하다. 제 1장과 제 2장에서는 제국시대부터 현재까지의 러시아 문학에 대한 사할린과 쿠릴 열도의 테마를 다루고 있다. 제 3장에는 외국어로 쓰여진 작품에 대한 자료가 나와있다. 마지막 제 4장 전체를 써서 사할린과 쿠릴제도에 대한 문학을 다루고 있다. 최초의 선주민족(아이누, 니부후 및 우이루타)의 민간전승에 대해서 바라보고 유형지의 섬이라는 조건 하에 있는 러시아의 민간전승에 대해서 개관 되어졌다. 제 4장의 주요부분은 소련 작가동맹 사할린지부의 활동과 작가동맹의 몇몇 사람의 저자의 작품에 초점을 맞추고 있다. 본 교재에는 향토문학 중 가장 중요한 문예작품과 사회평론의 문헌학적인 분석뿐만이 아니라 극동을 열게 되었고, 문학 그 자체 즉, 사할린과 쿠릴열도에 대해서 문학작품 자체의 형성을 시작 된 최근 여행자, 작가, 선교사들에 관한 문헌조사에 대하여 정보가 제시 되어있다. 사할린과 쿠릴 열도의 문학에 대해서 쓰여진 것 뿐만이 아니라, 영화화 및 무대화 등 책이 되어진 작품의 그 후의 운명에 대해서도 간단하게 접할 수 있다. 러시아어로 쓰여진 향토문학의 작품을 소개하는 때에는 주로 아시아 태평양 지역과 서유럽 등의 외국에서 작품의 지명도가 고려되고 있다. 이 책 「사할린과 쿠릴 열도의 문학」의 시야 외에는, 과거「현재」미래를 넘어서 아직 많은 흥미로운 위인 등 뜻밖의 문학적인 사실과 사건이 남아 있을 것이다. 이 책의 내용에 이들이 없는 것은 더 큰 규모의 포괄적인 출판물에 대해서 사할린과 쿠릴 열도의 문학사를 연구된 것을 의미한다. 그러나 각 항목의 제목에 기재된 작가의 이름은 «등대»라는 이름으로 변경이 됐고, 망각 돼 버렸거나 그다지 연구되지 않은 새로운 문학의 세계에 통하는 수단이 교차하는 곳을 밝혀 줄 것이다.

본 교재는 넓은 범위의 독자 여러분을 대상으로 하고 있지만, 특히 지지학자들, 문헌학과목의 교생들, 대학원생과 학생에게 바칩니다.

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Учебное пособие

Ответственный редактор

доктор филологических наук Е. А. Иконникова

Корректоры: *Г. Д. Ушакова, В. А. Яковлева.*

Вёрстка *Е. Ю. Иосько.*

На обложке использовано фото Евгения Таращука.

Подписано в печать 24.06.2014. Бумага «Inасоріа».

Гарнитура «Times New Roman». Формат 70х108¹/₁₆.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Объем 16,125 усл. п. л. Заказ № 619-14.

Издательство Сахалинского государственного университета.

693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.

Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.

E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru